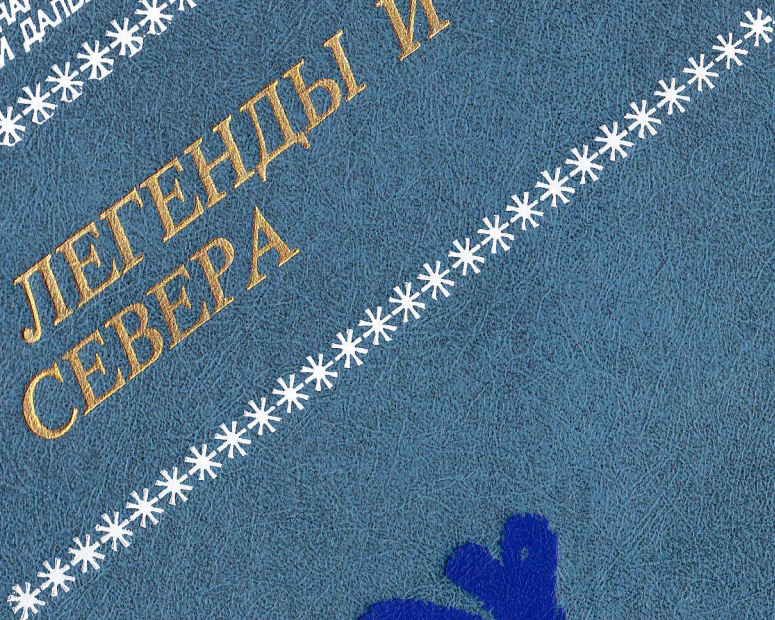

82
138
БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУР
НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ
СЕВЕРА

V

up

81.2(2)
Л38

**ЛЕГЕНДЫ
И МИФЫ
СЕВЕРА**

*

17434

АБ

«Современник»
Москва, 1985

Ассистент МОАО
КОПИРОВАНИЕ

**Общественная редколлегия
«Библиотеки литератур народностей Севера
и Дальнего Востока»:**

*Г. И. Ломидзе — председатель,
Р. Г. Бикмухаметов,
Н. К. Доризо,
Г. Н. Курилов (Улуру Адо),
В. Н. Ледков,
В. М. Санги,
А. В. Пошатаева,
Ю. С. Рытхэу,
Л. А. Фролов,
Г. Г. Ходжер,
Ю. Н. Шесталов.*

Составление тома
«Легенды и мифы Севера»,
примечания **В. М. Санги**

Вступительная статья
А. В. Пошатаевой

Оформление
Б. Чупрыгина

Иллюстрации
В. Петрова

Л38 **Легенды и мифы Севера: Сборник/Сост., примеч.**
В. М. Санги; Вступ. статья А. В. Пошатаевой; Худож.
В. Петров.— М.: Современник, 1985.— 400 с.; ил.—
(Б-ка литератур народностей Севера и Дальнего
Востока).

В пер.: 2 руб.

В сборник вошли мифы, легенды, сказки, предания народов Севера и Дальнего Востока, собранные учеными-фольклористами и писателями на побережье Ледовитого океана, в колымской тундре, на Новой Земле, в низовьях Оби и Енисея. Мифы, сказания чукчей, саамы, ульчей, нанайцев и других малых народов отражают их поэтический взгляд на мир, мечты о счастливой доле.

«Легенды и мифы Севера» — первое столь полное издание, представляющее широкому читателю богатое устное творчество малых народов нашей страны.

Л 4702000000—234 275—85
М106(03)—85

ББК82.3(2)

* * *

На протяжении тысячелетий устное поэтическое творчество народностей Севера Евразии занимало главенствующее место в их духовной и эстетической жизни. Собранные в этом томе мифы, легенды, сказки двадцати шести северных народностей Советского Союза представляют собой редкостный и оригинальный тип издания. Составитель его и автор примечаний известный советский писатель В. М. Санги — представитель древнего народа нивхов. Интересно, что, начав свой творческий путь с поэзии и собирания, обработки и публикаций произведений устного творчества своего народа, сегодня нивхский писатель обращается к изданию образцов малого эпоса всех двадцати шести северных народностей нашей Родины.

Закономерно и своевременно включение отдельного тома, посвященного фольклору, в «Библиотеку литератур народностей Севера и Дальнего Востока». Появление в 50—70-е годы на творческой карте нашей страны целого региона самых молодых литератур обогатило современный литературный процесс качественно новыми достижениями в поисках художественной выразительности и духовности. Зачастую приходится слышать вопрос: как, на какой почве и каких традициях в течение одного-двух поколений могла зародиться, развиться и стать известной не только в нашей стране, но и за ее пределами литература народностей, чьи судьбы еще в начале века были определены колонизаторской политикой царской России. Обреченные на вымирание, эти народности после Великой Октябрьской социалистической революции обрели социальную и национальную свободу, стали активными участниками

создания социалистической культуры. Их путь к социализму сделался предметом изображения писателей, которые по своему возрасту являются ровесниками создания письменности на родном языке.

В современном литературном процессе активно выступают писатели, представляющие чукотскую, нанайскую, нивхскую, мансийскую, юкагирскую, илечскую и другие народности. Совсем недавно стало известно о рождении новых советских литератур — долганской и саамской.

Феномен становления и развития литературы названного региона заключается в том, что она развилась, имея в своем арсенале произведения поэтического народного творчества, созданные в доклассовом обществе и носящие зачастую черты мировоззрения эпохи матриархата и патриархата. Духовный и эстетический опыт народа, копившийся тысячелетиями, будучи переработанным в творческой лаборатории художника, становится движущим фактором в искусстве писателей-северян, воспитанников социалистического общества. Переход в сознании этносов от мифологического до осознанного социалистического, переход, который мы называем ускоренным развитием, а порой и «шагами через тысячелетия» (Ю. Рытхэу), возможен только в наше время и объясним сущностью социалистического строя.

И все же какова та почва, та питательная среда, взрастившая целую плеяду писателей-северян, многие из которых стали зачинателями своих литератур? Каковы особенности национально-поэтического строя мышления, особенности мироощущения каждой из этих народностей? Представление об этом можно получить, прочитав том «Легенды и мифы Севера». Заинтересованный читатель сможет представить себе духовную высоту, непосредственность восприятия и эстетическую чуткость аборигенов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Читатель узнает о суровых условиях их жизни и способах самосуществования. Основными хозяйственными занятиями издревле были охота и рыболовство. В более поздний период, с приобретением навыков приручения оленя, повлекших за собой постепенные коренные изменения в общественном устройстве, стало зарождаться оленеводство. В XIX веке у таких народностей, как тундровые ненцы и чукчи, оленеводство становится крупнотабунным. Прибрежные чукчи, эскимосы, нивхи занимались охотой на морского зверя. Формы хозяйствования — охота, рыболовство, собирательство сформировали анимистические представления этих народностей. Духом преклонения перед природой проникнуто все их словесное искусство.

Мифология северных народностей, созданная в период расцвета матриархата, возводит в ранг создательницы Земли и жизни

на ней женщину-мать. В версии потопа, которая является, возможно, наиболее древней, присутствует сохранившееся в сознании народа понимание природного происхождения земли. У нгансан, нивхов, манси и других бытует миф, в котором синица, утка или гагара достают кусочек земли со дна океана.

Несколько позже творческая фантазия древнего человека представляет себе создательницу всего живого в образе рогатой матери-оленихи. Силы природы загадочны и мощны, и что удивительного или чудесного в том, что человек видит себя малым и беспомощным, а прародительницу свою представляет в облике прекрасного горделивого животного, от которой зависит вся его жизнь? Что удивительного в том, что живая важенка, чей мех напоминает тундровику землю с солнечными бликами в ясный полдень, представляется ему божественной Землей-матерью? Современный человек в этом творческом акте коллективного создателя мифологии вправе усмотреть акт гуманизма и высокой нравственности. Что, как не святая святых — мать, — является содержанием и смыслом всей жизни? Нашего предка не обманывало и эстетическое чутье. Оно конечно же было основано на конкретно-чувственном восприятии, но оно одновременно и поэтично.

Несмотря на значительный жизненный опыт, член архангелского общества ощущал свою слабость и неуверенность по отношению к миру. Стремление утвердиться на земле заставляет его одушевлять силы природы, тем самым приближая себя к ней. Отсюда такое обилие мифов и сказок о животных, в которых последние говорят, мыслят, общаются с себе подобными и с людьми, совершают поступки. Героем палеоазиатских мифов является Ворон. Он создает горы, реки, людей, зверей. Он похищает у злых духов солнце, чтобы отдать его людям. В ительменских мифах большое внимание уделяется семейной жизни Ворона.

Художественная природа этих образов заложена в мифологическом сознании, основной чертой которого является метафоричность мировосприятия. Крайняя степень близости человека к природе позволяет совмещать в коллективном художественном опыте единичное и общее, отвлеченную символику с натуралистической конкретностью, наивную простоту восприятия с условностью отражения. В синкретизме подобного рода и проявляет себя мифологическое сознание представителей раннепервобытного строя.

Фольклор каждого народа позволяет судить об его воображении и интуиции, об индивидуальной и общественной психологии, об особенностях мировоззрения — об этих и иных качествах народного самосознания, из которых складывается понятие на-

ционального характера, национального своеобразия. Умение современным писателем осознать, проникнуться и воплотить в произведении эти сокровенные черты своего народа — это ли не вершина словесного творчества, это ли не обогащение национального и общесоветского искусства!

Сегодня, размышляя об истоках духовной культуры любого народа — будь то русский народ, насчитывающий несколько сотен миллионов человек, или юкагиры, чья численность определяется сотнями представителей некогда многочисленного племени, сыгравшего значительную роль в этногенезе населения Севера нашей страны, необходимо обратиться к народной памяти, заглянуть в самые ее глубины. Это важно для того, чтобы постичь специфику мировоззрения, духовные, этические и эстетические устремления современных представителей древнейших культур. Стараясь постичь глубины мифологического сознания, значение стародавних фольклорных образов, мы тем самым стремимся постичь те художественные явления, которые сегодня в творчестве наших современников становятся структурами и образами, обогащающими реалистическое изображение в многонациональной советской литературе.

*А. В. ПОШАТАЕВА,
кандидат филологических наук*

СААМСКИЙ ФОЛЬКЛОР

КАК СТАРИК-СААМИ ВРАГОВ ПЕРЕХИТРИЛ

Жили древние саами близ берега моря. На берегу реки Вороньей было саамское село. Узнали саами в селе, что скоро придут к ним немирные шведы. В селе у саами был один старик по прозвищу «Старшая голова». Вот этот старик и говорит:

— Теперь нам нужно всем бежать в другое место, а то шведы-захватчики узнают, что мы здесь живем, придут и причинят много горя. Нам нужно собрать сто кереж (повозок) и сто быков. Я же останусь здесь, в селе, ждать непрошенных гостей и, когда они придут, сделаю так, что один их всех перехитрю.

Собрали саами сто кереж и сто быков, оставили все старику, а сами переехали подальше, в другое село. Старик же остался один в этом селе и стал немирных шведов ждать.

Прошло некоторое время, и увидел старик множество оленей. Это шла шведская сила. Вот пришли захватчики и спрашивают старика:

— Почему один живешь?

А он и отвечает:

— Подождите, я пойду сейчас за своим народом.

Их главный начальник говорит:

— Отведи нас на то место, где новое село.

Старик отвечает:

— Я отведу вас, только ложитесь все в кережи. У меня есть сто кереж, а много ли у тебя людей?

А строгий начальник говорит:

— У меня есть сто человек.

Старик пригнал оленей и запряг в каждую кережку по одному быку. Затем всем воинам велел лечь в кережки и стал привязывать их покрепче веревками. Шведский предводитель спрашивает:

— Почему ты всю мою силу привязываешь в кережки?

А старик и говорит:

— Привязываю для того, чтобы не увидели саами заранее, кого я везу, а то народ увидит сидящих в кережках людей, испугается и разбежится. А то и убить вас всех могут. Пусть думают, что я груз везу.

Начальник говорит:

— Ну ладно, привязывай да веди.

Поехали. Едут. День прошел, настал вечер, старик и говорит:

— Ну, теперь скоро подъедем, в селе будем ночью, чтобы не увидели, как мы войдем.

Вот едут привязанные одним ремнем друг за другом сто кережек. А начальника старик привязал к передней кережке. Едут, едут по горе прямо к морю, мимо реки Вороньей. Остановились, слышат — море шумит, а начальник вражеский и спрашивает:

— Что за шум?

Старик отвечает:

— Это соль и вода в море воют!

Начальник не понял, что значат слова старика. А старик заспешил и быстрее погнал караван оленьих упряжек вперед. Ехал-ехал, прямо к обрыву высокой горы подъехал, остановился, нож из-за пояса быстро вынул, свою кережку с быком от общего ремня одним махом отрезал, а быка с кережкой начальника сильно стегнул. Бык прыгнул с обрыва и уволок за собою весь караван. Не успели враги опомниться, как очутились в студеном море, да и превратились там в подводные скалы. А старик с быком и кережкой вернулся к своим односельчанам. Саами села Вороньего и поныне называют то место «Сотней скал».

БРАТЬЯ

У старухи было два бедных сына. Они с ружьями ходили на охоту. Ходили-ходили, убили медведя. Сняли шкуру и высушили. Старший сын был мастер играть на гармонии, младший — мастер плясать. Старший говорит брату:

— Я мастер играть, а ты — плясать. Пойдем-ка в город деньги зарабатывать.

И пошли. Пришли в город. Один играет, другой переоделся медведем и стал плясать.

Плясал он очень красиво. Дошли об этом слухи до царя. Приказал царь пригласить к себе того человека с медведем. Царь смотрел-смотрел и говорит человеку:

— Оставь мне медведя на ночь!

Человек говорит:

— Не знаю, надо подумать.

Царь говорит:

— Подумай, подумай.

И парень ушел на улицу с медведем. Вышли, а медведь и говорит:

— Ты оставь, оставь меня, братец, не бойся.

Вот вернулись они к царю, парень и говорит:

— Оставляю медведя!

Сам вышел и пошел по городу один играть на гармони. Утром рано царь взял медведя и пошел в лес. Долго ли, коротко ли шел. Пришел на берег озера и стал бросать палки, ветки, деревья крест-накрест. Так бросал-бросал, и озеро стало сухим. Он отправился дальше. Пришел на середину озера, ткнул шестом, нашел дверь. Убрал вокруг тину и спустился вниз. Там был дом сделан. Открыл вторую дверь. Медведь смотрит, а в доме том все девушки сидят. Одна из них дочь царя. Когда они вошли, девушки испугались, стали кричать. Царь их успокаивал-успокаивал и попросил медведя сплясать. Когда стал медведь плясать, девушки все обрадовались, собрались вокруг медведя. Дочь царя говорит:

— Отец, оставь мне медведя дня на три.

Отец вначале не хотел оставлять, но потом согласился и сказал:

— Он ест все, что ты сама ешь.

И ушел. Девушки стали есть и медведя кормить. После еды стали заставлять медведя плясать. Тот начал плясать. Девушки смеются. Царевна гладит медведя и ощупывает.

Когда стала гладить рукой его, нашла узел. И тут же сказала:

— Это не медведь, а человек!

Взяла и распоролла шкуру. Вышел из шкуры молодой парень.

Так жили до приезда отца. К приезду отца шкуру обратно на нем зашили. И научили девицы парня, как обратно прийти. Царская дочь сказала:

— Отец будет говорить народу: кто найдет его дочь, за того выдаст ее замуж. Ты берись искать и тут же попроси у него ключи. Когда он тебе пообещает дать, ты повернись к народу и скажи: «Вы все слышали»,— и после этого пойдешь сюда.

И дала царевна юноше кольцо. Через некоторое время отец царевны пришел и медведя увел. Привел его хозяину.

Прошло немного времени, царь пустил весть по городу: «Кто найдет мою дочь, тому отдам ее в жены». Собрался народ около дома царя и ждет, кто такой смельчак найдется. Юноша сбросил медвежью шкуру и пришел на площадь, где народ собрался. Смотрит — все боятся. Откуда знают, где искать? Он сказал:

— Я пойду искать! — а сам держит руку в кармане, где у него кольцо.

Царь говорит:

— Найдешь, так приведи ее сюда.

Юноша говорит:

— Найти найду, только ты дашь ли то, что мне надо?

Царь не знал, что надо парню, подумал и говорит:

— Дам то, что тебе надо!

Юноша повернулся к народу и сказал:

— Слышали, что царь ответил?

Народ закричал:

— Слышали!

И юноша сказал:

— Пойдемте тогда со мной!

И все собравшиеся пошли за ним. Вместе со всеми и царь пошел. Юноша обратился к царю:

— Дай мне, что надо!

Царь спросил:

— Что же тебе надо?

— Ключи! — ответил юноша.

Царь не хотел отдавать ключей. Юноша повернулся к народу и сказал:

— Вы слышали, как царь обещал дать мне то, что нужно, а теперь не хочет отдавать!

Тогда царь отдал ключи юноше. Юноша идет впереди, царь за ним, а все остальные позади царя. Лес кончился, пришли на озеро. Юноша сделал все так же, как тогда царь. Подошел к двери посреди озера, открыл ее. Навстречу ему вышли девушки, а с ними и царская дочь. Юноша достал кольцо и отдал царской дочери при самом царе. Царевна говорит отцу:

— Вот это и есть твой медведь. Это же не медведь был, а вот этот юноша.

С тех пор стали жить вместе царевна с юношей. И теперь живут.

КАК СТАРИК БЫЛ ЛЕКАРЕМ

Жили старик и старуха. Старуха была сварливой и постоянно бранилась со стариком.

Ходил как-то по лесу старик и увидел в земле глубокую дыру. Пришел домой и сказал старухе:

— Я в лесу видел чудное место, но хорошенько не рассмотрел, что там такое. Пойдем со мной, может быть, ты разглядишь лучше!

Согласилась старуха. Пошли в лес. Подошли к дыре. Старик сказал старухе:

— Гляди, гляди, может быть, ты лучше разглядишь!

Подошла старуха к краю дыры, а старик и толкнул ее туда. Вернулся домой один.

Пожил — и скучно стало старику без старухи. Купил он веревку, пришел к дыре и стал доставать старуху. Опустил веревку в дыру и чувствует, кто-то ухватился за конец. Потянул веревку и вытянул из дыры черта.

Испугался старик, а черт ему говорит:

— Ты, старичок, не бойся! Я тебе вреда не принесу. Будем дружно жить вместе. Я буду больных делать, а ты их будешь лечить.

Согласился старик и спрашивает черта:

— А что тебя, черт, сюда принесло?

— Да ко мне свалилась какая-то старуха, очень злая, извела меня так, что пришлось из своей дыры вон убежать, — отвечает черт.

Так и стали жить черт и старик вместе. Черт делал людей больными, а старик лечил их и прославился на весь свет.

Однажды черт сказал старику:

— Я пойду сделаю царскую дочь больной, но ты не ходи ее лечить.

И ушел черт в столицу.

И заболела у царя дочь. Царь послал гонца за стариком.

— Пусть старик вылечит мою дочь, — дал такой наказ.

А старик не смеет идти. Черт не велел.

Царь послал второго гонца. А старик все не идет.

Шлет тогда царь за стариком третьего гонца с наказом, что если не придет, то отрубить ему голову.

Стал думать старик — что делать? Думал-думал и сказал:

— Пойду.

А про себя решил: «Скажу я черту, что старуха домой вернулась».

Пришел старик в царский дом, там жил и черт. Черт его спрашивает:

— Что тебя сюда принесло?

Старик ответил, что старуха его домой вернулась. Черт, услышав это, испугался и убежал обратно к себе в дыру.

А старик после этого сказал царю:

— Я ничего не понимаю в лечении, твою дочь черт мучил. Теперь он убежал в свою дыру, и дочь здорова. Я раньше в дыру свою старуху опустил, а потом, когда стал доставать ее обратно, вытащил из дыры черта, того самого, который мучил народ. Теперь он убежал назад и больше не вернется. А я не пойду к себе — не хочу с чертом встречаться.

И остался там жить старик.

А старуха сама выбралась из дыры и возвратилась к своему старику.

СКАЗКА ПРО ЖЕНЩИНУ И ДИКОГО ОЛЕНЯ

Старик со старухой жили. Было у них три дочери. Девушки выросли, невестами стали. И вот приехали

в вежу¹ старика однажды три жениха: тюлень, ворон и дикий олень.

Старик дал женихам задание сделать три резных ковша и тогда приходиться за невестами. Сделали женихи резные ковши и на следующий день пришли за невестами. Взял старик ковши и отдал дочерей мужьям. Старшая дочь вышла замуж за ворона, средняя — за тюленя, а младшая — за дикого оленя.

Вот старичок жил один, жил и пошел однажды к старшей дочери в гости. Шел-шел, смотрит — над вежей два вороненка летают и каркают:

— Кронк-кронк, дедушка идет! Кронк-кронк, дедушка идет! Кронк-кронк, дедушка идет!

Это они матери сообщают.

Старичок вошел в вежу. Дочь приготовила угощение. А какое у ворона угощение? Потроха да головки. Старичок не знает, что и есть.

Посидел-посидел и пошел к средней дочери. Ближе подошел, видит — два тюленьих детеныша с вежи катаются и кричат:

— Хурьк-хурьк-хурьк, дедушка идет! Хурьк-хурьк-хурьк, дедушка идет! Хурьк-хурьк-хурьк, дедушка идет!

Старичок вошел. Дочь стала готовить угощение. Тюленье угощение — объедки семужьи да куски от всяких рыб, но лучше, чем у ворона. Здесь старик проспал вторую ночь, а на третий день пошел в гости к младшей дочери своей.

Шел-шел, увидел вежу. У вежи два диких олененка бегают. Одному идет третий год, другому — второй. Играют вышелушенными рогами. Увидели дедушку, подбежали к веже и начали кричать:

— Хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет, хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет, хонгкэр-хонгкэр, дедушка идет!

Пробегут мимо, только земля гудит. Старичок зашел в вежу, и мать оленят стала готовить еду. Вежа у них имеет два входа: через одну ходит дикий олень, через другую — хозяйка. Дикий олень, уходя на охоту, предупреждал жену:

— Если придет отец, то ты его прими хорошо. Накорми, напои. Приготовь все, что есть лучшее. На ночь уложи спать. Только помни: не стели под него шкуру дикого оленя, а постели шкуру домашнего оленя.

¹ Вежа (саамск.) — тип жилища, шалаш с дощатой крышей, поверх которой настилалась береста и мох; в конусе крыши — дымовое отверстие, «дымник».

Сам он был диким оленем и очень берег шкуры диких оленей.

Дочь постелила отцу шкуру дикого оленя. Сама думает: «Пусть хоть раз на своем веку отец поспит на шкуре дикого оленя». Старичок поел, попил и лег в постель, приготовленную дочерью, а ночью его мутить стало (он съел много жиру и мяса).

Дочь наутро встала, шкуру почистила и повесила проветрить на той стороне, откуда приходит муж ее — дикий олень. Дикий олень как раз из лесу бежал. Бежал-бежал, смотрит: постель из шкуры дикого оленя сохнет, значит, старичок пришел и постель намочил. Он забежал под ветер и почуял человеческий запах от этой шкуры. Сказал своим детям:

— Ребятюшки мои, идите за мной, здесь очень человеческой пахнет. Не сумела мать ваша кормить и поить отца своего и стелить ему постель, пусть теперь на месте следов наших остается.

Жена тем временем выбежала на улицу за своими сыновьями и увидела, как они побежали за отцом, а сам дикий олень скрылся уже. Мать кричит детям своим:

— Ребятюшки, ребятушки, вот вам грудь моя, вот вторая, вернитесь ко мне!

Они бегут в сторону и кричат:

— Хонгкэр-хонгкэр, мамочка, не придем, тяжело нам переносить человеческий запах на шкуре дикого оленя!

Мать видит, что не вернуться они, кричит им вслед:

— Ребятюшки, ребятушки, берегитесь, где камень будет возвышаться, там человек вас поджидает, где пень будет утолщаться, там человек вас будет ловить.

После этого в вежу вошла, около огня долго плакала. Потом с отцом стала собираться в дорогу. Запрягли ездовых оленей, разобрали вежу. Кости задних оленьих ног были ставниками в двери, кости передних ног были поперечниками, дверь была сделана из грудины, остовом вежи служили ребра, затянута вежа была шкурами. Положила женщина все в кибитку, и поехали они в вежу отца.

БОГАТЫРЬ ЛЯЙНЕ

Лежит в широкой тундре Ловозеро.

Самое большое, самое красивое, самое рыбное, самое глубокое озеро в тундре. Главное озеро саамов. Самое главное.

С тех пор как солнце взошло над землей, на Ловозере поселились вежники. Кто на берегах стал жить. Кто на островах вежу построил. Кому где понравилось.

Жили, рыбу ловили, детей растили, оленей пасли. Особого добра не наживали: больно уж глухие места.

И стоял на Ловозере остров Салма. А знаменит был тот остров тем, что поселился на нем саамский богатырь — Ляйне.

Кто Ляйне не знал? Все знали, и свои и чужие.

Сила у Ляйне была медвежья, хитрость лисья, бегал он быстрее оленя, а прыгал лучше белки.

Жил Ляйне на острове с женой, прекрасной Воавр, и с сыном, маленьким Пяйвием.

Пяйвий — по-саамски значит «солнышко». Его так назвали в честь того юноши, который первым поверил в солнце и принес его вежникам.

Жил еще на острове родной брат богатыря Ляйне — Арипий, с женой и сыновьями. И другие люди жили, много.

Собрались однажды братья, Ляйне и Арипий, на рыбалку. И маленький Пяйвий-солнышко просится:

— Возьмите меня с собой.

А Ляйне говорит сыну:

— Мал ты еще для настоящей рыбалки. Подрасти, тогда и возьмем. А пока останься дома, матери помоги, будь за мужчину в доме.

Сказал — и уехали они с Арипием.

Ничего не поделаешь, слово отца — закон. Остался Пяйвий.

Уехали старшие, а на прощанье сказали, что проведуют старых своих родителей на другом берегу Ловозера.

Только братья за порог — злая чужь подступила к острову.

А было так: вышла Воавр, жена Ляйне, посмотреть, что за шум на берегу, не братья ли вернулись с озера. Видит — злая чужь бежит, копытами колет, мечами рубит. И впереди самый страшный чудин — Чудэ-Чуэрвь. Закричала Воавр страшным голосом, испугалась. Видит она — не убежать ей никуда, не спрятаться. Схватили ее враги, связали прекрасную Воавр.

А жена Арипия в это время белье полоскала на берегу. Услыхала она крик, обернулась, увидела страшную чужь и Чудэ-Чуэрвя — и бросилась не долго думая в озеро. Бросилась и поплыла. Долго плыла, сколько сил хватало. Доплыла

до Тавь-острова, что стоит от берега вдали, на глубокой воде. Тем и спаслась.

А Воавр, жена Ляйне, попала в плен.

А Пяйвий в кустах успел спрятаться. Все он видел, все он слышал, все запомнил: и как злая чужь вежников перебила, и как Воавр в плен взяли, и в какую сторону увели.

Долго ли, коротко — Ляйне с Арипием рыбы наловили, лодки загрузили, поехали старых своих родителей проведать. Обрадовались старик со старухой: сыновья приехали! Стол накрыли: свежее оленьё мясо поставили, свежую рыбу сварили. Так рады, так рады...

Сидят старики с сыновьями за столом, не насмотрятся друг на друга, не нарадуются. Вдруг слышат — крик на берегу. Выбежали, а навстречу им жена Арипия идет, шатается, плачет.

Потом рассказала: напала на остров Салма злая чужь. Кто был на острове, тот погиб. Кто не был на острове — тем и спасся. А она, жена Арипия, белье на берегу полоскала, страшную чужь увидела — в воду бросилась и плыла, сколько могла. До острова доплыла, отлежалась, отдышалась — снова в воду бросилась, до другого берега доплыла. Едва не утонула, но весть принесла.

— Что ж, — говорят братья, — раз такое дело, рассиживать некогда. — Попрошались со стариками, бросились в свои лодки. Гребут веслами что есть сил, на Салму торопятся, скорей, скорей, скорей...

Однако не успели. Ушла злая чужь и увела с собой Воавр, жену Ляйне. Ходят братья по своему острову, горюют: всюду люди лежат, побитые злой чужью, вежи сломаны, ветер плачет...

Ой, беда!

Вышел к отцу Пяйвий. Обрадовался Ляйне: сын живой. Спрашивает:

— Куда увела чужь мою жену, а твою мать, прекрасную Воавр?

— Туда, — показал рукой Пяйвий.

— Ладно, — сказал богатырь Ляйне. — Кто долго плачет, тот силу теряет. Не будем слезы лить, пойдём злую чужь догонять. Скоро зима, чужь далеко не уйдет, зима ее остановит. Пойду следом я, найду Чудэ-Чуэрвя и убью его. И жену свою Воавр освобожу.

— Ладно, — сказал Арипий. — Иди, брат. Если выследишь чужь до снега, дай мне знать, я тебе на помощь приду. А не выследишь до снега — подожди до весны. Весной я тебя

разыщу, и вместе врага осилим. Одному тебе с чужью не справиться, а по белому снегу чужь тебя самого выследит и убьет. Будь осторожен, брат мой Ляйне, не давай сердцу своему воли, пусть все голова решает.

— Ладно, — сказал Ляйне, — так и будет.

Настрелял Ляйне из лука много гагар. Нарубил Ляйне ворох кустов и вырезал целую охапку крепких стрел. И сделал он тем стрелам наконечники из гагарьих клювов. Такая стрела, пущенная богатырской рукой, насквозь врага пробивает.

Взял Ляйне четырех оленей: на одного навьючил гагарьи стрелы, на другого — мясо, на третьего — рыбу. На четвертого сам сел. Попрошались с Арипием, братом своим. Попрошались с сыном, Пяйвием. Говорит Пяйвий:

— Возьми меня, отец, с собой. Помогу я тебе выследить злую чужь. И за оленями присмотрю.

— Нет, — говорит Ляйне. — Тебе еще расти надо. На твой век врагов хватит. Оставайся с Арипием, помоги новые вежи строить, рыбу ловить. Сделает тебе Арипий лук, учишь стрелять. Скоро тебе это пригодится.

И уехал Ляйне. Долго бежали по тундре олени.

Чужь хитро уходила и следы заметала. Искал-искал Ляйне, вот уж и осень кончилась, и снег кружит.

Построил Ляйне вежу, стал в веже жить, зиму пережидать. А сам в разные стороны на оленях ездит, злую чужь разыскивает. Не могла чужь уйти далеко, где-то близко зимует...

Искал-искал — и нашел. Видит однажды: дым на берегу озера. И еще дым, и еще, и еще. Много костров. Значит, здесь чужь, зимует. Обрадовался Ляйне: теперь не уйдет от него Чудэ-Чуэрвь.

Стал Ляйне весны ждать. На охоту ходил, двух медведей добыл Ляйне. Шкура у медведя густая, теплая, мясо у медведя вкусное очень. Но не ради шкуры убил медведей Ляйне. И не ради мяса. Заготовил он медвежий жир, заморозил его и высоко на дереве спрятал, чтобы жадные песцы не добрались.

Медвежий жир — первое лекарство для воина. Спрятал его Ляйне до весны, когда будет с чужью сражаться.

Вот и весна пришла. Солнце над тундрой всплыло, весь снег растопило. Ручьи побежали в речки, речки побежали в озера, озера вспухли и сбросили лед. Рыба пошла к берегу, икру метать.

Поехал Ляйне туда, где зимой костры видел.

Пока по озеру плыл, солнце спряталось, темь упала на землю, на воду, на небо.

Подплыл Ляйне к вражескому лагерю, лодку привязал и тихонько полез на вежу, где жил Чудэ-Чуэрвь. Эту вежу он просто узнал: из реппеня (отверстия наверху вежи) самый жирный, самый густой дым валит. И запах самый сильный — мясом пахнет, свежей рыбой.

Слышит Ляйне, сам Чудэ-Чуэрвь говорит:

— Что-то глаза у Воавр повеселели? Что-то тело мое играет, будто перед боем? Что-то дым в реппень худо идет? Не Ляйне ли по веже лезет? Не он ли до нас добрался? Не он ли смерть свою ищет?

Услышал Ляйне эти слова — и скорей с вежи долой, и к берегу. Спрятался в кустах, ждет. Долго ждал.

Слышит — идет его жена, его Воавр, его любимая. Чудэ-Чуэрвь ее за водой послал. Видит Ляйне — Воавр веревкой привязана, и тянется та веревка от самой вежи.

Чудэ-Чуэрвь ее как собаку держал, на привязи. И веревка та не простая. Веревка та из тысячи корней сосновых, тысячи корней еловых сплетена: не сразу топором разрубишь, не сразу ножом разрежешь.

Увидала Воавр своего мужа, своего Ляйне, обрадовалась, про воду забыла. Обнялись они крепко, и от радости их утро наступило, и солнце взошло, и птицы запели, и тростник качнулся.

Сказала Воавр, сколько врагов в стане, сколько охраны у Чудэ-Чуэрвья. Выслушал ее Ляйне и говорит:

— Вот тебе нож, подрежь веревку, которой привязана. И собери вокруг вежи Чудэ-Чуэрвья побольше хвороста и сухой бересты.

Тут Чудэ-Чуэрвь стал за веревку дергать. Ничего не делаешь, пора Воавр обратно идти. Зачерпнула Воавр воды и пошла в вежу.

— Тебя только за смертью посылать, — ворчит Чудэ-Чуэрвь.

— За твоей смертью я бы бегом сбегала, — говорит Воавр, а сама снова из вежи идет.

— Куда тебя опять понесло? — сердится Чудэ-Чуэрвь.

— Пойду растопку соберу, скоро еду варить, — сказала Воавр. Вышла она из вежи и стала обкладывать ее хворостом и берестой, как Ляйне велел. А Ляйне тем временем положил стрелу на тетиву и залез на вежу Чудэ-Чуэрвья. Заглянул в реппень, дымовое отверстие. Видит, Чудэ-Чуэрвь одной рукой веревку держит, которой Воавр привязана, а другой

рукой сиговую икру берет на нож. Взял он сиговую икру, раскрыл свою пасть и только хотел икру проглотить — увидел через реппень Ляйне. Замер Чудэ-Чуэрвь, даже крик из него не идет. А Ляйне выстрелил из лука прямо в пасть Чудэ-Чуэрвью. Стрела с гагарьим клювом пробила глотку Чудэ-Чуэрвью насквозь.

Воавр услыхала, как тетива звенит, схватила нож и обрезала веревку. Ляйне прыгнул с вежи и поджег бересту. Огонь поднялся до неба — и спалил Чудэ-Чуэрвья.

А Ляйне схватил прекрасную Воавр за руки, и бросились они к своей лодке.

Увидели чудины, как вежа предводителя горит, и кинулись Ляйне ловить. Из луков стреляют, копья бросают, топорами машут — страх. Бьется Ляйне, звенит тетива его лука, свистят гагарьи стрелы. И Воавр бьется: хватает на лету топоры чудинов и со всего маху обратно во врагов бросает. Пробылись Ляйне и Воавр к своей лодке, а все же попали в Ляйне две стрелы, и один топор зацепил богатыря. Обливается кровью саамский богатырь, но метко посылает свои стрелы в страшную чудь, насмерть врага разит. Много положил, а чудь все насаждает, толпой прет.

Воавр веслами гребет изо всех сил, а Ляйне из лука стреляет.

Тут им помощь подоспела. Арипий ждал-ждал, когда Ляйне вернется, дождался весны и сам поехал на помощь брату. В самый раз и успел.

Отстали страшные чудины, кто живой, кто мертвый остались на берегу, а саамские богатыри уплыли на своих лодках.

— Спасибо тебе, брат, — сказал Ляйне. — Выручил ты нас из беды. Много чуди у Чудэ-Чуэрвья, мне бы одному не справиться.

Арипий смеется.

— Мы, — говорит, — еще бы больше чуди перебили, если бы я твоего сына с собой взял, Пяйвия. Уж как он просился со мной, тебе на подмогу, как просился! Но сказал я ему твои слова: расти еще, Пяйвий, силы набирайся, учись тетиву натягивать сильно, как настоящий мужчина. Оставил я его наши вежи охранять.

Обрадовался Ляйне словам брата. И Воавр обрадовалась.

Пришли саамы в вежу, которую Ляйне зимой построил. И просит Ляйне брата Арипия:

— Достань мне, брат, с дерева медвежий жир. Двух

медведей я убил зимой, теперь сослужат они мне добрую службу.

Не успел Арипий бровью шевельнуть — метнулась Воавр, как кошка-рысь взлетела на дерево, достала медвежье сало и принесла мужу.

Разделся Ляйне догола, обнажились страшные раны.

Завернулся Ляйне в медвежий жир, весь завернулся, только нос снаружи оставил и глаза. Долго ли, коротко ли так лежал — затянулись раны, потому что нет лучшего лекарства для боевой раны, чем медвежий жир.

Поднялся Ляйне на ноги — и поехали они все домой.

Приехали на остров Салма, на Ловозеро.

Обрадовались саамы возвращению братьев. Пир закатили, песни пели, пляски плясали, весело было.

Снова стали жить саамы — оленей пасти, рыбу ловить, охотиться.

Жить, как раньше жили.

НЕНЕЦКИЙ
ФОЛЬКЛОР

ПОЧЕМУ СОВЫ НЕ ВИДЯТ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

Жил старик-сова со своей старухой, и был у них единственный сын.

Пришло время сына женить.

Сказал тогда старик-сова своей старухе:

— Надо женить нашего сына. Не знаешь ли ты для него жены?

Ответила старуха-сова:

— Я целыми днями в чуме сижу. Что я знаю? Ты повсюду ходишь. Тебе лучше известно, где найти жену для нашего сына.

Сказал на это старик-сова:

— Ну, если ты не знаешь, то я знаю. У воронов есть младшая сестра. Придется нам перебраться в их землю.

Вот пустились совы в путь. Долго ли, коротко ли кочевали, только доехали без всяких происшествий. Младшую сестру воронов в жены своему сыну взяли. Сыграли свадьбу. Потом совы обратно в свою землю отправились. Проехали около семи дневных перекочков. Остановились, чум поставили. Несколько дней на одном месте живут.

Сестра воронов уж очень черна. И характер у нее вспыльчивый. Никакого поперек ей сказанного слова не стерпит. А старуха-сова ворчливая, всегда на своем поставить хочет.

Стала однажды молодая невестка волосы расчесывать.

— Бабушка,— говорит она,— мне голову смазать надо бы. Нет ли у тебя мозга из ноги дикого оленя?

Старуха-сова заворчала в ответ:

— Мозг из ноги дикого оленя тебе понадобился! Откуда его взять? Твой родные не положили мозгу в твои нарты. Да и черную голову, чем ни смажь, все равно не станет она белой.

Невестка ответила:

— Моя чернота вместе со мной на свет появилась.

Так, слово за слово, и поспорили. Рассердилась невестка на свою свекровь и говорит:

— Пока видны еще мои следы, пойду-ка я обратно в свою землю.

Ушла сестра воронов, а совы перебрались в свои места. Надо им для сына новую жену искать.

Вот наступила весна. Из теплых стран прилетели канюки. Сказала тогда старуха-сова:

— В поисках невесты мы по лесам кочевали. А тут девушки-невесты сами к нам приехали. Можно взять в жены нашему сыну дочь птиц-канюков.

Взяли совы в жены своему сыну дочь птиц-канюков. Сыграли свадьбу. Вместе жить стали. Невестка всем хороша: добрая, работающая, воду и дрова для чума заготавливает, никогда слова грубого не скажет.

Только однажды заболела у невестки голова. С каждым днем все хуже становится.

Говорит старик-сова своей старухе:

— Хороша невестка наша, да как бы не умерла она.

Сказала старуха-сова:

— Недалеко от нас живет, говорят, шаман-мышелов. Нужно его позвать, может быть, он вылечит нашу невестку.

Пошел сын совы за шаманом-мышеловом.

Пришел шаман-мышелов, сказал:

Сделайте для больной чум из дерна. Пока я лечить буду, в этот чум не входите.

Сделали совы чум из дерна. Внесли туда больную. Вместе с ней шаман-мышелов вошел. Семь дней лечит. Совы и близко к чуму подойти не смеют.

Через семь дней стих голос шамана. Потом он сказал:

— Откройте двери чума.

Открыл старик-сова двери чума, и шаман-мышелов оттуда стрелой вылетел.

Послушала старуха-сова и говорит:

— Не слышно больше стонов нашей больной. Наверно, она поправилась.

Вошли совы в чум, а от дочери канюков только косточки остались.

У старика-совы, у его старухи, у их единственного сына слезы так и полились. Словно аргиши¹ текут у них слезы по обеим сторонам клювов.

Стали канюки перекочевывать в теплые страны, увидели, как плачут совы, и говорят:

— Чего вы так плачете? Есть у нас ведь еще женские шапки, невесты есть. Если одна умерла, другую дадим.

Сказал старик-сова:

— С женами из других мест нам не посчастливилось. Будем мы зимовать в своей тундровой земле на ернистом хребте. Может быть, в этих местах найдем невесту своему сыну.

Улетели канюки, а совы опять плакать стали. Так плакали, что глаза у них закрылись. С той поры и не видят совы дневного света.

Этой сказке конец.

СЫН ХОЗЯИНА ЯБТА САЛЯ

Маленькая ивняковая речка. Среди ивняка стоит наш чумик. Наш чумик покрыт травой, где кусками нюка². Наша мать сделала из ивняка маленький деревянный невод. Этим неводом она перегородила речку. В этой речке много рыбы. Наш деревянный невод постоянно наполнен рыбой. Зимой мать делает силки и ставит их. В силки попадают куропатки. Зимой иногда у нас бывает так: если вечером поедим, утром нечего есть, утром поедим — вечером нечего есть. Не помню, с каких пор мать нас так растит.

У меня есть маленький брат, ему семь лет. Так мы живем. Была зима. Мы живем в нашем чумике, что нам делать на улице? Через некоторое время, слышно, приехал один ездок.

Мать так сказала:

— Вот приехал человек, который нас ищет.

Я так сказала:

— Ведь мы никого не знаем, кто нас может искать?

Мать-старуха так сказала:

¹ Аргиш (обл. русск.) — караван из оленьих упряжек.

² Нюк (ненецк.) — покрытие чума, сшитое из оленьих шкур.

— Мы живем, скрываясь от людей.

Этот мужчина проехал около самых дверей. Наконечником хорей¹ он приподнял край двери. Наконечник его хорей шириной со шкуру осеннего теленка. Приехавший так сказал:

— Жена Ябта Саля, мы ищем тебя десять лет, с тех пор как убили Хозяина Ябта Саля. Девочка-то у тебя была, а сына — мальчика ты, видимо, в утробе носила. Ты спряталась в кустах на ивняковой речке. Теперь я тебя нашел по твоим следам. В поисках тебя мы загнали много оленей, мы свои ноги истоптали. Жена Хозяина Ябта Саля, ты постарела. Если бы я тебя нашел раньше, я бы взял тебя в жены. Теперь ты мне не нужна. Дай мне твоего сына. Он вырастет — нас убьет.

Мать моя спрятала сына за спину. Она так сказала:

— Как я его отдам, ведь я вместе с ним ложусь, вместе с ним встаю? Если умереть, так вместе умрем!

Наконечник своего хорей он запустил в чум. Поддел меня и вытащил на наконечнике на улицу. Он так сказал:

— Женщина Хозяина Ябта Саля, вместо тебя я увожу твою дочь, а послезавтра я приеду, чтобы убить твоего сына. Теперь я вас нашел, теперь вы далеко не уйдете.

У Хан Хаденгота (так звали приезжего) были запряжены два быка, он дернул вожжу и поехал. Моя мать кричит ему вслед:

— Хан Хаденгота, ты увез мою дочь. Оставь мне моего мальчика!

Долго ли мы едем, коротко ли едем, впереди показалось стойбище — около пятидесяти чумов. Мы приехали к этим чумам. Он так сказал:

— Вот мой чум, иди туда!

Вот я направилась к чуму. Как я войду в незнакомый чум? Около чума была нарта, на которую кладут шесты, я села на передок этой нарты. Хан Хаденгота распряг своих оленей. Из чума люди выходят и заходят в чум, и никто не говорит: «Ведь здесь, оказывается, человек». Наступил вечер. Хан Хаденгота так сказал:

— Дочь Хозяина Ябта Саля, заходи в чум! Тебя не убьют.

Я вошла в чум. Остороженько села на конец половых досок. То ли жена его, то ли сестра его поставила еду на стол. Он так сказал:

¹ Хорей (обл. русск.) — длинная палка, которой погоняют оленей.

— Накормите девочку!

Молодая женщина сказала мне:

— Ты тоже подвигайся к еде.

Я села поближе к еде. Стала есть хорошее мясо и думаю: «Я-то здесь ем, а мои родные без еды, наверное, сидят».

Вот они легли спать. Я-то улеглась около двери на конце половых досок. Ночь переночевали. Утром Хан Хаденгота так сказал:

— В жены ты еще мала, наверное, пока ты поработаешь. В чуме у нас работы нет, ты будешь караулить оленей. Когда ты достигнешь зрелого возраста, мы тогда, наверное, тебя возьмем в жены.

Вот он меня направил в стадо. Я пошла к оленям. Целую неделю я иду до края оленьего стада. Оленей очень много. Через неделю я дошла до конца стада, обошла его кругом. Целую неделю я собираю стадо, подгоняю оленей к чумам. На дороге оказался холм, я гоню стадо по этому холму. Олени спустились на другую сторону холма. У подножия его началась река. Из низины со стороны реки слышится плач. То кто-то заплачет, то перестанет. Я пошла туда посмотреть. Подошла, смотрю. Это мой маленький брат. Он тащит худую паницу¹ матери и плачет.

Я так сказала:

— Зачем ты пришел сюда?

— Моя мать меня отпредила, дала мне старую паницу и сказала: «Укроешься ею. Придет Хан Хаденгота, убьет тебя. Пусть ты умрешь не на моих глазах».

Вот мы оставили оленей и побежали, побежали неизвестно куда. Маленького брата я веду за руку.

Через некоторое время мы спустились к равнине. Как только мы спустились, оказалось — равнина прилегает к морю. Там был мыс. Мы подошли к основанию мыса и увидели небольшой склон. На этом склоне когда-то были чумовища². Мы ходим по чумовищам. Только обломки шестов лежат, нуки все оборвались. Тут, наверно, когда-то была целая сотня чумов. Кости покойников лежат, как сухой ивняк.

Я так сказала:

— Мать говорила, что у нас была целая сотня чумов. Жители семи земель напали на нас, чтобы отнять у нас наше имущество.

Среди этих разбитых чумов был железный один. Его

¹ Паница (ненецк.) — женская меховая одежда.

² Чумовище — место, где недавно стояли чумы.

железные шесты заржавели в земле. Рядом озеро было. На другой стороне его виднелась нарта, между полозьями нарты был воткнут в землю хорей. Мы пришли туда. Полозья железной нарты вросли в землю. Я так сказала:

— Это нарта нашего отца, Хозяина Ябта Саля. Осмотрели мы эту нарту. Потом я взглянула на большой холм. Там ездоки стоят и кричат:

— Дочь Хозяина Ябта Саля, зачем ты убежала? Поймаем тебя и прижмем на конце мыса.

Едущие впереди стоя гонят оленей. Я схватила воткнутый между полозьями отцовской нарты хорей и держу его в одной руке, как посох, а другой рукой веду маленького брата. Вот мы дошли до конца мыса. Тут двигаются льдины. Я железным хореем оттолкнулась от конца мыса и прыгнула. Опустились мы с братом на плывущую льдину. Тут я выдернула хорей.

Хан Хаденгота, слышно, кричит:

— Зачем мы ее упустили? Мальчишка, оказывается, очень бойкий, мы на оленях не можем догнать! Когда вырастет, он нас убьет. Теперь мы их долго не найдем.

Так мы целые две недели прыгаем по льдинам. Через две недели мы дошли до земли. То ли был тут изгиб, то ли нет, мы поднялись на берег, на отлогий мыс. Я воткнула хорей в землю: Хан Хаденгота пусть скажет: «Дочь хозяина Тонкого мыса здесь поднялась».

Зашагали мы в тундру. Идем туда, куда ведут нас ноги. Наступило лето. Тут мы находим птенчиков и едим их, ягоды и морошка тоже еда. Так мы живем целое лето.

Пришла зима. Мороз, холодно. Если сильно замерзнем, мы забираемся под мягкий снег. Мой маленький брат просит:

— Я есть хочу!

Я говорю:

— Где я еду возьму?

Вот мы идем в темное время года. Наконец я увидела впереди огонь. Мы направились к этому огню. Темно. Поднялись на песчаный холм. На этом холме чумы стоят. Там и тут огоньки мелькают. Мы вошли в ближний чум. В чуме горел костер и люди ели. Я села на дрова около двери. Чум полон людей. Они будто и не видят, что мы пришли, разговаривают между собой.

Я сама заговорила:

— Я-то большая, я потерплю, дали бы для маленького братишки кусочек!

Старший из них, слышно, сказал:

— Ого, наш огонь зашумел что-то, к плохому ли это?
Я так сказала:

— Это не огонь, это я говорю!

Они ничего не дали. Я второй раз сказала:

— Дайте кусочек для братишки, он есть хочет!

Женщина так сказала:

— Наш огонь к плохому, видно, зашумел?

Вот мы улеглись на край лат¹, заснули. Я проснулась — никакого чума нет. Рядом покойников много, а мы лежим около большого гроба. Тут я брату сказала:

— Мы словно ума лишились — зашли к мертвым!

Пошли дальше. Перед нами раскинулась большая-большая река, мы поднимаемся по ней вверх. Насколько глаз хватает — берега реки покрыты лесом.

Так мы идем месяц. Холодно. В лесу можно от ветра укрыться, не как в тундре. Через некоторое время на краю леса показался один чум. По берегу реки олени бродят. Дошли мы до того чума. Прежде чем войти, я огляделась и увидела очень большие лыжи, словно с когтями. Подумала: «Что это такое?» Мы вошли в чум. Там одна девушка была. Она сидит и шьет. На противоположной стороне человек спит, только суконное одеяло растянуто.

Девушка шепотом спрашивает:

— Вы кто?

И показывает на дверь. Мы тут же потихоньку вышли на улицу. Девушка так говорит:

— Дочь Хозяина Ябта Сая, ты в этой земле не скроешься; в чуме ведь человек спит, он вас ищет. Он теперь устал, поэтому спит. Это Ламба Хаденгота, брат Хан Хаденгота.

Я так сказала:

— Мы от Хан Хаденгота ушли.

Девушка тут же зашагала к своему аргишу, развязала веревки у своей грузовой нарты, дала нам сушеного мяса, дала растопленного оленьего сала:

— Это вам на ночь. А теперь идите к ямочке, вырытой оленями. Этой паницей будете укрываться ночью. Приходите завтра, когда его не будет. Я сестра Ламба Хаденгота. У него жены нет. Если вы завтра придете, я вам помогу.

Мы дошли до пастбища и улеглись в яме, вырытой оленями. Поели, укрывшись паницей, выспались. Утром Ламба Хаденгота, слышно, говорит:

— Кто вчера приходил? Я голоса слышал.

¹ Л а т а (ненецк.) — доска, пол в чуме.

Девушка отвечает:

— Никто не приходил. Может, я сама с собой говорила.

Я так сказала:

— Братец, теперь пойдем, он, наверное, ушел.

Мы зашагали к чуму. Действительно, он ушел. Мы вошли в чум. Девушка была одна. Она сварила пищу и накормила нас. Накормив, одела и так сказала:

— Теперь в ближних местах для вас хороших людей нет. Вы идите все время вверх по этой реке. Придете к концу реки. В конце реки будет семь больших сопок. До этих сопок будете идти целый месяц. Через месяц дойдете туда. Подниметесь на эти сопки. Посмотрите — там будет семьдесят чумов. Это чумы Семи Сохо. Семь братьев Сохо тоже не сидят на месте, они ищут твоего брата. Эти семь братьев Сохо, когда убивали твоего отца, тоже помогли. По другую сторону этих семи сопок будет другая река, она называется Нерцте. В этих чумах живет младшая сестра Семи Сохо, она добрая. Она вам укажет, что делать. Она, может, вас спрячет и вырастит брата.

Вот мы опять зашагали. Верно, идем целый месяц. Через месяц показали семь сопок Сохо. Очень большие были сопки. Мы поднялись на среднюю. Я смотрю по сторонам. Действительно, видны семьдесят чумов. Оленей очень много. Я думаю: «А может, это олени моего отца?» Я назад взглянула — виден чум Ламба Хаденгота.

К показавшимся чумам мы идем целую неделю. Не дойдя до них, очутились на пастбище.

Я так сказала:

— Мой братец, останься здесь!

Наступил вечер. Я оставила брата в ивняке. Сама вместе с оленями незаметно подошла к чуму. В конце аргиша, сидя на нарте, шила девушка. Я подошла к ней. Она так сказала:

— Дочь Хозяина Ябта Сая, прийти-то ты пришла, а брата потеряла, что ли?

— Нет, не потеряла. Я его оставила в ивняке.

Она так сказала:

— Вас все ищут. Днем и ночью Семь Сохо ездят. Они хотят убить твоего брата, пока он не вырос, боятся мести. Ради наживы Семь Сохо много невинных людей погубили.

Девушка вошла в чум.

— Пока нет моих братьев, я тебя накормлю.

Она быстро сварила пищу, едим. Когда поели, она так сказала:

— Я твоего брата выращу, вырастить человека — это

хорошее дело. Вырастет он, я за него пойду замуж, если он возьмет меня. Теперь слушай: вы пойдете вниз по реке Нерцъте, найдете очень большой ручей. По нему дойдете до устья реки. В устье этой реки есть дорога, пойдете по ней. Дорога уходит в ивняк. В ивняке нарты стоят. В этих нартах все есть. Вы поставите свой чум в очень густом ивняке, чтобы до вас нельзя было добраться. Для варева будете брать оленей из стада. В нартах найдете аркан. Олени будут ходить по берегу реки. Только брата не отпускай далеко. Если будете варить, то топите ночью.

Вот я пошла к брату. Накормила его. Потом мы зашагали. Спустились вниз по реке. Действительно, дошли до большого ручья. По этому месту дорога шла. Эта дорога привела нас в ивняк. Здесь грузовых нарт много было.

Мы развязали грузовые нарты, юки и все, что нужно, взяли и спрятались в густом ивняке. Поставили себе чум. Я хожу за едой для нас по краю ивняка. Олени по берегу большого ручья ходят. Сколько я могу, столько и беру, с братом мы их таскаем. Ночью.

Так живем мы десять лет. Костер разжигаем ночью. Днем мой брат никуда не ходит. Через десять лет мой брат сказал:

— Надоело мне жить в ивняке. Ты проведай сестру Семи Сохо. Что она скажет?

Я так сказала:

— Теперь ты, наверное, вырос, достиг совершеннолетия. Если за тебя возьмется один человек, ты, наверное, одолеешь его.

Вот мы зашагали вверх по ручью. Когда мы идем, я отстаю от брата, а он меня ждет. Я смотрю и смотрю на брата, который ушел вперед. Плечи у него широкие, а талия тонкая. Я думаю: «У моего брата нет имени. Пусть его будут звать Нинмя Ябтако¹. Когда я догоняю брата, он говорит:

— Очень ты тихо идешь!

Я так сказала:

— Когда-то я тебя водила за руку, ты тоже тихо шел.

Так идем мы, показались чумы. Я так сказала:

— Ты пока останься здесь. Мужчин, наверное, нет дома. Что скажет сестра Семи Сохо?

После этих слов я зашагала к чумам. Пришла. Сестра Сохо шьет, сидя на нарте.

Она так сказала:

— Дочь Хозяина Ябта Саля, ты выросла ведь! Слушай меня. Младшего Сохо никакое оружие не возьмет. Его смерть всегда с ним. У него есть нож. Он может умереть только от своего ножа. Его нож не поддается ни колдовству, ни шаману, ни оружию. Ты, может быть, убьешь его этим ножом. Мне, видимо, придется взять для тебя этот нож. Теперь вы с братом идите в сторону. Ночуйте там. Братья мои вечером придут. Я скажу младшему брату: «Вы все время ездите, нужно много одежды. Я шью целыми днями, у меня затупился «нож». Он скажет: «Я устал». — «Ну, если так, дай мне твой нож». В полночь ты приходи сюда. Если он услышит, так пусть. Услышит — хорошо, и не услышит — тоже хорошо.

После ее слов мы пошли в сторону. Стемнело. Приехали братья Сохо. Распрягли оленей. Они, слышно, говорят:

— Мы не можем найти сына Хозяина Ябта Саля, куда он скрылся? Мертвого найти не можем и живого найти не можем. Мы состаримся, пока его ищем.

Голоса смолкли, наверно, они вошли в чум. В чуме заснули. Ничего не слышно.

Сын Хозяина Ябта Саля так сказал:

— Вот теперь я пойду. Ты останься и спи здесь.

Я так сказала:

— Как я останусь спать? Как я могу уснуть?

Тут же, шагая большими шагами, Нинмя Ябтако ушел. Я подхожу к чуму. Они уже схватились с Младшим Сохо.

Девушка вышла на улицу и так сказала:

— Младший брат Сохо, не могу я смотреть, как вы безвинных людей губите. У тебя другой смерти нет, ты умрешь от своего ножа.

Она отдала нож сыну Хозяина Ябта Саля. Младший ее брат сел на землю и сказал:

— Младшая сестра моя, я ведь тебя жалел, вот ты, оказывается, какая! Если б я это знал, я убил бы тебя маленькой.

Сестра так сказала:

— Довольно тебе жить, приходят хорошие люди, приходят плохие люди, от тебя живыми не уходят. Вы не видите в этом греха. Сына Хозяина Ябта Саля я сама вырастила, вырастила на краю пастбища в ивняке. Я вас теперь погублю.

Нинмя Ябтако убил Младшего Сохо. Ночь переночевали. Наутро Нинмя Ябтако так сказал:

¹ Нинмя Ябтако (ненецк.) — букв. Тонкая Талия.

— Здесь, наверное, мы жить не будем. Нужно пригнать оленей.

Вот мы откочевали. Кочуем целый месяц. Через месяц показался чум Ламба Хаденгота. Мы встали на такое место, откуда виден чум.

Нинмя Ябтако так сказал:

— Я пойду в чум Ламба Хаденгота.

Я так сказала:

— Я тоже пойду с тобой.

К виднеющемуся чуму мы недолго ехали. Вошли в чум. Девушка была одна. Она так сказала:

— Ламба Хаденгота ушел искать тебя.

Нинмя Ябтако сказал:

— Я пойду по его лыжне. Наутро ваш чум вы перевезите.

Нинмя Ябтако уехал куда-то.

Мы переночевали ночь. Утром разобрали чум и пригнали оленей. Мы только вдвоем перекочевали. Стали к чумам Семи Сохо. Поставили свой чум. Нинмя Ябтако нет неделю. Через неделю он пришел и так сказал:

— Ламба Хаденгота и Хан Хаденгота не могли меня найти. А я Ламба Хаденгота сразу нашел. Он был очень сильный, еле его одолел. Хорошо, что он был один. Нам нужно перекочевать в землю отца.

Ночь переночевали. Стали собираться кочевать. Пригнали оленей. Он привязал их к аргишу сестры Семи Сохо и к аргишу сестры Ламба Хаденгота. Кочуем. Долго ли, коротко ли кочуем, уже первые олени стали телиться. Вот впереди показался Тонкий мыс.

Когда я была маленькая, этот мыс я по-настоящему не знала. Мыс вытянулся в море. Мы стали чумом на том мысу.

Нинмя Ябтако так сказал:

— У нас ведь была старушка-мать. Пойдем искать ее. Ведь я не помню, где находилась ивняковая речка.

Вот ребята стойбища пригнали оленей. Нинмя Ябтако привязал для меня четырех белолобых оленей.

Сестра Семи Сохо так сказала:

— Мать-то твоя жива, наверное, возьми с собой паницу, возьми с собой еду.

Я в нарту положила паницу, положила еду. Тут мы поехали. Едем целый день. У основания этого мыса было длинное заболоченное озеро. От этого болота начиналась ивняковая речка. Мы поднялись по этой речке. Эта маленькая

речка превратилась в настоящую реку с обрывистыми берегами. Мы едем, не пропуская ни одного изгиба ивняковой реки, по каждому изгибу едем.

Через некоторое время увидели мы в ивняке макушку чума. Чум все еще стоял на этом же месте. Мы остановились у этого чумика. Привязали нарты. Я первая распахнула дверь. В распахнутую дверь брат вошел.

Наша мать совсем старая стала. В углах ее глаз сели лебеди¹. Сама мать сидит на постели согнувшись.

— Кто вы такие?— спросила мать.

Нинмя Ябтако так сказал:

— Старым людям молодых людей трудно узнать. Кто тебя здесь оставил? Что тебя привело сюда?

— Когда-то я сама пришла сюда.

— Как ты сюда пришла, ведь ты очень старая?

Старушка-мать сказала:

— Я ведь не всегда была такой старой.

— Когда тебя оставили, как ты жила и что ела?

— Никто меня не оставлял, я сама сюда пришла.

— У тебя, наверно, были дети, они тебя оставили, а может, ты бездетная была?

Я так сказала:

— Довольно, не дурачь ее! Мать, ты ведь отправила из чума своего сына, дав ему худую паницу. Мы живы, мы не умерли.

Я пошла к нарте за паницей матери. Старушка-мать подбежала к сыну, хочет его поцеловать, но до лица не достает. Я посадила ее на нарту, укутала, дала ей еду.

Мой брат так сказал:

— Теперь ты вези мать в чум. Я пойду искать Хан Хаденгота.

Я поехала домой. Ночь переночевали. Утром я так сказала:

— Ребята стойбища, пригоните оленей! Если брат умрет, я должна посмотреть на него. Я ведь брата своего вырастила.

Я привязала замеченных моим братом четырех белолобых и поехала в неизвестном направлении. В течение пяти дней звенят колечки у моих четырех белолобых оленей. Через пять дней показалась сопка с острой верхушкой. На этой сопке пятьдесят чумов. Я дошла до чума — ни одного мужчины нет, только дети и женщины. Я вошла в чум, спросила:

¹ Глаза у нее потускнели.

— Где ваши мужчины?

Женщины сказали так:

— Десять лет его искали, не могли найти. В какой яме вырос сын Хозяина Ябта Саля? Теперь он наших мужчин одних убил, других прогнал и ушел за Хан Хаденгота.

Я так сказала:

— У тебя ведь много было оленей, пригони их. Раньше я целую неделю собирала ваше стадо, а теперь ты собери своих оленей. Тем временем сын Хозяина Ябта Саля придет.

Женщина оделась, не сказала ни слова против. Она взяла с собой посох и белого лохматого пса. Направилась к крайнему чуму. Она, слышно, так говорит:

— Оленей надо пригнать.

Женщину я послала в стадо, а сама стала варить пищу. Пищу сварила, легла спать. Тут я живу три дня. Брата нет. Я то выхожу на улицу, то вхожу в чум. Что-то долго его нет. Я думаю: «Поеду-ка я вслед за ним».

Я поехала по дороге. По этой дороге, видимо, Хан Хаденгота ехал на двух быках. За ним мой брат. Я целую неделю еду. Передо мной раскинулась река, по этой реке они поехали вверх. В верховьях реки брат, наверно, прижал его к обрывистому берегу. У Хан Хаденгота упал крайний олень. Так брат его поймал. Теперь они все еще дерутся. Я думаю: «Сестра Семи Сохо ведь говорила, что Хан Хаденгота можно убить так же, как Младшего Сохо».

Тут я с ножом пошла туда. Едва я между ними встала, как сразу же вонзила нож. Хан Хаденгота опустил руки и сел на землю. Он так сказал:

— Дочь Хозяина Ябта Саля, ты, оказывается, хитрая. Я думал, что ты встала между нами, жалея меня. А ты вон какая! У меня внутри плохо стало. От простого ножа я переңесу рану, а от этого нет. Ты, оказывается, носишь нож, который не поддается колдовству.

После этих слов он упал на спину и умер. Я опрокинула его нарту, а крайнего оленя спустила под обрыв. Его хорей воткнула в землю между полозьями нарт. У моего отца хорей тоже был воткнут между полозьями нарт.

Тут мы забили передового оленя. Потом поехали. Теперь мы едем три дня. Через три дня приехали в стойбище Хан Хаденгота. Олени уже были около чумов. Женщина, которая ходила в стадо, сварила пищу. Я думаю: «Она, видимо, боится. Зачем мы будем плохо обращаться с безвинной, она ведь не говорила своим: «Будьте такими». Я так сказала:

— Младший мой брат, она не виновата! Рабы тоже не виноваты, виновные убиты. А эти пусть живут. Живых людей не оставляют на чумовище без еды и крова.

Мы пятьдесят чумов разобрали. Вот уже неделю кочуем. Не дошли до своих чумов. Тут стали, отсюда наши чумы видны.

Мой брат так сказал:

— Пока мы к себе поедем. А эти пятьдесят чумов пусть твои будут.

Тогда мы поехали к своим чумам. Брат мой взял двух жен: сестру Ламба Хаденгота и сестру Семи Сохо. Мы справили свадьбу. Пришли в гости и жители пятидесяти чумов.

Нинмя Ябтако так сказал:

— Хотя вы и едите плохое мясо, но вы сидите вместе с нами, что в том плохого?¹ Угощайтесь и живите!

Нинмя Ябтако посадила между двух жен. Вот мы угощаемся неделю. Через неделю кончилась свадьба. Я сама ушла к жителям пятидесяти чумов. Мы с братом живем на таком расстоянии, что видим чумы друг друга, у каждого из нас свое стадо. Старушка-мать живет у меня. С братом мы друг к другу в гости ездим.

ЯБТАНЕ, ЯБТАКО И ЯНДОКО

Вдали от людных стойбищ одиноко стоит летний домик. Стоит он там, где нет леса, где замедляют бег бурные горные реки, а вершины гор царапают небо. Равнинная, слегка холмистая земля гола, как колено, и ветру не за что зацепиться.

В домике живут двое — Ябтако и Ябтане, брат и сестра. Брат старше сестры. Он все дни ходит на диких оленей охотиться. Есть у них Яндокко — песик. Вместе с собачкой Яндокко в домике их — только три живые души. Если надо подвезти к жилью туши хоров², Ябтако впрягается в санки вместе с Яндокко.

Удачлив юноша. Когда на охоте застанет непогода, Ябта-

¹ Имеется в виду, что на свадьбу приглашены все жители стойбища, в том числе и рабы.

² Хор — дикий олень (самец).

ко с Яндоко от ветра и снега рогами убитых оленей укрываются — так много оленей брат добывает.

Так и живут они. Дружно живут. Ябтако все дни на тропах диких оленей пропадает, Ябтане дома остается, камусы с оленьих ног снимает, сушит их, от мездры очищает и шьет наряды себе и брату, хозяйство ведет, еду готовит.

Однажды, когда брат с Яндоко ушли на охоту, Ябтане перед работой решила прибрать волосы. Распустила косу, только взялась за гребень и — под самым потолком на одной волосине повисла. Испугалась девушка, все тело до краешков ногтей заныло! Когда опомнилась, стала биться, пытаться вырвать волос руками — волос руки режет! Одна только волосина, а не рвется! Так и висит Ябтане. Весь день висит.

Завечерело. Брат с охоты возвращается. Ябтане уже слышит, что брат с Яндоко на дворе объявились, и тут — волосина то ли лопнула, то ли опустилась — девушка на пол упала.

Так и не прибрав волосы, Ябтане скорее принялась готовить еду.

— Ты и волосы не прибрала, — заметил брат. — Чем занималась?

— До косы ли? Весь день с камусами провозилась.

Брат замолк.

Погас день, спать улеглись.

Утром Ябтако — он же охотник, рано уходит — еще до зари ушел. Вместе с Яндоко они ушли.

«Опять косу не прибрала. Чем все занята?» — уже днем представила Ябтане, что скажет брат, и стала прибирать волосы. Только распустила косу и — повисла на одной волосине под самым потолком. Попыталась раскачаться, чтобы оторваться, — не смогла. Хотела разорвать волос руками — руки в кровь изрезала. Волосина только одна, а не рвется! И снова висит Ябтане весь день.

Завечерело. Брат оленьи туши тащит на санках. Вместе с Яндоко тащат. Но вот они уже во дворе, и волос то ли оборвался, то ли распутался — Ябтане на пол упала.

— И камусы не сняла, и волосы не прибрала... Чем же ты все занята? — ворчит недовольно брат.

— Мало ли дел по дому! — обиделась Ябтане.

Ябтако ничего не ответил.

После ужина брат из каких-то своих тайников семи-восьмью саблями вынул и начал ее точить. Весь вечер он

ее точил, да так наточил, что, положи поперек лезвия волосину — она тут же пополам.

Утром Ябтако не пошел на охоту, на полати залез. Там он, может, спит, может, так просто лежит — не шелохнется, точно нет его. Яндоко в уголке калачиком свернулся, его тоже как будто нет.

Когда рассвело, Ябтане принялась за волосы. Только распустила она тяжелые пряди, потянулась за гребнем, слышит, брат вскочил, взмахнул саблей над самой ее головой, и тут же что-то со звоном на пол упало.

Девушка взглянула на пол и возле своих ног увидела кисть человеческой руки с браслетом из бубенчиков на запястье. Обрубок руки еще покачивался, прозрачные бубенчики точно водяные пузырьки переливались на свету и нежно звенели.

Ябтако схватил кисть и, подавая ее сестре, сказал:

— Это кисть руки того, кто два дня держал тебя за одну волосину под потолком. Теперь возьми ее и храни. Положи в свою тучейку¹, горловину зашей, а тучейку спрячь так, чтобы никто не нашел.

На глазах у брата Ябтане положила кисть в тучейку, горловину зашила.

— Когда-то я женюсь, — снова заговорил Ябтако. — Будет у меня сын. Не успеет прорезаться на небе и второй месяц после его рождения, мальчик начнет ползать и говорить. Будет веселым, бойким. Но однажды горько заплачет. Так, без причины разревется. Ты станешь успокаивать его, разные игрушки будешь давать, но он ни одну не возьмет. «Есть у тебя самая красивая игрушка, — будет он твердить. — Ту мне дай!» Это он кисть с браслетом из бубенчиков будет просить, но ты, смотри, ни за что не отдавай.

И снова течет жизнь по-прежнему: брат с Яндоко на охоту ходят, Ябтане дома остается — камусы с оленьих ног снимает, рукодельничает. Скучно одной в доме и страшновато после случая с кистью. Однажды — это было около полудня — слух Ябтане уловил, что вроде бы на дворе послышались шаги. И не ошиблась она: из-за приоткрывшейся двери женская голова показалась.

— След моего единственного брата вижу только до края твоего дымохода, а дальше куда он пошел — не

¹ Тучейка (ненецк.) — шитая из оленьих шкур женская нарядная сумка с орнаментом и звенящими копытцами оленят на покрашенных замшевых кисточках.

вижу,— сказала она.— Не видела ли ты его? Не проходил ли?

— Нет,— пожала плечами Ябтане.— Не видела. Не знаю.— И словно опомнилась:— Да ты что за дверью-то стоишь? Заходи. Поговорим, свежих жил из оленьих ножек вместе поедим.

— Ой, нет!— всполошилась женщина.— Братище-то твой, наверное, дома!— и хлопнула дверью.

— Нет братишки. Дома ли быть ему? Все дни на охоте,— запоздало сказала Ябтане, а женщины уж и след простыл.

Завечерело. Вернулся брат. Вместе с Яндоко они туши хоров приволокли на чунке.

— Днем кто приходил? — спросил Ябтако.— След вижу.

— Женщина была,— не замедлила Ябтане,— да в дом не решилась зайти. «Братище-то твой, наверное, дома!» — сказала она и хлопнула дверью.

Утром Ябтако не пошел на охоту. На полати залез. Спит ли, просто ли так лежит — не слышно его, точно, кроме Ябтане, в доме нет никого. Яндоко в уголке калачиком свернулся, и его тоже будто нет.

Прибрав волосы, Ябтане, как всегда, занялась камусами. Увлечшись, она вроде бы забыла о присутствии Ябтако и Яндоко.

Ровно в полдень объявилась женщина, из-за двери заглядывает.

— Зайди, милая. Не бойся,— первой заговорила Ябтане.— Зайди хоть ненадолго: поговорим, жилами из ног молодых олешек полакомимся. Днем я всегда одна. Скучно.

— Ой, нет!— отозвалась та.— Не нужны мне жилы! Не нуждаюсь! Братище-то твой, наверное, дома!

— Нет братишки. Дома ли быть ему? Все дни на оленьих тропах пропадает,— заверила Ябтане.

Женщина открыла дверь пошире, ступила на порог одной ногой, второй, подалась было вперед, чтобы занести ногу, и в этот миг выскочил Ябтако, схватил ее.

Сильной и верткой оказалась женщина: так и ускользает от юноши. Когда наступил вечер, на уголках рта выступила у нее розовая пена — так она рвалась на волю! Женщина села на пол, пьяная от усталости.

— Ой! Весь дух ты из меня вытряхнул!— сказала она, тяжело дыша.

— Глупая!— говорит Ябтако.— Я не собираюсь тебя убивать. Я на тебе женюсь.

— Вэй!.. Пусть буду твоей. Пусть! Выйду я за тебя замуж

и клянусь, что буду самой верной, самой покорной твоей женой.

И поженились.

Два года прошло, и, все как надо,— родился сын. Мальчик быстро растет. Не успел прорезаться в небе второй месяц после рождения, а мальчик уже на четвереньках ползает, заговорил. Мать тогда и сказала озабоченно:

— В зыбку ребенка скоро нечего будет положить. Схожу я, древесной трухи поищу на подстилку.

— Есть же пока сухой мох,— сказала Ябтане.— Потом я сама схожу.

— Где найдешь его, когда все замерзнет?— отрезала мать.— Да и мне — все с ребенком да с ребенком!— надо же погулять. Пойду трухи поищу!— И, шагнув за дверь, наказала:— А племянничек твой пусть не плачет: и до беды недалеко!

Только скрылась мать за дверью, мальчик — в рев! Ногами и головой бьется об пол, все тело красными пятнами покрылось, нос побелел, губы посинели.

Испугалась Ябтане, взяла мальчишку на руки, качает, дает ему разные игрушки, а он швыряет их на пол, пуще прежнего ревет и просит:

— Есть у тебя самая красивая игрушка! Ту мне и дай!

«Мать наказывала, чтобы мальчик не плакал: до беды недалеко!— подумала Ябтане и вспомнила о кисти руки с браслетом.— Ее он, может, просит? У меня, кроме кисти, ничего вроде бы нет». И достала тучейку, но кольнуло сердце, и она будто услышала голос брата: «Будет просить кисть с браслетом из бубенчиков, ты не отдавай!»

Ябтане огляделась вокруг: кроме нее и мальчишки, в доме — никого. А малыш ревет, задыхается, весь посинел, руки и ноги стали холодными, и все просит игрушку, самую красивую!

Ябтане распорол горловину тучейки и показала кисть с браслетом. Мальчишка залился смехом, будто и вовсе не плакал.

Ябтане подала кисть, и малыш стал кидать ее то к двери, то в переднюю часть комнаты — бубенчики на браслете переливаются, звенят, будто смеются. Ребенок носится за кистью и хохочет. Рад! Рада и Ябтане. Но мальчик замахнулся сильнее, и кисть упала у самой двери. Женщина — она, оказалось, и не ходила за трухой, за дверью стояла, ждала! — схватила кисть, взяла сына и исчезла.

Ябтане выбежала на улицу, но... разве увидишь, разве найдешь? Женщина исчезла, и следа нет!

Ябтане весь день выбегала на улицу, весь день прождала. Так и не появилась женщина с ребенком. Да и зачем она появится, если она этого только и хотела?

— Ох и виновата я! — схватилась Ябтане за голову. — Женщина и трухи-то не искала, за дверью стояла, ждала, когда кисть выкатится!

А день угасал. Далеко, где светила узенькая полоса заката, Ябтане увидела брата и Яндоко. Выбившись из сил, наклоняясь почти до земли, тащат они чунку.

Ябтане прождала весь вечер, но они не появились. Идти навстречу? Стемнело уже. Ночь. Где их в темноте найдешь? И она легла спать, но сон к ней не шел. Ябтане всю ночь прождала, но брат с Яндоко так и не появились. На рассвете она пошла туда, где видела их вечером. Нашла, но Ябтако и Яндоко были мертвы.

Ябтане раскидала туши оленей, вместо них на чунку уложила брата и Яндоко, приволокла домой, положила обоих рядышком на кровать и накрыла одеялом.

— Ох и дура я! — корит она себя. — Зачем я отдала эту поганую кисть? Пусть мальчишка поревел бы — от капризов еще никто не умирал!.. Теперь же, сколько ни плачь, толку мало! Мертвый не встанет. Что-то надо делать, куда-то уходить!..

Ябтане распутала косу, расчесала волосы, подстригла их, как у мужчины. Достала пимы брата с узором в семь белых и черных полос, повыше икр и ниже колена подвязками в семь цветов радуги затянула. Ловко надела рубаху брата, поверх нее малицу, подпоясалась, взяла его вересковый лук, облицованный мамонтовым рогом, и вышла на улицу. Встала она на лыжи Ябтако, обшитые выдрой, и пошла куда глаза глядят, куда лыжи катятся.

Месяц идет Ябтане — ни людей, ни жилья. Попросит желудок — дикого оленя убивает. Туши оленей — не тащить же их на себе? — на месте коротких привалов оставляет: зверья и птиц полно, съедят. На исходе зимы Ябтане протерла глаза — не чудится ли? — впереди показалось множество чумов. Людей возле них — видимо-невидимо! То сходятся вместе, то снова разбегаются. «Наверное, в стрельбе состязаются. Мишени смотрят», — решила Ябтане и ускорила шаг. Вскоре и ее заметили. Стали кричать:

— Эй, мужчина! Кто ты? Ноги торопи! Забавную игру мы затеяли: девушку делим! Дочь вождя рода Ламдо делим!

Надо расколоть стрелой толстую иглу, да вот не можем. Если расколешь иглу от ушка до острия, дочь вождя рода Ламдо — твоя! Хозяин стойбища отдаст ее без всякого выкупа да еще в придачу сто оленей даст. Скорее шагай! Ноги торопи!

— Велика ли хитрость иглу расколоть! — сказала Ябтане, подойдя к стрелкам.

Она развернула облицованный мамонтовым рогом лук и выстрелила, не замедляя шага, еще издали, и — толстая игла от ушка до острия пополам расщепилась.

— Тут мы бессильны! — разом выдохнуло все стойбище. — Равных тебе нет. Сильный — силен. Слабы мы, жили у нас тонки. Уступаем невесту и разъезжаемся.

Тут Ябтане и посадили женихом за свадебный стол. Невеста и правда красива: от ее взгляда, куда ни глянет, шесть чума будто огнем занимаются. «Не зря, видно, делили невесту: красива!» — подумала Ябтане.

Год живет Ябтане в стойбище зятем. Когда запорхали первые снежинки второй зимы, Ябтане сказала тестю:

— Там, у меня дома, сестра есть. Совсем одна. Соскучилась, наверно... На лик своей земли хотелось бы взглянуть. Отпустишь ты меня или нет?

— Хэ! О чем разговор? Коли сестра есть и она одна — ехать надо! Почему же не отпущу?! Поезжай, когда тебе надо, и приезжай, как надумаешь.

В тот же день вождь рода Ламдо сани наладил, аргиш растянул. Пригнали на стойбище оленей. До дальнего края стоящего кучно стада и глаз не достанет — так много оленей!

Хозяин стойбища в нарту своей дочери четырех белых быков запряг. Сто белых быков в аргиш запрягли. К нарте Ябтане тоже четырех белых быков привели, накрыли сиденье нарты шкурой белого оленя. Потом вождь рода Ламдо к саням на самом конце аргиша дочери одну престарелую важеньку привязал, и аргиш тронулся. За престарелой важенькой отделились от стада сто белых оленей и пошли рядом с ней. Видно, потомство пожилой важеньки — дети, внуки, правнуки...

Все дальше уходит аргиш от стойбища вождя рода Ламдо. Ябтане прокладывает путь, но сама толком не знает, куда едет. Смыкаются веки дня — чум разбивают. Откроет день глаза — снова кочуют.

Однажды Ябтане увидела впереди множество чумов.

Возле стойбища людское море волнуется. Упряжкам счета нет! Не война ли? Ябтане ведет аргиш прямо на них. А ей навстречу кричат:

— Эй! Мужчина! Ноги оленей торопи! Тонкую иглу надо расколоть! Три года бьемся — и все не можем!

Ябтане подъехала, подошла к стрелкам и сказала:

— Велика ли хитрость тонкую иглу расколоты!

Она развернула облицованный монтажным рогом вересковый лук, натянула тетиву, отпустила, и — тонкая игла от лука до острия на две половинки со звоном распалась.

Стойбище умолкло на миг, потом выдохнуло:

— Сильный — силен! Нет тебе равных! Кроме дочери своей вождь рода Хаби отдаст двести оленей. Невеста — твоя. Обиды на тебя у нас нет, и на вождя Хаби мы не в обиде!

— Чума своего не разбивайте, к нам заходите, — сказал вождь рода Хаби.

Хаби, оказалось, уже приготовили для них вторую половину чума. Тут и поселились.

От лица дочери вождя Хаби, куда она ни взглянет, светло, как от солнца, ее же под дорогами украшениями почти не видать.

И живет Ябтане в зятях, с двумя женами.

Прошло два года. Когда закружились над землей снежинки третьей зимы, Ябтане сказала тестю:

— На лик своей земли надо бы взглянуть. Сестренка там у меня осталась. Совсем одна. Соскучилась, наверно. Отпустишь ли?

— Как не отпущу?! Если сестренка, и одна, конечно же скучает! Поезжай, когда тебе надо, и приезжай, как надумаешь.

Пока шли к стойбищу олени, хозяйева аргиш растянули, сани сукнами накрыли. Оленей у вождя рода Хаби оказалось гораздо больше, чем у вождя рода Ламдо: и до середины стада глаз не достает.

Хозяйева стойбища запрягли в аргиш сто пегих быков. Вождь рода Хаби в нарту своей дочери и в нарту Ябтане по четыре пегих оленя запряг, а к последней нарте аргиша своей дочери двух престарелых важенок пегой масти привязал. Аргиши тронулись, и за двумя пожилыми важенками отделились от стада двести пегих оленей и пошли за аргишами. Пошли с ними и прежние сто белых оленей.

Аргиши кочуют на родину Ябтане, к летнему домику. Смежает день веки — чум разбивают, откроет день глаза — снова кочуют. Ябтане попутно на диких оленей охотится, а двум своим женам говорит:

— Уши и почки оленей собирайте: сестра моя потом, может, навстречу прибежит. Все эти гостинцы и отдайте ей.

Долго ли, коротко ли кочевали, младшая жена говорит старшей:

— Странно! Муж наш одеяния свои никогда не снимает, спит всегда на одном боку и ни разу не повернется ко мне лицом. Мне кажется, он вовсе не мужчина...

— Что ты! — опешила дочь вождя Ламдо. — Не трогай мужчину. Может, стыдлив он?

Находящаяся в стаде Ябтане все это слышит. Вот старшая жена умоляет младшую:

— Не трогай ты его. Сама знаешь, как он иглы стрелой раскалывал. Отец говорил мне: «Ты, доченька, не перечь мужу, не испытывай его. Слово не так скажешь — всех нас погубить можешь. Если уж он начнет биться с нами — и на одну ночь не хватит нас: всех уложит!»

Дочь вождя рода Хаби промолчала.

И снова кочуют они. Ябтане знает, куда едет, а потому уверенно прокладывает путь. Однажды дочь вождя рода Хаби снова говорит:

— Я все же никак не верю, чтобы он мужчиной был. — И добавила с улыбкой: — Когда тронутся аргиши, на этом чумовище я тучейку под сани брошу. А на новом месте, как станем разбивать чум, ушко нюка разорву. Схожу к нарте, не найду тучейки и скажу: «Тучейку никак не найду, на чумовище, видимо, выронила, когда постромки вытаскивала». Тут мы и узнаем: если поедет за тучейкой — женщина, не поедет — мужчина.

Откочевали и чум разбивать начали. Поставили уже остов, принялись нюки натягивать, но дочь вождя рода Хаби обнаружила вдруг, что ушко нюка разорвано. Она побежала к своей нарте и не нашла тучейки.

— Ой, тучейка на том чумовище осталась, — сказала она. — Выпала, видимо, когда постромки вытаскивала...

— Глаза твои где были, если она выпала?! — вспыхнула Ябтане. — За тучейкой твоей, что ли, я поеду? Нужна она мне!

И снова они кочуют. Ябтане уверенно прокладывает путь. Иногда они стоят, чтобы олени отдохнули. Дочь же

вождя рода Хаби опять говорит дочери вождя рода Ламдо:
— На этот раз я у него мастерские инструменты выброшу, а у одного из вандеев на месте загиба полоз сломаю. Если он поедет за инструментами — мужчина.

Дочь вождя рода Ламдо отговаривает ее, умоляет, чтобы не трогала она его, но та и слушать не хочет.

Ябтане же слышит весь этот разговор.

Тронулись аргиши, и дочь вождя рода Хаби мастерские инструменты мужа под нарту выбросила. Дочь вождя рода Ламдо глазом косит на нее:

— Не трогай мужчину. Не испытывай!

Аргиши ползли весь день. Когда наступила пора разбивать чум и подошел к упряжке Ябтане аргиш дочери вождя рода Ламдо, они увидели, что аргиш дочери вождя рода Хаби отстал. Далеконько отстал.

— Что с ней? — бросила Ябтане и, не дожидаясь ответа, распорядилась: — Распряги оленей своего аргиша, а я посмотрю, что с ней.

— Вэй, как не вовремя-то! Грех, что ли, какой? — вопила виновато дочь вождя рода Хаби, когда подъехала Ябтане. — Полоз вандея сломался.

Ябтане взглянула на полоз и сказала:

— Сверло мое подай.

Женщина долго рылась под суконными чехлами своей нарты.

— Еще беда! — сообщила она. — Инструменты твои... на чумовище остались! Выпали, видимо, когда построжки вытаскивала...

— Часто что-то у тебя все нужное выпадает, — ехидно заметила Ябтане и сказала: — Вандей пока оставь здесь, а сама отправляйся и ставь чум. Я поеду. Как же мне без инструментов? И аргиши без них не тронутся!

И Ябтане по следу аргишей помчалась на чумовище.

— Зачем ты смеешься над ним?! Зачем издеваешься? Мужчина, если он торопится, конечно же поедет за инструментами! — такими словами встретила старшая жена младшую.

Утром, пока женщины разбирали чум, Ябтане ремонтировала полоз. Дочь вождя рода Ламдо косилась на дочь вождя рода Хаби, корила ее:

— Ты хоть сейчас-то не смейся над ним! Да и сама спокойно рассуди: разве поехал бы мужчина за тучейкой? Нужна она ему! Думаю, он знает и то, что ты нарочно оставила его инструменты, чтобы испытать. Нельзя так! Был бы

он простым человеком, не ходил бы по нашим землям. Верю, что он все слышит. И сейчас он нас слышит. И знает, что ты его проверешь...

Аргиши ползли с утра до вечера каждый день. Дочь вождя рода Хаби уже не пыталась испытывать мужа, хотя сомнения не покидали ее. «Какой же это мужчина, если и в одежде спит, и в постели всегда спиной к жене?!» — разочарованно думала она, представляя унылое, бесцветное будущее, если таким он будет всю жизнь. «Молодчина!» — похвалила слышавшая ее мысли Ябтане. А на одном из привалов Ябтане сказала:

— До моего летнего домика отсюда — ровно семь кочевков. Сестра моя, должно быть, очень соскучилась. Да и как не соскучиться: с собачкой Яндoko их ведь только двое. Вы пока не трогайтесь: слишком долго уже кочуем, устали и вы и олени. Я один налегке поеду, а вы, если скучно будет, по следу моей нарты кочуйте — снега его долго не заметут. Я же давний свой обет вернуться домой в таком виде, в каком ушел, выполню, если за все время моего отсутствия сестренка не потеряла девичьей чести.

Услышав это, дочь вождя рода Ламдо с посветлевшим лицом обернулась и посмотрела на удивленную и растерянную дочь вождя рода Хаби — вот, мол, все твои испытания!

Когда день открыл веки, Ябтане пригнала оленей. Она запрягла четырех белых быков, постелила на сиденье нарты шкуру белого оленя и, уезжая, наказала:

— Если семь дней будет пурга, не трогайтесь с места. На восьмой день я сам приеду. Обязательно приеду, потому что след моей нарты снегом заметет и вы плутать будете.

Ябтане к своему домику приехала за день и ночь. Четырех белых оленей привязала по отдельности к четырем столбам, отгребла снег от дверей, дров наколола, повесила на крюке огромный медный котел и сдернула с брата и Яндoko одеяло: сто мышей метнулись в разные стороны! От Ябтако и Яндoko одни кости только остались.

Ябтане все до единой собрала косточки, положила их в котел, налила воды, раздула костер и, не зная сна, два дня и две ночи варила. Варила и палочкой перемешивала. Когда кости превратились в густой навар, похожий на клей, Ябтане опрокинула котел на середину пола. Опрокинула так, что ни одна капля не брызнула в сторону. Потом она

легла на кровать, накрылась с головой одеялом и уснула. Три дня и три ночи Ябтане точно мертвая спала. На четвертые сутки она услышала сквозь сон далекий голос:

— Эй, Яндоко, отодвинься, что ли! Бок у меня онемел и руку отдавило.

Ябтане вскочила, подняла лежавший кверху дном котел: Ябтако и Яндоко свернулись на полу калачиком. Еще и позевывали, будто спали.

Ябтако встал, потянулся, сел на кровать и спросил удивленно сидевшую уже на своей кровати Ябтане:

— Что это? Почему мы с Яндоко под котлом оказались? Где моя жена? И сын?

— Жена твоя ведьмой была,— сказала спокойно Ябтане.— И сын ее не твоим был: она его еще до тебя от дьявола нажила. Ушли они. Навсегда ушли, и дорогу к ним не найти. И не надо искать.

Ябтане подробно рассказала брату о своих похождениях, о первой и второй «женитьбе», о том, как испытывала ее младшая «жена», о ста мышках, метнувшихся в разные стороны из-под одеяла, о костях, о котле...

— Да,— расширились глаза у брата. Сон будто рукой сняло.— Так, значит, мы уснули?

— Все это уже в прошлом,— сказала Ябтане и начала торопить брата.— О жизни надо думать. Одевайся скорее. Все свои наряды надень. Жены твои уже сюда кочуют. Теперь у тебя триста свободных оленей. У старшей твоей жены олени все белые. Сама она — дочь вождя рода Ламдо. У младшей твоей жены олени все пегие. Она дочь вождя рода Хаби. С ними я много не разговаривала. На первых порах и ты язык придержи: догадаться могут. Особенно своенравна младшая жена. А теперь иди и оленей запряги. Они к столбам привязаны. Жены твои сейчас на расстоянии семи кочевков находятся, но ты до их чума за остаток дня и за ночь доедешь. По следу моей нарты поезжай, он тебе будет виден, хотя шесть дней и ночей пурга бесновалась. И помни: пройдете кочевку — на половину чума старшей жены садись, а после следующей кочевки к молодой жене переходи. Не спутай оленей: у старшей жены они белые, у младшей — пегие. Во второй кочевке первыми запряги оленей младшей жены.

И... поехал Ябтако. Как его встретили жены, как они живут, этого мы не знаем. И зачем знать? Ябтане же возле своего дома прибирает, кладовые ворошит. Открывает

одну — набита она шкурами диких оленей, открывает другую — голубые и белые песцы, серебристые и красные лисички, есть куницы и даже соболи.

— Йэх! Жить бы, как жили! На все это добро разве оленей не купили бы?— вздохнула она запоздало.

Ябтане долго любовалась своим богатством. Потом все же открыла амбары, прибралась в доме, и жизнь вошла в свои обычные берега, подобно тому как всегда и было. А однажды, скорее от безделья, Ябтане надела свои наряды, заплела косу, и, куда ни посмотрит, на стене напротив нее играют солнечные зайчики.

— Э! А ведь и от моего лица светло, как от солнца! — вслух удивилась она.— Выходит, и я не хуже своих «жен»!

На пятый день после отъезда брата аргиши показались. Ближе уже подошли. Ябтане побежала навстречу. Сначала она встала на полоз нарты дочери вождя рода Ламдо, ехавшей вслед за Ябтако. Невестка ей уши, почки и языки оленей подала. Потом Ябтане на полоз нарты дочери вождя рода Хаби вскочила. И та ей уши, почки и языки диких оленей подала, достав их из-под суконных чехлов своей нарты. Все это Ябтане домой унесла.

Когда разбили чум, приезжие сестру мужа в гости зовут. И Ябтане пришла. Младшая жена Ябтако толкнула локтем старшую:

— Брат и сестра что-то уж больно похожи друг на друга. Мне кажется, мужем нашим она была,— показала дочь вождя рода Хаби на Ябтане.

— Что ты говоришь-то? Дети одного отца и одной матери — как же не быть им одинаковыми?!— искренне возмутилась дочь вождя рода Ламдо.

Так они и начали жить. В стороне от жен Ябтане учит брата, когда и каких оленей ему запрягать. Ябтако иногда ездит на охоту. На нарте с собой он возит и Яндоко.

Три года прожили они. Пошли дети. Старшая жена родила дочь, младшая — сына. На исходе третьего года Ябтане сказала брату тайком:

— Женам твоим, видимо, глаза своих родных повидать надо, да и самому тебе на тестей посмотреть нужно — четвертый год пойдет, как жены твои приехали.

Выпал первый снег четвертой зимы, и они откочевали. Месяц кочуют, два, три... Ябтако, как это положено мужчине, охотится.

Когда вдоль речных берегов потянулись на север проталины, аргиши поднялись на голый хребет. Впереди, на равнине, чумы стойбища вождя рода Ламдо показались. На пологом холме, на расстоянии двух кочевков, чумы стойбища рода Хаби видны. Тут, на голом холме, и решили разбить чум.

Утром из стойбища рода Ламдо к одинокому чуму Ябтако упряжки подлетели. Позже, в первой же половине дня, к чуму на голом хребте и из другого стойбища, как снежный заряд, упряжки повалили. Вождь рода Хаби упряжку свою рядом с нартой вождя рода Ламдо остановил. Гости из обоих стойбищ тут же принялись за сватовство — одни красноречивее других. Сваты из того и другого стойбища так и ходят юлой вокруг одинокого чума. Не выдавшие еще такой красавицы, каковой оказалась Ябтане, стали они сватать ее за своих сыновей.

Ябтако растерялся.

— Одну лишь девушку как поделю надвое?! Одним обещаю — другие обидятся...

— За сына вождя рода Ламдо ты меня отдай, — сказала Ябтане, отведя брата в сторону. — Другим же, чтобы не было обидно, — у тебя же скоро дочь вырастет! — дочь свою обещаю. Пусть подождут, пока она вырастет.

И согласился Ябтако выдать свою сестру за сына вождя рода Ламдо. Чтобы не быть ей без выкупа, попросил сто оленей, десять белых песцов и десяток красных лисиц. Другим же Ябтако пообещал свою дочь.

— Выкупа за нее не надо, — сказал он. — Пусть еще подрастет.

И — грянула свадьба. Месяц гуляли. В конце месяца вождь рода Ламдо сказал:

— Долго гуляем. Пора и по чумам. Не век же гулять нам?

Брат и сестра аргиш снарядили, нарты дорогими сукнами покрыли. Сто быков запрягли в аргиш. Вот и увезли Ябтане.

— Младший жених пусть подождет, пока невеста вырастет, — обратился Ябтако к своим вторым гостям.

— Подождем, — согласился вождь рода Хаби. — Ведь и раньше мы были вторыми.

Три стойбища разбили свои чумы так, чтобы видеть друг друга, чтобы в гости ездить и чтобы беду не проглядеть.

Тут и конец.

О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ МЛАДШЕГО ХАНТЫ

Три брата ханты живут в лесу. Ни отца, ни матери у них нет. Два старших брата каждый день уходят из чума на охоту. А младший лежит на песчаной печи. Лежит, ничего не делает.

Вот однажды вернулись старшие братья с охоты, принесли объединенных какими-то зверями куропаток. Сварили. Старший брат сам съел своих куропаток, средний брат отдал куропаток младшему.

Потом братья опять пошли на охоту. Вечером возвратились. Принесли каждый по объединенной зверями куропатке.

Старший брат даже и не подумал отдать объединенную куропатку младшему. Нет, не подумал. Сам съел свою куропатку. Средний брат отдал куропатку младшему.

Усталые охотники легли спать. А младший тихонько вышел из чума. Старший, оказывается, оставил свои лыжи там, где их снял. Младший надел эти лыжи. Направил их по следу братьев. Шел, шел и вышел на поляну, окруженную лесом. Посреди этой поляны стоит чум с остроконечной крышей. Следы братьев ведут к тому чуму. Дошел до того чума. Снял лыжи, вошел в жилище. Зажег огонь. Одна половина чума, оказывается, завалена мясом, другая половина — шкурами.

Младший брат понял: братья-охотники поставили в лесу чум — хранилище мяса. Вся добычу здесь прячут. Ежедневно ходят сюда, наедаются, а домой приносят объединенных куропаток.

Поел младший брат мяса, сколько ему хотелось, прихватил с собой запас еды и на лыжах вернулся домой. Спрятал мясо недалеко от чума, вошел в чум, вскочил на печь и уснул.

У него сон чуткий. Слышит, братья собрались и ушли. Вечером они вернулись, опять принесли по объединенной куропатке. Старший брат сам съел куропатку, средний отдал младшему брату. Как только братья уснули, опять младший брат вышел осторожно из чума. Надел лыжи старшего брата. Теперь-то места он знает — быстро нашел лесной чум. Сварил мясо, поел досыта. Взял мяса, сколько мог унести, вернулся домой. Спрятал, опять лег на песчаную печь. Когда он проснулся, братьев уже не было.

Вечером братья опять принесли по объединенной куропатке.

Опять старший брат и не помыслил сказать: дам-ка поесть брату. Средний брат отдал свою еду младшему.

Как только братья уснули, отправился младший брат к лесному чуму. Теперь отправился на лыжах среднего брата — старший брат убрал свои лыжи, а средний оставил у чума. Младший брат поел мяса, сколько в него вошло, прихватил с собой, сколько мог унести. Спрятал неподалеку от своего чума.

Так живут много дней.

Однажды утром встали. Два ханта советуются. Старший говорит: «Так дальше жить нельзя: мясо кончилось. Так мы умрем с голоду. Пойдем в царский город — там как-нибудь добудем себе пропитание. Встали они на лыжи, зашагали в царский город.

Как только братья ушли, младший брат стал искать себе лыжи. Без лыж нельзя — утонешь в снегу, быстро выбьешься из сил и погибнешь. Обшарил весь чум, нашел корыто. Расколот его, приладил крепления. Надел младший ханты свои лыжи, сделанные из плоского корыта. И как побегит, как побегит! Несколко дней бежал, а местность вокруг него не меняется. Бежал, бежал ханты, очень устал. Сел отдохнуть, оглянулся, а его чум, оказывается, за спиной! Протянул руку, откинул полог чума. Бросил свои лыжи и вошел в чум.

Прошло какое-то время, и мясо, припасенное им, кончилось. Бедный ханты думает: «Скоро умру от голода. Надо сделать себе гроб. Как почувствую, что умираю, сразу прыгну туда».

Взял топор, отправился на лесистую сопку. На лесистой сопке стоит лиственница в полный обхват. «Хороший гроб из этой лиственницы получится», — подумал ханты и ударил топором несколько раз. Дерево упало. И тут кто-то из-за спины сказал:

— Младший ханты, ты зачем срубил верхушку моего чума?

Оглянулся — увидел, как из того места, где стояла лиственница, выходит старый великан-людоед.

Ханты сказал:

— Я умираю. Из этой лиственницы хочу себе гроб сделать. Вот надо измерить дерево. Самому лечь — не измеришь. Ложись-ка, дедушка, на дерево ничком, дай-ка я измерю по твоему росту.

Дед лег на лиственницу. Ханты изо всех сил ударил деда по шее — голова отлетела. Расставил ноги, встал возле

отверстия, откуда вышел старик-великан, и крикнул: «Эй, семеро детей великана-людоеда! Я убил вашего отца, отомстите за его смерть».

Выглянет один сын великана в отверстие, он его ударит по шее. Покажется другой — он и его стукнет. В чуме остался один, младший сын людоеда-великана.

— Младшее дитя великана, где ты прячешься? Я убил твоего отца, убил твоих братьев! Выйди, я и тебя порублю!

— Не надо меня убивать. Я хочу жить, — просит младший сын людоеда.

— Если хочешь жить, выйди ко мне через дверь! — велит младший ханты.

Вышел сын великана в дверь, спросил:

— Зачем тебе понадобилась верхушка нашего чума?

Ханты отвечает:

— Хочу сделать лыжи. Но я не умею делать лыжи.

Сын людоеда говорит:

— Я тебе сделаю лыжи.

Сын великана-людоеда расколол лиственницу пополам, снял кору, обстругал носы, приладил к лыжам крепления. Сказал:

— Не велики ли они тебе?

Младший ханты померил лиственничные лыжи, сказал:

— Они мне как раз.

Сын великана спрашивает:

— Куда пойдешь?

— Я не знаю, — отвечает ханты.

Сын великана сказал:

— Ты мне сохранил жизнь. И я тебе помогу. Ты пойдешь в сторону Большой реки. Семь дней будешь идти и выйдешь на берег этой реки. На берегу увидишь двух дерущихся зверей. Один из них будет обессиленный. У него весь рот будет в пене. Убей этого зверя.

Едет на лиственничных лыжах семь дней, вышел на берег Большой реки. Видит — два крупных зверя дерутся-грызутся. Один обессилен, вся пасть в пене. Ханты помог убить этого обессиленного зверя.

Содрал с него шкуру, зверь-победитель съел мясо своего врага. И говорит человеку:

— Ты мне помог. Мясо я съел, тебе досталась одна шкура, возьми ее.

Разошлись зверь и человек. Каждый ушел своим путем. Несет ханты шкуру, а она тяжела. Шел-шел и решает: «Брошу-ка я эту тяжелую шкуру, оставлю ее». Только бросил он

шкуру, не успел сделать и десяти шагов, как услышал сзади голос зверя-победителя:

— Э-э, младший ханты, не оставляй шкуру — она тебе пригодится.

Нехотя поднял шкуру и зашагал дальше. Опять идет много дней. И опять думает: «Ох, тяжела, эта шкура! Брошу-ка я». Бросил ханты шкуру, но не сделал и десяти шагов, как услышал слова зверя-победителя:

— Э-э, младший ханты! Ты опять оставил? Говорил же я: не оставляй! Она пригодится тебе!

С трудом поднял шкуру, понес дальше.

Опять идет много дней. Опять сильно устал. Опять решил оставить шкуру. Решив так, бросил. Не успел отойти и на десять шагов, как услышал голос зверя-победителя. Оглянулся, а зверь стоит возле шкуры. Зверь подошел к ханты и говорит:

— Надень эту шкуру. Она тебя унесет туда, куда тебе нужно.

Надел ханты шкуру и сказал:

— Шкура-шкура, унеси меня туда, где живут богатые оленеводы.

Шкура взвилась вверх. Неизвестно, сколько летел ханты, но увидел внизу чум, а у чума тысячи оленей. Сказал:

— Шкура, опусти меня возле этого чума.

Опустился. В шкуре человек невидим.

По обе стороны чума аргиши. Вошел в чум. В чуме мужчин не оказалось, сидит одна маленькая женщина, в ее руках жила звенит. Когда открылась дверь, она подняла голову, но, никого не увидев, вновь опустила. Младший ханты прошел на нежилую сторону чума, а женщина продолжает шить. Через некоторое время он сказал женщине:

— Я ведь уже давно вошел, хочу есть.

Женщина удивленно оглянулась, никого не увидела, опять занялась шитьем. Он сказал:

— Ты опять занялась своим шитьем, я очень хочу есть.

Женщина торопливо спрятала иглы, выбежала. А ханты все сидит в нежилой части чума. Женщина не возвращается. Уже потемнело.

Вечером приехал мужчина. Распряг оленей, сказал:

— Что ты ждешь на улице?

Женщина ответила:

— Где же мне быть? В чуме нашем какой-то дух.

Вдвоем вошли в чум.

Мужчина говорит:

— Ты сказала, что в чуме дух. Нет никого.

Ханты молчит.

Мужчина сказал женщине:

— Свари мне еду из жирных кусков.

Женщина сварила мясо. Начала вытаскивать мясо. А ханты берет куски, отдирает и съедает сало, а мясо кладет обратно в плоское корыто. Так съел все сало.

Женщина поставила мужчине мясо, мужчина сказал:

— Я же говорил тебе, свари мне жирное мясо, а ты сварила постное.

Тогда заговорил ханты:

— Это я съел.

Только теперь ханты снял шкуру и показал себя. Хозяева удивились. Но гость есть гость. Сварили опять мясо. Поели, легли спать.

Оказывается, женщина и мужчина — не муж и жена, легли в разные постели. Посреди ночи ханты перебрался к женщине.

Утром женщина сварила мясо, покормила мужчин. Поели они, держат разговор.

— Как тебя звать? — спросил гость хозяина.

— Меня звать Марендя. А как тебя?

— Я младший ханты, так все меня зовут.

Марендя сказал:

— Это моя младшая сестра.

Ханты сказал:

— Теперь уж, видно, поселюсь в постели твоей сестры.

Так бедный младший брат ханты породнился с богатым оленеводом Марендя.

Прошло время, и ханты говорит оленеводу:

— Я женат на твоей сестре. У тебя жены нет. Я хочу женить тебя. Я слышал, что есть земля трех Выли. У этих Выли имеется сестра, которую они отдают за неслыханный выкуп. Все сваты от них уходят ни с чем — так велик выкуп.

Сели в нарты, погнали оленей. Ехали семь дней. Остановились на сопке. Отдыхают-разговаривают. Младший ханты сказал:

— Я слышал, что земля трех Выли — неблизкая земля. Снег глубокий — оленю плохо идут. Ты возьми мою нарту, возвращайся. Я стану на лыжи, попробую дойти до земли трех Выли. Если не одолею дорогу, вернусь.

Едва Марендя-родственник скрылся, Ханты надел шкуру, сказал:

— Шкура, шкура, доставь меня в землю трех Выли. Там шкура опустила ханты возле чумов. Чум старшего Выли не спутаешь — он богатый. Направился туда. Старший Выли лежит, растянувшись в постели. Почувствовав холод, сказал:

— Подуло от двери. Что к нам вошло?

Жена сказала:

— Никто не вошел.

Тогда ханты заговорил:

— Кто же придет? Я пришел. Вести о вас дошли до меня. Говорят, что у трех Выли есть неслыханной красоты невеста. Она стоит неслыханно дорого — все сваты уезжают ни с чем. Отдай мне сестру!

Старший Выли не знает, что делать: голос есть, а говорящего не видно. Он сказал жене:

— О, это плохие вести. Наверно, отдадим единственную сестру. Позови среднего Выли.

Женщина выскочила из чума. Когда она пришла к среднему Выли, тот удивился:

— Жена старшего Выли, ты обычно к нам не приходишь, что у вас случилось?

Жена старшего Выли привела в свой чум среднего Выли. И он услышал слова:

— Я здесь нахожусь. Я двинулся из своей земли на вашу землю, меня к вам привела ваша известность. Говорят, что у трех Выли есть сестра, за которую просят неслыханный выкуп — от вас возвращаются ни с чем все сваты. Отдайте мне вашу сестру!

Оба Выли не знают, как поступить: голос слышен, а говорящего не видно. Такими их слова были:

— Если согласится младший брат, то, наверно, отдадим.

Пошли за младшим Выли. Привели.

— Что случилось, братья? — спрашивает младший Выли.

— Какой-то дух явился к нам, требует нашу сестру, — отвечают старшие братья.

— Где обитающий дух? Зачем явился сюда? — спрашивает младший Выли.

— Я пришел, — говорит невидимый ханты. — Я пришел за вашей неслыханной красоты сестрой. Все сваты от вас возвращаются ни с чем. Но мне вы сестру свою отдайте.

Все Выли теперь задумались. Им страшно: какой-то дух находится в их чуме, требует их сестру. Как быть? Старший Выли говорит жене:

— Жена, свари жирного мяса.

Опять, как в прошлый раз, ханты съел всю жирную часть мяса, оставил постную. Старший Выли сердится на жену:

— Я же велел сварить жирное мясо.

А ханты говорит:

— Это я съел сало.

Поели братья молча. С левой стороны от них сидит крупная женщина с тремя накосницами — видно, это их сестра.

Поели в чуме и легли спать.

Утром старший Выли толкнул локтем жену, сказал:

— Разожги огонь и свари мясо.

Жена сварила мясо. Сели есть. Старший Выли сказал:

— Наверно, дух исчез.

В ответ из нежилой части чума послышалось:

— Я здесь, кто же уходит, оставив женщину?

Тогда Выли пригнали оленей. Каких только работников у богатых Выли нет! Они вытянули нарядный трехрядный аргиш. Когда на оленях не хватило мест для украшений, колокольчики привязали к их рогам. Звенят колокольчики, созывают народ. Народу собралось много.

Ханты велел Выли посадить сестру на нарту, отвести аргиш к углубленной местности. И сам направился туда. Дойдя до места, ханты обмотал уздечку два раза вокруг шеи, привязал конец к поясу, тогда и сказал:

— Шкура, шкура, унеси меня на сопку, туда, где мы расстались с Марендей.

Трехрядный аргиш взвился к небу. А внизу три Выли сказали:

— Мы стали людьми, нужными небу. Единственную нашу сестру забрал всевышний бог Нум.

Ханты с девушкой и со всем трехрядным аргишем, со всяким добром опустился на сопку, где с Марендей расстался. Женщине сказал:

— Поставь здесь чум. На будущий год в это время я приеду за тобой. — Затем он сказал: — Шкура, шкура, опусти меня возле моего чума.

Опустился возле чума, спрятал шкуру. Вошел в чум, сказал Марендей:

— Эта земля такая далекая, что я не дошел до нее, вернулся.

Они стали здесь жить. Прошел год. Однажды ханты сказал жене:

— Свари мне мясо. Сегодня мы с Марендей поедем.

Потом сказал Маренде:

— Мы сегодня с тобой поедем. Я покажу тебе места промысла. Ты когда-нибудь скажешь: «Был у меня родственник младший ханты, эти места мне показал».

Они поехали. Неизвестно, сколько они ехали, но увидели чум. Вошли в него. Женщина неслыханной красоты сварила мясо. Покормила мужчин. Младший ханты сказал:

— Женщина, время настало, разбери чум.

Женщина не хочет разбирать чум, сопротивляется. Тогда младший ханты сказал Маренде:

— Разбери чум.

Марендя разобрал чум. Женщину посадили в женскую нарту. Поехали.

Приехали домой, распрягли оленей. Разостлали две постели. Начали жить.

Живут три года. Как только минул третий год, Марендя сказал:

— Завтра начнем кочевать со всеми оленями в сторону большого города. Я не платил налог царю уже три года.

Они откочевали со всеми оленями. Целый месяц кочуют. По истечении месяца Марендя сказал:

— Уже близко, поставим здесь чум. Отсюда будем ездить. Большой город в семи днях езды отсюда.

Поставили чум, поели. Легли спать. Как только повернулось созвездие Большая Медведица, Марендя толкнул локтем в бедро женщину Выли:

— Разожги огонь, поедим.

Поели.

Младший ханты корчится, со стоном говорит:

— Придется, видно, вам ехать вдвоем. Я не смогу. Если я умру, то мое тело здесь и найдете.

Его родственники нагрузили нарты. Поехали. Как те уехали, он знает себе лег спать. С наступлением седьмого дня встал, сварил мясо, поел. Выбежал из чума, сказал:

— Шкура, шкура, опусти меня на краю царского города.

Опустился на краю царского города. Увидел, что его родственники только въезжают в город. В городе направился по прямой улице, сам в шкуре. Видит, на улице уборная. Мужчина, чистящий уборную, каждый раз чуть не падает за пешней. Посмотрел внимательно. А это, оказывается, старший ханты, его брат. Опять зашагал дальше.

Возле дома богатого купца увидел какого-то мужчину, колющего дрова. Посмотрел краем глаза — да это же его средний брат.

Затем младший ханты вошел в царский дом. Великий царь сидит за каменным столом. Советники его, семь советников, тут же сидят. Тут же и три Выли. На груди у них ордена с царскими лицами. Оказывается, схватили Марендю, привели к царю, судят его. Три Выли вскричали разом:

— Вот! Марендя забрал нашу сестру!

Царь спросил:

— Каким же судом мы его засудим?

Три Выли сказали:

— Нужно повесить Марендю!

Семь солдат тотчас загородили Маренде дорогу семью саблями. Увели его. За ними пошел и ханты. Царь велел одному советнику проследить за казнью.

Младший ханты взмахнул шкурой за спиной Маренди, и семь солдат с криком вздернули на виселицу царского советника. Вернулись солдаты к царю. Царь спросил:

— Вы повесили Марендю?

— С ним покончено!— ответили солдаты.

Царь взглянул и сказал:

— Вон ведь Марендя, за вашими спинами!

Царь увидел, что нет его советника, сказал:

— Вы, кажется, повесили своего. Сейчас вы сожжете Марендю, зажав клещами, на семи кострах.

Опять семь солдат увели Марендю. Царь отправил двух своих советников наблюдателями. Вот-вот должны были зажать Марендю клещами. Ханты взмахнул шкурой, и от царских советников остался лишь пепел. Солдаты вернулись в царский дом. Царь спросил:

— Вы убили Марендю?

— Сейчас мы его прикончили,— ответили солдаты.

— Вон же стоит Марендя за вашими спинами! Вы своего убили. Затолкайте этого разбойника в яму!

Опять солдаты повели Марендю. Теперь царь отправил с ними четырех своих советников. Вот-вот должны были втолкнуть Марендю в яму, а ханты взмахнул шкурой. И солдаты затолкали в яму советников царя. Советники царя полетели в яму, напоролась на остро наточенные железные прутья. Закончили солдаты свою работу, пошли к царю. Царь спросил:

— Ну что, прикончили Марендю?

— Мы прикончили Марендю,— ответили солдаты.

Царь начал искать своих советников, не нашел и сказал:

— Вот же Марендя! Теперь моя голова иссякла. Ничего не могу придумать. Марендя оказался сильнее меня! Теперь,

мой верные солдаты, выведите трех Выли на улицу. Распальте их возле двери — это из-за них погибли все мои семь мудрых советников.

Долго ли будут возиться с тремя Выли? А Марендя только сейчас начал гостить по-настоящему. Заплатил налог за три года. А ханты выскользнул на улицу. На улице снял шкуру, зашагал по улице. Подошел к среднему брату. Сказал:

— Ты когда-то не был похож на сегодняшнего человека, который колет дрова купцу. Казалось, ты не будешь склоняться под тяжестью топора. А теперь колешь купеческие дрова, кланяешься купцу за кусок еды.

Средний брат рассердился, бросился с кулаками. Младший ханты сказал:

— Не обязательно тебе бросаться на меня с кулаками. Ты когда-то отдавал мне своих куропаток, объединенных зверями. Когда-нибудь я пришлю человека за тобой.

Зашагал дальше. Дошел до человека, который уборную чистит.

— Старший ханты, когда ты съедал своих куропаток, объединенных зверями, казалось, что никогда не будешь чистить уборные, не думал, что ты будешь еле поднимать пешню.

Тот бросился с кулаками. Младший сказал:

— Не бросайся пока на меня с кулаками. Когда-то средний брат отдавал мне своих куропаток, объединенных зверями. Я пришлю за ним человека. Ты же съедал своих куропаток, не обращая на меня внимания. Ты умри, упав за пешней, смешайся с дерьмом.

Зашагал дальше своей дорогой. Дойдя до окраины города, сказал:

— Шкура, шкура, доставь меня домой.

Полетел домой. Снял шкуру. Семь дней знай себе спит. На седьмой день послышался скрип нарты. Слышно, Марендя пьян. Слышно, сказал:

— Я вот такой! Есть виселицы, есть семь костров, есть ямы-тайники, но в них я не попал.

Его родственник ханты делает вид, что слушает. Ханты стонет, вот-вот умрет — настолько он плох. Сказал Марендя одной из женщин:

— Разожги огонь. Ведь мы оставляли человека. Он еще жив, разожги для него огонь. Мы сами распряжем оленей.

Распрягли, должно быть, оленей. Вошли в чум. Марендя сказал:

— Как себя чувствуешь?

Тот ответил:

— Я плох.

Вытащил Марендя бутылку. Конечно, тому налил вина. Выпив две чаши, ханты сказал:

— Мой друг, оказывается, этот напиток исцеляет от болезни!

Выпив четвертую чашу, ханты сказал:

— Эта вещь очень хороша от болезни! В теле нет никакой боли.

Младший ханты здоровешенек. А Марендя все повторяет:

— Есть виселицы, есть семь костров, на которых сжигают людей, есть ямы-тайники — это не для меня.

Младший ханты говорит:

— Ну конечно, так оно и есть.

Живут в чуме семь дней. Потом откочевали в свой край.

Начали жить здесь. Поставили чум. И здесь живут семь дней. Младший ханты сказал Маренде:

— Мы с женой поедem в свою землю. Вы же останетесь тут, имея тысячи оленей. Ты будешь — Илебя пертя — хорошей жизни опора.

Марендя спросил:

— Вы поедете на оленях?

— Нет, мы не поедem на оленях, — ответил ханты.

Ханты с женой сели в шкуру. Ханты сказал:

— Шкура, шкура, опусти нас в лесу около нашего чума.

Взлетели и вскоре опустились возле чума. Вошли в чум. В чуме неопиcуемая красота.

Сказал жене:

— Ты подожди здесь. У меня есть дело.

Младший ханты вышел, крикнул:

— Младший сын великана, где ты? Иди сюда!

Тот вышел из своего земляного чума:

— Младший ханты, какие вести?

— Возле купеческого дома увидишь человека, колющего дрова. Пойди за ним, — сказал ханты.

Младший сын великана ответил:

— Я его приведу.

Не прошло и мгновения, за которое можно положить табак за губу, он привел под мышкой среднего ханты. Привел и сказал братьям-хантам:

— Пусть вашим домом будет эта лесистая сопка.

Остались ханты здесь жить.

ЭНЕЦКИЙ ФОЛЬКЛОР

ДЕЛИ И ЛАУРЭ

Два брата породы Бай были. Одного звали Лаурэ, старшего Дели. Родные братья они — одна мать, один отец. Теперь старший говорит младшему:

— У нас оленей нет, мы живем бедно. Давай пойдем промышлять диких оленей. Диких оленей пойдем промышлять, все-таки всю зиму, весну, будем мясо есть.

Тогда не было хлеба. Только одно мясо и рыбу ели тогда. Не было иголок, только дикого оленя костями шили. Топоры были каменные.

У младшего брата не было жены, холостой был. У старшего брата была жена из рода Нгузундэй. Младший брат говорит:

— Пойти-то пойдем, может быть, оленей убьем. Но можем мы и души потерять. Ведь есть тунгусы — шитые лица, которые людей убивают. (Вот такой был тогда порядок!)

— Нет, не думай об этом, пока я живой... Убьют меня, тогда и тебя убьют. Пока я живу, тебя никто не убьет. Об этих тунгусах не говори. Пойдем промышлять.

— Что же, раз ты хочешь. Выше тебя я не буду.

Решили идти. Назавтра встали. Оленей у них всего десять зверей, бедные они.

Оленей поймали и пошли. Чумочек изломали и пошли.

У старшего брата детей нет, сроду не рожала жена. Такие женщины бывают, как бангай¹.

¹ Бангай (энецк.) — бесплодная важенка, самка оленя.

Пошли аргишом. Санки у них, как у тау (нганасан), высокие, с круглыми спинками и поворены¹ наравне с задней доской. У юраков² не так. Пошли, значит. Идут, идут Выше Лузиной есть Хантайка-станок. Баи тогда платили ясак в Хантайку.

Теперь идут. Вот откуда они пошли, все время тайга. Сам идет впереди на голицах³ пешком, затем брат на оленях, а затем жена с аргишом. Они пошли осенью, в сентябре, во время гулянья диких оленей.

Пошли, идут. Есть против Хантайки, на правом берегу Енисея, камень Боггодо-куо. Это конец хребта, который идет от Норильска. До самого хребта дошли, десять дней до него шли, все время бродь, тайга. Под самым камнем чум поставили, против Хантайки на восток.

Когда встали близ камня, старший брат утром из чума на улицу вышел, на камень посмотрел. Камень совсем близко. Над ним нос камня (выступ края хребта) как облако. Говорит с улицы старший брат:

— Ну-ка, младший брат, иди сюда, гляди! На этот камень, навверх если подняться, что-нибудь можно увидеть. Ты не поднимешься ли на него? У тебя глаза острые.

— Как я подымусь на него, он прямо над нами навис.

— Ты кругом иди, а потом иди сюда на головочку камня. Может быть, что-нибудь увидишь, может быть, диких оленей.

Младший брат ушел. Кругом объезжает камень. Долго его ждали. Почему нет? Ничего не едят без него. Старший брат все время его на улице ждет:

— Когда это младший брат подымется против меня на голове камня. О! Теперь брат мой кричит: «Я пришел».

Глянул навверх — прямо против него на выступе носа скалы стоит младший брат. Кричит младший брат:

— За этим хребтом в лесу опять хребет видно, сопку. От тебя его не видать?

— Нет, не вижу.

Стал смотреть и видит рядом с камнем, над лесом чуть сопку видно. Потом опять кричит младший брат:

— За этой сопкой, на таком же расстоянии еще сопка есть, как печка. Ты видишь?

¹ Повор — ремень или веревка, которой закрепляется груз на санках; поворот — закреплять поворотом груз.

² Юраки — ненцы, живущие между Обской губой и правобережьем Енисея.

³ Голицы — лыжи, не обшитые мехом, оленьим камусом

— Нет. Только этот хребет вижу сквозь лес, а второго не видать.

— Старший брат! Я хочу соскочить отсюда прямо в чум. Только боюсь ногу сломать о твердую землю. Мягко было бы, так бы и прыгнул. А то до темноты мне кругом идти.

— Нет, младший брат, не прыгай, тебя насилу видно. Иди лучше кругом, так ничего себе не вередишь.

После этого младший брат пошел, наверное, кругом, что-то замолчал. Старший брат в чум вернулся.

— Ну, что, старуха, ничего есть нету, как будем без еды?

— Еды у нас нет, ни куска мяса, ни куска рыбы нет.

— Ну, будем десятого оленя бить,— говорит старший брат,— когда младший брат придет. Беда есть охота.

Пока они так говорили, и младший брат пришел. Темно стало, ничего не видно. Младший брат вспотел, шапку снял. Зашел в чум и говорит:

Беда как есть хочю.

— Надо оленя бить,— говорит старший брат,— ты иди, поймай одного оленя и убей.

Младший брат только трубочку свою наклал и опять скрылся в тайге. Почти в полночь только обратно пришел.

Говорит старший брат:

Это ты что так долго, закружал в лесу?

Нет, не закружал, оленей не мог найти. Вот одного оленя убил. Нашел этого оленя в лесу.

— Как это ты в потемках убил? Это какой олень, домашний?

Нет, дикий.

Мясо принес?

— Принес, все принес.

Правильно, он дикого оленя принес. Большой, от земли поднять нельзя. Как он один этого оленя принес целиком со шкурой и брюшиной?

Сходил за ножиком старший брат, вынес ножик на улицу. Порол, всю постелю¹ ободрал, брюшину вынул. Олень — жир на крупе как раз на четверть. Он когда обдирал, все искал, куда младший брат убил этого оленя. Ищет, нигде не может раны найти. Как он убил его, удивляется. Потом он голову захотел отрезать. Э! Вот куда он его убил. Около уха голова вся разбита, черная, как будто ударил молотком или палкой. Чем это убил он?

¹ Постель (энецк.) — зимняя оленья шкура.

Отрезал голову и мясо, все разложил по снегу. Ноги, спину, грудь в чум бросил варить. Старуха за кишками пришла, жир с кишок снимать. Когда в котел все мясо сложили, сел старший брат, стали сагудать¹ сердце, легкие, печень, почки, жиру маленько.

— А что, младший брат, не встаешь? Есть не будешь? Вставай!

Ну, встал тот, сел. (У них никого не осталось в чуме. Где хотят, там живут. Оттого дёре² коротко.) Младший брат встал и говорит:

— Ох, устал, у меня что-то крыльца³ болят.

— О! Сооко⁴, как не будут болеть! Когда я опускал твоего оленя, я одну его голову не мог поднять. Как не будут болеть крыльца — один его принес. Пока ты молод, силу не надо ломать. Принес бы половину или четверть, а завтра мы бы вдвоем сходили. Ты молодой, тебе еще долго жить на свете, еще много хватишь горя.

Ну, пусть крыльца болят,— говорит младший брат,— тяжелый-то, тяжелый.

Ты чем убил его, лука ведь с собой не брал.

Младший брат показывает кулак:

— Вот этим его убил. Он бежал в броди (в глубоком снегу), а я рядом на голицах бежал. Поймал за рог и ударил кулаком по шее. Я ведь оленей ушел собирать, палки или топора не было. Теперь не будем голодать. Они в броди тихо идут, я на голицах их догоню. Теперь луки можно не брать. Завтра, если будем здесь, можно промышлять дороги их есть.

— Ну, ладно, кулаком так кулаком. Я не думал, что так можно. Сила в тебе есть. Но все-таки беречь себя надо, тяжелого не надо подымать. Мне скажешь, я пойду тебе пособлю принести.

Ну, ладно. Тут котел сварился, мясо стали есть. Когда мясо съели, Дели говорит:

— Старуха! Голову-то принеси, лоб я обдеру.

Старуха пошла на улицу, голову тащит едва-едва. Ник как не может голову протащить в двери — рога мешают. Пока старуха тащит, Дели смотрит на оленя. Это что? Почему у него лоб белый, ухо разрезано. Отдала жена голову ему и тоже говорит:

¹ Сагудать (энецк.) — есть сырое мясо.

² Дёре (энецк.) — рассказ, предание.

³ Крыльца — лопатки.

⁴ Сооко (энецк.) — обращение к младшему брату.

Это не дикий, это олень (домашний).

Дели смотрит на голову и младшему брату говорит:

Сооко! Ты в дело не попал? Это, однако, олень домашний, тунгусский, однако...

— Ну что ж, пусть, было бы мясо. Я есть хочу. Если это олень, то хозяин придет, мы ему отдадим. Только олень у него большой, ну что же, мы ему два наших отдадим. Все равно бы мы два оленя съели. Ну, давай, обдирай.

— Однако это плохо, это тунгусский олень. Тут плохо, однако, будет.

Мясо едят, сидят без парок¹, голые до пояса. Старший брат сидит на постели на своей стороне, а младший брат сидит на конце доски напротив двери, за огнем.

Старший брат глядит на него снизу и думает: «Как он не подымет такого оленя? Плечи — два плеча человека, грудь — шириною почти сажень. Ну, верно, ему легко было поднять оленя, на руках мясо у него — как сопки наворочены».

Так он своего младшего брата молча разглядывает, но ему ничего не говорит.

Старший брат только два куска жира отрезал, один кусок съел, стал второй есть. Что такое? Дверь приподымается? Ветра нет, а она то подымется, то опустится.

Почему так дверь подымается? — младшему брату говорит. — Ты что это, сооко, так гольшом сидишь? Хоть парку надень. Ну, старуха, погляди дверь.

Старуха посмотрела — нет ничего. А младший брат ест себе, даже думушки не думает, есть ли там что и что его брат говорит.

Потом, когда половину мяса доедать стали, дверь опять поднялась, еще больше, чем давеча. Из-под двери высунулась стрела, рука, держащая лук. Стрела прямо целит в младшего брата, который против двери.

— Сооко! Надевай парку, а то ты уж готовый, вот стрела, — крикнул старший брат.

Младший брат посмотрел:

— Верно. А ну да ладно, пусть целится, я не боюсь.

Старший брат опять глядит. Из-под постели достал свой лук и стал в дверь целиться. Дверь закрылась — заметили. В то время народ, говорят, никогда луки на улице не оставлял; если спит в чуме, то лук всегда около — лежит тут же.

¹ Парка (ненецк., хант.) — одежда из тонких оленьих шкур шерстью наружу.

Старший брат вскочил, дверь открыл и на улицу вышел. Нигде ничего нет. Подумал: «Это так нарочно пугает кто-то. Человек-то человек, руку я видел, лук видел. Как скоро ушел? Я ведь сразу выскочил.

Лук положил свой под голову, и немного погодя спать легли. Всю ночь спали и даже думушки не думали. Младший брат храпит беспрерывно.

Утром поднялись, свет большой уже. Еду варить стали, кушают опять.

— Ну ладно, пойдем промышлять, здесь люди есть. Может быть, люди дадут нам оленя.

Оба на улицу вышли, старший брат ищет след человека, который вчера приходил. Да, правильно, кто-то ходил на голицах, из тайги пришел к чуму и обратно ушел, вот четыре ряда следов. По этому следу пойдем, наденем голицы и пойдем. Старший брат спрашивает младшего:

— Ты пошто свой лук не берешь, сооко?

— Я лук не возьму, а только палку. Ты лук держи, хватит нам одного лука.

— Как оба будем один лук держать? Это мы домашнего оленя вчера ели. Может быть, сердиться на нас будут. Тебя без лука убьют.

— Ну ладно, возьму лук, — сказал младший брат.

Оба взяли в руки луки и пошли. По две стрелы взяли только. Идут по этому следу. Идут на голицах целый день. Когда прошли лес, на круглой лайдочке три чума увидели. У среднего чума на углу сидят трое мужчин без сокуев¹, видно, что тунгусы. Сидят на санке.

Увидели братьев, вскочили на ноги, что-то между собой говорят. Потом в чум зашли. И братья за ними тоже вошли в чум. В нем три тунгуса. На одной стороне — один тунгус, на другой — два. Который один — молодой, на другой стороне — один старик, другой тоже молодой, парень. Две бабы, одна — седая, другая молодая, девка или баба. Братья стоят у дверей. Никто не говорит — садитесь, что ли.

Потом этот старичок стал говорить по-своему с тем тунгусом, который на другой стороне сидит. Тогда тот человек на другой стороне стал рукой махать — садитесь-де сюда.

Старший брат впереди идет. Около этого человека сел. Сел все-таки не близко, в стороне немного сел. А младший

¹ Сокуй (энецк.) — зимняя меховая одежда с капюшоном, надевает ся поверх парки.

брат опять тут сел, на доску против двери, как сидел дома.

Этот тунгус по-своему про оленя спрашивает. Некоторые слова они понимают: «орор» (олени, по-эвенкийски); «лоб белый» поминает. «Не эти ли люди убили?» — по своему говорят с тем человеком, который рядом сидит. Этот человек, который отдельно сидит, говорит старому человеку:

— Я в этого, который за огнем сидит, целился в него, а тот, который рядом со мной сидит, в меня прицелился. Я ушел, испугался. Это удалые люди. Лучше с ними договориться. Пусть за оленя отдадут двух. Но как будем говорить?

Теперь старший брат, Дели, говорит:

— Друг, ежели так добром хочешь, оленя просишь, я тебе два дам, только, пожалуйста, не надо ругать. Это мой брат, молодой еще, у него ум короткий. Каждый день мы хотим есть, голодом живем. Только десять оленей у нас.

Младший брат говорит:

— Старший брат, два оленя таки я не дам. Я вижу, у них оленей много. Они богатые люди. У нас есть один лончак¹ ростом большой, хороший. Дадим его. Если они этого лончака не возьмут, то ничего не дадим.

Старший брат его потихоньку толкает, по-своему говорит:

— Так говорить не надо. Их трое, нас двое. А может быть, их не трое, а больше. Два оленя дадим.

Нет, вот лончака дадим, а если лончака не возьмут, то ничего не дадим.

Говорит тогда старший брат:

— Друг! У меня лончак есть большой. Я его отдать хочу. У моего брата ум короткий, не хочет два оленя давать. Только лончака дает. Да лончак больше быка.

Вот седой человек вскочил на ноги и на эту сторону пересел. Старший брат схватился за нож на ноге (носит нож по-самоедски), держит его за черень². Старик старшего брата по голове гладит, говорит:

— Ося сойда, бай ани сойда. Тунгус добрый, самодин тоже добрый.

Старший брат подумал: «Однако мириться хочет» — и себя по сердцу похлопал, и так они согласились. Старший

брат показал два пальца — два года, лончак. Старик на свое место ушел.

Старик старухе на котел показал, стукнул по нему, потом на улицу показал. Старуха пошла, с улицы половину дикого оленя принесла. Жир как снег. Сварила это мясо и стали кушать. Ничего не говорят, только кушают. Видимо, не сердятся, между собой разговаривают тунгусы. Старший брат шапку надел и брату говорит:

— Ну, пойдем дикого искать, а то уже вечер, а у нас есть нечего.

На улице вышли. За ними сидевший с стариком тунгус вышел. Старший брат, выйдя, лук взял, младший брат лук взял и по своему следу кругом чума пошли. Этот тунгус тоже кругом чума обошел, и, обойдя чум, зовет своего старика:

— Огоннгер, кэл, кэл!¹

Старик со старухой вышли вместе. Старик останавливается, рукой машет, на санку показывает. Старуха расповорала санку, там только одно мясо, гольный жир. Старший брат говорит:

— Это, однако, хорошие промышленники. У них на санках гольное мясо.

Он немного понимал по-тунгусски. Старик две туши мяса вынул, на них показывает и говорит:

— Чум хуруколь, чум хуруколь.

Старший брат говорит:

— Он нам две туши мяса дает, возьмем их, что ли?

Младший брат говорит:

— Как мы унесем, если дает. Тожно прямо домой пойдем.

— Как мы их унесем? На оленях надо было бы...

— Ну, как не унесем? Без шкуры, без брюшины и так унесем.

Старший брат говорит:

— Ну, подними их.

Младший брат взял по туше под мышку и принес их к нему.

Старший брат говорит:

— Ну, сооко, одну понесу. Другую ты неси.

Мясо взвалили на себя, а старик опять подбежал к ним, стал гладить по голове и говорить:

— Самодин добрый, тунгус добрый.

Пошли. Пришли домой. Младший брат говорит:

¹ Огоннгер, кэл, кэл! — Старик, подойди, подойди! (якут.)

¹ Лончак (энецк.) — двухлетний олень.

² Черень — рукоять топора или ножа.

— Лончака как унесем им? Придут ли сами?

— Самы придут, говорили.

— Это шибко добрые люди, мяса нам дали две туши. Я думал, будут ругать. Завтра пойдем промышлять. Еще бы две-три туши добыть. А то оленей у нас десять, лончака еще унесут, есть нечего будет.

Спать легли. Старуха положила обе туши за санку. Еще у нее две санки пустые. Оттого младший брат говорит, что надо еще два-три диких оленя добыть.

Утром встали. Теперь, когда откушались, на улицу вышли два брата. Промышлять будут. Как раз по вчерашнему следу на санках пришли три тунгуса. Оленей к санкам привязали, стрелы и луки достают из санок. Идут к ним с луками. Старший брат говорит:

— Почему так? Ты говорил, что они хорошие люди, а теперь с луками идут, нас бить хотят. Бойко идут сюда.

Оленей собрали, обещанного лончака поймали, старший брат ведет его тунгусам. Тунгусы говорят:

Тунгус добрый, самодин тоже добрый.

По голове глядят, все равно такие, как и были. Свои луки, стрелы положили на санки, обратно по своему следу пошли и увезли этого лончака. Когда тунгусы ушли, братья отправились промышлять на голицах в тайгу. Целый день ходят, ходят, ничего не могут найти. Ни одной лайдочки не могут найти, гольная тайга, следов нет, ничего нет. Ночь настала, старший брат говорит:

— Теперь кружать станем, как домой пойдем?

Младший брат говорит:

— Попадем как-нибудь.

Младший брат все идет вперед. Идут, идут, идут. Свет потухает. Какая-то большая сопка впереди попалась. На самой сопке лесу нет, по краям ее лес. Младший брат говорит:

— Подыдемся сюда на сопку. Посмотрим, что у нее наверху. Верх у нее плоский, не острый, а круглый, как чаша.

Старший брат говорит:

Ну, давай посмотрим, что это, интересно, такое. Что за сопка такая не острая.

Взошли на сопку. Ну, зима, зима здесь. Тосреди сопки яма, как котел. Кругом яры, как опки. Зашли туда, в яму. Там гольная трава, птичьн перья, пух. Потом старший брат стал пух рассматривать, нашел в нем одно яйцо и хотел это яйцо поднять. Не может поднять, только покатывает

его так и этак. Большущее яйцо, здоровенное. Младший брат говорит:

— Какой это птицы яйцо? Ты старше меня, скажи, шибко оно большое.

Старший брат говорит:

— Ты яйцо это не знаешь. Есть птица минлэ. Настолько большая, что если она здесь сядет, то крылья ее будут лежать на другой сопке. Наши деды рассказывали — есть такая птица минлэ. Как полетит, ветер подымается. Вон сопка у нашего чума, вот дальняя сопка. Она на этой сопке сидела, а крылья у нее на тех сопках были. Давай яйцо унесем? Только как унесем?

Младший брат говорит:

— Если унести надо, унесем. Я подпояшусь и положу его за пазуху.

Подпоясался и одной рукой взял яйцо и за пазуху положил, а старший брат поднять не мог.

Старший брат говорит:

— Не ломай его, сооко, в чум принесем, мы его есть не будем. Сделаем санку и положим его туда. Это будет каха (шайтан)¹. Положим на санку и будем держать как шайтана и будем счастливы. Оно будет нам давать талан².

От этой сопки стали глядеть. Это та сопка, на которую они смотрели через лес. Они закружали маленько. Домой дошли без всякой канители.

Теперь до чума дошли. Это яйцо достали из-за пазухи и положили на первую санку. Уговаривает его старший брат:

— Если хочешь шайтаном быть, ты нам навстречу посылай диких оленей, чтобы мы могли их убивать. Если не хочешь быть шайтаном, никого нам не пошлешь, я тебя разобью в крошки.

Он постукал своего шайтана. Потом легли спать. Он говорит:

— Если не принесет ничего, то будем его топором ломать.

Утром встали. Пошли промышлять. Не по той дороге, по которой вчера ходили, а в сторону куда-то пошли.

Недалеко от чума ушли; на хребет поднялись. Диких оленей след нашли. Старший брат говорит:

¹ Ка х а (энецк.) или ш а й т а н — изображение божества из дерева или камня; почитаемый предмет, от которого ожидают помощи.

² Т а л а н (энецк.) — счастье, удача.

О! Вот перед нами десять диких прошло. След-то новый.

Младший брат говорит:

Ну, давай погонимся. Не отставай только, старший брат, от меня. Ты ведь тоже стрелять будешь.

Маленько отошли, старший брат закричал издали, только его лицо видно, увидел диких оленей. Младший брат пошел за ними, впереди брата. Когда дикие олени стали скакать в броди, он пошел рядом с ними.

Младший брат заворотил диких оленей и прямо к чуму их гонит. Старший брат тоже здорово идет, но только на-силу видит, как с дикими наравне идет младший брат. Вот чум уже близко.

Младший брат стал стрелять. Десять диких оленей, всех убил. Последнего убил у чума, видно. Старший брат по следу идет. Видит, что всех оленей тот убил.

— Ино!¹ Правда, твой шайтан талан дал. У самого чума убили, ни одного не упустили. Завтра сделаем ему санку и обратно будем аргишить. А то здесь все-таки народ есть. Что-нибудь, может, с тунгусами будет.

Теперь они домой две туши взяли. На другой день младший брат на оленях все мясо перетаскал, а старший брат санку делал.

Мясо принесли, санку сделали. На санку положили яйцо. Сырой постелью окутали это яйцо, чтобы, когда санка трястись будет, оно не сломалось.

Утром встали. Санки все полным-полны, прямо негде сесть, негде чум положить. Насилу склали все. В некоторых санках по одному оленю запряжено, а сами пешком идут. Пошли.

Долго ли, коротко ли, ехали — и доехали до своего края, где раньше жили. У них было две важеночки и семь быков (лончака отдали). Как на место пришли, олени стали плодиться. Две важеночки отелились. У одной важенки родилось два теленка, у другой тоже два теленка. Все четыре теленка — важенки.

Теперь у них важенок стало шесть. Но вот теперь последнее слово скажем так. Из тех шести важенок оленей вышло — много. Они богатые стали. Старший брат говорит:

— Это нам шайтан помог, оленей принес.

Сытыми они стали.

ХАНТЫЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

¹ и о (энецк.) — обращение к младшему брату.

БАБУШКА СЯСИМИ И ВНУК ИМИХИЛЫ

Жили Имихилы и его бабушка Сясими в маленьком старом домике.

Однажды внук говорит:

— Надо сети поставить, может, какая рыбка попадетсЯ.

— Ты еще такой маленький — руки у тебя не окрепли, ноги у тебя не окрепли. И сетей у нас нет, — ответила бабушка Сясими.

— У моего отца была сеть. Наверно, она сохранилась, — говорит Имихилы.

— Может, и правда сохранились какие сети, — сказала бабушка Сясими и отправилась к амбару.

Сходила бабушка в амбар, поискала там и нашла сеть в одну сажень. Пришла и говорит:

— Вот только такую сеть нашла.

Положил Имихилы эту сеть в мешок и спустился к берегу речки. На берегу стояла калданка — маленькая лодка из осины. Имихилы взял легкие весла, сел в лодку.

Поехал Имихилы по речке, взмахивает веслами. Смотрит — вдали через перешеек виднеется сор¹. Подъехал к берегу. По волоку перетащил лодку, оказался на сору. На мелководье нашел подводное русло.

— Вот здесь и поставлю свою маленькую сеть, — решил Имихилы.

Воткнул кол, привязал конец сетки и стал ее развора-

чивать. А сеть оказалась длинной! Имихилы разворачивал ее, разворачивал. Едва опустит сеть в воду, в каждой ячее рыба!

Только развернул сеть, как тут же стал ее выбирать. Сложил рыбу в лодку, поехал обратно. Стал тащить лодку с рыбой по волоку. Тащил легко. Но лодка вдруг отяжелела — не сдвинуть с места. Имихилы оглянулся — в лодке сидит лесной дух Менгк, улыбается.

Менгк! Менгк! Отпусти лодку, мне надо быстреей домой. Дома бабушка меня ждет голодная.

А Менгк сидит в лодке, только улыбается.

— Сейчас дам веслом по шее! — сказал Имихилы.

Отпустил лодку Менгк. Имихилы тянет дальше свою лодку. А она опять стала тяжелой. Оглянулся — тот же злой лесной дух Менгк. Имихилы схватил весло, ударил его по шее.

Дотащил лодку до воды, поехал домой.

Усталый Имихилы прилег отдохнуть, а бабушка Сясими перетаскала рыбу, почистила, повесила на вешала вялить. Из внутренностей рыбий жир вытопила.

Настал вечер, бабушка Сясими будит внука:

— Вставай, внучек, уже вечер. Поешь.

Имихилы проснулся. Оказывается, и правда уже вечер. Поел, попил чаю.

— Я еще раз поеду на рыбалку.

С той же сетью поехал по вчерашнему пути. Перетащил волоком лодку. Приехал на место рыбалки. Опять в то же русло поставил свою сеть в одну сажень. Опять сеть оказалась очень длинной, и опять в каждую ячейу попала рыба. Тогда Имихилы и говорит:

— Хватит! Возьму столько рыбы, чтобы моя старая бабушка Сясими могла справиться.

Наполнил лодку рыбой только наполовину, поехал обратно. Подъехал к волоку. Снова стал тянуть лодку через волок. Тут опять лодка отяжелела. Оглянулся — двухголовый Менгк ухватился за лодку и тянет ее к себе.

— Менгк! Менгк! Отпусти лодку, мне надо быстреей домой — рыба испортится, пропадет.

А Менгк не отпускает, тянет лодку назад.

— Сейчас дам веслом по шее.

Менгк отпустил лодку. Имихилы опять стал тянуть свою лодку.

А лодка опять стала тяжелой. Имихилы схватил весло, стукнул Менгка по шее.

¹ Сор — разлив (залитые в половодье низменные места, луга)

Сел Имихилы в лодку, поехал домой. Пристал к берегу. Усталый Имихилы прилег отдохнуть, а бабушка Сясими перетаскала рыбу домой, почистила, повесила на вешала вялить

Напекла бабушка лепешек. Когда управилась с рыбой, разбудила внука.

Имихилы поел. Потом собрал сеть, сел в лодку, опять отправился на то же место. Как и вчера, сеть тут же наполнилась рыбой. Поехал Имихилы домой. На том же волоке лодка опять стала тяжелой. Имихилы оглянулся — трехголовый Менгк схватился за другой конец его лодки, стоит, улыбается. Имихилы рассердился, говорит:

— Сейчас ударю тебя веслом!

Менгк отпустил лодку. Имихилы двинулся дальше. Менгк снова схватился за борт.

Имихилы стукнул веслом трехголового Менгка по шее.

Сел Имихилы, поехал домой. Пристал к берегу.

Имихилы вытянул лодку на берег, повесил сети сушить, поел, попил и говорит:

— Хватит. Три раза съездил на рыбалку. Теперь другим делом займусь.

— Внучек мой, зачем ты хочешь уехать! Сиди дома. Отец твой ездил, отец твоего отца тоже не сидел дома. Где они сейчас? — говорит бабушка Сясими.

Имихилы сел в свою лодку-калданку, поехал по великой Оби. Ехал-ехал, видит — кто-то впереди ловит рыбу маленькой сетью. Подплыл ближе. Оказывается, это лесной дух Менгк ловит рыбу. Менгк добыл большую щуку.

— Дядя Менгк, здравствуй! — сказал Имихилы.

Менгк даже не пошевелился. Имихилы второй раз говорит:

— Дядя Менгк, здравствуй!

Менгк не шевелится, молчит.

На третий раз Имихилы тронул его концом весла. Менгк только тогда открыл глаза.

— А, Имихилы, это ты! Такой взрослый стал! Я здесь долго сижу, ничего не могу добыть. Наверное, на твое счастье, добыл одну щуку. Отнеси щуку на берег, в мой дом. Одну половину щуки пусть съедят сырой, другую половину пусть сварят. Ты поешь, тогда и поезжай дальше.

Имихилы пристал к берегу, смотрит — стоит большой дом. Несет он щуку, а она такая большая, что хвост по земле тянется. Вошел в дом. Видит: сидит жена лесного духа.

— Здравствуй, жена Менгка! Менгк добыл щуку. Просил,

чтобы одну половину сырой съели, другую половину сварили и меня накормили.

Жена Менгка встала, пошла в передний угол, схватила большие рога и стала бить Имихилы. Била-била, вытолкала за дверь.

— Иди! Я тебя накормила, — сказала жена Менгка.

Имихилы проглотил слюну, отправился к берегу.

Ну как? Накормили тебя? — спрашивает Менгк.

— Накормили, накормили!

— Если накормили, то хорошо.

Имихилы сел в лодку и поехал дальше. Ехал-ехал, смотрит — вдали что-то виднеется. Это, оказывается, двухголовый Менгк рыбачит.

— Здравствуй, дядя двухголовый Менгк!

Двухголовый Менгк даже не пошевелился. Имихилы еще раз к нему обратился:

— Здравствуй, дядя двухголовый Менгк!

Менгк не шевелится, молчит. На третий раз тронул его Имихилы концом весла. Менгк очнулся, открыл глаза и говорит:

— А, Имихилы, это ты! Такой взрослый стал! Я здесь долго сижу, ничего не могу добыть. Наверное, на твое счастье, добыл одного налима. Отнеси его на берег. Печень съешь, саму рыбу пусть сварят.

Имихилы взял налима, поехал к берегу. Подошел к дому, смотрит: жена лесного духа с детьми сидит.

— Это двухголовый Менгк добыл налима. Велел дать мне печень, а саму рыбу сварить.

Жена Менгка молча встала, в переднем углу нашла звериный рог, стала бить Имихилы. Била, била, вытолкнула на улицу. Имихилы слезы из левого глаза смахивает в правую сторону, слезы из правого глаза смахивает в левую сторону. Плачет, идет к берегу. Двухголовый Менгк спрашивает:

— Ну как, накормили?

— Как не накормят! Печень я съел, рыбу сварили.

— Тебя накормили, хорошо.

Имихилы поехал вверх по Оби. Ехал-ехал, смотрит — впереди что-то виднеется. Подъезжает. Это трехголовый Менгк сидит, рыбачит.

— Здравствуй, дядя трехголовый Менгк!

Трехголовый Менгк даже не пошевелился. Имихилы еще раз поздоровался, Менгк молчит. Тогда Имихилы тронул духа концом весла.

— А, Имихилы, это ты! Как ты вырос! Я тут давно сижу,

плохо рыба идет. На твое счастье, добыл одну нельму,— сказал Менгк.— Отнеси на берег. Печень сырую съешь, рыбу пусть сварят.

Имихилы взял нельму, поехал к берегу. А на берегу стоит большой, из толстых бревен, дом. Вошел. Жена лесного духа с детьми сидит.

— Это трехголовый Менгк добыл знатную нельму. Велел дать мне сырую печень, а саму рыбу сварить.

Жена лесного духа встала, в переднем углу нашла громадные рога, стала бить Имихилы. Била-била, вытолкнула за дверь. Имихилы плачет, слезы из левого глаза смахивает в правую сторону, слезы из правого глаза смахивает в левую сторону.

Пришел на берег, Менгк спрашивает:

Ну как? Накормили тебя?

Как не накормят! Печень я съел сырой, рыбу сварили.

Тебя накормили, хорошо.

Имихилы сел в лодку, поехал вверх по Оби.

Ехал-ехал. Проехал мимо деревень, показался город. К одному дому подошел, а дом золотой. Дверей нет, окон нет. Нашел обуглившуюся щель. Локтем толкнул, а это дверь, она открылась. В доме сидит старец с белой бородой:

— Дорогой внучек Имихилы, откуда ты взялся? Руки твои еще не стали руками, ноги твои еще не стали ногами, зачем ты так далеко едешь? Твой отец и дед тоже ездили, где они сейчас?

— Я езжу, почтенный дедушка, чтобы узнать свою землю, на белый вет посмотреть.

Посадил старец Имихилы за золотой стол, а на столе всякая еда: и сахар, и вино. Сидят, едят, пьют. И тут послышался какой-то шум. Небо закачалось, земля зашаталась.

Имихилы и говорит:

— Посмотрю, что там случилось?

— Сынок, зачем выходить? Мои люди вышли, они справятся.

И правда, все тихо. Старец и Имихилы опять едят, беседуют. А на улице опять как загрохочет. Имихилы вскочил:

Я посмотрю-ка, что происходит.

Вышел. Видит много воинов вокруг. Многие из воинов уже мертвые лежат, некоторые в деревья превратились. Откуда ни возьмись лесной дух Менгк появляется.

— Имихилы, давай сделаем-ка железную площадку для игры на двоих,— говорит Менгк.

— Тебе захотелось поиграть, ты и делай,— ответил Имихилы.

Менгк бросил кольцо на землю — получилась железная площадка для битвы, по краям площадки — острые железные прутья.

— Сейчас,— говорит Менгк,— будем здороваться. Встань в тот угол площадки. В эту сторону здоровайся,— предлагает Менгк.

Имихилы говорит:

— Тебе захотелось здороваться, ты и здоровайся.

Менгк встал в дальний угол железной площадки. В сторону Имихилы идет, здоровается, пытается поймать руку. Менгк бросился на Имихилы, Имихилы изловчился, прыгнул в сторону. Лесной дух угодил на острие железа, так и остался.

Откуда ни возьмись появился двухголовый Менгк.

— Имихилы, давай сделаем-ка железную площадку, говорит двухголовый Менгк.

— Тебе захотелось поиграть, ты и делай,— ответил Имихилы.

Бросил двухголовый Менгк кольцо — получилась площадка для битвы.

— Начинай, Имихилы, здороваться!

— Я не умею здороваться. Тебе захотелось здороваться, ты и здоровайся!

Двухголовый Менгк ушел в дальний конец. Медленно двигается в сторону Имихилы, здороваясь. Имихилы выбрал удачное место. Когда двухголовый Менгк бросился, Имихилы упал ему под ноги. Менгк споткнулся, наткнулся на железное острие. Так и остался, не пошевелился даже.

Тут же появился трехголовый Менгк.

— Имихилы, дружище, сделаем-ка железную площадку для игры,— предлагает Менгк.

— Тебе захотелось поиграть, ты и делай,— отвечает Имихилы.

Бросил трехголовый Менгк железное кольцо на землю получилась железная площадка для битвы, по краям острые железные прутья.

Сейчас, говорит трехголовый Менгк, будем здороваться. Встань в тот угол площадки. В эту сторону здоровайся, предлагает Менгк.

Имихилы отвечает:

— Тебе захотелось здороваться, ты и здоровайся.

Трехголовый Менгк встал в дальний угол железной площадки. В сторону Имихилы идет, здоровается, пытается поймать руку. Имихилы изловчился, ударил злого духа. Тот упал, напоролся на железное острие. Так и остался, не шевельнулся даже.

Имихилы развел большой костер и всех Менгков побросал в огонь.

А чтобы больше на земле ханты не водилось злых духов — вверх летящие искры вверх не пустил, вниз летящие искры вниз не пустил.

Покончив совсем с Менгками, вернулся Имихилы к старцу.

— Теперь, — говорит, — небо больше не будет качаться. С белобородым, с белоголовым старцем Имихилы посидели, поели. Старец и говорит:

— Слушай мои слова. Я их тебе оставляю. Живи так, чтобы все три угла твоего дома были полны зверями, рыбой, всякой едой. В четвертом углу пусть всегда сидят мужчины и женщины.

Сказал старец эти слова и исчез. То ли на небо забрался, то ли в землю провалился — кто его знает.

Имихилы к берегу пошел, сел в лодку. Поехал.

Доехал до дома трехголового Менгка, пристал к берегу. Жена трехголового Менгка увидела его, ласково позвала — Внучек, иди отведай вкусной нельмы.

— Если ты добрая хозяйка, почему, когда я хотел есть, побила меня и выгнала?

Схватил ее, бросил в лодку, поехал дальше. За поворотом сказал:

— У этой излучины реки будешь тихой заводью. Пусть в бурю люди найдут у тебя спасение.

Приехал к жене двухголового Менгка. И ее наказал за недоброту и жадность — она стала заводью на другом повороте Оби.

А жену лесного духа Менгка, которая пожалела для Имихилы шуки, превратил в заводь на третьем повороте Оби.

Добрался Имихилы до своего дома. А у бабушки Сяси ми обвалились три угла дома, в четвертом углу сидит она и поддерживает последние догорающие угли очага. Имихилы подошел к Сяси ми, наступил на тлеющий уголь. Вспыхнул уголек, выстрелил искрой. Вздрогнула бабушка. Смотрит — рядом с очагом стоит ее внук Имихилы, а чуть в стороне —

молодая девушка в красивом сахе — хантыйской одежде, расшитой прекрасным орнаментом.

Наверное, это девушка появилась из искры домашнего очага, который так долго нянчила бабушка, пока ее внук в дальних странствиях был.

— Сяси ми, это я приехал, твой внук. Вижу, вы меня здесь долго ждали. Я рад, что Султум делила с тобой твое одиночество, — сказал благодарный внук.

И стали они жить. Наверно, до сих пор живут.

ЧЕЛОВЕК РОСТОМ С МИЗИНЕЦ

Жил-был Человек ростом с мизинец. Так его и звали. Жили с ним два брата и старшая сестра. Большую часть своего времени он проводил с авкой¹. Ох и ухаживал он за ним, ох и холил!

Однажды братья позвали его в море бить зверя. Собрались на охоту.

Человек ростом с мизинец запряг своего авку и еще двух хоров. Братья, не дождавшись его, вскочили в свои нарты и умчались. Когда уехали братья, он зашел домой надеть теплые кисы — легкую меховую обувь — и попить на дорогу горячего чая, крепко заваренного на березовой чаге.

У сестры его на среднем пальце золотое кольцо было.

— Брат, — говорит она, — поменяемся кольцами. Может, когда-нибудь тебе драться придется. Кости твои еще не окрепли, мышцы еще не налились силой. Уезжавшие в море редко домой возвращались. Много опасностей тебя там ждет. Через кольца мы будем друг друга помнить.

Кольцами обменялись. Человек ростом с мизинец помчался на нарте дорогой старших братьев.

Долго ли, коротко ли ехал — к морской косе выехал. Огляделся и видит: слева женщина стоит, навесившая на уши вместо серег ягоды спелой морошки.

— Человек ростом с мизинец! — говорит она. — Здравствуй! В плохую сторону путь держишь. Кости еще не окрепли, мышцы еще силой не налились. Ездившие туда в беду попадали, многие обратно не возвращались. Что бы тебе дать?

¹ Авка — прирученный олень.

На среднем пальце у нее переливалось золотое кольцо.

— Обменяемся кольцами,— говорит женщина и протягивает ему свое кольцо.— Когда-нибудь тебе кулаками драться придется. Долго ли, коротко ли проеъдишь, если останешься жив, не забудь меня, наведайся.

Только успела она сказать это, как тут же исчезла, только голая земля под ногами лежит.

Тронулся он дальше. Выехал на берег моря. Братья его уже на льду охотятся, тюленей добывают.

Человек ростом с мизинец дальше братьев в море поехал и стал тоже охотиться. Добыл одного тюленя. Но тут вдруг такой туман опустился, что не видать вытянутой руки.

Хотел он разделать тюленя, но подумал: «Вдруг братья уже домой собрались. К ним поеду».

Бросил тюленя на нарту и направился в ту сторону, где братья охотились. Подъехал, а там только следы нарт и остались. И тут заметил он, что льдину от берега оторвало и в открытое море гонит. Когда рассеялся туман, он едва лес на берегу разглядел через широкую полоску воды.

Человек ростом с мизинец распряг авку и говорит ему:

— Ты хотя бы весть братьям и сестре отнеси. Умру так умру. Долго ли, коротко ли здесь пробуду, вернусь, если живым останусь.

Авка прыгнул в воду и, отплыв на расстояние броска аркана, вернулся обратно. Положил голову на кромку льда и говорит:

— Вода теплом сильно отдает. Садись ко мне на спину: умрем, так пусть вместе. Вода теплая, не замерзнем.

Человек ростом с мизинец поцеловал авку и отпустил. Олень отплыл на расстояние броска аркана и опять вернулся. Голову положил на кромку льда и говорит:

— От чистого сердца прошу тебя. Садись ко мне на спину. Умрем, так пусть вместе умрем.

Опять отпустил он авку. Отплыл олень на расстояние полета стрелы и вновь вернулся. По грудь в воде плавает и говорит:

— Умрем, так пусть вместе умрем. Зачем тебе мучиться?

— Нет! — отвечает Человек ростом с мизинец.— Не доплыть нам вдвоем до берега. Между землей и водой ты обессилеешь. Лучше уж ты один плыви, отнеси домой весточку.

Авка развернулся и, рассекая грудью воду, поплыл

к берегу, который виднелся тоненькой ниточкой. Вскоре олень исчез, словно растворился в воде.

Остался Человек ростом с мизинец в открытом море без еды и воды. Пришлось заколоть двух оставшихся ездовых оленей. Прошло время, кончилось мясо. Человек и добытого им тюленя съел. Начались голодные дни. Не одну ночь и не один день провел он без воды и пищи. А льдина, на которой он находился, с каждым днем становилась все меньше и меньше. Вскоре совсем маленькой стала — наверно, десяток оленей едва поместится.

Однажды в полусне слышит он, что кто-то шепчет ему в ухо: «Человек ростом с мизинец, вставай! Два корабля приближаются. Если от них отстанешь, других кораблей больше не будет».

Он, испугавшись, вскочил, огляделся кораблей нигде не видать. «Откуда ночью быть кораблям?» подумал он и снова улегся спать.

Вскоре опять кто-то в ухо шепчет: «Человек ростом с мизинец, вставай! Опять два корабля приближаются. Если от них отстанешь, кораблей больше не будет».

Вскочил он, огляделся по сторонам и опять ничего не заметил. «Темной ночью откуда быть кораблям?» подумал и снова лег на нарту.

Чуть было уже не заснул, как слышит: «Если и от этих кораблей отстанешь, ни один больше не проплывет здесь».

Человек ростом с мизинец опять вскочил. На востоке уже утренняя заря разгоралась. Оттуда и выплыли два корабля.

«А что, если,— подумал он,— отойти на край льдины, разбежаться и прыгнуть на идущий корабль? Умру так умру — что больше делать?»

Так он и поступил. Собрал все свои силы, разбежался, прыгнул и пальцами еле-еле ухватился за смолстый борт второго корабля. Саженой триста, наверно, пролетел по воздуху. Поднялся на корабль, зашел в каюту. В каюте одна только женщина сидит. Она его накормила, напоила чаем. Разве жалко еды пришедшему человеку?

Долго ли, коротко ли так прожили, но однажды утром смотрит Человек ростом с мизинец а у женщины голова вдруг стала большой и лохматой, словно на ней распушились снопы.

— Зачем на меня сердись? — сказал Человек ростом с мизинец.— Что ты задумала? Неужели убить меня хочешь?! Сколько мы ехали, сколько мы жили, никогда такого не было.

— Ты ведь не знаешь, — отвечает женщина, — где ты находишься. — Это ведь корабли морских уток — чернети. На впереди идущем корабле их царевна плывет. До нее слух дошел, будто бы я сына родила. Она к нам собирается — тебя посмотреть. Скоро здесь будет. Чернети свяжут тебя... Что мне с тобой делать?

Скоро скрипнула дверь, распахнулась. Человек ростом с мизинец случайно в распахнутую дверь направил палец с золотым кольцом. И царевна чернетей тут же упала. «Кольцо-то волшебное!» — обрадовался он и вытянул палец с кольцом в сторону впереди идущего корабля. Тот сразу же вспыхнул. Царевна чернетей присмирела и вскоре уснула крепким сном.

А женщина ему говорит:

— Если бы ты волшебства не имел — схватили бы тебя чернети и съели. Пока мы ехали, не один человек смерть свою так находил, не одного человека чернети так погубили.

Долго ли, коротко ли так ехали — кто знает. День рождавшийся рождался, день засыпавший — засыпал. Настал штиль. Нигде земли не видать, кругом вода, куда глаз хватает.

Однажды Человек ростом с мизинец вышел на палубу. Рядом с кораблем плыла большая коряга, словно дом огромный. Подумал тут: «Этот корабль меня в землю чертей везет. Неизвестно еще, что меня там ожидает. Край родной далеко позади остался. Что мне в их краях делать? Если прыгну на эту корягу, может, ветром меня к берегу моря прибьет. Если разбежусь, допрыгну до нее».

Человек ростом с мизинец собрал все свои силы, сжался, словно пружина, разбежался и прыгнул.

Стало носить корягу по всему морю. Откуда подует ветер, туда и несет. Вот уже с месяц прошло, наверное. За это время во рту кусочка еды не было.

Вскоре слышит сквозь сон — к берегу его прибило. Он открыл глаза и вылез. На песке, заметенном снегом, видит следы то ли человека, то ли черта. Следы размером с хуван¹, наверно. Неподалеку из лесу на берег ложбина спускается, в ней ручей течет. Рядом куча дров лежит.

Человек ростом с мизинец совсем обессилел, еле ногами передвигает. «Что делать ослабевшему человеку? — думает он. — Лучше уж умереть в этой куче дров. Залезу меж щелей

и спокойно умру, хоть кости на месте останутся, птицы прожорливые не растащат».

Он отыскал узкую щель в дровяной куче, залез в нее и впал в забытие.

Однажды на утренней заре услышал он шум и треск: кто-то ехал за дровами. Показалась оленья упряжка и завернула к куче дров. За первой нартой подошла вторая. Приехали на нартах двое женщин.

Человек ростом с мизинец думает: «Если отстану от этих нарт, то я здесь наверняка умру. Как бы мне залезть на нарту?»

Женщины стали загружать нарты дровами. Когда дров осталось совсем мало, увидели его.

— Что лежит?!

— Кулы! Черт! Людоед!

Одна женщина, крича и плача, вскочила на нарту, дернула вожжу. Другая не успела как следует завязать дрова, растерялась и, не зная, что делать, закричала:

— Черт! Черт меня вот-вот сожрет! Кой-кой! Едят меня!

Человек ростом с мизинец думает: «Если соберусь с силами, залезу на эту нарту, может, и не умру еще. Здесь останусь — наверняка погибну».

Он потихоньку подполз и вскарабкался на нарту. Женщина пуще прежнего заголосила. В беспамятстве плюхнулась на нарту, просвистела хореом и погнала оленей. Так гнала, что упряжные чуть из кожи не вылезли. К чумам подъехала и, бросив оккел — вожжи, кинулась домой.

Из чума послышались голоса.

— Ты что так кричишь?

— Черта увидела! В нарту уселся!

— В нарте сидит? Дайте мне костяную колотушку, я пойду посмотрю.

Вышел мужик на улицу, подошел к нарте. Схватил Человека ростом с мизинец за тесемку малицы, приподнял.

— Когда-то, — говорит мужик, — он человеком был. А теперь — один скелет, одна тень осталась. Далеко от нас живут низкорослые ханты. Из тех краев этот человек к нам попал. Заблудился он.

Мужик обернулся к дочери и сказал:

— Если он вновь станет человеком, считай, что мужа себе нашла. В твоих он руках. Ухаживай за ним.

Место ему в чуме приготовили, постелили новую циновку и белую оленью шкуру.

¹ Хуван (хант.) — площадка для еды.

Что с волшебным человеком случится? Конечно, он выздоровел. Опять стал ловким и сильным. Из пяти неблюевых шкурок сшили ему малицу, кисы с семью полосками узоров смастерили.

В один из дней тесть его в дорогу засобирался.

— Сегодня я тоже, — сказал Человек ростом с мизинец, — стадо пасти пойду. Когда-то и я оленей пас.

Приехали на пастбище.

— В этой земле, — говорит тесть, — когда пасешь стадо, понапрасну не броди. К моему изголовью не приближайся: я сильно пугаюсь во сне.

Тесть в теплой малице разлегся на нарте и захрапел. Человек ростом с мизинец, забыв совет тестя, думает: «Посмотрю-ка я, что у него в изголовье имеется».

К изголовью тестя потихоньку подкрался, видит — там железная трость на лосиной шкуре лежит.

«До чего хорошая трость! Не взять ли мне ее в руки?» — думает он.

Только хотел ухватиться за трость, как тесть вздрогнул и тут же проснулся.

Я же наказывал, сказал тесть, — не подходить к моему изголовью. Пуглив я во сне. И трость мою не бери.

Человек ростом с мизинец отпрянул в сторону и как ни в чем не бывало зашагал дальше. тал он бродить по пастбищу и сторожить стадо. Утром они вернулись в чум.

Вечером Человек ростом с мизинец один собрался на пастбище. Тесть ему говорит:

— Земля эта опасная, понапрасну вокруг стада не броди. Утром вернись обратно. За пастбищем мыс далеко в море выдается. Не ходи туда. Там много людей погибло. Уж очень коварный этот мыс. Упадешь — нам и костей твоих не собрать.

Человек ростом с мизинец разве послушается? Когда рассвело, он обошел стадо и стал бродить вокруг, осматривать местность. И в самом деле, далеко в море выдавался мыс. Крутым и обрывистым был.

Кое-где земля вся вытоптана, кровью человеческой залита. Наверно, много раз здесь люди сражались. Но наш человек никого не увидел. Вернулся домой, поел и лег спать. На следующее утро он и говорит тестю:

— Я тоже свою землю имел, я тоже свою воду имел. Родину свою видел во сне. Она, оказывается, недалеко.

Тесть, слушая его, опустил голову. Сидел так, пока трубку не выкурил, а затем сказал:

— Человек разве останется в той земле, где нашел женщину? Родину свою, какой бы ни была, разве забудет? До твоей земли не слишком далеко: лето и зиму на оленях надо проехать. Только твой путь нелегок. Ты, конечно, дороги не знаешь. До границ твоей земли, так и быть, тебя проведут.

Перед отъездом устроил тесть проводы. Ели-пили на славу!

Когда закончился пир, Человек ростом с мизинец вышел на улицу. Около чума стояло наготове тридцать запряженных нарт. Стали собираться в дорогу. Вещи жены едва уместились на тридцати нартах. Старший сын тестя ехал с ними проводником. Тесть сказал на прощанье:

— Зять мой, пока не скроется чумы, ты назад не оглядывайся.

Но Человек ростом с мизинец разве послушается? Еще не скрылись чумы из виду, он оглянулся назад и увидел: стадо, тянувшееся за ними, собаки разогнали. «Ладно, мне и этого хватит, чтобы безбедно прожить», — подумал он.

Впереди едет старший сын тестя, дорогу показывает. Провожая, тесть наказывал быть осторожными, попусту не останавливаться, переночевав, сразу дальше ехать. «Места опасные, — предостерегал он. — Убить могут».

Так они и едут. Переночуют и снова в путь. Кончилось лето, и, когда наступила зима, проводник их говорит:

— Дом мой далеко позади остался. Может, дома беда какая-нибудь приключилась, пока я здесь. До границ твоей земли доехали. Дальше сами езжайте. В разных чумах не останавливайтесь. Места опасные. Убить вас могут, если надолго задержитесь.

Человек ростом с мизинец дальше поехал один со своей женой. Миновала зима. Настала середина лета. Однажды показались чумы, покрытые белыми оленьими шкурами. Остановились у одного чума, вокруг которого стояло с десятков распряженных нарт. В чуме пир шел. Все были пьяными. Люди из чума высыпали на улицу. В гости зовут. Помогли упряжку распрячь. А их стадо смешалось с оленями стойбища.

Оказалось, что эти люди слуги царя-батюшки, стада царевы пасут. А сегодня они день рождения царя праздновали. Посадили они гостей за стол и стали угощать. Жена нашему человеку на ухо шепчет:

— Сильно много не пей. Кто знает, что у этих людей на уме?

Но разве можно за здоровье царя-батюшки не пить? Минула неделя, вторая. На третьей неделе Человек ростом с мизинец потерял сознание. Не помнит, то ли сверху, то ли снизу небо проплыло.

Когда он очнулся, почувствовал страшный холод. «Почему я так мерзну?» — подумал он. Захотел сесть, да не смог. Живот будто огнем обожгло. Поднес руку, пощупал. Живот, оказалось, кто-то вспорол и все внутренности на землю выбросил. Человек ростом с мизинец, превозмогая боль, их обратно сложил. Послунявил пальцы и провел ими по животу. Раны как не бывало. Даже следа не осталось. Огляделся вокруг. Оказывается, его в костер бросали, весь он золой вымазан. Смотрит — ни чумов, ни людей не видать. Один в зимнем лесу. Одежда на нем почти вся сгорела, остались только изодранные штаны.

Встал на ноги. Куда ни пойдет — везде пустота, нигде ни души. Куда идти? И он пошел, куда глаза глядят, куда ноги несут. Долго ли, коротко ли так шел — и вот вышел на огромное высохшее болото. Видит: посредине болота бежит резвый олень. Пригляделся получше — узнал своего авку. Окликнул его. Авка, узнав хозяина, подбежал. Человек ростом с мизинец смотрит — ошейник весь поистерся, выщел. На шее обрывки веревок болтаются. Авка положил голову на плечо хозяина и говорит:

— Пеший, скоро ли доберешься до родного порога? Садись ко мне на спину.

Человек ростом с мизинец сел авке на спину. Долго ли, коротко ли ехал — дом родной показался. Братья и сестра на прежнем месте живут. Он постучался в дверь и попросил, чтобы ему подали одежду. Одевшись, зашел в дом. Потом рассказал им о своих приключениях.

Дома и стены, и воздух помогают. Скоро Человек ростом с мизинец совсем здоровым стал, крепким, как прежде. Поправившись, взял с собой лук и полный колчан стрел, уселся на своего авку и отправился врагов искать, которые чуть его не убили. Выследил их в густом лесу, на опушке среди семи холмов. Темной ночью всех перебил. Возвратился домой.

В это время до царя весть дошла: мол, есть Человек ростом с мизинец, никто его одолеть не может — он слуг царя перебил, чуть царевну чернетей не умертвил.

И шлет царь такой наказ: «Человеку ростом с мизинец прибыть к нему».

Куда деваться, коль царь велит? Явился к нему.

— Царь-батюшка, зачем меня звал?

— Как зачем? — говорит царь. — Тайна одна неразгаданная есть. Кого ни просил, никто мою просьбу не выполнил. Если ты и в самом деле волшебник — раскрой мне эту тайну.

— Что за тайна?

— Тайна такая. Посредине моря остров вращается. Если тот остров мне не доставишь — не сносить тебе головы.

Что поделать: коль царь послал, надо идти. Отправился за город. Увидел тропинку и пошел по ней. Вышел на песчаную косу моря. Осмотрелся и видит: слева стоит седобородый старик.

— Человек ростом с мизинец, внучек мой! — говорит он. — Куда идешь? Каким зверем, какой рыбой тебя занесло сюда?

— Да вот, дедушка, шел-шел да и пришел сюда.

— К плохому месту путь держишь. Многие сюда приходили, но никто еще вращающийся остров взять не смог. Простым людям остров разве под силу? Только из жалости к тебе раскрою секрет. Тропинка тебя к берегу моря выведет. Покажется вращающийся остров. Он так крутится, что глазам не видно. Вращаясь, остров к берегу подойдет. Когда он окажется напротив тебя, быстрее шагай к нему — он в это время остановится ненадолго. А ты не зевай, хоть топором, хоть ножом отколи от острова кусочек. Этот кусочек в зале у царя на пол брось, и он превратится в остров, а пол до колен водой зальет. Вот и вся тайна.

Только сказал старик это, как тут же исчез, словно никого и не было. Человек ростом с мизинец зашагал дальше. Пришел на берег моря. Действительно, посредине моря остров вращается. Да так, что сразу и не заметишь. Вот остров приблизился к берегу, остановился. Человек ростом с мизинец по воде побежал и стал острым ножом кусок откалывать. Так и сяк пытается, но ничего не выходит. Рубаха и брюки от пота к телу прилипли, пока отколол все-таки. Положил человек осколок в карман, и остров вновь завращался. И сейчас, наверное, вращается. А Человек ростом с мизинец прежней дорогой отправился к царю-батюшке.

Царь к его приходу собрал столько людей, сколько могло вститься в зале его дворца.

— Ну что? Принес ли мне остров?

— Принес.

— Раз принес — покажи народу. Пусть люди посмотрят.

Человек ростом с мизинец вышел на середину зала и бросил осколок на пол. Пока он возвращался на место, пол водой залило до самых колен. Осколок превратился в остров и завертелся. А народ смотрит на это чудо и глаз оторвать не может. Наконец царь сказал:

— Хватит! Останови остров. Надоело смотреть.

Человек ростом с мизинец шагнул на середину зала, взял вращающийся островок, опять превратившийся в осколок, и засунул в карман. Нет острова, нет воды.

— Ну как? — обратился он к царю. — Еще какую тайну имеешь?

— Какую еще тайну имею... — задумался царь. — А вот какую... В какой-то земле, говорят, трехплечистый железный лук есть. Если этот железный лук не принесешь, то шею твою на бревне, как соломинку, перерубят. Если ты волшебник — доставь мне этот лук.

Слово царское разве переступишь? Опять Человек ростом с мизинец тронулся в путь. Пошел по прежней тропинке. Видит — стоит старик с бородой, поседевшей, как ягель. Спрашивает его старик:

— Человек ростом с мизинец! Какой рыбой, какой птицей занесло тебя в эти края? Кости твои еще не окрепли, мышцы еще силой не налились. К плохому месту путь держишь. Сколько сюда людей ни ходило, лук железный никому еще не удавалось достать.

— Меня царь послал. Если не принесу ему этот лук, голову мне отрубят.

— Что поделать? Из жалости к тебе раскрою секрет. Слушай. Пойдешь по этой тропе дальше. Когда коса позади останется, увидишь обвалившуюся кручу. Там, наверху, железный лук стоит, тремя плечами в землю вошел. От какого-нибудь плеча отломи кусочек. Вот и весь секрет.

Только старик сказал это, как тут же исчез, будто и не было.

Человек ростом с мизинец дальше пошел. Подошел к обвалившейся круче. Увидел наверху трехплечистый железный лук. Вот он рвет то одно, то другое плечо, но лук никак не поддается. По лицу пот ручьями бежит, от рубахи пар валит. Наконец отломил кусочек. Засунул его в карман и поспешил обратно.

А царь больше прежнего людей созвал. Камешку негде упасть.

— Ну как? Принес или не принес? — спросил царь.

— Принес.

— Покажи тогда. Пусть народ полюбуется.

Человек ростом с мизинец вышел на середину зала, вытащил из кармана кусок лука и бросил на пол. Сразу же на полу вода появилась, поднялась до колен. Потом вода будто вскипела, взбурлила. Это там нельмы и осетры заплескались. Смотрит народ на это чудо, насмотреться не может. Вот царь, не выдержав, говорит:

— Просто смотреть — какой толк?! Свежую рыбу надо поймать.

Царь зашагал по воде, поймал с трудом нельму. Человек ростом с мизинец ту рыбу взял и сказал людям:

— Он тощую, еле живую рыбу поймал.

Стыдно стало царю. Разозлился он и говорит Человеку ростом с мизинец:

— Завтра с тридцатью солдатами на корабле отправишься в путь. В сторону востока. Сколько кораблей ни посылал, ни один обратно не возвращался. В той стороне, говорят, растет железная береза, охраняющая живую воду. Если эту железную березу мне не доставишь, не посадишь под моим окном, берегись тогда. Твою шею на бревне, как соломинку, рассекут.

Слово царя тяжелое, в сторону не сдвинешь. Куда деваться? Опять пришлось собираться в дорогу.

Наступил новый день. Корабль уже стоял наготове, покачиваясь на волнах. Тридцать солдат на палубе дожидаются. Человек ростом с мизинец пришел на корабль, и они отправились в путь.

Долго ли, коротко ли плыли — семь морей осталось позади. И вот показалось огромное черное море. Вода в море плескалась и кипела. Посредине моря — страшный водоворот. Огромные льдины, наскакивая, так и затягивают под воду. У водоворота корабль остановило, завертело на месте. Человек ростом с мизинец приказал стать на якорь. Корабль сразу перестало кружить. Человек ростом с мизинец тогда зашел в каюту, положил ладони под голову и крепко заснул.

А льдины на море все тянуло и тянуло под воду.

Человек ростом с мизинец, проспав три дня, проснулся и стал одеваться. Надел на себя специально приготовленную одежду, вышел из каюты и сказал:

— Долго ли, коротко ли прохожу — не знаю. Ждите меня здесь. Без меня никуда не уезжайте.

Затем он по якорному канату спустился под воду. Дошел до дна. Огляделся. Неподалеку увидел город, построенный изо льда. Город большой, конца и края не видно. По середине города — трехэтажный ледяной дворец. «Наверное, там хозяйка подземного царства живет», — решил он и направился ко дворцу.

— Человек ростом с мизинец! — сказала хозяйка. — Как добрался сюда? По воде или по земле?

— Меня царь послал. Вот я и явился.

Царевна спустилась вниз, провела его во дворец. Сколько дверей прошел — не сосчитать. Невнимательный человек обратную дорогу и не найдет. Царевна накормила, напоила его.

— Скоро ли водоворот в море прекратишь? — спрашивает наш человек царевну.

То не от меня зависит, — отвечает она. Я еще три лета и три зимы буду затягивать льды под воду. Отца моего надо спросить. Только он может водоворот остановить. Мои мальчики тебя проводят. Когда приедешь к отцу, не забудь их погладить по голове и поцеловать, а затем отпусти...

Вот Человек ростом с мизинец уселся на ледяную нарту. Мальчики прошли сквозь стену дворца и помчали его. Человек слышит только, как вода за ушами журчит да свистит ветер. Так быстро он едет. Приехали вскоре. В дом вошли. Там старик сидит в горностаевой шубе.

— Внулата мои, — сказал он, — что за весть доставили?

— Человека к тебе привезли. Какую новость имеет, какой разговор, он сам расскажет.

— Человек ростом с мизинец, — обратился к нему старик, — здравствуй! Какое горячее дело тебя сюда привело? И на чем добрался ты в эту землю?

Человек ростом с мизинец погладил по голове мальчиков, поцеловал их и отпустил. Затем сказал старику:

— Где-то в этих землях железная береза растет. За ней царь отправил меня. А корабль мой в море водоворот задержал. Скоро ли водоворот остановишь?

— Да-а. Кости у тебя еще не окрепли, мышцы еще не налились силой. Из жалости к тебе, наверное, прекращу водоворот. На три дня. Успеешь за три дня обернуться — значит, вернешься. Не успеешь — значит, погибнешь.

Старик приподнял одну полу шубы — из священного угла вылетели стаи птиц. Приподнял другую полу — выплыли косяки рыб. Запахнул шубу — и птицы, и рыбы исчезли.

Нелёгкое дело тебе предстоит. У меня, может, эту

березу и сумеешь выкрасть. Только одолеешь ли зверей лютых? Железную березу семь свирепых обезьян с семи сторон охраняют. У каждой — острая сабля. Идущий с неба не ускользнет от них. Идущий по земле не ускользнет от них. Идущий с воды — не ускользнет от них. Может, у семи свирепых обезьян березу ту чудом утащишь. Но кроме них дерево морское чудовище сторожит. Спина у него в острых зубцах — и дерево, и железо надвое разрезают. Как ускользнуть от этого чудовища — сам не знаю. Вот сколько опасностей тебя поджидает...

И тут же со стороны священного угла прежние мальчики появились. Старик сказал на прощанье:

— Ты мою дочь, царевну морскую, когда уходить будешь, поцелуй. Она волшебство имеет. Трудно тебе придется, вспомни о ней, она поможет тебе.

Человек ростом с мизинец поблагодарил старика. Сел на ледяную нарту. И опять, как прежде, за ушами только вода журчит и свистит ветер. Прибыл он вскоре к царевне. Встал с нарты и поцеловал ее.

— Если вспомню тебя, — сказал он, — пусть твоя помощь рядом со мной окажется.

Погостив у царевны, Человек ростом с мизинец в путь тронулся. Всплыл и поднялся на свой корабль. На море водоворот исчез уже и дул свежий попутный ветер.

Корабль поплыл дальше. Долго ли, коротко ли плыли и вот показалась береза. Вокруг березы сидят семь обезьян и стерегут ее. Каждая в руках острую саблю держит.

«Если моя сказка дальше пойдет, — подумал Человек ростом с мизинец, — пусть они как сидят, так и уснут».

Корабль пристал к берегу. Тридцать солдат построили мост. Человек ростом с мизинец на берег вышел. Обезьяны как сидели, так и уснули.

— Принесите скорее пилы, — сказал он солдатам. — Спилите железную березу.

Солдаты взялись за работу. Семь пил пришлось заменить, семь раз пришлось их подтачивать. Наконец спилили березу.

— Солдаты! — сказал Человек ростом с мизинец. — На корабль тащите эту березу, поставьте ее вместо паруса.

Тридцать солдат так и сляк пытаются поднять березу, но не могут.

— Ий-я, эй-я! — усмехнулся Человек ростом с мизинец. — Хлеба, наверное, мало ели. Время идет! Поторопитесь-ка!

Опять натужились солдаты, семь потов их прошибло, но никак не могут поднять железную березу.

Тогда Человек ростом с мизинец подошел к березе, приподнял и закинул ее на плечо, понес на корабль и установил на корабле вместо паруса.

Подняли паруса, и корабль поплыл назад. А семь обезьян так и остались спать крепким сном.

На море не было водоворота и опять дул попутный свежий ветер. Оставались позади моря, вокруг корабля хохотали и пенились волны. Однажды посредине моря вдруг разверзлась вода. Выплыло огромное морское чудовище и погналось за кораблем. Спина его вся была покрыта стальными зубьями. Чудовище словно аркан тянулось к кораблю, вот-вот проглотит.

Человек ростом с мизинец вышел на палубу и уставился на морское чудовище. «Хотя и съешь ты меня, подумал он,— разве насытишься? Так, пожирая людей, ты ведь беззубым станешь. Если не хочешь этого — поверни обратно».

Прошло немного времени, и чудовище, словно подслушав его мысли, повернуло назад.

А корабль, поднимая серебристые брызги, вспенивая воду, спешил домой. Вблизи царской столицы, огибая мыс, наскочил корабль на подводный камень и раскололся надвое. Все тридцать солдат утонули. Только Человек ростом с мизинец в живых остался.

Человек ростом с мизинец взял железную березу, сошел с ней на берег и посадил на высоком голом мысу. Затем явился к царю.

— Ну как? Привез или нет железную березу? — спросил царь.

— Привезти-то привез. Только несчастье случилось. Корабль потерпел крушение. Все тридцать солдат утонули.

— А береза где? Где береза?

— Береза вон, из окна виднеется. На мысу стоит.

Хорошо. Не беда, что тридцать солдат утонули. Главное береза доставлена. Только почему там посадил? Я же говорил тебе: посадить березу под моим окном. Иди и посади ее здесь!

Человек ростом с мизинец отправился к мысу, вырвал березу, принес и посадил под царским окошком.

— Ну как, царь-батюшка,— говорит Человек ростом с мизинец,— еще какую тайну имеешь?

— Тайну какую... Сейчас принесут бочку, положат тебя внутрь, заколотят крепко, просверлят в ней дыры и сбросят тебя в море. Попробуй-ка вернуться обратно?!

Как сказал царь, так и сделали. Выбросили его с корабля

в бурное море. Закачавшись на волнах, Человек ростом с мизинец сразу же вспомнил о своем волшебном кольце. Направил кольцо на дырочки в бочке, и их вмиг затянуло.

Долго ли, коротко ли носило его по морю — вот слышит он: прибило его к берегу. Человек ростом с мизинец напрягся, стукнул кулаками по бочке, и та рассыпалась. Он вышел на берег и увидел вдалеке столицу царя, окутанную синей дымкой.

И опять Человек ростом с мизинец явился к царю:

— Ну как, царь-батюшка, еще какая тайна есть у тебя?

Царь долго смотрел на него, будто глазам своим не верил. Потом сказал:

— Есть у меня еще одна неразгаданная тайна. Береза, что ты принес, чудо имеет: день наступит корнями растет, ночь наступит корнями растет. Так и распускается корнями в землю.

Человек ростом с мизинец снял с себя выдровую шапку-ушанку и рассмеялся:

— Если мудрости и ума, царь-батюшка, не имеешь, то пусть тебя в бочку посадят и сбросят в море. И попробуй вернуться обратно!

Сказал царь:

— Не делай этого. Коль денег надо — дам тебе денег. Коль оленей хочешь — бери, сколь надобно.

— Не надо мне ни денег, ни оленей.

— Что же тебе надо?

— Ничего мне не надо, царь-батюшка, кроме свободы! Отпусти меня.

— Дам я тебе свободу в обмен на твою мудрость.

— Это не моя мудрость, царь-батюшка. Это мудрость народа. Вот у него и проси.

Вернулся Человек ростом с мизинец в свои родные края, к братьям своим и сестре. Говорят, женился он на красавице с сережками из ярко-спелой морошки, и сейчас еще они живут-поживают.

КАК МУЖИК НА ЗАРАБОТКИ ХОДИЛ

Жили муж с женой. Жили бедно. Не было у них запасов еды. Собирали крохи — тем и жили. Однажды муж говорит жене:

Пойду я по земле, поищу работу.

Сказал так, собрался и ушел.

Шел-шел он, пришел в город. Нанялся богачу служить. Богач дал мужику унты и сказал:

— Будешь работать у меня до тех пор, пока унты не износишь.

Нечего делать бедняку — сам напросился, согласился на такое условие.

Работает мужик месяц, а унты все как новенькие. Работает полгода — а унты все такие же. Однажды работал, работал мужик да и не заметил, как белобородый старик к нему подошел.

Сказал ему старик:

Я хочу тебе помочь, слушай меня. Унты эти не износишь — они из человеческой кожи. Их можно век носить — все как новые будут. Ты после работы ставь их сушить на горячую печь — кожа потрескается, быстрее изнаются. Когда закончишь службу, хозяин предложит тебе выбор: или триста рублей, или три мудрых слова. Ты денег не бери, а проси, чтоб он сказал три мудрых слова.

Сказав это, старик исчез.

Мужик после работы ставил теперь сушить унты у горячей печки. Когда унты изнасились, пришел он к хозяину и говорит:

— Унты изнасились — кончилась моя служба!

— Ну, что ж, — сказал хозяин. — Только тебе удалось быстро изнасить унты. Выбирай, что тебе нужней: или триста рублей, или три мудрых слова.

Подумал работник и говорит:

— Бедному от трехсот рублей не разбогатеть. Говори мне три мудрых слова.

Тогда слушай внимательно. Когда очень захочешь пить, ищи воду в углублениях между кочками. Когда идешь в чужой дом, приостановись перед дверью. И последний мой совет: когда захочешь что-нибудь перерубить, остановись на мгновение, перед тем как опустить топор.

Выслушал это мужик и думает: «Эх, зря я отказался от денег — что это за мудрые слова, когда их всякий знает».

Делать нечего, отправился он домой. Шел день, шел два, на третий, к полудню, видит — впереди сбилось большое стадо коров и косяк лошадей, а со стадом — люди. Подошел мужик поближе, спросил, что случилось. Оказалось, люди гнали скот в дальние земли и несколько дней без воды шли, много скота потеряли. Теперь вот так обессилели, что дальше идти не могут.

Вспомнил мужик тут первый совет. Нашел воду между кочками, напоил людей и скот. Обрадовались люди и подарили мужику много коров и лошадей.

Теперь в путь отправились все вместе. К вечеру подошли к городу, остановились здесь торговать.

Местный князь пригласил приезжих на пир, а те взяли с собой мужика. Не хотел идти наш мужик, да уговорили.

Подошел он к княжескому дому последним. Только было протянул руку, чтобы открыть дверь, вспомнил второй совет и тут же услышал за дверью такой разговор. Женский голос сказал:

— Сам бог подарил нам сегодняшний день. Сегодня приехали гости в наш город. Случай удобный, чтобы убить мужа: подозрения падут на приезжих. Ты женишься на мне и князем станешь.

Незаметно мужик приоткрыл дверь, у обоих говоривших отрезал от платьев по лоскутку и ушел к себе.

На другой день в городе поднялся большой шум. Оказалось, князя ночью убили. Схватили всех гостей. Стали допрашивать, но никто не сознается. Тут толпа расступилась. Мужик вышел вперед и рассказал все, что слышал и видел вчера вечером. Потом подошел к княгине и тому человеку, что с нею вчера был, достал лоскутки платьев, приложил их — они точно на место легли.

Жену князя и мужчину того тут же схватили. А мужик от горожан большую награду получил.

Отправился мужик домой. Долго шел он, но пришел в свою деревню.

Пришел он в свою деревню и видит: на месте старой его избышки стоит новый дом. Вошел в дом, жену свою увидел спящей. А рядом с ней спал какой-то молодой парень. Не понравилось это мужику. Решил он убить чужого. Взял топор, только занес было над головой, как вспомнил третий совет. А тут и жена проснулась.

Проснулась и сказала:

— Что ты делаешь, безумный! Это наш сын. Сколько времени тебя не было — наш мальчик так вырос!

Стали они жить счастливо. Может, до сих пор живут.

МАНСИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ОТКУДА ЗЕМЛЯ НАЧАЛАСЬ¹

Как землю выловили

Две гагары вниз слетели. Одна большая, другая малая гагарка. Со дна моря землю достать хотели.

Большая гагара в воду нырнула. Нырляла, нырляла — долго нырляла, коротко нырляла, — на поверхность выплыла. Ничего не принесла, дна не достала.

Тогда малая гагарка нырнула. Нырляла, нырляла, наконец вверх поднялась, тоже ничего не достала, до земли не дошла.

Большой гагаре гагарка говорит:

— Давай вместе нырнем!

Нырнули обе. Плыли, плыли, дыхание сдавило, назад вернулись. Выплыли, подышали немного и снова нырнули. Глубоко спустились, до дна все же не дошли, дыхание сперло. Снова вернулись. Выплыли, отдышались и в третий раз нырнули.

Долго спускались, наконец все-таки до дна дошли. Кусочек земли подхватили, в обратный путь пустились.

В этот раз уж очень долго гагары под водой пробыли. Дыхание у них так сперло, что, когда вверх выплыли, у большой гагары из груди воздух вырвался и кровь потекла. Оттого теперь у гагары грудь красная. У малой

¹ В цикле «Откуда земля началась» предпринята попытка связать отдельные эпизоды, которые неоднократно доводилось слышать от манси. Здесь собраны наиболее характерные варианты, так как иногда этот миф можно встретить в явно искаженной форме под влиянием библейских сказаний, проникших к манси через миссионеров.

гагарки из затылка кровь потекла, и теперь у всех малых гагар затылок красный.

Землю на воду положили. Начала земля расти. Скоро с подошву величиной стала, а потом такой выросла, что человеку на ней лечь можно. И все больше и больше растет.

*Как ворон
землю мерял*

На болотной кочке старуха со стариком жили. У старика белый ворон был. Земли всего лишь островок маленький, только курточку поставить, а кругом вода. На месте земля не стояла: северный ветер подует, к южному морю ее погонит, с юга ветер поднимется, землю на север несет.

Старик из юрты своей не выходит, какая-токая земля есть, не знает. Белого ворона однажды посылает:

Землю кругом облети, хочу знать, namного ли она выросла.

Ворон полетел и вскоре вернулся. За то время, что летал он, котел рыбы сварить можно было¹.

Такой земля стала.

Жили, жили, опять посылает старик ворона посмотреть, на сколько земля выросла. Ворон землю всю облетел, через три дня лишь вернулся. Такой земля стала.

Еще сколько-то времени прошло. Старик ворону говорит:

— Землю кругом облети, хочу знать, namного ли еще выросла.

Улетел ворон. Зиму прожили, и вторая зима прошла, ворон все не возвращается.

Старик и ждать перестал: «Погиб где-нибудь ворон». На третий год видит старик — летит какая-то черная птица. Это белый ворон почерневшим прилетел.

— Ну, где же ты летал?

— Я три зимы, три лета летал, насилию землю окружил. Ни одной речки, ни одного озера не пропустил.

— Пока летал, что-то сделал; почему почернел?

¹ Обычный для мансийского фольклора прием измерения времени «Столько времени прошло, что котел рыбы (или котел мороженой рыбы) сварится мог».

— Что сделал? Человек какой-то умер, я его съел. Оттого и почернел.

Человека если съел, уходи прочь. Отныне ты сам зверей убивать, рыбу добывать не сможешь. Человек когда зверя убьет, там кровь подбирать станешь, а ничего не найдешь, голодным будешь.

Ворон улетел. Так и поныне живет.

Опоясывание земли

Иоли-Торум-Шань¹ на землю спустилась. Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. На земле жить стали.

Однажды Иоли-Торум-Шань Сверху-Идущей-Крылатой-Кальм говорит:

— К Верхнему духу², отцу твоему, поднимись. Так ему скажи: «Кожистая земля наша все качается, на месте не стоит. Когда люди на ней появятся, как на ногах стоять смогут? Верхний дух, отец мой, землю нашу укрепи!» Может быть, поясом каким-нибудь он ее опояшет.

Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм к Верхнему духу поднялась. В дом его вошла. Нуми-Торум за столом сидит, правой щекой о посох опирается.

Спрашивает он дочь:

— Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм, какое ты слово принесла, с какой речью ко мне пришла?

Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм отвечает:

Нуми-Торум, отец мой, земля наша, как ни велика уже стала, а все еще движется, на месте не стоит. Человек, когда появится, на ногах устоять не сможет. Ты землю нашу укрепи, каким-нибудь поясом ее опояшь.

Верхний дух голову опустил. Пока так сидел, котел рыбы свариться мог.

Потом голову поднял. Дочери сказал:

— Я сделаю, как ты сказала,— землю опояшу.

Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм из дома Верхнего духа вышла, обратно на землю спустилась.

Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

— С чем пришла, какую весть принесла?

Отвечает ей Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм:

— Нуми-Торум, отец мой, землю укрепить обещал, сказал, что опояшет ее.

После этого Верхний дух пояс свой на землю спустил.

Пояс его тяжелыми пуговицами украшен был. Земля в воду глубоко осела и неподвижной стала. На том месте, где пояс лег, теперь Уральский хребет. Это земли самая середина.

Как человека сделали

Ск ько-то времени прошло. Опять Иоли-Торум-Шань Крылатую-Кальм посылает:

— Пойди к Нуми-Торум, скажи ему: «Земля тепер крепко стоит, надо человека сделать, чтобы жил на ней».

Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм к отцу своему пошла. Далеко ли, близко ли шла — кто узнает. Однажды пришла. Нуми-Торуму говорит:

— Землю ты укрепил. Теперь человека сделать надо.

Нуми-Торум голову поднял, на дочь посмотрел:

— Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там оживите.

Сверху-Идушая-Крылатая-Кальм ушла. Нуми-Торум тогда Тапал-Ойка¹ позвал, человека сделать ему велел.

Тапал-Ойка из лиственницы семь человеческих подобий вырубил. За это время Хуль-Отыр² семь человеческих подобий из глины слепил. Тапал-Ойка говорит:

— Давай, братец, поменяемся, а?

— Нет, не буду меняться,— Тапал-Ойка отвечает,— твои люди глиняные, худые.

— Ну поменяемся,— Хуль-Отыр уговаривает.

— Не хочу своих людей отдавать, вон сколько я с ними бился.

— И я над своими поработал, Хуль-Отыр говорит.—

¹ Иоли-Торум-Шань или Калтащ-Эква — в мансийской мифологии — старшая сестра Нуми-Торума.

² Нуми-Торум — Верхний дух, олицетворение неба.

¹ Тапал-Ойка или Полум-Торум — младший брат (а по другим вариантам — сын) Нуми-Торума.

² Хуль-Отыр — младший брат Нуми-Торума, дух Нижнего мира.

А ты души для них откуда возьмешь? Нуми-Торум тебе душ не давал.

Сидит Тапал-Ойка, голову почесывает.

— Верно, — говорит, — душ-то у меня нет. Ну, а ты моих деревянных людей живыми сделаешь?

— А то как же! Я их оживлю. А из глиняных людей пусть менквы¹ будут.

Тапал-Ойка лиственничных людей Хуль-Отыру отдал, себе глиняных взял. Хуль-Отыр деревянные подобия взял, к Нуми-Торуму отнес. Нуми-Торум спинами к себе их поставил, дунул — куда девались? Тапал-Ойка руки расставил, да ни одного не поймал.

Тапал-Ойка затылок себе почесал. Глиняных людей взял, посмотрел на них. Что же? Глина, и только.

Говорит ему Нуми-Торум:

— Глиняных людей к сестре нашей, Калтащ-Экве, снеси. Корс-Торум² ей души для них отдал. Пусть она их и оживит.

Тапал-Ойка к Калтащ-Экве отправился.

Пришел, говорит ей:

Сестра, этих людей оживить сможешь?

— Оживлю, — Калтащ-Эква отвечает, — только ты отсюда уходи.

Тапал-Ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчине при этом быть нельзя.

Глиняные люди живыми стали. Только век их недолог: глиняные руки, глиняные ноги куда годятся? В воду человек упадет — тонет, жарко станет — из него вода выступает. Из лиственницы сделанные люди крепче были бы и в воде бы не тонули.

Когда люди на земле появились, Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм снова к Нуми-Торуму пошла.

Сказала ему так:

Вот люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем кормиться они станут, от холода тела свои чем прикроют?

Нуми-Торум голову опустил, долго думал.

Потом так ответил:

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм, обратно на землю иди. В тайге, в лесной чаще, много сохатого зверя будет,

¹ Менкв (манс.) — лесной дух

² Корс-Торум — высший дух, мифический хозяин второго, Верхнего мира, отец Нуми-Торума.

на болота, на янги¹ я оленей пушу. Там они жить станут, себе пищу искать, а люди туда на промысел пусть идут

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

— От отца своего какое слово принесла?

— Сказал так Нуми-Торум: «В тайгу, в чашу лесную, в болота сохатых зверей и оленей пушу. Люди пищу себе промышлять туда пойдут».

*Как солнце и месяц достали,
как птицы и звери
на земле появились*

На тундровой кочке старуха со стариком живут. Долго ли жили, мало ли жили — однажды старуха в сенцы вышла. В сенцы вышла, видит — там только что родившийся мальчик лежит. В люльке лежит, плачет.

— Старик, ребенка, пожалуй, в дом внесу?

Старик из дома выскочил, взяли они ребенка, в дом внесли. Женщина его растить стала. Качая мальчика, песни поет. Однажды мальчик молвил:

Мама, укажи мне место, где бы я с кем бороться мог.

— Такое места нет, — отец отвечает.

— Мать, ты, верно, знаешь, укажи мне.

— Есть такое место, — мать говорит. — Дочь Верхнего духа, сказывают, живет. Уж если ты так бороться хочешь, иди туда. Место твоей борьбы там! Небесный отец на нее слово положил: никакой человек против нее устоять не может. Если кто ее ударить задумает, в землю уходит. Семь морей, семь земель насквозь проходит.

Мальчик пошел. Мать ему обломок миски дала.

— Руки твои, ноги твои в беду если попадут, этот осколок разломи.

Поцеловала она его, мальчик пошел. Мать, плача, дома осталась.

Долго ли шел, коротко ли шел, однажды на своей дороге семисуставный посох нашел. На дороге посох воткнул. Посох взял и дальше идет.

Однажды сверху человеческий голос слышится:

— Внучек!

— Что?

¹ Янга — у местных русских — большое чистое болото (с мансийского — янкыл маа).

- Куда идешь?
- Землю посмотреть, силу свою попытать.
- Никакой силы не пытай, я тебе работу дам.
- Какую работу?
- Птиц, зверей делать.
- Как смогу зверей делать? Темно совсем, ни солнца, ни месяца нет. Где я солнце и месяц возьму?
- У Хуль-Отыра они.
- Тэ...

Мальчик три травинки сорвал, скрутил их и дунул. Из рук его когтистый зверек выскочил, вокруг мальчика запрыгал, запищал:

— Великой женщины сын, богатырский сын, что сделать велишь?

— На семь сажен землю копай.

Когтистый зверек землю рыть начал. Так роет, что комья земли как вороны кверху взлетают. Наконец в Нижний мир ход прорыл. Мальчик глянул туда, видит — светло как. И солнце и месяц светят, видно, как люди ходят. Сквозь отверстие комары наверх подниматься стали. Один комар песенку поет:

Пан-панриш-пани-пани
 В Верхнем мире люди живут.
 В Верхний мир я лечу,
 Земных людей кровь пить буду.

Так много комаров поналетело, что вся земля полна ими стала.

Мальчик в Нижний мир спустился, к Хуль-Отыру в дом вошел.

Ты зачем сюда пришел? Хуль-Отыр спрашивает
 Спросить что-то хочю.

— Что же ты хочешь спросить?

— А зачем у тебя комаров так много? Вон сколько их на землю налетело, взгляни-ка.

Хуль-Отыр глядеть стал, а в это время мальчик табакерку свою открыл, щепотку табаку взял и в глаза Хуль-Отыру дунул. Оба глаза ему запорошил, совсем смотреть тот не может.

Хуль-Отыр и солнце и месяц у себя в доме держал.

Мальчик потянулся, месяц и солнце схватил, из дому бросился и бежит. Хуль-Отыр за ним погнался. Мальчик гусем обернулся, дальше полетел. Хуль-Отыр железной чайкой обернулся. Мальчик с криком к Верхнему духу летит.

Отец, отец, вот догонит он меня!

Верхний дух из дому выбежал, кричит вниз:

— Месяц и солнце бросай кверху!

Мальчик бросил их, там они и повисли.

Верхний дух навстречу побежал, блестящий меч свой схватил. Хуль-Отыр меч увидел, с плачем назад повернул. Говорит:

— В светлом месте жить будешь, а я в темноте остался! Души людей ко мне попадать будут — тоже в темноте жить станут.

— Ну, я тебе полсолнца дам.

— Какой уж от половинки свет!

— А не хочешь, так и вовсе без солнца живи.

Верхний дух домой с сыном вернулся. За стол сели. Попили, поели. Мальчик из-за стола встал, с отцом попросился, обернулся гусем и полетел. Летел, летел, на землю спустился. На земле снова человеком стал и пошел. Долго ли, коротко ли шел, в одном месте два камушка поднял. Потер их друг о друга хорошенько пушистохвостая собака появилась, за мальчиком дальше побежала. По дороге он три листика с березы сорвал, в трубочку их свернул, подул — маленький зверек, мышь лесная появилась. Все вместе дальше идут. Мальчик от ели щепотку отломил, наподобие зверька обстругал соболя пушистый прыгнул, за ними пошел. Так, идя дорогой, все новых зверей делает. Голова его куда повернута, туда и идет. Мальчик куда идет, звери за ним бегут. Долго так брел, коротко брел, смотрит вперед на берегу моря огонь виден. Огненные искры кверху взлетают. Туда направился. Пришел, смотрит женщина лежит, спит. При дыхании из ноздрей у нее искры вылетают.

Женщину посохом ударить хотел — в тот же миг скрылась. Под землю провалилась, только голова мелькнула. Матерью данный осколок разломил, кольчуга появилась. Кольчугу надел, за женщиной бросился. Гонится. Долго гнался или коротко гнался, смотрит вперед — видно, вдали женщина бежит.

Когда мальчик нагонять стал, обернулась она, остановилась. Добежал, бороться схватились. Долго бились или коротко бились, наконец оба наземь упали.

Женщина обессилела, и мальчик обессилел. Силы у них равные.

— Довольно, кончим, милый, — женщина говорит. — Ты меня убить не можешь, а я с тобою справиться не могу.

Друг друга отпустили, попрощались, в разные стороны

разошлись. Мальчик дальше идет. Долго ли шел, близко ли шел, до отверстия добрался, по которому под землю спускался. Наверх вылез, зверям своим говорит:

— Ты, собака, иди человека ищи. А ты, мышь, пойди, может, где кучу травы сухой найдешь, там гнездо себе сделаешь. А ты в лес беги,— лисице говорит.— Мышь если к твоему дому придет — убивай. Убийцей мышей ты будешь.

Звери разбежались, мальчик дальше пошел. Долго брел, коротко брел, однажды смотрит вперед — по всей земле огонь полыхает. Пришел туда, оказывается, не земля то — море огненное. Как через море пройти? Семисуставный посох поперек моря положил, как раз через все море лег. Слюной помазал — человеку пройти, должной ширины, moist вырос. Через огненное море побежал. Посох забрал и дальше шагает. Однажды сверху голос отца слышит:

— Братьев своих не встречал ли где?

— Нет,— говорит,— не встречал.

— Поднимайся сюда.

Мальчик в свой облик обернуться захотел — не оборачивается. Наконец плакать стал. Отец его говорит:

— Чего плачешь?

— Своего облика принять не могу!

Отец его сверху дунул, златошейный гусь кверху взвился. Мальчик в образе златошеюго гуся к отцу своему, Верхнему духу, полетел, в окно влетел, на середину пола опустился, тогда человеком обернулся.

Верхнего духа все сыновья собрались. За стол сели, есть стали. Поели, попили, распрощались. Мальчик в свой край полетел. Теперь там живет. Маленький богатырь имя его, Желтая Трясогузка имя его, Желтой Трясогузки облик имеющий богатырь — это он.

ЭКВА-ПЫРИЩ

*Как Эква-Пырищ
на свет появился*

Верхний дух со своей женой и старшей сестрой живет. Однажды сестра ушла куда-то. Верхний дух с женой одни остались. Жена говорит:

— Старик!

— Что?

— Я, кабы на твоем месте была, в таком доме жить не стала бы.

— Дом плох, что ли?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Всех птиц, всех зверей убить надо и из костей дом построить.

— Нельзя так делать,— Верхний дух отвечает.

— Как нельзя, можно!

— Всех птиц, всех зверей если убью, люди что есть станут?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Тебе другой дом нужен.

— Ну ладно,— согласился Верхний дух.— Хочешь, так сделаю, поубиваю их.

Рыб собирать шуку послал. Птиц, зверей собирать длинноногого куличка послал.

Рыбы все собрались. Верхний дух смотрит, все ли здесь. Прилетели птицы, прибежали звери. Верхний дух опять смотрит, все ли здесь. Видит — совы нет. Говорит длинноногому куличку:

— Сову видал?

Нет, не видел, куличок отвечает.

Иди сходи скорей, поищи ее.

Куличок искать отправился. Ходил, ходил, наконец видит — на высоком кедре сова сидит.

— Сова, звали тебя.

Кто звал?

— Верхний дух.

— Зачем?

— Всех рыб, птиц, зверей собирает. Всех поубивать хочет, из костей дом построит.

— Ты иди,— сова отвечает,— а я приду потом!

Куличок пошел. К Верхнему духу вернулся.

— Сову нашел?

— Нашел.

— Идет?

— Придет, сказала.

Ждали, ждали — нет совы.

— Куличок, иди беги скорей. Что ее долго нет? Что она там делает?

Длинноногий куличок отправился. Пришел. Сова на кедре сидит.

— Сова, что ты здесь делаешь? Иди скорей, звали тебя

Ты иди, иди, я за тобою буду

Куличок к Верхнему духу вернулся, тот его спрашивает.

— Идет, а?

— Сказала: «Сейчас буду».

— Что делает?

Сидит.

Ждали, ждали нет совы.

— Куличок, сбегай корей, живо пусть идет.

Куличок отправился. К сове пришел, та все на том же месте сидит.

Сова, звали тебя, иди же скорей. Я, к тебе бегая, обессилел совсем.

— Ты иди, скажи Верхнему духу, окно пусть настезь раскроет.

Вернулся куличок.

— Ну как, идет?

— Идет. Она так сказала: «Окно пусть настезь раскроет».

Верхний дух окно раскрыл, поджидает. Сова прилетела, на подоконник уселась. Спиной внутрь повернулась, лицом наружу.

Сова, ты что делала? — Верхний дух спрашивает. — Куличок за тобой три раза ходил.

Сова не отвечает.

— Я всех птиц, рыб, зверей убить хочу, — Верхний дух продолжает, — из их костей дом построить. Ты что скажешь?

Сова — ни звука. Молча сидит, на улицу смотрит.

— Сова, ты как думаешь, можно всех убить?

Сова молчит.

В третий раз Верхний дух спрашивает:

— Ну, ты что думаешь?

— Ничего не думаю.

А что ты не отвечаешь?

Я вот о чем думаю: засохших деревьев на земле больше или растущих больше?

Растущих больше, Верхний дух оворит, сухих меньше.

Хэ! Сухих больше.

— Как так больше? Я думаю, сухих мало.

— Нет. У которого дерева сердцевина сухая, то дерево я живым не считаю. Только то не сухое, у которого сердцевина здоровая.

— Ну, тогда верно. Сухих деревьев больше.

— А, Верхний дух, как, по-твоему, живых людей больше или мертвых?

— Конечно, мертвых меньше. Живых очень много!

— Не-ет, я думаю, мертвых больше.

— Почему же больше? Когда умереть успели?

— А вот почему. В котором человеке болезнь есть, работать он не может, того я мертвым считаю.

— Верно, правда твоя. Здоровых людей мало, больных много.

— А вот еще, как думаешь: женщин больше или мужчин больше?

— Мужчин больше, Верхний дух решил.

— Нет, сова сказала, — женщин больше.

— Ха! Почему так?

— А потому что если мужчина своим умом не живет, а женщину слушает, то он и сам женщина. Так и получается — женщин больше. Ты вот мужчиной был, а теперь я тебя женщиной считаю.

— Почему меня женщиной считаешь?

— Женщина сказала: «Рыб, птиц, зверей всех поубивай, а из костей дом построй», а ты и слушаешь. Ты не своим, а женским умом живешь, оттого я тебя женщиной и считаю. Ты — женщина.

— Нет, нет, я женщиной не буду. Рыбы, птицы, звери, расходитесь все. Не буду я вас убивать.

Птицы разлетелись, звери разбежались, рыбы уплыли. Верхний дух говорит:

— Сова, ты меня так больше не называй!

— Ты женщины слов послушал, рыб, зверей убить хотел, а теперь и сам вроде женщины стал! — сова сказала и улетела.

Сова улетела, а Верхний дух со зла жену схватил и бить ее начал. Немного поодаль от дома в Нижний мир дыра была. Верхний дух жену туда сволок и вниз сбросил. Один жить остался.

Однажды сестра его вернулась.

Жена твоя где?

Не отвечает.

Сестра искать принялась. Искала, искала, наконец след нашла, где Верхний дух жену ташил. К отверстию подошла. Поняла, что невестка отсюда сброшена.

Лестницу сделала, на землю спустилась.

Видит — большая гора стоит. Думает: «Невестка моя, наверно, здесь».

Стала вход искать. Искала, искала, найти не может. Кольцо с пальца тогда сняла, в гору бросила. Каменная дверь, железная дверь отворилась. Внутри зашла. Невестка

ее действительно здесь живет. Мальчика родила. Вместе жить стали.

Верхний дух, один оставшись, загрустил.

— Довольно уж,— говорит,— пойду поищу, куда мои ушли.

На землю спустился, гору увидел. В горе, слышно, разговаривают.

Думает: «Однако здесь живут».

Стал вход искать, никак не может найти. Сколько раз гору обошел, ничего не нашел.

Внутри горы разговаривают. Жена говорит:

— Пущу его, пожалуй.

— Не пускай,— золовка говорит,— прошлый раз драть-ся уж очень горазд был.

Верхний дух наконец вовсе измучился, плакать стал. Просить начал:

— Впустите! Больше так делать не буду.

— Я открою,— сын говорит,— впущу его.

Каменную дверь, железную дверь открыли, впустили Верхнего духа к себе.

Долго ли, коротко ли жили, однажды сестра Верхнего духа говорит:

— Возвращайся наверх. Мы с племянником к светлой Оби, к рыбной Оби отправимся.

Распрощались и отправились. Жена Верхнего духа в горе жить осталась. Теперь люди, когда ее поминают, называют Сакв-Талях-Нёр-Эква, Вершины-реки-Сакв-горная-женщина.

Тетка с племянником на Обь пришли, там жить стали. Сказочному человеку, песенному человеку долго ли вырасти. Мальчик подрос, тетка ему калдан связала. Говорит:

— Ты, племянничек, пойдешь в лес, лодку вытести.

Мальчик собрался, пошел. Кедр выбрал, срубил. Вершину отсек, ствол пополам расколел, выдолбил, в шести местах распорки вставил. Лодка готова. Другой кедр срубил, расколел, обтесал, весло вытесал. Челнок на воду спихнул, от берега оттолкнулся, на колени стал и гребет. От носа загребает, у кормы выгребает. От лодки волны в обе стороны разбегаются, в берег бьют. Мимо мыса проедет — мыс яром становится, мимо яра проедет — на яру мыс вырастает.

Тетка его дома сидит. Вдруг слышит — то ли гром гремит, то ли ветер бушует. Из дома вышла. Видит — это племянничек ее плывет, с такой силой загребает, что от весла ветер поднимается, за кормой волны ходят.

— Э, племянничек, как ты гребешь? Смотри, так и воды зачерпнуть недолго.

— Уж как умею, так и гребу.

Тетка ему калдан дала.

— А куда мне ехать?

— Тут вот пониже мыс есть, народ все против того мыса калданит. Туда и поезжай. На место как приедешь, деда поджидай. Он тебя калданить выучит.

Эква-Пырищ на мыс приехал. Видит — старик в маленьком челночке гребет. У челночка борта красной охрой выкрашены.

— Внучек, куда отправился? — старик спрашивает.

— Калданить приехал.

— Ну, давай покалданим.

Сетки опустили, потихоньку вниз плывут.

Вдруг дед сетку поднял, с силой к берегу грести стал.

— Внучек, иди скорей, бери, осетрище большой попался.

Эква-Пырищ осетра взял, в лодку положил. Осетр через всю лодку лежит. Распрощался с дедом мальчик и домой поехал.

Дома к берегу причалил, лодку на берег выдернул. Кричит:

— Тетушка, тетюшка, ко мне в лодку глазастый черт забрался, съесть меня хочет!

Тетка к реке кинулась, к лодке подбежала.

— Э, племянничек, ведь это осетр.

— А я думал — черт. Чуть со страху не умер.

— Чего же ты, племянничек, боишься? Это дядька твой нам жертвенного осетра подарил.

Осетра на берег выволокли, сварили, жертву принесли.

Тетка говорит:

— Ты знаешь ли, кто этот старик был?

— Откуда же мне знать?

— Это мой брат, Тапал-Ойка, был.

*Как Эква-Пырищ
лесовать ходил*

Эква-Пырищ с теткой живут. Эква-Пырищ в ту пору еще маленьким был. Подрастать стал, бабка ему лук сделала, стрелы сделала. Эква-Пырищ близ дома бегаёт, играет.

Так, играя, однажды зверя убил. Добычу домой при-
ташил. Бабка и говорит:

— Э, внучек, лисицу добыл.— Бабка шкуру содрала,
выделала.

В другой раз Эква-Пырищ опять близ дома играл. Играя,
зверька увидел. Стрелу пустил, убил. Принес домой, бабке
своей показывает.

— Э, внучек,— бабка говорит,— с добычей пришел, это
соболь.

Из лисицы, из соболя бабка внуку рукавицы сшила.
Однажды Эква-Пырищ говорит:

— Я лесовать пойду.

— Не ходи лесовать, ты еще мал, силы не хватит.

Эква-Пырищ все свое твердит:

— Пойду, пойду.

Бабка видит — не отступает, согласилась:

— Ну, коли так хочешь, иди.

Снарядила его, жирной юколы¹ с собой дала. Говорит.

— По той дороге, что за домом лежит, не ходи.

— Ладно, не пойду.

— По той дороге иди, что у двери начинается.

Эква-Пырищ по указанной дороге пошел. Бабка у двери
стоит, смотрит, как племянник идет, нарточку свою тащит.
А Эква-Пырищ отошел немного, оглянулся: видит — дом уже
за деревьями скрылся. Повернул тогда назад, дом обошел
и по той дороге, что за домом виднелась, отправился. Бабка
и не знала, как он ее обманул.

Вскоре Эква-Пырищ к реке подошел. На лед спустился,
вдоль берега бредет, нарточку за собой тащит. В одном месте
запор рыболовный увидел. Подошел к запору, остановился.
А с берега к нему Двухголовый менкв на лыжах катится:

— Эква-Пырищ, куда идешь, внучек?

— Да вот лесовать собрался.

— Возьми и меня с собой.

— Вот и ладно, дедушка,— Эква-Пырищ отвечает,— сам
я еще мал, мне товарища и надо. Пойдем вместе.

— Ты, внучек, здесь подожди, я по котомку свою схожу.

Пошел за котомкой. Вскоре назад вернулся, котомку
тащит. Семиухий котел несет. На нарту погрузили, вместе
тащат. Однажды, взглянув вперед, увидели — рыболовный
запор стоит. К запору подошли, остановились. Смотрят —
с пригорка к реке Трехголовый менкв на лыжах спускается

— Внучек, ты куда идешь? — спрашивает.

— Лесовать иду.

— Меня с собой бы взял.

— Вот хорошо, дедушка. А то я товарища найти не мог,
а у самого-то у меня силы мало. Пойдем, пойдем.

— Я за котомкой схожу,— менкв говорит. Ушел. Скоро
возвращается, котомку с собою тащит и семиухий котел
тащит. Подошел, говорит:

— Внучек, твоя нарта очень маленькая, слабая. Оставим
ее, возьмем мою.

Маленькую нарту оставили, приволокли нарту менква.
Полозья из лиственницы и копылья из лиственницы. Крепкая
нарта. Погрузились, потащили. Эква-Пырищ устал, брести
не может.

— Внучек,— менквы говорят,— садись на нарту.

Эква-Пырищ на нарту сел, менквы его везут.

Идя так, впереди себя рыболовный запор увидели. При-
шли туда, остановились. В то время Четырехголовый менкв
на лыжах спустился к реке.

— Внучек, куда идешь? — спросил он.

— В лес иду.

— Меня в товарищи прими.

— Вот хорошо, дедушка,— Эква-Пырищ отвечает,— а то
я товарища найти не мог, а одному идти трудно, силы у меня
еще мало.

— Я по котомку схожу, меня подожди немного,— менкв
сказал. Ушел. Вскоре вернулся, котомку несет. И семиухий
котел несет. Подошел, ношу на землю сбросил.

Ну, давайте в нарту погрузимте.

Погрузили. Затем менквы говорят:

Ты, внучек, на нарту садись, мы потащим.

Эква-Пырищ на нарту сел, отправились.

Долго ли, коротко ли менквы шли, в одном месте остано-
вились.

Внучек, это в какое место мы пришли? спрашивают
Я не знаю, говорит.

Дед твой здесь жил, к его дому подошли.

Постояли немного, отдохнули и опять дальше пошли.
Долго ли, коротко ли шли, снова остановились.

— Внучек, в какое место пришли?

— А я не знаю.

— Отец твой здесь жил, к его дому подошли. Здесь и
остановимся.

Нарту развязали, что нужно было, в дом внесли, дров
нарубили, зажгли огонь.

¹ Юкола (обл. русск.) — вяленая рыба

— Давайте чай варить,— говорят.

Семиухий котел на огонь повесили. Чай вскипел, напились, спать легли.

Утро настало. Эква-Пырищ слышит — кто-то говорит:

— Ты что до этой поры спишь? Лесовщики так долго разве спят? Внучек, потом собачку свою привяжешь к той лиственнице, на которой я лук вешаю.

Эква-Пырищ вскочил, ругаться стал.

— Ты чего меня учишь? Я если одной рукавицей о другую потру, тут тебе и конец будет.

Эква-Пырищ из дома выбежал. Менква уже не видно. Ушел. Вдруг видит: собака его на дерево лает, на то самое дерево, на котором менкв лук свой вешал.

Кверху глянул — соболь сидит. Рукавицу одну об другую потер — соболь упал. Подхватил его, шкуру снимать начал. Снимает, а сам думает: «Я шкуру, пожалуй, спрячу. Куда бы спрятать? А, под стельку суну».

Нярок¹ снял, шкуру под стельку спрятал.

— Ну ладно, теперь котлы навесить надо, пускай тают.

Семиухие котлы снегом набил, над огнем повесил. Снег таять начал. Немного спустя менквы вернулись. Говорят:

— Пить хотим. Эква-Пырищ, внучек, глотки у нас пересохла, языки во рту не ворочаются.

Сколько в котлах воды было, всю выпили.

Двухголовый менкв говорит:

— Ну, я распояшусь.

Пояс свой распустил. Из-за пазухи соболя посыпались. Выше щиколотки его соболями и лисицами завалило.

Теперь Трехголовый менкв говорит:

— Ну, и я пояс распую.

Развязал — из-за пазухи соболя и лисицы посыпались. До самых колен его завалило.

Говорит Четырехголовый менкв:

— Теперь и я пояс развяжу.

Пояс развязал — соболя и лисицы посыпались. До пояса куча навалилась.

— Ну, давайте обдирать будем.

Обдирать принялись. Эква-Пырищ снова котлы снегом набил, над огнем повесил. Снег растаял, чаю напились и спать легли.

Утро наступило. Эква-Пырищ слышит — говорит кто-то:

— Что до экой поры спишь? Лесовщики разве спят

¹ Нярки — летняя и зимняя обувь вроде туфель из оленьей или лосиной кожи — мокасины.

столько? Внучек, ты потом свою собачку привяжи к той лиственнице, на которой я лук вешал.

Эква-Пырищ вскочил. Менквы с глаз скрываются.

Ругаться стал:

— Что меня учишь? Рукавицы одну об другую потру — тут тебе и конец будет.

В это время слышит — собака залаяла. На дерево глянул — соболь сидит. Рукавицы друг о друга потер — соболь упал. Эква-Пырищ его поднял и ободрал. Думает: «Спрячу, пожалуй, положу под стельку. Они хоть убивают, а мне-то, поди, не дадут. Я хоть этих бабке отнесу».

Нярок снял, соболью шкуру под стельку сунул. Потом котлы снегом набил, к огню повесил — пусть тает.

Вскоре младшие менквы показали. Пересмеиваясь идут. За ними и старший пришел.

Старший браниться стал:

— Вы чего смеетесь? Я знаю, что задумали. Но только если сделаете — конец вам будет. Убить его не думайте.

Нет, зачем мы его трогать будем.

Пришли, воды напились. Говорят:

— Когда домой шли, глотки наши пересохла, так пить захотелось. Спасибо, Эква-Пырищ, воды приготовил.

Охотники воды напились, добытого зверя обдирать стали. Лисиц, соболей больше вчерашнего принесли. Шкурки снимали, спать легли. Утром встали, Эква-Пырищу говорят:

— Ну, внучек, нам больше лесовать нельзя. Еды не осталось. Давай твою котомку, посмотрим, что там у тебя.

Эква-Пырищ котомку притащил, развернул, половину вяленого максуна вытащил. На стол положил.

— Э, внучек, какую еду имеешь! Такой кусище. Целая половина максуна.

Есть принялись. Ели, ели, съесть всего не могли, обратно в мешок положили.

— Ну, внучек, вот принес-то ты. Уж как ели, как ели, а всего не кончили. Ну, теперь, внучек, делиться будем.

Менквы соболей и лисиц притащили. Хороших соболей отобрали, Эква-Пырищу дают:

— На, возьми, внучек. Тех соболей, что сам убил, тоже у себя оставь.

Эква-Пырищ смутился, глаз поднять не может.

Внучек, домой придешь, бабка пусть тебе шапку сошьет, рукавицы пусть сошьет. Одежду всю пусть справит. Одежду наденешь, шапку до глаз надвинешь — ни

один человек, ни одна женщина тебя не увидят. Ну, а теперь, давайте нагружаться. Домой пойдём.

Нагрузились.

— Ну, внучек, садись.

Эква-Пырищ на нарту сел. Он сидит, а менквы тащат. Долго ли, коротко ли так шли, дошли до запора Четырёх-голового менква. Нарту развязали, взял Четырёхголовый менкв котомку, развернул ее, соболей вытащил. Говорит:

Соболей своих Эква-Пырищу, внучку, отдам. Домой как придешь, внучек, бабка шапку, рукавицы, малицу пусть сошьет тебе. Жену искать пойдешь — эту одежду наденешь. Ну, а теперь иди. Да, вот еще что скажу, — менквам он говорит, — вы если что плохое устроите, тут и вашей жизни конец придет.

Распрощались, дальше пошли. Эква-Пырищ с младшими менквами идет. К запору среднего менква пришли. Трёхголовый менкв мешок свой развязал, выбрал соболей получше, Эква-Пырищу отдал:

— На вот, внучек, бери. Домой когда придешь, бабка пусть тебе из этих соболей одежду сошьет. Жену искать пойдешь или так людей посмотреть отправишься — эту одежду наденешь. Шапку до глаз если надвинешь — ни один человек тебя не найдет, ни одна женщина тебя не увидит. Ну вот, теперь иди.

Распрощались. Эква-Пырищ с младшим менквом пошел. Долго ли, коротко ли шли, однажды младшего менква запор увидели. К запору подошли, менкв мешок свой развязал, лучших соболей выбрал, Эква-Пырищу отдал:

— Внучек, домой придешь, бабка из этих соболей пусть тебе одежду сошьет, шапку, рукавицы сделает. Одежду наденешь, шапку на глаза надвинешь — рядом стоящий человек тебя не увидит. Ну, прощай, иди к бабке.

Эква-Пырищ теперь один тащится. Домой пришел, бабка бранится:

Ты чего там ходил, что искал? Я тебе не велела по той дороге ходить, сказала: «Не ходи туда», а ты не послушался, пошел!

— Бабушка, деды мои очень хорошие, они меня не обижают, смотри, сколько соболей мне надарили.

Эква-Пырищ за стол сел, поел, бабке говорит:

— Бабушка! Ты из моих соболей шапку мне сделай, рукавицы сделай и одежду всю шей. Я жену искать пойду, землю, людей посмотреть пойду, как одежда готова будет, так и отправлюсь.

НГАНАСАНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

О СОТВОРЕНИИ МИРА

* * *

Бог сперва сделал землю. Но вода ее всю накрыла. Была утка. Утка на воде сидела. «А-а!» — сказала утка и нырнула. Ушла утка в воду и в клюве немного земли вынесла.

Носила-носила утка землю — образовалась сопка.

Потом на вершине сопки родилось солнце. Солнце дало сопке тепло, и трава выросла. От солнца вокруг сухо стало, земля кругом стала.

А все началось с утки — она нырнула в воду и в клюве принесла немного земли.

Когда вода спала, из нее поднялась вершина шайтанского хребта Койка-моу. На это место откуда-то два человека упали. Один из них сказал:

— Пойдем к богу Дэйба-нгуо, покровителю людей, скажем: «Надо на земле людей родить».

Ушли они к Дэйба-нгуо, а может быть, улетели. Потом опять вернулись. Уже большой воды не было, озера и реки только остались.

— Эта вода пусть останется, — сказали. В ней люди рыбу добывать будут.

* * *

Когда земля появилась — одни вершины были. Из яра над рекой два комка земли отвалились. Они на прибрежный песок упали. Эти комки земли людьми стали.

Между горами маленькая лайда — ровное место — была. На лайде появился маленький тальник и двое детей — мальчик и девочка.

Сперва дети ели траву. Потом, когда земля большая стала, мальчик и девочка тоже большими стали.

Стали они ходить по земле. Нашли двух телят оленей. Из травы сделали веревку и привязали оленей.

Женщина родила двух детей — мальчика и девочку. И оленуха родила двух телят.

Живут восьмером — четыре человека и четыре оленя.

Когда дети подросли, у них тоже двое детей родилось. У их отца с матерью тоже двое детей родилось. Олени тоже, как люди, принесли телят. Людей восемь человек и оленей восемь. Но два теленка оборвали веревку и убежали. Так появились дикие олени.

* * *

Это очень давно было. Это было в то время, когда земля родилась.

Беременные женщины в ожидании родов смотрели на Луну, ждали от нее ответа, когда у них наступят роды.

Один шаман вызвался пойти к Луне, чтобы узнать о сроках родов и принести женщинам вести.

Шаман ушел, а женщины ждут его возвращения. Ждут его, ждут, не могут дождаться.

Но вот видят: шаман пришел к Луне. А Луна быстро убежала, исчезла. Это она побежала к матери за советом.

Мать говорит Луне:

— Шаману здесь ходить нельзя. Но раз шаман пришел, ты, Луна, обратно его не пускай. Пусть он мужем твоим станет.

Вернулась Луна к шаману. И шаман стал мужем Луны. Шаман прижался к Луне — так и остался.

И сейчас все люди видят — шаман обнимает свою жену Луну.

А шаман тот был наш человек, авамский нганасанин.

Все это не сказка. Это правда.

* * *

Земля когда родилась, гольной глиной была. Оу! Моу-нямы говорит:

— По этой глине — земли поверхности — люди как ходить станут? Надо землю переделать, глину куда-нибудь спрятать.

Ну, другой бог-то, Туй-нямы (Огня мать), говорит:

— Куда же положим глину?

— У! Какая ты бестолковая. Там, где вода есть, там в воде глина будет. Хоть в озера, в реки, в Енисей надо эту глину положить. От этой глины потом, когда земля хорошая станет, пусть люди рыбу едят.

Ну ладно, недолго было отделить глину от хорошей земли. Всю глину бросили в озера, в реки. Оу! Эта глина не стоит на месте, ползет. Что будем делать? Оу! Камни надо сверху положить. Камни придавят ее, и глина никуда не пойдет. Ну что же. Хоть нынче взять Енисей. Под водой — везде глина. Ну хорошо, так все сделали два бога.

Земля чистая стала. Моу-нямы говорит:

— Опять работа-то есть.

— Какая работа есть?

— У! Как у тебя ума мало! Люди будут родиться, как они огонь добывать станут? — говорит Моу-нямы. (Она умная была, а Туй-нямы была глупая.) — Какой у тебя ум короткий. Пусть хоть сейчас огонь загорится — какие дрова он есть станет? Может быть, люди родятся — без огня они жить не будут.

— Ну, что будем делать?

— Что будем делать? В сторону солнца (то есть на юге) есть камень (горы). Там среди гор надо поставить лес на дрова. Может быть, русский народ будет, самоедский народ будет, тунгусский народ будет — какими дровами они топить будут?

Огня хозяйка (Туй-барба) говорит:

— Оу! Правильно ты говоришь. Ну что еще? У меня ум будто короткий.

Лес надо было родить, поставить. Попросили теперь другого бога и лес поставили. Русские родятся — пусть избы делают, самоды родятся — пусть шесты для чума делают. Русские, самоды пусть его топят. Тальником тоже надо топить. Самоды найдут тальник, русские не найдут, дровами только топить будут. Ну, мы нынче без огня ведь не живем?

Так на землю все положили, в воду рыбу положили, еду. До сих пор ее всякий человек ест. Хоть на земле будет сухо — под водой всегда глина. Это все два бога положили. Станут люди в воде неводить, рыбу будут добывать.

Потом шаманы у огня сидели. Некоторые говорили:

Оу! Огоны! Почему ты такой тиховатый?

Как тиховатым не буду?! Кто поставил чум, кто избу — это все я топлю. Все меня ловят, все меня в разные стороны тянут. Тут какой силы хватит? Потому я и тиховатый.

Теперь так вся земля стала жить. Теперь Туй-нямы (Огня мать) в чумах, в избах стала жить, другая — Моу-нямы (Земли мать) в земле поселилась. Так стали жить два бога, и все. Это не сказка, это старая весть.

О ТОМ, КАК ПОХИТИЛИ ЖЕНУ

Осенью молодой энец с женой перегнали пятьдесят своих домашних оленей из тундры в лесистые горы — пожить там, промышляя диких оленей и чибукунунов — снежных баранов. Детей у них еще не было.

В горах пробыли до снега. Добыл охотник много диких оленей и снежных баранов.

Выпал первый снег. Местами снег растаял. Местами сохранился.

Энец сказал жене:

— Пора возвращаться в тундру. Разбей кости диких оленей — вытопи жир: груза меньше будет.

Утром энец отправился на промысел.

Осталась жена одна в чуме. Молотком бьет кости, выбивает костный мозг, вываривает из костей и костного мозга жир.

В полдень услышала жена энца лай собаки.

Откинула полу чума, видит из лесу вышел тунгус: лоб весь расшитый, сам высокий, ноги длинные. Подошел тунгус, что-то говорит на своем языке. Женщина сказала:

— Тебя я не понимаю.

Ни женщина не понимает язык пришельца, ни пришелец язык женщины.

Тогда тунгус — шитое лицо схватил женщину одной ру-

кой и понес. Он выбирал дорогу так, чтобы не оставалось следа: ступал на голую землю или камни. Так и унес женщину.

Муж женщины вернулся вечером, крикнул, не доходя чума:

— Эй! Что-нибудь приготовь! Диких добыл!

Никто ему не ответил. И никто не вышел на его голос.

Заглянул энец в чум — жены нет. Несколько дней искал в лесу, в горах — не нашел. Днем и ночью искал, оленей ездовых загонял, но жены не нашел.

Плачет энец от горя — горло совсем узкое стало. Не найдя жену, решил вернуться в свою землю.

Сам повел аргиш — санный поезд с поклажей. Перевалил горы, вышел на лесистую лайду низкое ровное место.

А на лайде, ближе к земле энца, большие озера. На берегу одного озера встретил тунгуса. Это был не лесной тунгус, а тундровый. Его отцы так давно пришли в Землю энцев, что он уже и не знает, когда это произошло. Тундровый тунгус промышлял в озере рыбу. На берегу озера — два запряженных в нарту оленя-быка.

— Ты кто? Сомату?¹ — спросил тунгус.

— Сомату. Здесь промышлял диких.

— Почему один аргишишь?²

— Жена потерялась. Медведь, наверное, утащил. Искал везде. Устал. Вот один возвращаюсь к себе.

— Ты где ночуешь? — спросил тунгус.

— Чума один не ставлю — некогда. Сплю прямо на земле.

— Ночуй в моем чуме, — предлагает рыбак.

— Нет, поеду — ближе к своей земле буду.

— Оставайся ночевать. Что-то скажу, — настаивает рыбак-тунгус.

Согласился энец.

Вместе с тунгусом приехал в его чум.

Пустил оленей на ягель, сам зашел в чум. У тунгуса в чуме только мать-старуха.

Строгали крупного озерного чира, ели юколу и вареное мясо.

Энец наелся и говорит:

— Сыт. Хватит.

¹ Сомату — прежнее название энцев.

² Аргишить — совершать нартовый переход на оленях.

— У тебя жены нет, некому тебе еду приготовить. Не торопись, ешь еще, — тунгус опять наливает чай.

Когда закончили есть и перестали чай пить, тунгус говорит:

— Выйдем-ка.

Оба вышли. Тунгус взял два очень тугих лука. Один лук передал энцу, другой оставил себе. Сказал:

— Испытай мой лук и стрелы. Хорошо целься.

Энец стал стрелять в цель из лука тунгуса. Хорошо стрелял.

Ну, приятель, — сказал тунгус. — Я тоже был в горах и видел, как лесные тунгусы принесли молодую женщину-сомату. Эти шитолицы всегда воруют чужих женщин. Зимой я кочую в больших лесах, живу с шитолицыми рядом, знаю их. Возьми нарту своей жены. На нарте твоей жены поедет моя мать в одежде сомату. Мы свой легкий чум поставим недалеко от шитолицы. Мать мою оставим в чуме. Ты тоже останешься в чуме. Я поеду к шитолице и скажу: «Ты, когда уносил женщину-сомату, мимо меня прошел. Я тебя видел. Потом я по твоему следу пошел, в обратную сторону. Нашел чумы сомату. Два чума побил, забрал одну женщину. Она сестра твоей женщины. Все время говорит: «Хочу видеть свою сестру». Ничего не шьет, все говорит. Вот нарта моей жены. Пусть твоя жена поедет к своей сестре». Когда я так скажу, тогда шитые лица в наш чум приедут, привезут твою жену. За пологом в чуме спрячься. Когда услышите голоса, пусть мать моя в одежде сомату выйдет из чума встречать гостей. Когда она введет их в чум, стреляй в шитолицего.

Энец согласился.

Стали аргишить в лесистые горы. Снег глубокий уже. Много дней аргишили. И когда до лесных тунгусов осталось пол-аргиша, остановились, поставили чум.

Утром тунгус запряг двух оленей и уехал. Еще не настал полдень, как он выехал к озеру.

На высоком яру много чумов сорок или пятьдесят. Олени лежат на льду озера — их очень много. Людей много на озере играет. Тунгус думает: «Как узнаю, в каком чуме сомату-женщина?»

Оставил свою нарту среди лежащих на льду оленей, сам пошел пешком — это чтобы не узнали, что он приезжий. А шитолицы на озере бегают, играют, на него внимания не обращают. Одного молодого тунгуса поймал за спину. Тот вырывается, кричит:

— Зачем меня поймал?

— Скажи, где здесь сомату-женщина? Я ее еще не видел.

— Вон ровдужный чум стоит. Видишь? В нем сомату-женщина.

Подошел к ровдужному чуму. В чуме два шитолицы. Один лежит, ноги у него длинные. У его ног согнувшись сидит женщина-сомату.

Когда тундровый тунгус вошел, лежащий шитолицей спрятал женщину себе за спину.

— Зачем прячешь? — сказал тунгус. — Не бойся. С женщиной ничего не будет, если я посмотрю на нее.

Я не боюсь, — ответил шитое лицо. А ты кто?

Я тундровый тунгус, человек одной с тобой крови. Зачем пришел?

— Меня жена моя прислала. Она не ест, не пьет, отказывается шить. Все говорит: «Привези мою сестру». Сестру увидит, тогда только оживет. Когда пришли морозы и вода стала замерзать, ты увел эту женщину. Я тебя видел. Я по твоему следу пошел в обратную сторону, нашел сомату, два их чума разбил. Забрал старшую сестру твоей женщины. Моя жена сказала: «У моей сестры муж или два мужа. Пусть они вместе приедут в гости». Я чум поставил недалеко от вас. Говорят, шитые лица двое с одной женщиной живут.

Отвечают шитые лица:

— Хорошо. В гости поедем. Верно говоришь: сестру увидев, твоя женщина забудет тоску-гор. Ты теперь нам родственник.

Потом эти шитолицы крикнули:

Эй! Люди! Оленей поймайте! Запрягите!

А тундровый тунгус говорит женщине на языке сомату:

Скоро у тебя все по-другому будет. Твой муж у меня в чуме. Ты делай так, чтобы они не передумали.

Шитые лица спрашивают:

— Что ты сказал?

— Я просто так. Сказал: вот сестра-то обрадуется встрече.

Оленей привели. Шитые лица на одной нарте. Лук и стрелы прихватил еще и пальмы-копья за спиной.

Тундровый тунгус с женщиной едет.

Уже близко к чуму подъех и. Тунгус говорит:

— Оборачиваться не буду, будто мы не разговариваем

Выйдет женщина снег сбивать с нарты, ты обними ее и сразу иди в чум. Когда войдешь, отступи в сторону.

Подъехали к чуму. Видят женщина-сомату вышла смести снег с нарты. Обняла молодую женщину, а та сразу в чум пошла.

Шитые лица говорят:

— Твоя жена видом хороша.

Положили оружие на нарты.

А хозяин чума распрягает оленей, узлы ремней развязывает, с ляжками возится, дует на руки — греет их.

Шитолицы не дождалась, когда он закончит, вошли в чум. Оба тотчас назад выскочили. У переднего, длинноногого, стрела в грудь вонзилась, наконечник из спины выг ядывает.

Тундровый тунгус два раза выстрелил в другого шитолицего, но тот, ловкий и легкий, оба раза от стрелы увернулся. Бросился шитолицы к нарте за оружием, но дорогу ему преградил тундровый тунгус.

Оба стреляют в шитолицего. Но тот никак не дает в себя попасть стрелой — ловок уж очень. Но вот энец попал ему в ногу — порвал жилу. Упал шитолицы в яму, вырытую оленями. Тундровый тунгус ему в руку попал — разрезал жилу. Только тогда шитолицы перестал увертываться. Подошли к нему близко. Он здоровой рукой бросил нож — нож отсек энцу ухо.

Зашли с двух сторон, одновременно выстрелили. Только тогда убили.

Энец содрал с березы бересту, залепил ухо.

— Только одно ухо потеряли, — сказал тунгус.

— У шитолицы еще много людей осталось. Их нам не перебить, — сказал энец.

— Нет, нам их не перебить. Ловких и сильных, как эти двое, у них много. Нам нужно уходить.

Взяли женщин и стали аргишить. Долго ехали, но доехали до озера, где тунгус рыбачил и где нарты оставляли.

Тунгус сказал:

— Я дальше не пойду. Это моя родная земля. Озера мои. Они каждый год рыбой полны. В чужой земле я не знаю угодий — все время буду голодный.

— Шитолицы могут прийти. Один что ты сделаешь с ними? Иди к нам: нас, сомату, много.

— Придут они или не придут — неизвестно. Здесь, на берегу озера, кости моих отцов-матерей. Как я их оставлю?

Энец собрался дальше аргишить. Тунгус сидит согнувшись на своей распряженной нарте, молчит.

— Что у тебя? спросил энец. — Худые мысли?

— Ты мне теперь товарищ. Одна просьба у меня: отдай мне твою железную парку — одежду.

Отдал энец тунгусу свою кольчугу.

Когда энец отъехал, тунгус привстал на своей нарте, крикнул:

Остановись! Когда на следующую осень земля опять замерзнет, ты сюда легкой нартой приходи. Посмотри меня.

— Я тоже так думал, — ответил энец.

Энец много дней аргишил. В пути бил диких оленей. На конек добрался до своих.

Летом стояли в хороших угодьях. Было много диких оленей. Жили сытно и не болели.

Во время осеннего перехода оленей на поколках¹ много оленей добыл.

Осенью, когда вода и земля замерзли, собрал энец своих сородичей, сказал:

— Мне в лес надо. В самый лес. Там у меня товарищ остался. Надо посмотреть его. Дайте мне людей.

Посоветовались люди, четырех молодых парней дали. Уехал энец с ними в лес.

Подъехали к жилищу тунгуса. Зашли в чум, а там женщина плачет.

Чего плачешь? — спрашивают.

— У сына-то душа вот-вот уйдет, — отвечает старая женщина.

Тут только увидели на постельных шкурах тунгуса.

— Что с тобой? спрашивает энец.

А тунгус говорит-бормочет, только мать понимает, что он хочет сказать.

— Когда снег упал, лесные тунгусы пришли. День и ночь с ними бился. Их всех перебил. Но одна стрела и ему живот пробила.

— Что ты скажешь? — спросил энец, видя, что его товарищ-тунгус вот-вот умрет.

— Мать-старуха без меня мучиться будет: ни еды не добыть, ни тепла. Если бы ты увез ее в свой чум, я бы легко умер.

¹ По колки — старинный способ добычи диких оленей с помощью копий на речных переправах.

— Я возьму твою мать в мой чум. будет она и мне матерью.

— У меня где-то есть братья. Но они не будут о ней заботиться, как ты. Старухе с тобой лучше будет. У меня много оленей. Их я оставляю матери. Я тебе вернул жену, ты о моей матери позаботься.

Так сказав, умер тунгус.

Энец увез мать тунгуса в свою землю. Век свой прожила старуха у товарища своего сына. В лес больше не ходили.

На этом можно кончать.

СЕЛЬКУПСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

ХОЗЯЙКА ОГНЯ

Давным-давно это было. Жили люди на стойбище. В четырех чумах жили.

Однажды все мужчины пошли в лес на промысел. В чумах только женщины да дети остались. Так жили они три дня. На третий день вечером одна женщина вышла из чума, дров нарубила, еду варить собралась. Вернулась в чум, подбросила дров в очаг, сама с ребенком села к огню и стала сына грудью кормить. Огонь весело горит, трещит, мать сына греет. Вдруг искорка взвилась из костра и упала на грудь ребенку, обожгла его. Ребенок заплакал. Мать вскопчила, ругает огонь:

— Что ты делаешь? Я тебя кормлю дровами, а ты моего ребенка сжег. Не будет тебе дров. Изрублю тебя топором, заью, затушу!

Ребенка в люльку пихнула, топор взяла, огонь рубить стала. Котел с водой взяла, в огонь вылила.

Ну вот, обожги теперь моего сына! Первый аз совсем потух ты, ни одного глазка-искорки от тебя нет!

Огонь больше не горел. Темно, холодно стало в чуме. Ребенок сильнее заплакал от холода.

Замолчала мать. Скорее опять огонь разжигать стала. Сдается, раздувает, никак разжечь не может, ведь ни искорки не осталось. А сын все кричит.

Мать подумала: «Сбегаю я в соседний чум, возьму огня, разожгу». Побежала в соседний чум. Только дверь отворила — огонь в очаге потух. Вошла в чум — огня уже совсем нет. Женщины принялись разжигать костер, но все

напрасно — ни искорки не осталось. Мать на улицу выскочила, в другой чум побежала. Едва дверь приотворила — и тут огонь в очаге погас. Она и в чум не зашла. Дверь закрыла, дальше побежала. Так же чуть-чуть дверь приоткрыла — костер потух. Обрато домой пошла. В стороне видит — еще чум стоит, а там огонь. Это чум ее бабушки. Туда побежала. Только за дверь шгнула — огонь в костре стал фыркать, задымил и потух. Бабушка ругать ее стала:

— Что у тебя случилось? Едва вошла ты, и огонь погас. Ж не обидела ли ты огонь, лягушка этакая?!

Плачет женщина. Во всем стойбище нет огня. Никто разжечь костра не может. Темно, холодно.

— Пойдем к тебе, посмотрю, что ты наделала, — сказала бабушка.

Женщина повела бабушку к себе. Пошли; в темном холодном чуме сын ее плачет-зал шается.

Бабушка серное дерево взяла, стала огонь разводить. Старалась-старалась — ничего не выходит. Встала на колени, на очаг смотрит — темно, не разглядеть. И вот, едва заметная, сидит тут старуха, кожа ее как огонь горит. И говорит старуха бабушке:

— Зря стараешься. Внучка твоя меня сильно обидела!

— Как она тебя обидела? Я ведь не знаю, что тут случилось?..

— Глаза мои водой залила, лицо железом изрубила. Зачем это она, глупая, делала — не знаю.

Бабушка еще сильнее рассердилась:

Я всегда говорила, что эта лягушка что-нибудь да сотворит! Огня-пламени хозяйка, не сердись, дай огонь!

Молчит хозяйка огня. Долго просила бабушка. Наконец хозяйка огня-пламени сказала:

Огонь я вам тогда верну, когда эта женщина мне своего сына отдаст. Из сердца его огонь вам добуду. Дети помните, какой ценой получили, беречь будут!

Мать еще сильнее заплакала. Бабушка и говорит:

Все семь родов людских из-за тебя без огня остались. Как жить будут? Сына своего отдай!

Мать сына отдала. Хозяйка огня-пламени мени сказала:

С этого времени всякий селькуп знает, что огонь железом шевелить нельзя. Только при больш нужде можно огонь железом трогать, при этом прежде надо

позволение попросить. Все семь родов, запомните мое слово!

И хозяйка огня дрова пальцем тронула, взвилось пламя, а она с сыном той женщины скрылась.

Бабушка женщине сказала:

— Отсюда сказка-предание пойдет о том, что сердцем своего сына огонь зажгла ты.

КЕНГЕРСЕЛЯ

Жили-были три брата. Однажды в чуме сидели, разговаривали. Один из них так сказал:

— Загадаем-ка, богато или бедно мы жить будем?

Старший брат сказал:

— Я так загадал, будет у меня много-много муки и еды всякой.

Средний брат сказал:

— А я загадал, что у меня золотых денег целая куча до рта высотой будет.

Младший брат, по имени Кенгерселя, так сказал:

— А я загадал, что вы оба плохо жить будете; ни муки, ни золота у вас не будет. Ко мне придете, у меня отрубей просить будете.

Братья рассердились:

— Ты плохого нам желаешь! Убить тебя мало! Но брата своего как мы можем убить? Откочуем отсюда, а тебя одного здесь под деревом оставим. Живи один как знаешь.

Ушли, а Кенгерселю одного оставили. Так жил он один долго.

Однажды услышал он, что князь их земли так приказал: кто семиверхую большую лодку сделает и к его, князя, дворцу причалит, тому он свою дочь в жены отдаст. У Кенгерсели от матери кольцо волшебное осталось. Спрятал он это кольцо от братьев; думали все — потерялось кольцо.

Вот Кенгерселя к князю пришел и говорит:

— Я могу с семьей верхами лодку сделать!

Пошел Кенгерселя к берегу реки, пожевал кольцо и бросил в реку. Тотчас такая красивая семиверхая лодка причалила! Князь очень обрадовался и дочь свою Кенгерселе в жены отдал. Стали жить. Однажды Кенгерселя вечером спустился к реке. К проруби подошел, прислушиваться

стал. Слышит, внизу по реке, на седьмом речном перекате, богатыри о нем рассуждают:

— Вот, слышно, Кенгерселя жену где-то нашел, богатый стал. Надо к нему съездить, побиться с ним.

Кенгерселя на берег поднялся, домой пришел, переночевал. На следующее утро собрался. Спустился с женой к реке и говорит:

— Если за три следующих года ты обо мне ничего не услышишь, значит, я погиб.

И ушел. Пешком к нижнему речному перекату подошел. Видит — будто старый черт-лоз¹ шуку удит. Крупную шуку добыл. Кенгерселя подошел к нему тихонько и сказал:

— Дедка, ты что это делаешь?

Испугался старый лоз и закричал:

— Что тебя сюда принесло, сын хрипящего горла? Что вызвало тебя из давних времен? На нашей земле нет зверей, которые в воде плавают и на крыльях летают. Откуда ты?

Кенгерселя ответил:

— Что ты зря кричишь? Я в гости к тебе пришел. Накорми меня сначала.

Дедка повел его в дом; щучьей ухой и икрой накормил, затем говорит:

— Дальше если пойдешь, внизу, на речном перекате, брат мой сидит, рыбу удит; к нему зайди.

Опять пошел, видит — река запором, снастью, перегородена. Но не по-людски поставлен запор. С чешуей на спине, с плавниками, похожими на крылья, мелкая рыба в воде плавает. Чешуя и плавники, как перья, взъерошились. От реки вверх на берег грязная тропинка проложена. По ней пошел. Видит — чум стоит. В чум вошел. В чуме старуха сидит. Глаза красные, большие. Кенгерселю увидела и сказала:

— На нашей земле ни плавающий в воде, ни летающий на крыльях зверь не живет! Что тебя принесло? Сыновья мои тебя съедят.

Кенгерселя отвечает:

— Один из твоих сыновей меня накормил, к тебе послал. Ты не брани меня, а тоже накорми.

Старуха накормила его и сказала:

— Вот накормила. Жалко мне тебя. Зачем ты пришел

¹ Лоз (селькуп.) — лесной житель, дух.

сюда, глупый? Сыновья мои тебя все равно съедят. Куда я тебя от них спрячу?

Старуха пуховую подушку взяла и туда Кенгерселю запихала. Сама головой на подушку легла.

Вот на улице шум послышался. Это ее сыновья все вместе пришли. В чум заходят, мачеху спрашивают:

— Кенгерселю мы сюда послали. Он к тебе не приходил? Ты его не видела?

Мачеха отвечает:

— О каком это вы Кенгерселе говорите? На этой земле нет ни плавающего в воде, ни летающего на крыльях зверя. Никакого Кенгерсели я не знаю.

Ты не обманывай нас. По краям твоего рта складки грязными стали, потому что ты говоришь неправду.

Старуху схватили, везде искать стали. Подушку нашли, в клочья разорвали. Кенгерселю вытащили, на пол чума бросили, сами есть начали. Поели, потом по сторонам чума встали и Кенгерселю, как мячик, друг к другу перекидывать принялись. Плохо парню. Думает про себя: «Хоть бы из рук у них выскочить, когда у дверей буду». Так и сделал. Старик-лоз, что у двери стоял, не поймал Кенгерселю. Тот из рук у него выскользнул, на улицу выскочил. К реке побежал, в прорубь нырнул, маленькой щучкой обернулся. Лозы за ним погнались, к проруби подбежали, нырнули, в налимов превратились. Шумят, Кенгерселю догоняют. Кенгерселя к берегу подплыл, человеком стал, пешком пошел. Вдруг видит, — что-то со скрипом приближается. Ближе подошел, а это сын Нума-богатыря семь островов по реке тащит. Кенгерселя ему сказал:

Богатырь, ты бы хоть меня из беды выручил, за мной лозы гонятся, убить меня хотят.

Сын Нума ответил:

— Хоть бы меня кто освободил. Много лет тому назад на свадьбе моей сестры я раньше всех старших еду со стола схватил. Мой отец Нум за жадность меня наказал. Уже много лет я таскаю семь островов.

Кенгерселя ответил:

— Ты мне помоги, и я тебе помогу.

Тогда сын Нума подошвой правого сапога слегка наступил на Кенгерселю. Семипудовый камень поднял, ждет. Вот все лозы навстречу ему идут. Сын Нума спросил:

— Куда, старики, путь держите?

— А ты будто Кенгерселю не видел?

— О каком это вы Кенгерселе говорите, я не знаю.

— Не обманывай нас. Вот складки у рта твоего грязные стали.

Сын Нума семипудовый камень в них бросил. Будто и не было лозов, ни одной костяной крошки не осталось от них. Ногу приподнял, Кенгерселю выпустил.

— Ну, теперь ты иди, помогай мне.

Кенгерселя соколом обернулся, в небо полетел. К Нуму приблизился и сказал:

— Что это твой сын сделал, за что ты его так сильно наказал? Не забыл ли ты его? А он меня только что из беды выручил. Простил бы ты его...

Нум помолчал и сказал:

— Ладно, куда донес свои острова, пусть там и оставит.

Кенгерселя на землю вернулся и сыну Нума сказал:

— Конечно твое наказание, брось здесь свои острова. Сын Нума бросил семь островов.

До сих пор эти острова на Енисее стоят.

СЫНОВЬЯ СТАРИКА МОРСКОГО МЫСА

Жил старик. Было у него семь сыновей и одна дочка. Однажды старший сын пошел в лес дерево искать, из него лодку долбить. В лесу нашел нужный кедр, срубил его. Упало дерево. Стал парень вершину кедра отрубать. Трудно — дерево толстое, сучковатое. Наконец справился, отрубил верхушку. Только кончил, сел отдохнуть — видит, выходит из чащи к нему черт. Подошел к парню и говорит:

— Эне, внучек, что ты тут делаешь?

Да вот, дедушка, для лодки дерево срубил.

Лесной старик спрашивает:

Чум-то твой далеко ли стоит?

— Да, далеко, очень далеко.

— Ну, внучек, пойдем в твой чум.

— Нет, дедушка, мне ведь лодку делать нужно.

— А ты домой кедр унеси, там и делать будешь.

Дедушка, как же я унесу такой большой кедр? Не смогу.

Э-эх, внучек, когда я прежде такой, как ты, молодой был, я тоже толстый кедр срубал, верхушку отделял, а потом легко, без труда домой его нес. А ты что же?

— Дедушка, попробуй — может, и сейчас ты, как в молодости, поднять кедр можешь?

Лесной старик повернулся, на дерево посмотрел, поднял его и говорит:

— Ладно, внучек, иди вперед, где чум твой, показывай.

Парень топор свой подобрал и домой побежал. Лесной старик от него не отстает. Подошли к чуму. Старик дерево сбросил на землю, вместе с парнем в чум вошел. Отец говорит сыну:

— Этого человека накормить надо; чем его кормить будем?

Тут самый младший сын к огню подсел. Взял в руки лук, тамар — стрелу — на тетиву поставил, лук натянул и по корню огня в очаге выстрелил. Тамар в золу, в землю ушел. В чуме все тихо сидят. Вдруг видят — внизу костра дрожащее древко тамара появилось. Старший сын вскочил, потянул древко вверх и вытащил трехгодовалого детеныша мамонта.

— Вот и угощение гостю!

Дочка старика вскочила, схватила котел, положила в него целиком детеныша мамонта, воды налила, повесила на огонь. Все молча сидят. Сидят и ждут. Вот дочка котел сняла, мясом мамонтова детеныша корытце деревянное наполнила и лесному старику поднесла. Лесной старик чуть-чуть поел, оставил. Старшему своему брату тогда поднесла — тот все съел, да еще и суп выпил. Поели. Сидят. Лесной ста ик тоже сидит. Тогда отец, Старик морского мыса, говорит сыновьям:

— Что же сидит этот гость? Поел, посидел — что ему еще надо?

Старший его сын встал, достал со спального места свою шапку, из шкуры зверя сшитую, надел и вышел из чума.

А гость все сидит. Старик морского мыса говорит лесному старику:

— Чего же ты сидишь? Товарищ твой куда-то ушел, может быть, ждет тебя?

Лесной старик будто не слышит, сидит. Наконец поднял-

ся, вышел из чума, к берегу пошел Видит — берег в море мысом вытянулся. На вершине мыса семь стальных столбов стоят. На седьмом стальном столбе сидит сын Старика морского мыса. Подошел туда Лесной старик. Видит, около столбов много костей кучей набросано. Куча до неба достает, все погибшие лесные люди — лозы. Схватился Лесной старик с сыном Старика морского мыса, стал бороться. Никто одолеть не может. Тогда Лесной старик сказал:

— Давай лучше мудростью померяемся. Полетим через море, кто из нас долетит, тот победил.

Взялись за руки, полетели. Еще до половины моря не долетели, стал Лесной старик уставать. Сын Старика морского мыса тащит его за руку. Немного погодя Лесной старик вовсе обессилел и упал в море. Утонул. Парень так крепко его держал, что руку вырвал, так через море перелетел. Потом повернулся и домой полетел. В чум пришел, спать лег.

Так жили, жили. Вот старший сын снова в лес пошел хорошее дерево искать. Топор взял — за пояс заткнул; тесло взял — на плеч оложил. Идет по лесу. Все согнутые, кривые деревья по аются. от лиственницу увидел — кривая лиственница. Он теслом ее ударил, застряло тесло. Взглянул повыше — а это лесной лоз, протянув руку, стоит, будто лиственница с сучком. Тесло этот лоз и поймал. Парень подн тужился, вырвал тесло, бросил на землю, топор тоже бросил, с лозом схватился и стал бороться. олго боролись. Упал лесной лоз на кол и, изо рта его кровь, как пена, пошла. Ударил лоза сын Старика морского мыса — тот надвое аскололся. Падая, лоз зарычал.

— Ну, ладно, сейчас ты одолел, но еще погоди, вспомнишь меня.

Пошел парень дом ома никому ничего не сказал, лег спать. Наутро проснулся, видит — только младший брат да сестра его живые сидят, а остальные пять братьев и отец с матерью все умерли.

Так одни остались. Однажды братья сестре говорят:

— Ты в чуме нашем живи; а мы пойдем лозов искать. Это они н м акую беду наслали.

Пошл Старший из них на сторону ночного неба пошел, младший — на солнечную сторону неба пошел. Сказка о мл дшем пойдет.

Шел он, шел, долго шел. Изголодался, вот-вот с голоду умрет. Однажды увидел следы: олень, видно, шел. От-

правился младший по оленьей тропе, видит: лежит спящий олень. А что он может сделать? Лука у него нет, ничего нет. Только посох есть. Бросил посох парень в оленя — попал. Подошел к нему, отрезал мяса кусок, немного поел, лег спать. Просыпается, видит: впереди него на небе туча растет, черная как сажа. Будто крылья у нее с боков, огнь в ней сверкает. лиже подошла. Видит парень — санки пришли. В них звери запряжены — по обеим сторонам рта огонь вырывается. А на санках человек сидит, шапка высокая, до тучи достает, край ее бороздит. Подъехал человек к парню и спрашивает:

— Ты из какой земли, человек, и чего ты здесь ищешь? Чего хочешь?

— Ничего не хочу. Лозы моего отца, мать и братьев погубили. Только двое нас, братьев, да сестра живыми остались. Брат пошел к ночной стороне неба с лозами воевать, я на солнечную сторону пошел узнать, почему мои родители и братья умерли.

Человек приказал парню:

— Ну-ка, садись в мои санки.

А парень в ответ:

— Как же это я на такие высокие санки заберусь?

Человек взял парня за плечи, поднял и посадил на санки. Двинулись вперед. Полозья санок так землю скребут, будто гром гремит. Вот остановились. Человек, слышно, подошел, против глаз парня стенку санок пальцем проткнул и говорит:

— Вот посмотри на наши игры.

Парень смотрит в дырку, видит: семь богатырей с одной стороны и семь с другой огромными камнями играют, друг другу бросают. Человек повернулся, поднял камень еще больше тех, которыми богатыри играют, бросил его. Будто гром прогремел, а там, куда камень упал, безводное, безлесное чистое место стало. Дырку, куда парень смотрел, закрыл и, слышно, дальше поехал. Ехал-ехал, опять остановился. Дырку открыл и говорит:

— Смотри, скоро мы к твоей земле подъезжать будем.

Правда, парень видит, будто стали подходить к месту, где чум его стоял. А дальше видит парень: большая туча растет, а там лозы брата его совсем одолевают, он уже на коленях ползет. Парень закричал человеку:

— Ты куда дедся? Не видишь, что ли, — моего брата лозы сейчас убьют!

Человек на санках обернулся, схватил лук и тамар, нацелился и выстрелил — безлесная, безводная пустыня стала

землей. Немного погодя земля эта морем стала. Некоторое время прошло — вода потихоньку ушла, земля высохла. Смотрит парень — что это? Родители его и братья как будто ожили. Подъехали к ним. Радости надолго хватило.

Старик морского мыса тому человеку дочку свою в жены отдал. Человек домой поехал. Сын Старика морского мыса на прощанье ему сказал:

Если ты попадешь в беду, вспомни меня, позови.

— Ладно, позову. Тебя тоже, может быть, небо или земля бедой настигнут, ты меня вспомни.

Так и жить стали.

ТОФАЛАРСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

СОХАТЫЙ И КАБАРГА

Встретились в тайге сохатый и кабарга. Сохатый говорит:

— Почему ты такая маленькая, лопухая? Ты портишь своим видом наш могучий олений род!

Кабарга, пушистая и мохнатая, поглядев на сохатого снизу вверх, отвечает:

— Ты такой большой, а если подсчитать, то у тебя волос меньше, чем у меня...

Сохатый был уверен, что больше его по величине нет зверя во всей тайге. Он вдруг как-то подтянулся, напряжился, выше поднял голову, и рога мощно взлетели ввысь, к небу.

— Э-э, чего захотел, малыш,— небрежно бросает он. Конечно, можно и проверить...

Стали проверять-считать, у кого больше волос шерсти. Считали день, считали два, считали долго. И оказалось, что у кабарги на пять волос больше, чем у сохатого.

Сохатый рассердился и поднял переднюю ногу, чтобы ударить кабаргу. Но та успела отскочить, и копыто великана лишь задело ее сзади — так и осталась там небольшая выемка.

Кабарга с презрением посмотрела на сохатого и ушла от него с достоинством.

КАК БЫЛ НАКАЗАН МЕДВЕДЬ

Раньше медведь никому житья не давал. Большой и сильный, он то громко рявкнет, не на шутку напугает кого-нибудь, то нечаянно, неуклюжий, придавит насмерть маленьких зверюшек и птиц, то ломает деревья и разорит гнезда, сделанные обитателями леса с превеликим трудом и упорством. Многих обижал и не давал им покоя.

Попытались как-то звери подсказать и унять хозяина тайги. Ну, куда там, и слушать их не стал. «Не учите меня,— ответил он,— я сам знаю... Что хочу, то и делаю...»

Стояла середина октября. Саянская осень сняла с деревьев пожелтевшие листья и шумом холодного ветра призывала всех готовиться к зиме. Впереди — нелегкая пора года.

И вот звери задумались: как быть дальше с медведем? Если он так же будет вести себя, то добра от него не жди, будет худо. Со всей тайги дружно собрались на свой суглан звери, животные, птицы, заполнили поляну, сели на деревья, к мни, пни, и было их видимо-невидимо. Собрались решать, что делать с грубияном.

Устроили суд над медведем. Судьей избрали сохатого. Много обид высказали большие и маленькие звери — каждый из них говорил, и стоял такой шум, что казалось, поднялся ураган небывалый. Медведь такого в жизни не видел — он жался, стал каким-то маленьким и жалким. Вынесли приговор — наказать медведя, чтобы он был в заточении всю зиму.

С тех пор косолапый зимой не ходит по тайге, а ложится в спячку в наказание за свою грубость.

И namного он присмирел.

Звери сказали:

— Надо жить мирно!

ИЗЮБРЬ И СОХАТЫЙ

Торопливо шагал по Саянам сентябрь. Дни стали короче, ночи — длиннее и холоднее.

Сохатый слышит: всю ночь изюбрь громко кричит, издает призывные звуки, мешает спать. Животные и звери

тоже, как и люди, дают друг другу о себе знать, зовут встречаются, беседуют между собой, нежатся и ласкаются. «Подожди,— думает сохатый, завтра встречусь и поговорю с тобой...»

На другой день утром сохатый пошел на водопой и тут встретился с изюбром. Говорит:

— Ты чего, друг, всю ночь кричишь?

— Зову к себе подругу, потерялась она где-то,— отвечает изюбрь. Постоял он немного и решил объяснить сохатому: «Думаешь, выдаю себя своим криком? Э-э, нет. Как бы я ни кричал, у меня есть жир в ногах, в них — моя сила. Никакой зверь не догонит... А ты чего стоишь? У тебя, посмотрю, нос такой раздутый, губа толстенная, опущенная...»

Сохатый решил не давать себя в обиду:

— Как бы я нос ни раздул и губы ни опустил, в них — моя сила. Я слышу запах врага за сотни шагов и могу бежать без остановки через весь горный перевал...

Сохатый и изюбрь разошлись. Каждый из них говорил о том, чем он жив бывает: у одного могучие ноги, а у другого — крепкий нюх и легкое дыхание.

ТРИ МАЛЬЧИКА

В прежнее время на земле жил один старый бог. В одном месте он увидел трех девиц. Богу вздумалось жениться. Он спросил у старшей из трех сестер:

— Ты что умеешь делать?

— Я умею хлеб стряпать,— ответила девушка.— Сразу могу столько испечь, что можно триста солдат накормить и еще останется полный угол мягких булок.

Бог поглядел на среднюю сестру:

— Ты что умеешь делать?

— А я могу вырастить для тебя девяносто девять осин: можно для всех солдат лыж натесать.

Бог повернулся к младшей сестре:

— Ну, а ты?

— А я рожу тебе трех парней,— пообещала девушка.— У двух сынов груди будут золотые, а у третьего будет человеческая грудь.

Бог женился на этой девушке,— ему очень хотелось

иметь златогрудых сыновей. Ни у кого таких не было на всей земле!

Стали они жить-поживать. Вот приходит пора жене рожать. В это время мужчинам нельзя оставаться в юрте. Бог позвал к жене одну старушку, а сам ушел на охоту.

Ребенок родился с золотой грудью. Старуха обрадовалась и отдала младенца одному богатому человеку, а к матери положила щенка.

Вот бог приходит с охоты:

— Ну, как, родился наш сын?

— Родился, родился...— бормочет старушка, а сама подносит щенка.

Бог рассердился на то, что жена обманула его, ударил щелчком, и у щенка голова отлетела прочь.

Вот стали они опять жить-поживать. Пришло время жене родить второго сына. Бог опять ушел на охоту, а злая старуха отдала младенца с золотой грудью богатому человеку за большие деньги. Воротился бог с охоты, а старуха опять вместо златогрудого сына вынесла ему паршивого щенка. Бог также щелчком отшиб щенку голову.

На жену бог сердится, а ей ничего не говорит. Худое бог замышляет. Прожили они год без радости, без веселья, без доброго слова. Опять пришла пора жене родить сына. Бог в третий раз ушел на охоту злой-презлой.

Воротился он в свою юрту — и сразу к той старухе:

— Сына родила?

Сынка.

— Такой же, как у всех людей?

— Радуйся — с человеческим обличем.

— А грудь?

— И грудь человечья. Все как полагается...

Бог рассвирепел, жену за обман худыми словами обругал, стал придумывать смерть для нее и для ребенка. Ночь не спал — утром придумал. Взял он коровью шкуру, зашил в нее жену с маленьким сыном и бросил их в море. Думал — на дно пойдут, но ошибся: волны подхватили коровью шкуру и понесли все дальше и дальше от берега.

Дни идут, ребенок растет, как в люльке качается.

Бог хотел другую смерть для них придумать, но лодки у него не было, и он не мог достать их из того моря.

Плыли мать с сыном, плыли, и одна добрая волна выкинула их на мягкий песок. Сын взял у матери ножик, проткнул коровью шкуру и высунул голову.

— Мы — на берегу! — сказал он матери, и они вышли

на полянку, на которой росла зеленая трава и цвели кукушкины слезки. Из той травы мать сплела сыну рубашку, а из цветов сшила шапку. Сын побегал в лес играть. Воротился он вскорости и матери сказал:

— Там ходит человек, просит у меня шапку...

— Отдай, сынок, отдай,— сказала мать.— Если он просит твою шапку, значит, она ему нужна.

Мальчик побегал в лес и тому незнакомому человеку подарил свою любимую шапку. Тот человек похвалил мальчика, дал ему топор, железную палку и мешок.

— Топор тебе юрту построит,— сказал тот человек.

Железная палка защитой будет. Она спасет тебя от трехсот солдат, которых бог за тобой пошлет. А в мешке ты пищу себе найдешь.

Научил мальчика словам, которые надо говорить топору, железной палке и мешку.

Вот вернулся мальчик на поляну к матери и сказал топору:

— Мой быстрый топор, сейчас же строй для нас юрту!

Послушный топор в один миг построил для них хорошую юрту. Мальчик толкнул в юрту мешок и потряс его за край. Сразу появилось все, что идет человеку в пищу. Сели они с матерью возле костра обедать, начали мясо пробовать. Вдруг слышат — идут триста солдат. Бог приказал солдатам юрту разломать, мальчика с матерью убить.

Мальчик попросил свою железную палку:

— Моя быстрая палка, покажи свою силу!

Палка из юрты вылетела, в один миг всех боговых солдат перебила.

Когда бог ту женщину с мальчиком зашивал в коровью шкуру, мать успела взять с собой одну книгу. Теперь мальчик стал читать эту книгу и узнал, что в одной долине у богатого мужика живут его старшие братья.

— Я поеду спасать их,— сказал мальчик матери, сел на свою железную палку и в один миг исчез.

Приехал он в ту долину, зашел в одну богатую юрту и увидел двух златогрудых мальчиков.

«Это мои старшие братья», подумал он, но поговорить с ними не успел. В юрту вошел великан. За его плечами и у широкой опояски висели туши всех зверей, какие только живут на земле.

Великан изрезал туши на большие куски, насадил на палки, поджарил на костре и стал есть. Все мясо съел, все кости изглодал, а брюхо себе погладил — голодный.

— Сейчас этого парня съем,— сказал великан, богатый мужик.— Парень жирный — я сытым буду.

Мальчик шепотом позвал:

— Моя быстрая палка, покажи свою силу!

Железная палка ударила богатого мужика и рассекла его на две половины.

Златогрудые парни обрадовались своему освобождению и стали благодарить младшего брата. Все трое сели на железную палку, а палка вмиг доставила их в юрту матери.

Мать покормила старших сыновей своим молоком, и они стали обыкновенными мальчиками с человеческой грудью. Все они выросли умными и сильными. А бог остался без солдат и ничего плохого людям сделать не мог.

С тех пор на материнском молоке из младенцев вырастают здоровые, умные и сильные люди.

ТЕР-ОКЫШ — ДОЛИНА ЦВЕТОВ

В одном племени жили муж да жена. Муж на охоту ходил, дичь приносил, а жена за оленями смотрела, шила одежду и покровы к чуму. Много детей у них родилось, да все умирали.

Муж опять отправился на охоту, а в это время родила жена сына. Красивый мальчик родился. Лицо как полная луна, а глаза, как две звездочки, блестели. Искупала мать новорожденного в соленой воде, чтобы кожа его была крепкой и выносливой при невзгодах, и положила его в бедик — люльку из бересты. Затем стала печь лепешки.

Много ли, мало ли времени прошло, а муж все не возвращался с охоты.

Вот и сын уже стал большой. Согнул он себе лук из молодой березы, сделал стрелы и просит мать отпустить его на охоту счастья попытать, отца поискать.

Идет молодой Улугэн по тайге, дичью питается, под кедром засыпает, в горном ключе умывается и дальше шагает.

Однажды ночью Улугэн проснулся от страшного крика. Испугался молодой охотник, натянул лук и стал ждать. На вершине кедра, под которым стоял Улугэн, раздался хохот. Посмотрел юноша туда и увидел сову. Это она своим криком разбудила его, это она смеялась над ним.

Рассердился охотник, направил стрелу на сову, а сова отлетела в сторону и говорит:

— Полно, брат Улугэн¹ сердиться, лучше вспомни, куда ты направился, а я тебе помогу. Будем теперь днем спать, а ночами идти, отца твоего искать. Жив твой отец, но заколдовала его злая волшебница, спасти его надо...

Три ночи летела сова, а за ней шагал Улугэн. Три дня сидела сова в дупле, а Улугэн спал под деревом. На четвертую ночь сова говорит Улугэну:

— Сейчас мы будем на заколдованном месте у волшебницы. Она напустит на тебя сон, но ты не спи, а то сам пропадешь и отца не спасешь. Набери себе в карманы острых камней и сучков, подложи их под себя, когда тебя на сон поклонит. Ну, а дальше сам догадаешься, что нужно делать, а и я буду рядом.

В полночь Улугэн вышел на поляну. Со всех сторон раздался звон бубенчиков и колокольчиков, послышалась песня. Пела эту песню девушка. Как только раздалась песня, вся долина осветилась. Каждый цветок излучал свет. А среди этих цветов виднелась на траве желтая полоска.

У Улугэна глаза сами по себе начали слипаться. Лег он на траву и тут вспомнил, что ему наказывала сова. Подложил под себя сучки и камни.

Поет песни невидимая девушка, звенят колокольчики и бубенчики. Голова Улугэна совсем упала на траву, да ударилась о камни и сучки. Открыл Улугэн глаза и вскрикнул:

— Кто поет здесь? Кто мешает спать среди ночи своими песнями?..

— Это я,— отвечает голос девушки.

— Кто ты такая? Покажись.

— Я не могу сейчас тебе показаться, ты найдешь меня на восходе солнца.

— А как я найду тебя?

— Видишь ли ты желтую полоску? Подойдешь к ней на восходе солнца и увидишь меня.

Тут Улугэн услышал крик совы и понял, что настало время ловить волшебницу. Тогда он вскочил на ноги и пошел к желтой полоске. Колокольчики и бубенчики зазвенели тревожно.

Улугэн подошел к желтой полоске и увидел, что это красивый, блестящий женский кушак. Улугэн схватил его

руками, и перед ним очутилась девушка несказанной красоты в желтом платье. Юноша смотрел на нее и забыл даже, зачем пришел сюда. Снова прокричала сова.

— Почему ты не дождался восхода солнца? Почему не послушался меня? — сказала девушка.

— Ты сейчас бессильна. Ты не околдуешь меня. Я не боюсь тебя. Говори, где мой отец?

Девушка стояла и молчала. Тут послышался крик совы.

— Говори, где мой отец? Я разорву твой кушак, и твоя сила пропадет.

— Твой отец здесь, но он слепой. Смотрел на меня на восходе солнца. Тот, кто смотрит на меня в это время, слепнет от моей красоты и моего платья. Отдай мне мой кушак, я приведу к тебе отца.

— Нет, ты сначала веди сюда отца, а потом уж я посмотрю, отдать ли тебе кушак.

Зазвенели бубенчики и колокольчики. Один красный цветок раскрылся, покачался, сбросил с себя лепестки, и вскоре перед Улугэном встал охотник, на него похожий.

— Я не вижу тебя, волшебница. Дай мне потрогать свой кушак, он даст мне жизнь,— сказал охотник.

— За тобой пришел сын. Я тебя освобождаю, но ты будешь слепой,— сказала девушка. Обрадовался тот, слезы потекли по его щекам.

Снова прокричала сова. Улугэн посмотрел на долину, увидел много цветов и догадался, что цветы эти — охотники, которых околдовала волшебница.

— Нет, мне этого мало. Освобождай всех охотников. Чтобы ни одного цветка не осталось.

Волшебница рассердилась, но делать было нечего. Все цветы раскрылись, закачались и сбросили лепестки. Стебли стали расти, и скоро перед Улугэном предстали семьдесят семь охотников. Все они были слепые.

Опять закричала сова. Улугэн разорвал желтый кушак, поджег его, а пепел сложил в такшу¹. Снова закричала сова. Юноша подошел к отцу и потерял его глаза пеплом. Отец стал видеть. Так он сделал со всеми охотниками. Все они стали видеть. Обрадовались люди освобождению, благодарят Улугэна, хвалят его.

И тут опять прокричала сова. Посмотрел Улугэн на де-

¹ У л у г э н (тоф.) — сова.

¹ Т а к ш а (тоф.) — деревянная чашка.

вушку. Сидит на траве красавица в блестящем платье и плачет.

— Что ты плачешь? Ты теперь не злая волшебница, а обыкновенная девушка. Ты красивая, я полюбил тебя. Собирайся с нами, будем жить вместе, я буду твоим мужем.

Улугэн с отцом и девушкой вернулись в свой чум. Мать обрадовалась сыну и мужу. Девушка тоже понравилась ей. И они сыграли свадьбу, жили все вместе долго и счастливо.

КЕТСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

ГЛУХАРЬ, УТКА И ГУСЬ

Однажды утка и гусь встретили старого глухаря.

— Глухарь, полетим с нами на юг, — сказали они, — а то ведь зимою ты здесь пропадешь с голоду.

— Нет, я не полечу с вами, — ответил глухарь. — Если я улечу отсюда, трудно тогда будет людям.

— А мы полетим. Не станем зимовать. Здесь холодно. Человек без нас не умрет. Зимой он может добывать и есть рыбу. Рыба никуда не уйдет; она здесь, в озерах, живет зиму и лето. А для человека есть еще и другая пища.

Глухарь на это сказал утке с гусем:

— Когда настанут сильные морозы, озера и реки застынут, покроются толстым льдом — тогда людям будет тяжело добывать рыбу. Без меня они умрут с голоду.

— Сам-то ты что будешь есть зимой? Скажи нам.

Глухарь сказал:

— Пищи у меня много. Зимой я буду есть кедровую хвою.

— На этой пище ты долго не проживешь. Если ты не хочешь с нами лететь, то мы тебя заставим лететь.

Гусь и утка схватили глухаря под зоб и потащили в теплые края. Глухарь так заплакал, что от слез у него покраснели перышки у бровей. Утка с гусем бросили глухаря и улетели на юг. Вот теперь у глухаря от слез всегда брови красные.

НЕ НОЧУЙТЕ В МЕДВЕЖЬЕЙ БЕРЛОГЕ

Однажды осенью два охотника собрались на промысел в тайгу. Взяли они с собою запас хлеба на несколько дней. Вот пришли в лес и целый день охотились на дичь и белку. Стемнело. Надо где-то переночевать. Стали они подыскивать хорошее место, где было бы много сухих дров для костра, но не нашли. Вместо сухих дров увидели они пустую медвежью берлогу. Разожгли около берлоги костер, сварили в котелке еду, поели и решили спать. Посмотрели на пасмурное небо и поняли, что ночью будет дождь или снег.

Делать нечего. Закрыли охотники свои вещи и добычу, перевязали крепко, а сами полезли в берлогу. В берлоге медведь мягкую постель оставил из тонких веток да сухой травы. Недолго думая, улеглись охотники спать. Но ночь была холодная, и они решили закрыть отверстие в берлогу. Взяли один бесем (полушубок) и прикрыли им плотно отверстие. В берлоге стало тепло. Охотники уснули да и проспали на медвежьем месте всю зиму. Шесть месяцев спали охотники! Только один раз за всю зиму перевернулись они с боку на бок.

Но вот пришла весна, и охотники проснулись. Выглянули из берлоги, а небо чистое, нет ни дождя, ни снега. Собрали они свои вещи, которые пролежали всю зиму около берлоги, и пошли домой. Пришли в становище, а людей там нет. Пошли охотники на берег реки, а там чумы стоят, собаки лают. Вышли из чумов люди и увидели охотников, которые осенью ушли в тайгу, а вернулись только весной. А их ведь пропавшими считали.

Недаром же кеты говорят:

— Не ночуйте в медвежьей берлоге, а то проспите всю зиму.

СКАЗКА О МЕСЯЦЕ

Давно-давно жили на земле брат и сестра. Родители их умерли. Жили сиротами. Подросли, стали жить хорошо. Только надоело брату все около чума ходить. Захотел он мир узнать. Стал все дальше и дальше от чума уходить. Ходит-ходит по земле, все смотрит, кто где живет да как живет. А на небе высоко-высоко жила женщина-Солнце.

Скучно ей было — одна жила. Вот однажды видит она: ходит по земле человек, все рассматривает, на небо поглядывает. Женщин-Солнце подумал: «Какой красивый человек по земле ходит, на меня поглядывает. Нужно мне его сюда на небо достать. Но как его достать? Я высоко, а человек на земле, низко».

Стала женщина-Солнце у неба мудрости просить, как бы ей достать человека. Есть у Солнца такие руки длинные, что без труда до земли достают. Утром встанет Солнце и протягивает руки. Тянет-тянет, дотянет до земли, и станет на земле светло, тепло. Вот ходит этот человек по земле внизу, а Солнце тянет к нему руки, жар на него напускает... «Что так жарко стало, — подумал человек и лег на землю, — все легче будет». Лежит человек на земле, а женщина-Солнце все протягивает к нему свои длинные руки, ближе, ближе... дотянулась, схватила и понесла к себе на небо.

Стал человек жить на небе. Неделью прожил и говорит Солнцу:

— Нехорошо мне здесь на небе с тобой жить, совсем нехорошо. Я земной человек, не могу так высоко жить. Пусти меня вниз, на землю!

Вспомнил он свою сестру, что осталась внизу. Скучно ему стало, жалко ее. «Как-то она там одна без меня живет?» Солнце ему отвечает:

— Зачем ты пойдешь назад? Вспомни, как ты прежде ходил по земле и говорил: «Вот на небе Солнце живет, наверно, там хорошо. Хотел бы я узнать, что это за женщина-Солнце». А теперь ты хочешь назад на землю.

Человек же все свое твердит:

— Пусти! Забыл я на земле что-то. Пусти меня, я это забытое возьму и вернусь.

— Не вернешься, не ходи! Плохо на земле, злые духи тебя съедят!

А человек ее не слушает, все свое твердит: «Пусти, вернусь». Солнце чуть не плачет:

— Не вернешься ты, съедят тебя на земле злые духи, снова я здесь одна буду.

Наконец видит, не уговорить ей человека, решила отпустить ненадолго.

— Ладно, — говорит Солнце, — дам я тебе в защиту от злых духов то, что сама имею: оселок да гребешок, иди! Обрадовался человек:

— Не плачь, Солнце, напрасно: я вернусь, обязательно вернусь.

Топнула женщина-Солнце ногой — появился крылатый конь. Дала человеку этого коня, оселок да гребешок. Сел человек на коня и полетел. Сколько летел — неизвестно, два ли, три ли года... До своего места долетел, кругом над ним несколько раз пролетел — нашел свой чум. А за то время, пока он на небе жил, злая Хосядам (волшебница) съела его сестру, сама в нее обратилась.

Вот спустился человек на крылатом коне на землю, привязал коня к дереву и побежал к своему чуму. Видит, в чуме сестра сидит. Она будто бы обрадовалась брату. Побежала с котелком к речке, принесла воду, повесила котелок на огонь. Стала брата угощать, кормить. Вышла из чума, подошла к коню, отрезала у него заднюю ногу и сунула ее варить в котел.

Сидят брат и сестра, разговаривают, радуются. Вдруг увидел брат — из котла лошадиная нога торчит. Понял он, что это не сестра здесь его встретила. Понял, что это злая Хосядам. Выхватил лошадиную ногу из котла да бежать к коню. Сел на коня, хочет скорей уехать от злой Хосядам, знает: погубит она и его, да как на трех ногах конь поскачет? Что делать? Наспех четвертую ногу хорошо не прилепишь! Кос-как прилепил все же отрезанную ногу коню и поехал. А Хосядам за ним в погоню пустилась.

Измучился конь, тяжело на плохой ноге скакать. Упал. Оставил человек коня и побежал. Да без коня далеко не уйдешь! Взглянул на небо, а женщина-Солнце на него жалобно смотрит, видит, что он без коня. А Хосядам совсем его нагоняет, уже тянет руку, поймать хочет.

Вспомнил человек про оселок, что женщина-Солнце ему дала, бросил его позади себя. Поднялась из земли большая гора, встала между ним и Хосядам. Озлилась Хосядам, камни разбрасывает, гору зубами грызет... А человек идет и идет... Прогрызла гору Хосядам, торопится, догоняет человека. Вот-вот схватит его.

Вспомнил человек о втором подарке Солнца — гребешке, бросил его позади себя. Такая тайга выросла: ни пройти, ни проползти через нее. Хосядам по деревцу грызет, ломает. А человек идет и идет... Сколько шел, — неизвестно. Холодный, голодный, из сил выбивается. А Хосядам пробралась сквозь тайгу, нагоняет человека, тянет руку, схватить хочет.

Видит Солнце — плохо человеку: еще немного, и унесет его Хосядам. Протянула женщина-Солнце свою руку-луч и схватила человека за ногу, но поздно. Злая Хосядам

в этот же миг тоже схватила за другую ногу. Тянут они человека каждая в свою сторону. Солнце тащит к себе на небо, злая Хосядам — к земле. Тянули-тянули и разорвали человека пополам. Только Солнцу половина без сердца досталась.

Унесла женщина-Солнце свою половину человека на небо, и что уж она с ней ни делала, старалась оживить — но все напрасно. Совсем будто живой человек станет, день-другой поживет и опять умирает. Уголек положила вместо сердца — пожил неделю и опять умер. Маялась-маялась с ним женщина-Солнце, совсем без ума стала, плачет. Наконец сказала:

— Нет у меня больше сил, ничег не могу сделать! Иди на другой конец неба. Не увижу тебя больше. Только в самый длинный день в году мы будем видеться. Я твои глаза увижу, ты — мои.

С этими словами бросила женщина-Солнце половину человека без сердца на другую сторону неба, на темную сторону. Так он там и остался и превратился в месяц. И до сих пор месяц по небу холодный гуляет, потому что нет у него живого сердца. И не видятся они с солнцем по целому году. А другую половину человека, с сердцем, Хосядам с собою забрала.

ДОЛГАНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ВОЙНА КУРОПАТОК И ЩУК

В давние времена куропатки в тундре жили. Тогда земля и небо только утверждались и зимы были не такими снежными и холодными.

Но в один год в тундру зачастила пурга, намела высокие сугробы, потом пошел дождь и снег покрылся льдом. Нигде не проглядывало а ни одна проталина, ни один кустик.

Куропатки проголодались и полетели в сторону леса. Долетели до леса — и там нигде проталин не видно, даже верхушки ив не выглядывают из-под снега, одни только голые деревья чернеют.

Вожаком у них была самая старая куропатка.

— Теперь мы и вправду пропали! — говорит Куропатка-вожак. — Некуда нам дальше лететь — всюду погибель! Но я знаю место, где есть большая река, ту реку ни в пургу не заносит, ни в самые лютые морозы она не замерзает. По берегам растет ивняк, горы покрыты багульником, голубикой и травой. Но в той реке живут щуки, и они нас туда не подпустят. В старинные времена было скреплено клятвенное слово: куропатки не займут их края, а щуки — земли куропаток. Если уговор помнят — добром не уступят. Останется одно — воевать!

— Верно! Не пропадать же нам тут?! — сказали куропатки. — Лучше будем воевать! Полетели!

Куропатки прилетели к реке и увидели: река не замерзла, а ее берега покрыты ивняком и багульником, голубикой и травой. Они сели и начали кормиться.

Но тут из воды высунулась голова вожака щук.

— Эй, куропатки, почему вы сюда придетели? Почему клятвенное слово нарушаете? Сейчас же отсюда уберите! Не дам вам ни листьев ивняка, ни семечек кустарника, ни травы. Не дам и в галечнике копаться!

На то Куропатка-вожак ответила:

— В нашем краю все занесло снегом, и нам нечем питаться. Не пропадать же нам с голоду. А вы, щуки, живете в воде, вы ни листьев ивняка, ни семечек не едите. Будем мирно жить соседями!

— Я не уступлю добром! — сказала Щука-вожак. — Только перебив всех щук, отнимете это место! Будем воевать!

Щука-вожак повернулась, ударила хвостом по воде и уплыла собирать свое войско. Вскоре она привела так много щук, что река от их спин почернела.

Куропатки на берегу стоят, ждут. Луки и стрелы наготове держат.

Стреляйте щук только в голову! — говорит Куропатка-вожак своим. — Если попадете в спину, они не умрут.

Войско куропаток пустило стрелы. Услыш в щелчок тетивы лука, щуки устремились на середину реки. Стрелы куропаток онзились в их спины.

Пока куропатки доставали стрелы, щуки приплыли обратно и начал трелять в куропаток, целясь им в сердце. Куропатки увертывались, подпрыгивали, взмахнув крыльями, и стрел онзились им в ноги.

Долго так воевали, но никто не мог победить. Выпустив все стрелы, кончили воевать.

Тогда Щука-вожак сказала куропаткам:

— Давайте кончим войну! Летайте, где хотите, кормитесь, чем вам захочется!

С тех пор стрелы куропаток в спинах щук превратились в вилообразные кости, а стрелы щук в ногах куропаток — в сросшиеся жилистые кости.

ЛИСА-ПЛУТОВКА

Жил крестьянин с сыном-юношей. И были они так бедны, что ничего у них не было, кроме земляного чума-голомо. А когда крестьянин умер, юноша остался один и чуть не погиб от голода.

Как-то в чум забежала Лиса и увидела юношу. Она спасла его от смерти, выходила, а потом сказала:

— Я тебя в люди выведу: женю на красивой девушке и богачом сделаю!

Сказала это Лиса и побежала к царю Грому.

— Есть очень богатый юноша! — говорит она царю Грому. — Послал он меня сватать твою дочь. Калым обещает богатый — отборных лесных зверей. Пусть люди твои приготавливают корм в отдельных домах и встречают тех зверей.

Царь Гром дал свое согласие.

а-плутовка побежала по лесу и всем зверям, кого увидит, говорит:

— Царь Гром приготовил много вкусной пищи и пригласил всех зверей в гости!

азных зверей пришло отвесть угощение. А когда звери насытились, люди заперли дома, и звери не смогли и вернуться в лес.

Царь Гром доволен, что ему попался богатый зять.

Лиса-плутовка приходит к царю Грому:

— Жених пока занят. Скоро прибудет на золотом корабле. Ждите и встречайте его!

Сама тут же возвращается к юноше и велит ему издалека связать плотик. Чтобы плотик казался красивым и нарядным, советует украсить его полевыми желтыми цветами: пусть думают, что это золотой корабль.

Поплыли в ветреный день. Плывут и плывут...

Видит царь Гром: по морю плывет золотой корабль...

Царь еще больше радуется.

А когда поднялся ветер, плотик развалился.

Лиса опять прибегает к царю Грому:

— Случилась беда! Золотой корабль с богатым грузом утонул! Жених спасся, он человек сильный и отважный, да только остался голым. Пришлите одежду и корабль!

Царь Гром посылает юноше свой корабль и лучшую одежду.

А Лиса-плутовка опять дает совет юноше:

— У царя не разглядывай свою одежду. Здоровайся только кивком. Наблюдай за другими. Вина много не пей!

Прибыл юноша к царю Грому на его корабле и в его одежде. Устроили богатую свадьбу. Потом все на том же корабле поплыли обратно, на родину юноши.

Лиса-плутовка отозвала юношу и говорит ему:

— У своего чума-голомо не останавливайся, а плыви дальше. Когда увидишь золотой город чужого царя — остановись недалеко и позови меня. Я приду, а ты мне прикажешь сбежать и узнать, как жил без тебя твой народ.

Юноша поступил так, как советовала Лиса: проплыл мимо своего чума-голомо, приблизился к золотому городу чужого царя, останавливается и говорит:

— Хочу знать, как жил без меня мой народ! Где пропала моя Лиса? Проведала бы!..

Когда позвали Лису, приказал ей сбежать и узнать, что делается в городе.

Лиса-плутовка прибегает к царю золотого города:

— Царь Гром едет уничтожить вас! Убегайте! Спрячьтесь в том лесу, но так, чтобы головы были видны.

Народ золотого города, испугавшись царя Грома, убежал в лес. Лиса-плутовка возвращается с плачем:

— Народ наш истребили люди царя Абаасы! Всех съели, а сами теперь прячутся в том лесу. Попроси тестя — пусть он убьет их громом!

Юноша попросил тестя наказать тех людей. Царь Гром ударил громом в лес, где прятались те люди. Так ударил, что ни одного человека из золотого города не осталось в живых.

Юноша поселился в том золотом городе и стал царем.

Так Лиса-плутовка исполнила свое обещание: женила юношу на дочери-красавице царя Грома и богатым его сделала.

ЦАРЬ ЕКСЕКЮ

В старину Пташка и Мышь рядом жили: Мышь, коренной житель этих мест, под кочкой себе жилище построила, а Пташка, весной из теплых краев вернувшись, возле той кочки на иве гнездо свила.

В середине лета, когда выросла трава и поспела голубика, Мышь к Пташке в гости пришла, а заодно и посоветоваться.

— Вот, соседка, лето к концу идет, скоро похолодает, а дети наши не подросли еще. Мы с тобой хорошо прожили весну-лето. Почему ты здесь не зимуешь? Мне зимой будет скучно, а соседей поблизости нет! — говорит Мышь.

— Мне нельзя здесь зимовать! — отвечает Пташка.

— Почему? Мы, может, сообща что-нибудь решим?

Оказывается, Мышь вот что придумала: лето выдалось холодное, с кормом худо, кореньев мало, и она решила запасы делать вместе с Пташкой.

— Я здесь, наверно, не смогу перезимовать! — говорит Пташка. — В теплых краях корма для нас вдоволь, а сюда после зимовки мы прилетаем, когда здесь все уже вырастает. Как ты, я не могу заготовить много корма, а запастись на всю зиму мне одной будет трудно.

— Нет, ты не пугайся! На зиму продукты я начинаю собирать обычно с этой поры. И всю зиму потом живу и ни в чем не нуждаюсь. Ты тоже сейчас начни. Я помогу тебе из сена построить кладовку!

«И правда! — думает Пташка. — Мышь построит мне кладовку. Я запасусь кормом и перезимую. Другие же зимуют, и со мной ничего не случится».

На другой день Мышь пришла к Пташке, говорит:

— Вот, построила тебе кладовку! Теперь носи и складывай туда корм!

А на самом деле — Мышь свою кладовку расширила.

Пташка начала запастись кормом, и к наступлению зимы ее кладовка была полной.

Тут и зима пришла. Начались холода, земля промерзла, вот-вот выпадет снег.

Мышь так и не успела заполнить свою кладовку. Сидит у себя дома, подсчитывает и думает: «О, наверно, пропаду! Моих запасов хватит примерно на полгода. Придется пойти к Пташке!» Приходит и говорит:

— Вот, опять пришла советоваться. Если выдастся плохой год — снег не скоро сойдет и зима продлится. Давай будем с тобой вместе жить. Скоро будет пурга, и детишки твои замерзнут. А если будешь жить у меня, то не почувствуешь ни пурги, ни холода.

«Да, правда: скоро похолодает, а у меня гнездо на самой вершине ивы. Детишки будут мерзнуть. Надо согласиться», — думает Пташка.

— Я согласна поселиться у тебя! — говорит она Мыши.

— Еще тебе посоветую. Сначала будем есть твои запасы, — говорит Мышь. — Все равно нам их хватит. А когда кончатся твои запасы — будем есть мои. Корма у нас много, должно хватить на два года. Эту зиму проживем безбедно!

Пташка согласилась и переехала в дом Мыши.

Так вместе две семьи жили. Как договорились, сначала съели запасы Пташки, их хватило до середины зимы, затем начали есть запасы Мыши.

Началась весна, появились проталины, но трава еще не выросла. Мышь пошла в кладовку, посмотрела: съестное

вот-вот кончится, даже до первой травы не хватит. «Если будем есть сами, думает Мышь, — то доживем до травы. Нужно обделить соседей».

Мышь начала обижать детей Пташки, перестала их кормить. А однажды так рассердилась, что птенцу крыло прокусила.

Пташке жалко своих детей. Она видит, что Мышь хочет с ней поскорее расстаться, задумалась: «Все равно где умирать. Лучше птенцов наверх выведу». Расчистила занесенное снегом гнездо и устроила в нем своих птенцов. Кормились древесным пухом.

«Так мы пропадем, думает Пташка. — Пойду к своему царю и пожалуюсь на Мышь».

Заготовила для птенцов еду и улетела.

Прилетела к своему царю — птице Эксёю, говорит:

— С семьей пропадаю. Мышь меня обидела. По уговору продукты запасли вместе и жили вместе. К весне кончились мои продукты, и Мышь нас выгнала. Погибаю с детьм от холода и голода. Рассудите нас!

Царь Эксёю позвал двух солдат и приказал:

— Идите к Мыши и разрежьте кладовку пополам. Половину продуктов выделите Пташке!

Солдаты пришли к Мыши и кладовку пополам разрезали.

— Эта половина — доля Пташки, вторая половина — твоя доля! Продукты Пташки не трогайте, — сказали ей солдаты.

Пташка перенесла свою долю, птенцов накормила.

«Почему меня обидел птичий царь? — думает Мышь. — У меня ведь свой царь есть. Я ему пожалуюсь!»

Мышь пришла к своему царю — Змею и сказала, что солдаты царя Эксёю ее ограбили. Про свою вину она умолчала.

Царь Змей рассердился:

— Почему царь птиц без причин обидел Мышь? Я пойду на него войной! Скажите ему, что с войском приду, когда начнет замерзать земля! — сказал царь Змей и послал к Эксёю гонца.

Получив такую весть, Эксёю говорит:

— Да, если сказал, то сдержит свое слово!

Царь Эксёю собрал войско из птиц и отправился воевать.

Войско птиц и войско зверей сошлись и начали сражаться. Царь Эксёю как махнет крылом — и волк, и медведь падают мертвыми. Царь Змей видит, что его солдаты гибнут, —

сам пошел. Схватился с Эксёкю и перебил ему крыло. Птицы увидели это и начали улетать.

— Умри мученической смертью! — сказал царь Змей царю Эксёкю.

Все птицы улетели, а Эксёкю остался один. Лететь он не мог и пошел по земле.

Шел-шел царь Эксёкю, видит: навстречу ему Богатый купец на коне едет. Подъехал к нему Богатый купец и опасается. А царь Эксёкю говорит ему:

— Вот иду по земле. Царь Змей хвостом крыло перебил. Приюти меня, добрый человек! Крыло мое заживет на третий год. До тех пор и держи меня у себя!

— Буду содержать! Три года то же, что и трое суток. Всего у меня вдоволь. А как повезу тебя? — говорит Богатый купец.

— Приведи лошадей. Только восемь самых сильных лошадей могут меня увезти.

Богатый купец велел работникам поймать восемь лошадей, запрячь их и привезти царя Эксёкю. Жилище для него приготовил.

— Поезжайте и привезите! В этом помещении он жить будет! — указал Богатый купец на приготовленное жилище.

Вскоре его люди привезли на восьми лошадях царя Эксёкю и ввели в помещение.

Два года прожил Эксёкю у купца. Тот забивает скот и кормит Эксёкю. Второй год кончается — остается еще один год. Купец забил уже всех лошадей и всех коров, а Эксёкю никак не поправляется.

— Ничего. У меня есть целая кладовка денег. Прокормлю! Сдержу слово! — говорит Богатый купец.

Покупал скот и кормил Эксёкю, пока кладовка с деньгами не опустела. Остался без единого рубля. И на то не обращает внимания:

— Ничего. У меня еще много разной одежды! Буду ее менять на скот и лошадей и кормить!

Третий год идет к концу — у него ничего не осталось.

— Теперь у меня ничего не осталось, — говорит купец.

— Да, правду ты говоришь. Я попробую взлететь! — говорит ему Эксёкю.

Вышел во двор и попробовал взлететь. Поднялся, пролетел не дальше длины аркана-маута и сел.

— Не зажило еще крыло, оказывается. Далеко еще не смогу улететь, не выдержит! Еще поживу! — говорит Эксёкю.

— Ничего. Буду содержать! — говорит купец.

Пошел в деревню и нанялся в работники. На заработанные деньги кормит Эксёкю. Вот опять ничего не осталось.

— Ну, еще раз попробую взлететь! — говорит Эксёкю. Выходит во двор и пробует подняться. Пролетел не дальше длины двух арканов-маутов.

— Еще придется пожить! — говорит он купцу.

— Живи-поправляйся! Раз слово дал — буду тебя содержать! — говорит купец.

Пошел в деревню и работает. Но заработком не может прокормить царя Эксёкю.

— Придется мне продать кладовку, дом и супругу. Тогда смогу долго кормить, — говорит купец. Пошел к супруге:

— Вот, не на что содержать царя Эксёкю. Потому я решил продать кладовку, дом и тебя! Ты согласна?

— Как можно нарушить данное слово? Твоему решению не могу противиться. Когда-нибудь по-человечески заживем — добрый молодец не умирает одной смертью! — сказала супруга.

Купец пошел в деревню и все продал, а на деньги купил много съестного, принес Эксёкю, говорит:

— Вот, последние продукты! Дом и жену продал.

И эти продукты съели.

— Больше еду не покупай. Я выйду и попробую полетать, — говорит Эксёкю.

Вышел, поднялся и полетел. Долго летал в поднебесье, потом вернулся:

— Хоть не совсем зажило, но полечу. Ты теперь что будешь делать?

— Останусь, наверно, здесь! Я слово свое сдержал и радуюсь, что ты можешь летать! — говорит купец.

— Если останешься здесь — на что жить будешь? Пока ты был богатым, тебя за человека считали. Лучше полетишь со мной на моей спине! Не погибнешь в пути — станешь опять богатым человеком! — говорит царь Эксёкю.

— Полечу с тобой! — согласился купец.

Сел на Эксёкю, и они полетели.

Летели-летели и видят: стоит серебряный дом. Во дворе сели.

— Поймай три коровы, — говорит купцу Эксёкю.

Купец поймал и привел три коровы. Эксёкю съел их.

— Теперь иди в этот дом, — советует царь Эксёкю. — Там живет старшая из моих сестер. Когда она расскажет новости попросит, скажи: «Сказ мой будет очень ценный. Если

отдашь кошку — расскажу!» Та кошка в коробке сидит и за три дня так много серебряных монет сносит, что замок лопается. Сестра предложит все богатство, все деньги, кроме кошки, — ты ничего не бери. Если не отдаст кошку — возвращайся.

Купец зашел в дом. Там девица сидит и плачет, глаза от слез вспухли, с ковш размером.

— Здравствуйте, госпожа ли, хозяйка ли?! — говорит ей купец.

Девица слезы вытерла, спрашивает:

— Ну, откуда пришел? На этой земле не бывают люди! Какие новости поведаешь, человек?

— У прибывшего издалека человека, конечно, есть новости! — отвечает купец.

— Что попросишь — не пожалею! Только рассказывай! — говорит девица.

— Сказ мой будет очень ценный. В этой коробке кошка сидит. Если дадите коробку с кошкой — расскажу! Такова цена моего рассказа, — отвечает купец.

— Как я могу отдать кошку? Эта кошка — память о моем любимом старшем брате! Три года прошло, как он пропал. Я насыпал тебе много серебряных монет!

Мне деньги не ужны!

Ну, тогда бери все мое богатство! Оставь мне только кошку!

— Если не даешь кошку, то не расскажу, — говорит купец и выходит.

Ексёю и купец летят дальше.

Увидели золотой дом. Сели возле этого дома.

— Приведи три коровы, — говорит Ексёю.

Купец привел три коровы, Ексёю съел их и советует:

— В этом доме живет младшая из моих сестер. Когда войдешь — будет сидеть и плакать. Спросит новости. «Мое слово имеет цену», — скажешь ей. Там будет стоять золотая коробка. Внутри той коробки сидит золотая курица, которая за три дня сносит столько золотых монет, что замок не выдерживает. Попроси ту коробку. Если даст, тогда расскажешь обо мне.

Купец заходит в дом, видит: девица сидит и плачет.

— Здравствуйте, госпожа ли, хозяйка ли?!

— Здравствуй! — говорит девица. — Тут никогда не проходят люди. Какие новости знаешь? Поведай мне!

Новости есть, только мое слово имеет цену. Дай мне золотую коробку — расскажу, что знаю!

Девица не дала коробку с курицей.

Ексёю и купец полетели дальше.

Долго летели, видят: впереди большой город виднеется. У края города сели.

Иди к тому городу, говорит царь Ексёю. До середины дойдешь — увидишь красивый дом: тот дом больше и выше других. Это мой дом. У дверей будут стоять солдаты. Скажешь: «Мне нужно матери царя сообщить важное слово». Тогда солдаты пустят. Поднимешься по лестнице — опять солдат встретишь: по обе стороны дверей будут стоять с ружьями. Скажешь: «У меня важное сообщение матери царя». Пустят. Когда войдешь, увидишь старуху и молодую женщину. Обе будут сидеть и плакать. Спросят у тебя новости. Тогда ты им тоже скажешь цену. «Все равно заплатим», — скажут они. На это ты говори: «Есть у вас сундук, в сундуке — коробка. Если дадите сундук с коробкой — тогда расскажу». — «Дадим», — скажут. Тогда ты передашь: «Прилетел с птицей Ексёю, сел у края города. Пришлите за ним людей!» Ну, иди!

Купец пошел к матери царя и все рассказал.

Мать царя послала своих людей, и они привели Ексёю в дом. Царь Ексёю птичью шкуру снял и человеком стал. Потом позвал к себе купца, накормил его и дал богатую одежду.

Жил купец три недели. После царь Ексёю говорит ему:

— Наверно, ты скучаешь? Тогда погуляй по городу и за городом. Далеко не уходи. Тут места опасные. До захода солнца вернись!

Привели коня. Купец вскочил на коня и поехал по городу, долго ездил-кружил между домами.

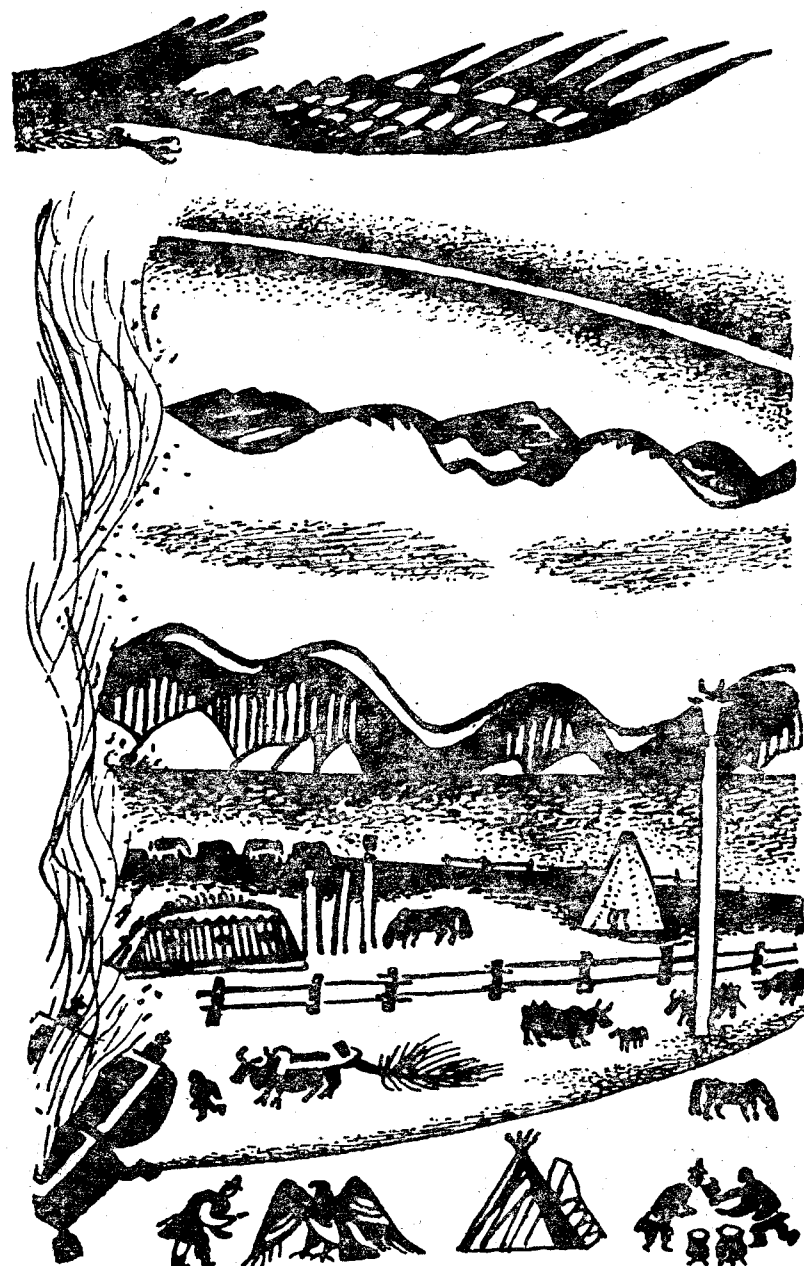
«Надо посмотреть, что за городом. Солнце еще высоко», — подумал купец и помчался за город.

Когда отъехал далеко от города, то увидел: пасутся три безрогих диких оленя.

«Надо их добыть», — подумал и погнался за оленями.

Догнал одного, выстрелил из лука и свалил. Подъехал — а тот вскочил и убежал. Второго свалил. Подъехал было — этот тоже вскочил и убежал. Догнал и свалил третьего. Подъехал было — и этот убежал. Когда опять за ними погнался — с неба опустился такой густой туман, что закрыл и оленей, и город. Поехал он в сторону города и заблудился.

Сколько он ехал — неизвестно. В тумане наткнулся на железный дом.

«Заночую в этом доме, пока не поднимется туман», — решил купец и, привязав коня, открыл дверь.

В доме лежал Ад-Богатырь. Его голова и ступни ног упирались в противоположные стены — такой он большой был.

— Богатый купец, это ты прибыл? Кто попадет ко мне, тот отсюда не возвращается! — говорит Ад-Богатырь.

— Не убивай! Оставь живым! — просит его купец.

— Отпущу, если дашь слово! Обещай мне отдать неизвестное тебе!

— Обещаю! Только отпусти домой!

Из дому пошлешь то, что обещаешь! Если не пришьлешь через три года — достану тебя отсюда. Никуда не денешься! Ну, иди. Город отсюда виден!

Вышел купец, сел на коня и огляделся: город виден.

Когда вернулся к царю, то оказалось, что плутал он три дня. Царь Ексёк искал его, но нигде найти не мог.

Купец рассказал царю все как было.

— Ты был у Ад-Богатыря, — говорит царь Ексёкю. — Это богатырь абаасы. Он убивает людей айы. Меня только не трогает. Как тебя отпустил?

— Потребовал отдать ему то, что неизвестно мне. Я ему пообещал.

— Э-э! Он даром не отпускает! Завтра отправимся на твою родину. Отдохни!

Своей супруге царь Ексёкю говорит:

— Отдайте купцу то, что обещали!

Женщины внесли и отдали сундук. Царь Ексёкю стал птицей Ексёкю, говорит купцу:

— Положи сундук на мою спину. Когда взлетим — откроешь коробку и держи открытой. Оттуда будут выходить коровы и лошади и следовать за тобой.

Купец сел верхом на Ексёкю, и они поднялись в поднебесье. А когда открыл сундук и коробку, оттуда начали выходить лошади и коровы и, словно туча за тучей, потянулись за ними.

Прилетели к младшей сестре.

— Почему не отдала курицу? — спрашивает ее Ексёкю.

Обрадовалась младшая сестра и отдала коробку с курицей.

Купцу царь Ексёкю сказал:

— Каждые три дня высыпай из этой коробки монеты!

Царь Ексёкю и купец полетели дальше и опустились возле дома, где жила старшая сестра.

— Не очень любишь меня, оказывается! Не отдала кошку! — говорит ей Ексёкю.

И старшая сестра обрадовалась и отдала коробку с кошкой.

— Каждые три дня из этой коробки высыпай монеты в тот сундук! — сказал царь Ексёкю купцу.

Потом прилетели к той деревне, где жил купец; царь Ексёкю опять говорит:

— Войди в дом, открой оба сундука. Супругу, дом, богатство — все выкупи! Отдаю тебе сундук и коробки за то, что ты меня спас и выходил!

Царь Ексёкю простился и улетел.

А купец с супругой остался жить в своем доме, и единственная была у него работа — это ссыпать из коробок в сундук монеты. Купец стал еще богаче, чем раньше. Пока купец у Ексёкю гостил, его супруга, оказывается, мальчика родила.

Так живет купец и радуется, что имеет богатство и сына имеет.

«Через три года сын будет бегать. Неизвестное мне — это, оказывается, дитя. Ад-Богатырь его имел в виду», — думает он.

Через три года мальчик стал бегать-играть во дворе. Купец еще больше загрустил, не разговаривает, не ест: три года прошло, как Ад-Богатырю обещал отдать.

— Почему загрустил? — спрашивает его супруга. — Скажи мне. Мы обручены, чтоб иметь одну думу!

— Думы мои далеко!

— Встретил, наверно, и не такие страдания и лишения в пути? Может, откупился чем-нибудь?

Купец все рассказал ей про Ад-Богатыря.

— Зачем грустить? Отпустим! Где только не протухает одно гусиное яйцо! Найдет Ад-Богатыря и домой вернется! — говорит супруга.

Всю ночь она шивала носовые платки в один платок. Утром одела сына в новую одежду, тот платок в карман вложила, сказала:

— Не потеряй этот платок. Если захочешь во время игры обтереться — встряхни его. Не пугайся, когда взлетишь в небо. С платком ты найдешь дорогу домой. Тут в кармане мяч — не потеряй! Куда он поведет тебя — следуй за ним!

Мальчик вышел во двор, бегал там, играл. Вынул платок обтереться, встряхнул его и полетел на нем, словно облачко. Долго так летел, потом на землю опустился. Вынул из

кармана мяч. Мяч упал и в сторону страны смерти пока- тился.

Сколько мальчик шел за мячом неизвестно. Но пока шел — вырос, стал он красивым и сильным юношей.

Шел и шел он за мячом, а когда наткнулся на домик без дверей — мяч остановился. Как только он положил мяч в карман — дверь открылась и оттуда вышла де- вушка.

— Войди и переночуй в моем доме! — говорит де- вушка.

Утром он проснулся и видит: за ночь вырос так, что не помещается в доме, больше Ад-Богатыря стал.

Девушка говорит ему:

— Ты идешь в страну смерти к Ад-Богатырю. Мой отец, царь Эксёю, меня послал встретить тебя и все рассказать. Сегодня ты найдешь Ад-Богатыря. Он недалеко отсюда живет. Завтра у него день рождения, и он поведет тебя к своей родне, чтоб съесть тебя. Ад-Богатырь к своей родне без гостинца не ходит. Ты не бойся, иди с ним и во всем со- глашайся. Когда придете, все абаасы будут очень рады. Чтоб тебя сварить, восемь человек железный котел с девятью обручами внесут, потом к реке за водой побегут. Сразу тебя убить они побоятся и поить вином будут. Ты вино не пей, а за ворот выливай. Ад-Богатырь и все абаасы пить бу- дут. А когда они опьянеют, ты убьешь Ад-Богатыря и всех главных абаасы. Затем выйдешь, трижды взмахнешь шелко- вым платком и очутишься у дверей этого дома. Вот шелко- вый платок, вложи его в карман и никому не показывай. Так велел тебе передать мой отец — царь Эксёю.

Пришел парень к железному дому, где жил Ад-Бога- тырь, а тот лежит, развалившись, на постели: голова и ноги упираются в стены. Увидел парня, обрадовался и го- ворит:

— Ха-ха! Богатый купец, оказывается, хороший человек! Ну, теперь ты моим гостем будешь. Завтра мой день рожде- ния. На угощение приглашаю тебя!

— Согласен быть твоим гостем на пиру! — сказал па- рень.

Оба богатыря побежали в сторону страны смерти. Бежали-бежали и вот увидели большую реку. Переплыли ее и вышли на высокий берег, где стояли деревянные дома.

В самом большом доме много мохнатых абаасы собра- лось. Увидели Ад-Богатыря, обрадовались:

— Ад-Богатырь с гостинцем пришел! Такого гостинца еще не приводил! Смерть ли свою почувал Ад-Бога- тырь?!

Парня посадили на красное место, а сами на коро- мыслах железный котел с девятью обручами внесли, по- бежали к реке, принесли воду, кипятить ее в том котле начали.

— Внесите еду! Люди мои, угощайтесь! — сказал Ад- Богатырь.

Абаасы внесли еду и много бочек с вином, начали есть и пить: кто ведром, кто ковшом. Абаасы и Ад-Богатырь все выпивают, а парень за ворот льет и на кипящий котел поглядывает, приговаривая:

— Ради встречи давайте пить! Праздник не повторя- ется!

Пили-пили, а когда половину вина выпили, Ад-Богатырь опьянел и на землю свалился. Абаасы испугались:

— Вот встанет Ад-Богатырь и убьет нас! — говорят.

Напились вина и тоже попадали.

Парень наступил ногой на шею Ад-Богатыря и оторвал ему голову, а всех больших абаасы перебил. Вышел, взмахнул платком и улетел.

Малые абаасы проснулись, смотрят: Ад-Богатырь без головы лежит и большие абаасы мертвые. Испугались и говорят:

— Даже наши внуки пусть не трогают людей айы!

Парень тем временем прибыл к девушке, все рассказал ей, и они на платке к дому царя Эксёю полетели.

Царь Эксёю встретил их, говорит:

— Ты победил злого и сильного Ад-Богатыря! Отдаю тебе в жены свою дочь!

Устроили великую свадьбу и три дня пировали.

На третий день царь Эксёю сказал парню:

— Полетим к моей младшей сестре. Там стоит золотой конь с восемью крыльями. Отдаю того коня в приданое дочери: в день смерти он будет пищей, а в день нужды — защитой. А тебе вручаю золотую коробку. Когда прилетите на родину — спуститесь и бросите раскрытую коробку на землю со словами: «Стань большим золотым домом!» В том доме будете жить. Потом пойдете к отцу с матерью.

Царь Эксёю проводил их до младшей сестры, отдал им золотого коня и коробку, простился и отправился в свой дом.

А парень с женой на золотом коне полетели и опустились

возле дома Богатого купца. Парень открыл коробку и о словами: «Стань большим золотым домом!» бросил ее на землю. И там, где она упала, вырос большой золотой дом со всяким богатством.

Пошли к родителям парня в гости. Богатый купец с супругой увидели юношу с девушкой, очень удивились, а когда узнали, что это их сын с женой, — заплакали от радости.

Парень перевез родителей в свой дом, и все живут дружно и счастливо в том доме по сей день.

ЭВЕНКИЙСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

ТЫВГУНАЙ-МОЛОДЕЦ И ЧОЛБОН-ЧОКУЛДАЙ

Давным-давно, много лет тому назад, на устье пяти глубоководных рек с широкими долинами и горящими мысами, под деревом с густыми ветвями жил-был Тывгунай-молодец. Этот молодец не знал ни отца, ни матери, не знал — грозой ли, женщиной ли рожден или сам из колыбели вышел, — был сиротой. Перегрыз он зубами тальник и, свив тетиву, сделал себе маленький охотничий лук из лыка тальника. И жил, добывая им разную мелкую живность.

Живя так, однажды подумал: «Пойду-ка я вверх по реке, посмотрю — что там», — и отправился. В дороге устал. Вдруг смотрит — стойбище показалось. Подходит и видит, как вдоль берега плавают две утки. Подкравшись к ним, захотел стрелу пустить, а утки все продолжают нырять и плавать. Натянул он тетиву, но не выстрелил, опасаясь убить чью-нибудь птицу.

Тогда он спросил:

— Может быть, вы принадлежите кому-нибудь из местных? Давайте побеседуем, вы расскажите мне все и не говорите потом, что убил вас, не предупредив! — говорит Тывгунай-молодец.

Утки взлетели. Взлетая, запели:

— Вот, родившийся под развесистым деревом Тывгунай-молодец чуть не погубил нас. Наверно, он добрый человек, потому пожалел. Мы же, став утками, чуть не дали себя погубить. На кочке, где мы сидели перед купанием, остался наперсток. Возьми его и береги, он тебе добро сделает!

Тывгунай-молодец смотрит — лежит золотой наперсток, взял его и положил в карман. Потом пришел в стойбище. Там собралось очень много людей, и богатырей было немало. Среди них и богатый хозяин стойбища.

Этот хозяин сказал:

— Вот там видна дуга вонзившегося в землю лука. Богатырю, сумевшему вытащить этот лук, отдам свою дочь в жены.

Каждый день богатыри пытались вытащить этот лук, но никто не смог вытащить. Тывгунай-молодец походил-походил, посмотрел и отправился домой. Возвратившись, видит — под развесистым деревом сидит богатырь. Заметив его, Тывгунай испугался. А тот говорит ему:

— Ты не бойся меня, я — твой старший брат. С тех пор как ищу тебя, прошло много лет. Откуда ты пришел?

— Я ходил вверх по течению реки, там есть одно стойбище, где богатыри пытаются вытащить вонзившийся в землю лук, чтобы жениться на дочери богача, но никто не может его вытащить, я посмотрел на это и вернулся, — говорит Тывгунай.

— Вот мой конь, войди в его левое ухо — найдешь пищу, войди в его правое ухо — найдешь одежду, — говорит старший брат Чолбон-Чокулдай.

Тывгунай-молодец все сделал, как велел брат, и стал богатырем. Верхом на коне они поехали вверх по реке. Приехали, а лук торчит, как торчал, никто не смог его вытащить. Тогда Чолбон-Чокулдай спрыгнул с коня и потянул лук, дуга лука сломалась и отскочила вверх, немного погодя что-то сверкнуло, словно молния; когда же дуга достигла Верхнего мира, будто гром прогремел.

Потом Чолбон-Чокулдай с братом сели на коней и полетели в Верхний мир посмотреть, что случилось.

Добрались до Верхнего мира. Он оказался землей, людей там было так много, как комаров, а скота — как оводов. Когда шли по ней, увидели: из-под земли дымок пробивается. Наклонились к тому месту, где дымит, и видят — сидят полуобгоревшие старик со старухой.

— Старушка, у меня печень болит, дала бы кусочек печени, — говорит старик.

Старуха отвечает:

— Э-э, вот мои хозяйки дали мне кусочек печени, сказав: «Смажь печенью шкуру, чтобы мягкой стала». Если печень отдам, они опять будут долбить мою бедную голову своими серебряными щипцами.

— Старушка, у меня голова болит, нет ли у тебя немного головного мозга? — просит старик.

— О-о, ты ведь уже съел тот кусочек мозга, что дали вчера, опять будут долбить мою бедную голову. Ноет моя грудь, но в этом мире некому обо мне вспомнить. Вот когда ты был молод и бился с богатырями и когда они, победив тебя, полетели в этот мир, взяв нас с собой, я оставила под большой лиственницей, укрыв корьем, двухлетнего мальчика, сказав: «Если он останется жив, пусть называется Чолбон-Чокулдаем». Под ветвистым деревом оставила я шестимесячного мальчика, покрывла его старой оленьей дошкой, сказав: «Если останешься жив, будешь называться Тывгунаем-молодцем». Но они, наверное, не выжили. Как могут они попасть в этот мир? Ноет моя грудь, — говорит старуха.

Услышав эти слова, братья вошли в чум.

— Вы, ребята, откуда прибыли? — спрашивает старуха.

— Мы прибыли из Среднего мира, меня зовут Чолбон-Чокулдай, а это мой младший брат Тывгунай-молодец, — говорит старик.

— Мы в этот мир попали, когда богатыри нас одолели. Вас на родине оставили. Здесь есть богатыри, против которых никто устоять не может. Теперь они лежат: из Среднего мира пришла их смерть и оторвала от каждого по половине тела. Они нас на огне поджаривают, спрашивая: «Кто у вас на родине остался?» А шаманов своих колдовать заставляют: пусть, мол, узнают, откуда смерть к ним пришла. Если шаманы не могут узнать, отсекают им головы, — сказала мать.

Тогда братья вышли вон, забили несколько голов скота и дали родителям поесть. Потом отправились в большой дом богатырей. Дом был полон людей; парни спрятались, сели и стали наблюдать, как богатыри отсекают головы шаманам. Вот приведи одну шаманку, она стала предсказывать:

— Люди, пославшие смерть из Среднего мира, пришли и сидят здесь, среди вас.

— Эй, отсекайте ей голову, пусть не обманывает, как они могут быть среди нас! — приказал старший богатырь.

Тогда шаманка сказала:

— Добрые молодцы, не давайте отсечь мне голову, предстаньте перед нами, — и опустила вниз бубен.

Чолбон-Чокулдай и Тывгунай-молодец предстали перед богатырями. Оба раненых богатыря приподнялись, устави-

лись на парней. Одного богатыря звали Сингколтукон-Эден, другого Бегалтукон-Эден.

— Мы были главами рода, лучшими из Эден, великими из великих, а теперь вот калеками стали, сидим тут. Вы победили, так вылечите нас!

Парни поплевали на свои ладони, натерли богатырей, и те, став такими, какими были прежде, встали на ноги. Встав, они пошли на площадку для поединков, отправились биться. Братья за ними. Сев на коней, стали биться старший со старшим, младший с младшим. Так бились они, взлетая на конях к самому краю Верхнего мира. Вдруг Чолбон-Чокулдай перестал видеть. А Сингколтукон, наскакивая то с одной, то с другой стороны, начал рубить его своей пальмой¹. В это время запел конь Чолбон-Чокулдая:

— Над левым моим ухом, под гривой, есть серебряный топорик, быстро возьми его и ударь поперек моей морды. После этого посмотри вниз! Когда наклонишься, увидишь маленький плот, привязанный с четырех углов к коню Сингколтукона. На нем одна старушка развела дымокур и окуривает нас дымом. Убей ее. Кровь, стекающая из моего носа, потушит ее дымокур. Когда потухнет дымокур, опять станешь хорошо видеть.

Чолбон-Чокулдай, как велел ему конь, схватил топорик, с размаху ударил коня по носу, кровь хлынула ручьем, и стало светло. Посмотрел вниз — оказалось, сидит старушка на плотике, привязанном к коню Сингколтукона, и окуривает его дымом. Чолбон-Чокулдай убил ее одним выстрелом.

Снова стали биться. Немного погодя Сингколтукон говорит:

— Ну, видно, никто из нас не сможет одолеть друг друга, перестанем биться и поедем к нам.

Поехали. Доехав, вошли в дом. Дом был очень хороший. Сингколтукон говорит:

— Ну, садись вот здесь!

Сиденье тоже было хорошее, крепкое с виду. Только сказал Чолбон-Чокулдай «присяду-ка!», как сиденье под ним прорвалось, и он полетел вниз. Летел он долго-предолго и вдруг слышит:

— Храброго человека я, Сингколтукон, в Нижний мир спустил.

¹ П а л ь м а — большой нож, насаженный на рукоятку, нечто подобное копы.

— Если бы он впереди себя и позади себя гнал скот, мы бы подождали его есть,— снова слышит Чолбон-Чокулдай.

У нашего человека ничего нет, с досады набрал он в ладони глины и сказал: «Превратясь, иди впереди меня» — и бросил глину вперед. Глина превратилась в скот. Схватил он другой рукой глину, говоря: «Превратившись в скот, следуй позади меня» — и бросил ее назад, та превратилась в скот.

Вот идет дальше. Снова слышит:

— Храбрый человек: впереди и сзади у него скот. Ну, введите его в дом, трое суток окуривайте, пусть привыкает к запаху этой страны.

Когда он вошел в дом, одна старушка, сидя у костра, опаливала челoveчью голову, бросая ее в огонь и вынимая оттуда. Там лежало множество человеческих костей. Старуха говорит:

— Человек, попавший в эту страну, на родину не возвращается, я тоже жила на Средней земле. Если ты человек, то трое суток не вдыхай носом воздуха этой страны, если вдохнешь — не уйдешь отсюда.

Трое суток палили в огне человеческие кости те людоеды. Наш человек сидел, не вдыхая воздуха этой страны, ждал, когда уснет главный людоед, следил за ним, но разве уснет он! Тридцать суток тот не смыкал глаз. Когда прошел месяц, закрыл один глаз, через трое суток закрыл второй. Вот и оба глаза закрыл.

Над тем местом, где сидел Чолбон-Чокулдай, висел огромный, как чум, колокол, у колокола был язык. Наш человек, превратившись в паука, протянул паутину к языку колокола. Паутина, дойдя до языка, сразу прилипла. Чолбон-Чокулдай пошел по ней. Подойдя, увидел: сквозь небо, с игольное ушко, едва виднеется отверстие Верхней земли.

Наш человек стал подниматься по языку колокола, а поднявшись, сразу полетел вверх, превращаясь то в овода, то в птичку. И вот стал он приближаться к отверстию. Когда до него осталось расстояние, равное длине большой листовницы, превратился он в человека и прыгнул. Когда прыгнул, внизу прозвенел колокол и послышался крик людоеда:

— Ох! Убежал-таки Чолбон-Чокулдай!

И тут же послышался шум погони. Чолбон-Чокулдай едва убежал. В том месте, где он вышел, высунулся по грудь людоед. Чуть не схватил его, но не посмел идти дальше, вернулся, говоря:

— И впредь приезжайте, имея скот спереди и сзади, тогда только вернетесь обратно.

С тех пор, говорят, шаманы стали брать за камланье скот.

Вернулся Чолбон-Чокулдай и видит — Сингколтукон-Эден смотрит, как бьются кони. Чолбон-Чокулдай сказал тогда:

— Собака ты, пока еще раз не обманул меня, я с тобой посчитаюсь! Пойдем к скале, где сходится земля с небом, там рассудят, кто из нас прав, а кто виноват.

Тот согласился, пошел за Чолбон-Чокулдаем. Наконец пришли к тому месту. Чолбон-Чокулдай первым сел на коня и прыгнул в промежуток, когда отодвинулось небо. Лишь кончик конского хвоста срезало. Когда прыгнул на коне Сингколтукон — его рассекло надвое. Так и погиб он.

Чолбон-Чокулдай отправился искать своего брата. По следам битвы пошел. Наконец увидел коней, вцепившихся друг в друга зубами. Еще поискал, видит — его брат и брат Сингколтукона, впившись ногтями в лица друг друга, обессилев, лежат уже при смерти.

Чолбон-Чокулдай поплевал на ладони, и, как только погладил брата, тот сразу стал таким, как прежде.

— Ну, а как ты? Можешь еще биться или нет? — и Тывгунай потянул за руку Бегалтукона-богатыря, помог ему сесть.

Тот сказал:

— Сейчас не могу, тебе брат помог, мне тоже помогите. Убив меня, обессиленного, не обретете славы.

Его тоже лечат, и он стал таким, каким был раньше. Теперь души друг друга пошщем, приведем, — пусть договариваются.

Бегалтукон и говорит:

— Когда спустишься на Среднюю землю, на устье пяти глубоководных рек есть большой плес, спустись в самую середину его, в самую глубину, там плавают множество гальянов. Там есть самый маленький серебряный гальян, догони, поймай его и примеси. Подумав пятеро суток, прицеливаясь десятеро суток, пустил стрелу, сказав: «Вернись с вестью на тетиве, с гостинцем на кончике остряя».

Когда выстрелил, внизу раздался плеск воды, зашумевшей, как сильный гром. Тывгунай потерял сознание. Та стрела быстро вернулась, неся душу Тывгунай. Тывгунай-молодец попытался ее отнять, но стрела разве уступит ему, отдала своему хозяину.

Потом запел Тывгунай:

— Когда поднимешься по течению трех глубоководных рек, пройдешь истоки и придвинутся к ним горы, на самой середине вершины найдешь огромную лиственницу с девяноста девятью отверстиями. Ее расщепи, как труху, из тех девяноста девяти отверстий вылетят девяносто девять ласточек, из них выше всех полетит маленькая ласточка, поймай и приведи ее.

Десять суток целился прочным луком, сделанным из сердцевины дерева, пять суток думал и, сказав: «С вестью на тетиве, с гостинцем на кончике острия вернись», пустил стрелу. Та сорвалась с шумом, словно сверкнула яркая молния. Спустия некоторое время стрела прогремела подобно сильному грому, попала в лиственницу с девяноста девятью отверстиями и пронзила ее, расщепив как трухлявое дерево. Бегалтукон тоже несколько раз терял сознание.

Вдруг видят, как далеко-далеко, под самой нижней кромкой неба, летит ласточка, за ней прямо летит стрела. Уже приближаются к отверстию Верхней земли, вот-вот улетит ласточка. Тывгунай-молодец вспомнил о наперстке, бросил его в сторону отверстия, и отверстие плотно закрылось. Ласточка влетела в наперсток, стрела поймала ее и принесла.

Бегалтукон попытался отобрать свою душу, но стрела хозяину своему отдала.

Ну, теперь никто из нас не победит, помиримся, не будем биться, поменяемся своими душами, вы езжайте домой, — говорит Бегалтукон.

Парни взяли с собой мать с отцом, вернулись на Среднюю землю, славно зажили, говорят. Тывгунай-молодец женился на девушке, отдавшей ему свой наперсток, а Чолбон-Чокулдай взял в жены дочь хозяина богатого тойбища, и они очень хорошо жили.

УМУСЛИКЭН

В самом центре Средней земли, называемой звенками Дулин Буга¹, жил один человек. Чтобы позвать: «Мама!» — не было у него матери; чтобы обратиться: «Папа!» — не

¹ Дулин Буга — Средняя земля. По древним представлениям звенков, земля состояла из трех ярусов: Нижнего, где жила нечистая сила; Верхнего, где жили боги; Средний мир был родиной людей.

было у него отца; чтобы сказать: «Чо!» — не было у него оленя. Жил он на этой Средней земле — Дулин Буга — один-одинешенек, и даже слова «человек» никогда не слышал, не знал, что это такое. Жил он так в одиночестве много лет.

И вот однажды сел он у своего очага и задумался: «Как же это так, почему я живу один? Неужели на моей прекрасной земле, называемой Дулин Буга, нет ни одного существа, подобного мне? Если бы я вышел из воды, то на моих пятках остались бы хоть капельки ее, если бы я упал с неба — то на моей макушке остались бы хоть капельки тумана, если бы я из-под земли вышел — то прилипли бы песчинки к моим бокам! Нет, я хочу найти людей, подобных мне!»

Сказав так, пошел он искать людей. Быстро бежал по родной Дулин Буга, преодолевая огромные расстояния, перепрыгивая большие и маленькие реки, взбираясь на высокие хребты. Увидев перед собой огромную гору, задумался: как же ее преодолеть? Вдруг он услышал сверху какие-то звуки — это было чье-то пение, но наш герой впервые слышал человеческую речь и никак не мог понять, что это. Вдруг из-за девяти туч он увидел птицу, она кружила в воздухе и пела, пела человеческим голосом. Хотя Умусликэн никогда не слышал человеческой речи и сам не разговаривал (как же он мог разговаривать один!), но он понимал птицу. Кружась, птица села на высокое дерево и запела:

— Дакен, дакен, дакен!

Глянул Умусликэн на нее — а перед ним на дереве сидит красивая девушка, волосы у нее так длинные, что свешиваются до самой земли. Девушка опустила на землю и сказала:

— Одинокий богатырь Умусликэн, лети за мной. Наверное, тебе хочется узнать, кто были твои родители. Лети за мной, лети за мной!

Проговорив, она взмыла в воздух, вновь обратившись птицей, и бросила ему два крыла.

Схватил Умусликэн в каждую руку по крылу и полетел за птицей. Улетая от него все дальше и дальше, птица пропела: «Это я погубила твоих родителей и твой народ!»

Услышав это, Умусликэн стрелой полетел вслед за птицей, поднялся вначале на высоту за семь туч, но, видя, как быстро коварная птица удаляется от него, он поднялся на высоту девяти туч и стал преследовать ее, стараясь не упустить из виду.

Сколько они летели, он не знал, так как узнавал лето по

дождю, зиму по снегу, осень по опавшей листве, весну по талому снегу.

Вдруг вдали наш богатырь увидел огромное море, не было ему ни конца, ни края, впадали в него девяносто девять больших рек, семьдесят семь маленьких рек и восемьдесят восемь озер, сливаясь вместе, пополняли это море своими водами. А летел наш Умусликэн без отдыха уже три года, за это время он совсем из сил выбился. Опустился он на берег этого огромного моря отдохнуть. Сидя на берегу, он думал, как ему перелететь его. Вдруг, подняв голову вверх, услышал чье-то пение. Это была белка. Она запела:

— Куми-кумикээн, кумикээн! Слушай меня внимательно, богатырь Умусликэн, мои слова своим сердцем пойми, глубоко в свою душу введи, в свои чуткие уши вложи! Я, твоя сестра, хочу помочь тебе. Много-много лет назад злой авахи¹ напал на наш народ, истребил его, погубил наших родителей, увел меня в плен. Только одного мальчика успели спрятать в лесу — это был ты. Вот почему ты рос один, не слыша человеческого слова, не видя материнской ласки, не ведая отцовской заботы. Но оказывается, ты не умер, ты жив, теперь ты должен отомстить за нас. Тебе придется сразиться с сильным противником, та птица, что завела тебя в эти земли, и есть тот враг — авахи. Он специально летал на нашу землю — Дулин Буга — узнать, остался ли там кто в живых, он нарочно завлек тебя сюда, чтоб погубить последнего человека на нашей земле. Я вижу, ты вырос сильным богатырем и не побоишься сразиться с ним, но один ты его не одолеешь. Я помогу тебе. А теперь ты лети за это море, там увидишь огромный город, где и живет твой враг.

Сказав так, белка исчезла. Наш богатырь взмыл вверх и полетел по направлению девяти ветров, восьмидесяти восьми течений маленьких рек и девяносто девяти течений больших рек, прямо туда, где была земля его врага.

Долго он летел, узнавая лето по граду, зиму по снегу, осень по замерзающим рекам, весну по талому снегу, и наконец, услышал вдали шум. Никогда не слышал наш богатырь такого шума, никогда не слышал такого тяжелого стопа. Сердце его от нетерпения сразиться с врагом затрепетало, прихлынула буйная кровь, кончики пальцев отяжелели от напряжения и ненависти. Огромный город был перед ним, и горела в нем только половина огней.

Слышался плач сотен людей, стоны тысячи людей и громкие крики свирепых чудовищ авахи. Каких только чудовищ там не было: и с двумя головами, и с семью головами, и с девятью головами. Если было чудовище с семью головами, то из каждой головы вырывалось свирепое рычание; если было чудовище с девятью головами — то каждая из девяти голов изрыгала огонь. И как только вдохнет в себя чудовище воздух, так каждая его пасть заглатывает по целому человеку.

Из-за высоты девяти туч ринулся вниз наш богатырь и вступил в бой с чудовищами. И так он бился, и сяз он бился, отсек головы всем двуглавым чудовищам, отсек головы всем семиглавым чудовищам и вступил в бой с девятиглавым авахи. Долго он бился с ним: отсечет ему две головы, а они тотчас же вырастают снова, отсечет разом три головы — и они на место встают. Стал силу терять наш герой, широкая спина его уменьшилась в ширине своей, тугие мышцы его потеряли свою упругость, стал он проваливаться в твердой земле по щиколотки, в мягкой земле — по колени. Светлые мысли его укоротились, ясный ум его затуманился.

Вдруг из-под девяти туч услышал он пение, пение на родном эвенкийском языке. Взглянул он ввысь, смотрит — кружит на высоте девяти туч, опускаясь до высоты семи туч, приближаясь к высоте трех грозовых туч птица кидак, вся в золотом оперенье, и зовет его, кружа в воздухе:

— Куми-кумикээн, куми-кумикээн!

Воспрянул духом наш богатырь, по заповедным словам узнал свою сестру, парящую в небе. Широкая спина его расширилась от радости, бурная кровь его прилила к кончикам его десяти пальцев, мышцы его налились силой втрое большей, чем раньше была, светлые мысли его удлиннились, ясный разум его просветлел. Ударил он со всей силой чудовище авахи в самое основание уха, и тот свалился без памяти. Глянул вверх — а птица кидак, вся в золотом оперенье, кидает ему с высоты трех грозовых туч два золотых яйца. Схватил их на лету наш богатырь и разбил вдребезги о землю. Тут и скончался злой авахи.

Прекратился плач людей, затихли стоны, замолк шум. Видит Умусликэн — подходит к нему человек и говорит:

— Гередэвун, гередэвун! Отважный богатырь, скажи свое имя, откуда родом-племенем будешь, из какой земли ты пожаловал к нам и спас от гибели. Много лет страшные чудовища пожирали мой народ, губили мое племя. Спасибо тебе за то, что ты освободил нас. Оставайся, мы подарим

¹ А в а х и (эвенк.) — чудовище.

тебе за твой подвиг много скота, лучшую девушку отдадим тебе в жены. Но ответил Умусликэн:

— Я богатырь Средней земли, называемой эвенками Дулин Буга, вырос я в полном одиночестве, не слыша родного слова, не зная ласки родимой матери, не ведая отцовской заботы. Много лет назад это чудовище сгубило мой народ, хотело, чтоб исчезло с земли имя эвенка-уранкая и опустела моя земля. Но вырос я благодаря заботам моей Дулин Буга, вскормила она меня, посылая мне зверя, чтоб питался, укрывала меня мягким мхом оленьего ягеля, поила меня росой девяти туманов, вскормила, чтоб, выросши и окрепнув, я отомстил врагу. Спасибо вам, но я вижу, что вы не мой народ, люди не моего племени и языка. Я возвращаюсь домой. Где-то должна быть моя сестра, птица кидак, я должен найти ее.

Обернулся наш богатырь птицей и взмыл в воздух, поднимаясь на высоту трех грозовых туч, затем на высоту семи туч, а затем скрылся за высотой девяти туч. Долго летел он, узнавая зиму по снегу, лето по граду, осень по желтой листве, весну по талому снегу. Но вот вддали показались ему родные места, и родной утэн¹ показался внизу. Опустился на землю, обернулся богатырем и обратился к своему родному жилищу — утэну с такими словами:

— Мое родное жилище, утэн, утэкэн! Вот вернулся я домой. Повидал я другую землю, сразу же с авахи, уничтожил его, освободил другой народ, но неужели я не найду своих родичей, родных по крови и языку мне людей, неужели я опять буду жить здесь один? О родной очаг, называемый Кулумтан, я вернулся к тебе!

Сказав это, он вошел в свой утэн, бросился к остывшему кострищу и разрыл его, под пеплом он нашел дверцу, открыл ее и увидел девушку, это была его сестра. Заговорила она:

— Здравствуй, мой брат, Умусликэн. Хорошо, что ты вырос отважным и смелым богатырем и отомстил за отца и мать. Родной очаг сберег тебя, теперь мы вдвоем будем жить.

Накормила она его, напоила. Всю ночь не спал наш богатырь, все думал, как найти ему своих людей, близких по крови и языку. Наутро проснулась сестра и говорит:

— Слушай меня внимательно, мой брат Умусликэн, слова мои через свои чуткие уши пропусти, глубоко обдумав,

¹ Утэн — жилище эвенков.

осмысли. По направлению восхода солнца отправляйся в путь, туда, где наше солнце поднимается. Там живут хорошие люди, близкие нам по крови и языку, там много людей найдешь, услышишь родную нам с тобой речь, знакомые нам песни. Там живет мать наших народов, зовут ее Энин Буга, Мать земли, тысячи народов живут под ее покровительством. Если ты хочешь увидеть край земли, корень людей, лучших богатырей, то отправляйся туда, там ты должен найти свою судьбу.

Попроцался Умусликэн со своей сестрой, обернулся птицей, взмыл вверх, сделал круг над родным утэном и прокричал сестре:

— Жди меня через семь лет. Когда семь раз выпадет и растает снег, когда семь раз распустятся и сбросят свою листву деревья, вернись домой!

СТАРИК И ЛИСА

Давно на земле жили старик со старухой. Имели много оленей — так много, что, когда олени стадом стояли, напоминали березовую рощу.

Когда оленевод был в силе, еще управлялся с оленями, пас их. Но вот пришла старость, и оленеводу стало трудно пасти оленей.

Однажды олени ушли от своего хозяина. Ищет-ищет он стадо вблизи своего жилища и не находит.

— Как быть? Где найти оленей? — спрашивает старик у старухи.

— Как быть... Надо искать, — говорит старуха.

Старик ушел в лес. Ищет оленей или делает вид, что ищет, — ведь у него мало сил осталось.

И тут к старику подбегает лиса.

— На моей поляне-голубичнике мало ягоды уродилось, — говорит лиса старику. — А твоя поляна хороша!

— Чем же она хороша? — спрашивает старик.

— На твоём голубичнике хорошая голубица. Позволь мне покормиться на твоей поляне.

Старик подумал и сказал:

— У меня олени потерялись. Надо найти их.

— Э-э, я помогу тебе, сама поищу. А ты не трудись, отдыхай, — говорит лиса. — Я найду твоих оленей и буду пасти

их. Попасу-попасу и спущусь на голубичную поляну, поем ягоды. Поем ягоды и снова попасу твоих оленей. Так и будем жить.

Согласился старик. И с тех пор стала лиса у старика пастухом.

Лиса по нюху находит следы оленей, а по следу — и само стадо. Найдет стадо, поймают оленя, съест.

Так и живут. Лиса ловит стариковых оленей, ест их. Прошло время, и старик спрашивает лису:

— Лиса, как мои олени?

Лиса отвечает:

— Дедушка, твои олени хороши. Поправились очень.

— Ты сказала — «хороши»? — спросил старик.

— Да, дедушка, хороши! — отвечает лиса.

— Ну и ладно, — говорит старик. — Только ты, лиса, хорошенько поглядывай за моими оленями. И прибегай ко мне чаще, рассказывай.

— Так и сделаю, — сказала лиса:

Лиса убежала к оленям. Поймала одного, съела. Потом другого поймала, съела.

Через какое-то время прибегают лиса к старику. И старик спрашивает:

— Лиса, лиса, как мои олени?

— О, дедушка, твои олени очень хороши. Жирные стали, красивые.

Старик говорит:

— Хорошо. Пусть жиреют.

Так живут-поживают. Прошло лето. Прошла зима. Прошло еще время. Старик опять спрашивает:

— Лиса, как мои олени?

— О-о! Очень отъелись! Совсем жирные стали.

Старик тогда говорит:

— Надо на них посмотреть, собрать стадо.

Лиса убежала собирать оленей. Долго ее не было. Но оказалось, она уже доедала последнего оленя из стада старика.

Пришла лиса к старику такая сытая. И говорит:

— Дедушка, оленей наших не нашла, куда-то ушли. Обошла нашу поляну-голубичник, нигде нет оленей. Пойдем вместе поищем.

Старик велел лисе идти сзади, сам пошел впереди. Дошли до голубичной поляны, а поляна вся покрыта костями. Понял старик: лиса его обманула. Лето и зиму она только и делала, что ела стариковых оленей. Все стадо прикончила.

— Ты обманщица! Ты воровка-разбойница! — закричал старик на лису.

Лиса побежала назад, к дому старика. Старик гонится за нею, но догнать не может. Но вот показалось жилище. Старик кричит старухе:

— Лису поймай! Она съела наших оленей!

Старуха не расслышала слова старика. А лиса уже близко. Она говорит старухе:

— Старик велит привязать к моему хвосту украшение — за мою хорошую работу.

— Какое украшение? — спрашивает старуха.

— Нож привяжи. Нож и будет украшением, — говорит лиса, будто стариковы слова передает.

Старуха и привязала к хвосту лисы нож. Лиса дальше помчалась.

Прибежал старик, спрашивает:

— Почему не поймала лису?

— Я привязала к хвосту лисы нож, — сказала старуха.

— Зачем привязала? — не понимает старик.

— Ты ведь сам кричал мне, чтобы я так сделала. Мне лиса твои слова в точности передала.

Старик сокрушенно свалился на пол...

А лиса убежала на поляну и там обгладывает кости оленей.

Прошло время, стала лиса голодать. Думает: где бы найти поесть — мясо кончилось, голубица тоже. И видит — идет волк.

Волк говорит:

— Э, лиса, здравствуй!

— Э, братец, здравствуй! Как перезимовал?

— Чуть с голоду не помер, — отвечает волк.

Потом заметил — на хвосте у лисы что-то сверкает. Спросил:

— Это что у тебя на хвосте?

— Я каталась, каталась на хвосте — украшение такое получилось.

— Хорошее украшение, — позавидовал волк. — У меня ведь тоже хвост, как у тебя.

— Да, хорошее у меня украшение, — хвасталась лиса.

— А где это ты каталась? — любопытствует волк.

— Наледь нашла, очень скользкую. На этой наледи и каталась, — отвечает лиса.

Волк говорит:

— Ну, лиса! И я покатаюсь!

Лиса привела волка к наледи. Волк разбежался, сел на зад, прокатился. А лед неровный. Волк спрашивает:

— Лиса, почему у меня заднее место жжет?

— Покази-ка,— сказала лиса.

Волк подставил зад, показывает. А лиса и говорит:

— Э, да ты занозил себе зад! Умрешь ведь — заноза глубоко в тебя вошла.

— Ой, вытащи занозу,— едва не плачет волк.

— Гуви, гуви,— напевает лиса и вонзает в волка нож.

— Ой, почему еще сильнее жжет? — спрашивает волк.

— Потому что я добираюсь до занозы. Скоро вытащу, боль и утихнет.

Вытащила лиса у волка кишки, съела. Потом и самого волка прикончила.

Так хитрая лиса обманула человека — старого оленевода и своего главного врага — волка.

КАК ОДИН ЭВЕНК НА НЕБЕ ПОБЫВАЛ

Давно это было. Плыл на карбасе по реке купец с работниками к эвенкам торговать. Поднялся в тот день ветер-верховик, погнал большие волны, разбил карбас и людей по воде разбросал.

Купец и люди утонули. Один только работник остался. Он за доску уцепился. Погнал его ветер в море. И прибило его к острову. Вышел работник на остров. А на острове не то чтобы деревцо, даже трава не росла. Посмотрел он вдаль, а земля далеко за морем осталась.

Идет и думает: «Помирать, наверное, придется». Холодно стало. Видит — лежит на камнях сохатый ободранный. Шкуры и внутренностей нет. «Дай,— думает,— в него залезу. Все теплее будет». И залез.

Долго лежал. Слышит сквозь сон, будто два орла прилетели. «Сейчас съедят»,— думает. Сели они. Чует — те орлы лося куда-то понесли. Долго он, как в люльке, у лося в утробе качался. Потом орлы на землю, видать, его положили и улетели куда-то.

«Будь что будет,— думает.— Вылезу...» Вылез. Видит, что это уже не остров, а какая-то другая земля. Кругом лес с деревьями до неба. Широкая дорога по нему тянется. «Дай,— думает,— по ней пойду». И пошел. Долго шел. По-

том человек-великан ему повстречался. Спрашивает его великан:

— Ты откуда?

— Сам не знаю...— отвечает ему тот.

— А я знаю... Ты с земли на небо пришел. Ну, иди, стало быть, жить к нам,— сказал и дальше пошел.

Идет гость по дороге. Долго шел. Видит: между деревьями чумы каменные стоят. На площади ямы глубокие вырыты. Возле них стоят люди-великаны. Они лосей ободранных в ямы сбрасывают. Достанут, на землю положат. У лося на мясе крупинки золота блестят. Люди-великаны золото с лося соберут и обратно в яму зверя бросают. Орлы их снова достают.

Человек помогать им начал. Они его с собою жить взяли. Целый год работал. Потом женщину-великаншу себе в жены взял. Только недолго с нею жил. Заболела она и померла вскорости. Собрались люди-великаны вокруг покойницы. Гроб ей сделали. Покойницу туда положили. Говорят ему:

— Рядом с ней ложись.

— Да что вы? Я же не помер,— возражает эвенк.

— А у нас на небе закон такой. Не ляжешь — силой положим.

Долго не соглашался человек с земли, но делать было нечего — лег в гроб вместе с женой. Гроб заколотили и к яме понесли. Думает: «Пропал теперь». Принесли к яме. Что-то крикнули по-своему три раза и в яму сбросили. Полетел гроб. Перевертывается, об стенки ямы стучит. Долго летел. А когда на дно ямы упал — разбился.

Смотрит эвенк кругом, а ничего не видит. Темнота крошечная. Шарит руками около себя. Кости человечьи обглоданные нащупал. Слышит — где-то в стороне женщина плачет. Думает: «Пойду куда глаза глядят». Встал и пошел. О камень споткнулся. Видит: из темноты два огромных красных глаза показались. На него прямо идут. Свистят. Он за камень спрятался. Чудовище проползло туда, где женщина плачет. А он сидит за камнем и слушает, что дальше будет. Женщина еще раз крикнула, а потом тихо стало. Только слышно, как у чудовища на зубах кости человечьи хрустят. Потом и оно куда-то исчезло.

Эвенк дальше пошел. Земля сначала под ногами ровная была. Дальше камни попадаться начали. «Дай,— думает,— камней в карманы наберу. Кто нападет — защищаться буду».

Набрал камней и дальше пошел. Долго шел. Видит —

вдали, в темноте, звездочка маленькая блесит. На нее направился. Чем ближе подходил, тем звездочка больше становилась. Вот уже под ногами светлее стало. Отдохнуть решил. Те камни из кармана выбросить хотел. Глядит: а это не камни, а куски золота. Обрадовался. В карман положил.

Встал и снова пошел. Вот уже звезда солнцем стала. Светло как днем сделалось. Оглянулся назад — а сзади туча черная стоит. Вперед глянул — реку увидел, по которой плыл. Смотрит на реку. По середине реки русские люди в карбасе плывут. Он кричать начал, чтобы к берегу пристали. Не слышат. Плывут. Тогда снял свою белую рубаху и на палку прицепил. Машет ею. Увидели с карбаса. К берегу повернули. Пристали и кричат:

— Смотри! Знакомый! Откуда ты? Ведь мы о тебе три года как весть потеряли!

Эвенк рассказал, как с ним дело было. Они его с собой взяли. До чума довели и дальше поплыли.

Раздал он золото бедным эвенкам и себе оставил. С тех пор хорошо жить начал. В работники к купцам больше не нанимался.

*ЭВЕНСКИЙ
ФОЛЬКЛОР*

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ ЭВЕНА

1. К ПРИРОДЕ (местности)

Когда появляется зелень

Ну вот, бабушка-земля, от просторов бассейна Яны-бабушки, издревле названной так, от матери жителей долины (якутов) я приехал. За ее теплой пахучей я, бедняжка, укрывался и приехал. Приехал сюда, где впервые увидел белый свет. Мать моя родная, кланяюсь я тебе, бью челом, по твоему наряду зеленому хожу. Размером с ноготь монетки свой приезд отмечаю (дарю тебе). Если бы ты направила свой взор под черными золотистыми бровями в мою сторону, я был бы полон радостью неизмеримой.

Вот и все, что я хотел сказать. Только не сердись на меня, поскольку лицо мое не имеет облика достойного, вены мои крепким узлом завязаны и легкие мои видны насквозь, все это, конечно, ты сама видишь, матушка. Увидев мой поклон, достигающий до земли, узнав, как я ползу на четвереньках перед тобой, может, и ты отметила бы чем-нибудь мой приезд, чего я буду ждать в течение трех дней, могу ждать и все семь дней.

Ну, вот и все, матушка моя, нечего мне больше сказать. Дети-сироты твои (олени) от истоков твоих и до устья, как вино, бродят. Из своего богатства, если бы ты пожелала, подари нам хоть одного копыта имеющего. Как было бы хорошо!

Когда увядает зелень

Бабушка, родная мать моя, дорогая, услышала мою, вороньему карканью подобную, речь своими золотыми ушами, увидела меня под своими черными бровями. Родная мать,

не думай, не пугайся, я к тебе пришел не с чем-нибудь плохим; твои дети-птички, притаившись за твоей теплой пахучей, уходят от тебя, радуясь оттого, что ты, выслушав и взяв наше слово, нас обеспечила на целое лето, так как ты сама поставила свой золотой стол, который никогда не дает крена.

2. К РЕКЕ

Водная ширь пугается, когда гремишь посудой, внося ее в дом. Свои нечистоты выливаем в реку, где ставим вершу (где ловим рыбу). Поэтому глаза рыбы перестают видеть. Вместе с тем портится и мясо рыбы. Потому-то и рыба не желает ловиться. Чтобы поправить дело, выливают молоко в реку.

Выливая молоко, произносят:

— Всемогущий дух — хозяин всей водной шири, от нас и шума много, и нечистот от нас много. На это ты не обижайся, пожалуйста. Из далекой земли, о прославленном имени твоём услышав, мы позволили себе приехать сюда. Для того чтобы не оборвалась нить нашей жизни, мы из последних сил, так что даже нутро наше прозрачным стало, к тебе устремились. Если бы ты из бесчисленного своего богатства уронил хотя бы одного малька нам на маковку (то есть такого маленького, что он уместится на маковке), мы бы с превеликой радостью схватили (его). Всемогущий дух — хозяин всей водной шири, ведь ты сам прекрасно видишь нас, мы-то сами можем разве что-либо сказать тебе. Поэтому замолчу (буквально — этим закончу). Мы с большой благодарностью оставим тебя в покое, если ты только примешь, не выражая своего неудовольствия тем, что мы хотели бы для поднятия своего собственного духа уделить тебе молоко нашей дойной важеньки для омовения им твоего солнцем озаренного лица.

ЭВЕНСКИЕ ПРИМЕТЫ И ЗАПРЕТЫ-ОБЕРЕГИ

1. Женские волосы обладают особым свойством приносить счастье, поэтому надо строго следить за ними, чтобы они не путались, иначе это приведет к неприятностям, вроде потери памяти.

2. Огонь всегда «предупреждал» людей радостным треском — о хорошем, сердитым шипением — о плохом, громким треском — о беде.

3. Ставить большую круглую юрту означало увеличение семьи, появление второй хозяйки.

4. Привязать к дереву нери — женский посох для езды верхом на олене — означало отказ от кочевой жизни, переход на сидячую, оседлую жизнь.

5. Предложить отцу кисет означало посвататься к дочери.

6. Летит ворон и кричит — быть беде.

7. Если трещит огонь в костре — значит, жди пургу.

8. Если слышится треск с левой стороны головы — будет плохо, если трещит с правой стороны — быть хорошо.

9. Нельзя ссориться, ругаться, произносить плохие слова около огня очага — дух огня накажет.

10. Нельзя трогать птичьи яйца — это приведет к несчастью.

11. Нельзя срубить деревья, на которых имеются наросты, — будет пурга или несчастье. Если срубили, тогда обязательно надо уколоть иголкой в срубленное место.

12. Беременной женщине нельзя ходить в лес одной — медведь задавит.

13. Нельзя убивать комаров — случится несчастье. Однажды летом стали комары осаждают женщину. Она сшила из ровдуги мешочек и стала ловить комаров и опускать в мешочек. Набрала полный мешочек и подвязала его к зимней кухлянке. Пришли холода, женщина надела кухлянку, а мешочек выбросила на мороз, сказав:

— Мне тепло, а вы теперь замерзайте!

Вновь наступило лето, комары напали на женщину, выпили из нее всю кровь. С тех пор комаров не убивают.

КАК У ЭВЕНОВ ПОЯВИЛСЯ ВСЕОБЩИЙ МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК

Давно это было. Эвены еще не знали железа и, когда требовалось что-нибудь разрезать или шкуру со зверя снять, камнем все делали.

Жили два брата, оба женатые. Оба имели детей — по

девочке. Одной девочке пятнадцать лет было, а другой четырнадцать.

Оба брата имели оленей.

Живут братья. И вот однажды олени их забеспокоились. Старший брат пошел в стадо. Всю ночь не смыкал глаз. Но ничего не заметил, хищные звери так и не появились.

Наступил второй вечер. Старший брат говорит младшему:

— Хорошо бы ночью оленей покараулить — волки могут напасть.

Младший брат говорит:

— Откуда волки придут? Их ведь прошлой ночью не было.

Однако оленей пасти кому-то надо. И младший говорит:

— Пусть дети постерегут оленей. А я пойду на охоту.

Старший брат согласился:

— Ладно, пусть попасут.

Девушки сели на верховых оленей, поехали к стаду. Стали пасти.

Погнали они стадо на горное пастбище. Поднялись на гору, где были ягельные места. Накормили оленей досыта. Ночью сытые олени легли пережевывать жвачку. Когда они легли, девочки стали песни петь и танцевать, чтобы не заснуть. Пели они, пели и увидели вдруг — вокруг пасмурно стало, и ветер подул. Старшая говорит младшей:

— Погода портится. Давай спустимся вниз, к подножию, оленей в лес загоним.

Младшая отвечает:

— Страшно спускаться в темноте. Если будет холодно, мы ляжем между оленями. Когда утро наступит, тогда и спустимся.

Привязали они верховых оленей к ернику. Легли спать. Вдруг послышался топот бегущих оленей. Девушки вскочили. Пошли к тому месту, где верховых своих привязали. Смотрят — нет оленей, убежали, выдернув кусты ерника. Прислушались девушки — тихо кругом, ничего не слышно. И оленей нигде не видать, потерялись.

Стало совсем темно, надвинулись большие тучи, пошел снег. Девушки побежали в ту сторону, куда олени ушли. Старшая впереди бежит. Долго они так бежали. Младшая отстала. Звала она свою сестру, кричала, но та не отзывалась.

Младшая совсем из сил выбилась. Снег еще гуще пошел. Долго ли, коротко ли, шла-брела девушка — и увидела вдруг большое дерево, с корнями вывороченное. Тут она и присела, решила рассвета дожидаться.

Вот светать стало. Девушка думает: «Заблудилась я».

Небо немного посветлело. Девушка осмотрелась вокруг. Впереди будто виднеется гора с кедровым сланцем на склоне. Думает она: «Поднимусь на эту гору, может, увижу свои места».

Вот девушка стала подниматься на гору. Кое-как дошла до ее вершины. Смотрит вниз: места незнакомые, ни в какой стороне не видать ее дома. Испугалась она: «Заблудилась совсем, наверно, умру».

Начала спускаться с горы. Плачет.

Снова пошел снег и подул ветер. Долго спускалась девушка и опять потеряла направление, не знает, куда идти.

Стало темнеть.

Девушка подумала: «Та моя коряжина хорошая была. Если бы такую найти, можно бы переночевать. Лучше уж под такой коряжиной умереть».

Снегу уже по пояс навалило. А девушка все бредет и бредет.

Ночь наступила. Вдруг девушка провалилась куда-то. По самое горло провалилась. Ноги ее уперлись во что-то теплое. Девушка наклонила голову, стала смотреть. Оказалось, она в яму попала. Присмотрелась — увидела что-то мохнатое, черное. И мохнатое это шевелится.

Поползла девушка к шевелящемуся. Когда она придвинулась ближе, увидела медведя. Подумала: «Убьет он меня...» Подползла к медведю, а тот спит. Медведь учуял девушку, освободил ей часть своего ложа. Она прилегла рядом с ним, сжалась вся. Ей стало тепло-тепло. Раньше, когда она ходила в снегу, вся одежда ее промокла. А теперь высохла.

Тут девушка почувствовала, что есть хочет. «Верно, я умру с голоду». И еще подумала: «Хорошо бы медведя съесть». Только так подумала, медведь протянул ей свою лапу, сунул в рот девушке. На ступне подушечки, и она стала грызть их. Очень вкусно. Насытилась она. Когда насытилась, захотелось ей спать. Заснула. Медведь стал трогать ее своей лапой.

Поспав, проснулась. Медведь подложил лапу под ее голову. Девушка лежит, как на подушке.

И вот доносится до нее плач: «Потерялась наша дочь! Видать, погибла». Потом чей-то разговор услышала: «Наших оленей медведь спугнул. Мы теперь медведя уьем и поджарим на вертеле. Если бы волк угнал оленей, он бы задушил

их и мы бы нашли кости. Медведь же, спугнув оленей, не смог догнать их. А вот дитя наше он погубил».

Девушка выглянула в отверстие. Видит — снег растаял. Вышла она из берлоги. Прислушалась. Никого нет. Огляделась — никого не видно.

Вслед за девушкой медведь вышел.

Девушка медведя уже не боится. Говорит ему:

— Ты, уважаемый старик, укажи, где мой дом. Где мой отец и моя мать?

Медведь лапу поднял, показывая направление. Девушка побежала в ту сторону, куда медведь показал.

Шла, шла. Долго-долго шла. Целых два дня. Узнала место, где раньше стояло их стойбище. Пошла туда. Сразу же увидела оленей. Пошла к этим оленям. Это их олени! Вот и ее верховой олень! Девушка обрадовалась.

Виднеются два жилища. Подошла поближе, жилище отца узнала. Вошла. В жилище мать сидит. Мать испугалась, упала навзничь. Потом пришла в себя, села:

— Скажи — ты живой пришла или привидением явилась?

Дочь говорит:

— Жива, жива я.

— Где была? Как жила? — спрашивает мать.

Девушка рассказала, где она была, как она жила. Рассказала, как потерялась, рассказала, как пряталась под коряжиной, как провалилась в яму, рассказала о том, что слышала из медвежьей берлоги.

— А отец мой где? — спрашивает девушка.

Мать отвечает:

— Ушел твои кости искать.

Наступил вечер, а отца все нет. Ночью, когда девушка спала, услышала голос матери:

— Старик, не пугайся! Наша дочь пришла!

Старик как нес лук, так и вошел с ним в жилище, обрадованный. Дочь свою вместе с одеялом взял на руки, целует:

— Где ты была? Как ты жила?

Рассказала девушка отцу о том, как она потерялась, как пряталась под коряжиной, как спала с медведем, как проголодавшись, сосала медвежью лапу, как лежала на его лапе и слышала чей-то плач.

Живут все вместе. И вот в следующую весну заметили: живот у девушки большим стал. Мать, удивившись, спрашивает:

— Почему у тебя живот толстый стал?

Дочь говорит:

— Не знаю. У меня в животе что-то шевелится. И когда хожу, мне тяжело.

Растаял снег. Девушка опять исчезла. Старик и старуха ищут свою дочь. Родственники, соседи тоже помогают, ищут. Далеко ходили, долго искали. Не нашли. Вернулись.

На отвесном берегу реки, где жители стойбища берут воду, пещера была. Как-то старуха, мать девушки, пошла за водой. В пещере послышался детский плач. Старуха заглянула туда. Увидела только что родившегося ребенка. Поняла все.

— Дочка, что ты там делаешь? — позвала мать.

Послышался голос дочери:

— Я, стыдась, зашла в пещеру. Мне стыдно — у меня родился похожий на щенка, мохнатый. После него родился еще настоящий ребенок.

Старуха сказала:

— Того ребенка, похожего на щенка, куда положила?

Дочь отвечает:

— В обрыв спустила. И второго ребенка хочу туда же. Потому и ушла в пещеру.

— Принеси детей, — сказала мать.

Девушка принесла своих детей. Мать стала звать родню:

— Старик! Нашла, нашла в пещере! Глупую нашу нашла!

И вот старик пришел. И соседи пришли. Едва вытащили девушку из пещеры. Та совсем собралась умереть со стыда.

— Не печалься, не стыдись, — говорят ей отец с матерью. — Детей мы будем кормить. Они нам счастье приносят.

Дочь перестала стесняться, обрадовалась.

Отец говорит:

— Я скажу людям, что убил медведицу в берлоге, взял медвежонка. И соседей попрошу говорить так же. Пусть он живет с нами. Вырастет, сам куда-нибудь уйдет.

Дочь растит настоящего ребенка, дедушка с бабушкой растят медвежонка. Медвежьего ребенка называли Накат, человеческого — Торгани. Торгани питается материнским молоком, Наката кормят оленьим.

Люди приходят в их жилище, спрашивают, где они нашли медвежонка.

Старуха обычно говорит:

— Мой старик нашел в берлоге. Убил медведицу, медвежонка забрал.

Бабушка сделала из оленьей шкуры для мальчика-медвежонка одеяло.

К зиме медвежонок подрос. Стал помогать по дому, носить в жилище дрова, держа поленья зубами.

Наступила весна. Снег растаял. Накат очень любит ягодой лакомиться, все на гору бегаёт поесть ягод с куста. Ест ягоды, копает землю лапами. Очень сильный стал. Вечером уйдет, утром вернется.

Ему и мясо дают. Но, став большим, он не хочет есть мясо. Выворачивая камни, лижет то, что находится под ними.

Однажды старик ушел на охоту, старуха увидела, что Накат опять переворачивает камни. Пошла посмотреть: оказывается, под камнями муравьи бегают. Накат языком своим их слизывает.

Поохотившись, старик вернулся. Рассказывает ему старуха:

— Этот Накат — стыд! — муравьев ест.

Старик опять ушел на охоту. Старуха увидела, что Накат роет землю. Пошла посмотреть. А Накат роется в корнях дерева. Тянет с силой зубами и лапами выдирает.

Старуха говорит:

— Дай я посмотрю! — и тащит Наката за задние лапы.

Медведь перестал копать. Старуха спустилась в выкопанную им яму. Смотрит туда и видит: нора виднеется. Прислушалась — внутри послышался писк бурундука. Старуха вылезла из ямы. Подумала: «Знать, он бурундуков промышляет».

Накат опять скрылся в яме. Сильно копает. Старуха ждет снаружи, чтобы посмотреть на добычу. Немного спустя Накат вылез, в зубах у него бурундук. Подошел к старухе.

Та сказала:

— Стыдно, стыдно! Ты или съешь эту добычу, или делай с ней что хочешь!

Накат съел бурундука. Старуха пошла домой. Когда возвратился старик, рассказала ему:

— Этот Накат на бурундука охотится, землю копает.

Поймав бурундука, мне хотел отдать. Тогда я испугалась: «Стыдно, стыдно! Ты или съешь его, или делай с ним что хочешь,— закричала». Накат съел бурундука.

Торгани тоже вырос. Обычно человек медленно растет. А он быстро вырос. Равный Накату стал.

Днем тот ребенок обычно играет с Накатом. Мать защищает мальчика, палкой медвежонка колет, когда тот одолевает сына.

— Не делай Накату больно. Накат мальчику не причинит зла,— говорит старик.

Потом Накат перестал заходить в дом, на улице оставался. Как будто понял, что мать на него сердится, не любит его.

— Не обижай Наката,— говорил дочери старик-отец.

Как-то Наката не было дома два дня. Потом он на десять дней исчез. Потом еще целый месяц пропадал где-то.

За месяц совсем большим медведем стал. Вернулся, в жилище вошел. В дверь еле пролез. Мать, увидев медведя, испугалась. И голова у него огромная, и зубы, и когти. Руки ее облизал, как собака своего хозяина. Затем облизал руки старухе и старику. Старик погладил голову Наката.

Потом старик говорит своей старухе:

— Накат, наверное, совсем уходит. Это он с нами проститься решил.

Старуха голову Наката погладила, маленьким его назвала.

Накат вышел из жилища. Старик и старуха — следом. Торгани тоже вышел.

Накат вверх на гору поскакал. Скакал и оглядывался. Тут Торгани крикнул:

— Я тебя когда-нибудь одолею. Убью тебя!

Поднявшись в гору, Накат встал на задние лапы. Став на задние лапы, заревел. От его рева молодые лиственницы все до одной переломались.

Тогда дед говорит своему внуку Торгани:

— Ты зачем хвалишься? Зачем так Наката дразнишь?

Торгани отвечает:

— Дедушка, когда я стану большим, буду драться.

Старуха говорит:

— Грех, Торгани! Что ты болтаешь? Посмотри, он с зубами, когтями! Как ты будешь с ним драться?

Прутиком бабушка пугает внука. Торгани убежал к матери, сказал:

— Бабушка говорит: «Он с зубами, с когтями! Чего болтаешь? Как ты с ним будешь драться?» Бабушка веткой на меня замахнулась.

Мать отвечает ему:

— Когда вырастешь совсем большим, попробуй его одолеть.

— Ладно,— сказал сын.— Одолею.

Дедушка у Торгани состарился. Торгани большим парнем стал, совсем взрослым. А дедушка и бабушка от старости стали как дети.

Торгани вырос очень ловким и очень сильным.

Ищет Торгани Наката — нигде не находит.

Однажды весной, когда растаял снег, на горе увидел огромного медведя. Хотел было подойти, медведь убежал в лес. А лес густой, подобен волосам на голове человека. Подошел Торгани к тому месту, где медведь стоял. В зарослях кедрового сланца нашел его летнюю тропу. Нашел место, где медведь орехами лакомился, много орехов было съедено. Пошел по той летней тропе. Заметил дерево — оно все исцарапано было, обкусано. Кто-то сильно обгрыз дерево, ствол едва вовсе не перегрызен. Рука Торгани не достает до того места — так высоко оно. Торгани взял острый камень, влез на дерево выше обгрызенного места. Срубил верхушку и тем же камнем расколол. Оставил так свои отметины. Стал говорить дереву заклинание: «Ты, Накат, не убегай от меня. И ты сильный, и я сильный. Ты, избегая меня, оставил царапины. Ты думаешь, что сильнее тебя никого нет. Ты на мои слова обидишься. На этом самом месте подожди меня. Ты по земле четырьмя ногами ходишь, я двумя ногами хожу. Приходи на это место — нам надо побороться. Если ты не придешь, скажу, что ты струсил».

Сказав дереву такие слова, вернулся Торгани домой. Пришел, спать лег.

Утром Торгани встал, оделся. Мать говорит:

— Подожди, я тебя поцелую.

Торгани подумал: «Мать хочет попрощаться со мной, думает, что я не одолею медведя».

Не подошел к матери, сказал:

— Если жив буду, через три дня вернусь.

Пришел Торгани в лес по тропе медведя. Нашел то дерево, ищет свои отметины. Нигде не видно. Посмотрел: то дерево с царапинами у самого основания срезано. И тут

увидел — под ним огромный медведь лежит. Зубами скрежет. Очень страшный. Торгани говорит:

— Мы вместе родились, должны понимать друг друга. Слушай мои слова!

Медведь разозлился, когти готовит — выпускает. Шерсть на загривке дыбом встала.

Торгани говорит:

— У меня когтей нет, смотри! — показывает медведю свои руки. Рот свой раскрывает: — Зубы смотри! Клыков у меня нет. Я на тебя не похож. — Ногти показывает, говоря: — Когтей нету. Думаю, я сильнее тебя.

Медведь немного успокоился. Торгани говорит:

— Кулаками давай драться.

Накат поднялся, шагнул к Торгани. Торгани к Накату шагнул. Один шагнул, другой шагнул. Накат встал около Торгани, подставил шею для удара. Торгани в свою очередь верхнюю часть спины подставил и сказал:

— Давай ты сначала ударь, только когтями меня не трогай.

Накат встал рядом, когти сжал. Сильно вдохнул и сразу ударил Торгани по спине.

Торгани отлетел на расстояние пяти махов, упал на одно колено. Вскочил, говорит:

— Теперь я ударю!

Торгани разбежался, ударил в грудь. Накат только охнул негромко.

— Еще раз дай ударю, — говорит Торгани.

Накат встал около Торгани. Тот ударил его прямо под мышку около сердца. Накат сжался от боли. Потом рассердился. Рассердившись, ударил Торгани по бедру, когтями бедро порвал. Затем еще раз ударил, зубами укусил. Торгани, защищаясь, схватил Наката за нижнюю челюсть между клыками. Накат стал сжимать челюсти, три пальца отжучил. У Торгани остался указательный палец и большой палец. Он подумал: «Теперь-то Накат меня убьет: у него и когтей много, и зубы есть». Указательным и большим пальцами держит нижнюю челюсть между клыками. Говорит Накату:

— У тебя зубы есть, когти есть. Ты мне руку искалечил, мясо на бедре выдрал. Если ты меня убьешь, сородичи мои узнают, что ты меня мучил, скажут: «Медведь когтями дрался, зубами убил». Плохо тебе будет.

Накат стоит, ничего не может сделать — брат держит его нижнюю челюсть.

— Где я найду себе когти? И зубов у меня нет. Дай-ка я пойду поищу себе когти! — сказал Торгани и отпустил челюсть Наката.

Накат стоит, не преследует Торгани. Торгани ходит туда-сюда, ищет себе когти. Разломал черное дерево, пробует. Оно плохое, тупое дерево. Торгани думает: «Камень, наверно, лучше будет». Ищет, ищет камень. Нашел. Много камней нашел. Взял черный камень, оббил его. Накат смотрит, как Торгани оббивает камень, молчит.

— У меня и руки уже нет, и мясо на бедре порвано. Ты меня покалечил. Я же тебе ничего не испортил. Я первым ударю, — сказал Торгани.

Медведь стоит на одном месте, опечаленный, как будто уже знает, что проиграл битву. Торгани острым камнем замахнулся, ударил Наката под мышку. Камень острый — подмышку Наката насквозь пробил.

Изо рта медведя хлынула кровь. Сел он на задние лапы, сказал:

— Ты меня победил, Торгани. Выполни мою просьбу — похорони хорошо. Медведей же отныне много станет. Вы, люди, будете нас, медведей, промыслять. Теперь ты, победив меня и сделав своей добычей, устрой уркачак¹. Собери много людей, чтобы они поели мои внутренности. Всех пригласи, которые близко живут. Ни одного не обойди. У меня человеческая мать, потому мою голову, глаза и сердце не давай женщинам. Женщина не может есть мясо своего ребенка. Кости мои соберите и положите на деревянный помост. Содрав с головы шкуру, на главные отверстия положите тиння — специально обтесанные палочки, — закрепите их. Из бересты сделайте очки, наденьте на глазницы. Череп мой поднимите на дерево, отметив ствол зарубками. Тогда медведь не будет преследовать человека, не будет рвать его зубами.

Умер Накат.

Торгани своим камнем свежует медведя, внутренности потрошит, сухожилия, кровеносные сосуды вырезает — ни один не потерял. Окончив свежевать, вернулся домой.

— Я Наката убил, — сказал матери.

— Что будешь с ним делать? — спросила мать.

— Э-э, мать, буду уркачак делать, — ответил сын.

— Пусть будет так.

¹ Уркачак — праздник.

Утром Торгани встал, за два хода принес и мясо медведя, и его шкуру. Все сделал так, как медведь велел. Потом пошел собирать мужчин, женщин. Всех собрал. Много людей привел. Большую дрту поставили и несколько полных чаш. В юрту всех собрал. Голову медведя и его внутренности в одну большую чашу положил. Затем сказал:

— Внутренности режьте мелко, ими будем закусывать навар. Мясо с головы и костей счищайте. Череп и кости потом похороним.

Все, кто пришел, страшатся медведя. Мать Торгани тоже боится.

Торгани один крошит мясо. Один крошит и поет:

Торгани имеет обычай,
Гуло, гуло, гуло,
С медведями биться.
Гуло, гуло, гуло.
Медведь с четырьмя ногами,
Гуло, гуло, гуло,
С зубами,
Гуло, гуло, гуло,
С когтями,
Гуло, гуло, гуло.
Я с двумя ногами,
Гуло, гуло, гуло,
Одолею его,
Гуло, гуло, гуло.
Все внутренности медведя выпотрошил,
Гуло, гуло, гуло.
Наденем ему очки,
Гуло, гуло, гуло.
Похороним, сделав зарубки на деревьях,
Гуло, гуло, гуло —
Вот обычай Торгани,
Гуло, гуло, гуло.
С этих пор всегда,
Гуло, гуло, гуло,
Ныне растущие малые дети,
Гуло, гуло, гуло.
Добыв медведя,
Гуло, гуло, гуло,
По моему обычаю,
Гуло, гуло, гуло,
Хороните, сделав зарубки,
Гуло, гуло, гуло,
Очки на него надевайте,
Гуло, гуло, гуло.
Вот обычай Торгани,
Гуло, гуло, гуло,
Для всех моих потомков обычай,
Гуло, гуло, гуло.

Все люди, кого Торгани позвал, услышали эту песню. Но страшатся начать пир. И тогда Торгани спел следующую свою песню:

Торгани имеет обычай,
Гуло, гуло, гуло,
Женатых людей созывать,
Гуло, гуло, гуло.
Дедушка-медведь, не обижай!
Гуло, гуло, гуло.
Подобно вороне кричу,
Гуло, гуло, гуло.
Став мышью, скребу,
Гуло, гуло, гуло.
Став мелкой мышью, скребу,
Гуло, гуло, гуло.
Не обижай!
Гуло, гуло, гуло.
Треножник тебе поставлю,
Гуло, гуло, гуло,
Красивую, обтесанную избу тебе срублю,
Гуло, гуло, гуло,
Яркие очки тебе надену,
Гуло, гуло, гуло.

Люди подсели к его чаше с варевом, слушают песнь Торгани. Подражая крику вороны, Торгани ложкой берет варево-уркач. Сперва два человека, вскрикнув воронами, взяли ложкой уркач. Потом уже все стали повторять песню Торгани. Вскрикнув воронами, все стали есть. Целых три дня ели медведя, распевая песни. И женщины тоже ели. Только женщины боятся медвежьей головы и зубов. Женщины не едят голову медведя.

Наступил четвертый день пира. Все кости собрали. Сделали, как говорил Торгани. Так и похоронили. Когда закончили, Торгани запел:

Отныне и навсегда,
Гуло, гуло, гуло,
Молодые храбрые люди,
Гуло, гуло, гуло,
По обычаю Торгани,
Гуло, гуло, гуло,
Добывайте медведя,
Гуло, гуло, гуло.
Всегда медведя промышляйте,
Гуло, гуло, гуло,
На пир людей созывайте,
Гуло, гуло, гуло.
До самой смерти промышляйте,
Гуло, гуло, гуло.
Ешьте медведя,
Гуло, гуло, гуло.

Он будет и жирным,
Гуло, гуло, гуло,
Он будет и вкусным,
Гуло, гуло, гуло.
Всегда промышленяйте,
Гуло, гуло, гуло.
От него вы будете сильными,
Гуло, гуло, гуло.

И до сегодняшнего дня эвены всегда охотятся на мед-
ведей.

НАНАЙСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

ВОЛШЕБНЫЙ КИСЕТ

Жили-были старик со старухой.

Старик рыбу промыслял, а старуха дома хозяйством занималась. Не было у них ни детей, ни друзей. Были только собака да кошка.

Старик поймает рыбку, а старуха разделает ее и приготовит пищу. Рыбьими костями кормили собаку и кошку, из рыбьей кожи шили себе одежду и прочие вещи.

Однажды старик с промысла привез только одну рыбку — карася, отдал его старухе, а сам у берега начал мыть сетку. Затем ее повесил, чтобы она высохла. Старуха пришла домой, села на полу и хотела приступить к разделке рыбы своим острым ножом, как вдруг карась заговорил человеческим голосом, взмолился:

— Бабушка, ты счисти с меня чешую, положи ее в котел, залей водой, посоли и вари, а меня отпусти в реку.

Старуха удивилась:

— Каких только рыб не приходилось разделять за долгую жизнь, но рыбу, которая бы говорила человеческим голосом, никогда не видела. Удивительно!

Старуха сделала так, как просил карась: отпустила его в реку без чешуи. Чешую же всю собрала в горсть и положила в котел, налила воды, посолила, накрыла котел крышкой, потом зажгла очаг и начала варить.

Сухой тальник быстро загорелся, и огонь своим пламенем лизал дно котла. Котел закипел. В щели между половинами крышки пошел белый пар; нужно открыть крышку, но старуха побоялась, так как не знала, что варит.

Пар все сильнее валит, так что крышку приподнимает. Старуха взялась за ручку крышки и осторожно приподняла. Дом моментально наполнился паром.

Старуха посмотрела в котел — он полон рыбы. Она взяла поварешку и начала осторожно мешать рыбу в котле. Не было конца ее радости и удивлению. В котел заложила чешую, а оказалась — рыба!

Старуха позвала старика и рассказала ему все: и разговор с карасем, и что она сделала. Старик стал радоваться и удивляться. Вдвоем радуются.

— Теперь собака и кошка будут сыты. И мы поедем вдоволь, — сказала старуха.

Собака и кошка прыгали около своих хозяев. Они тоже поняли, что будут сыты.

Старуха поварешкой наложила в деревянную чашку вареной рыбы и подала старику на столик. Старик скрестил ноги и сел на краю нары. Он стал пить уху и есть вареную рыбу двумя палочками — сарби.

Старуха вытащила хвост рыбы, положила в чашку и подала кошке, которая с мяуканьем ходила вокруг старухи. Рыба была горячая, и кошка чуть рот не обожгла. Она потрясла головой, передними лапками придавила рыбку, будто руками, и начала есть.

Старуха взяла другой кусок вареной рыбы и подала собаке, которая сидела и просящим взглядом смотрела на нее. Для себя старуха вареную рыбу положила в сосуд, села на корточках на нары и начала пить уху и есть вареную рыбу.

В этот день они наелись досыта. Остатки вареной рыбы старуха наложила в чашку и вынесла под навес амбара.

Старик и старуха решили лечь пораньше. Кошка досыта наелась и легла на спину на нарах. Собака легла на завалянке под окном, закрыла глаза. Все спали.

В полночь старик проснулся, открыл глаза — в доме было светло. Старик разбудил старуху:

— Старуха, а старуха! Вставай, ведь уже давно день. Почему мы сегодня так долго спали?! Солнце светит!

Старуха проснулась. Правда, внутри дома светло. Старик оделся и вышел. На улице было темно. На небе ярко мерцали звезды. Не было слышно голосов птиц. Тихо. Дул легкий ветерок, у берега еле слышно плескались слабые волны. Старик вернулся в дом, глянул на стену и увидел там кисет, не простой, а особенный, как солнце горящий, отчего в доме светло сделалось, как в солнечный день.

С тех пор старик со старухой зажили богато. В доме у них стало просторно, чисто, уютно; одежда их была вся из шелка и других дорогих тканей, в амбаре полным-полно всяких продуктов. Собака и кошка были сыты.

Однажды ночью, когда старик и старуха спали, пришли в дом две девицы, которые хотели украсть волшебный кисет, но, не найдя его, стали щекотать старуху и старика, чтобы они проснулись и сказали, где находится кисет.

Старуха и старик не вытерпели щекотки, указали им на кисет. Девицы забрали его и ушли.

Старик со старухой после этого снова стали жить бедно. Плакали днем и ночью.

Собака и кошка вышли на берег и стали совещаться. Собака сказала кошке:

— Так жить дальше нельзя. Нам надо пойти разыскать кисет.

Кошка говорит:

— Как же нам его найти? Девицы увезли кисет за девять рек и за девять морей.

— Ничего, садись на меня, а я буду переплывать реки и моря. Кисет обязательно добудем, — сказала собака.

Кошка села на собаку, и собака полезла в воду, поплыла через реку. Так они шли, переплывая реки и моря. К вечеру подошли к одной деревне. Кошка собаке говорит:

— Ты устала, отдохни здесь, а я пойду в дом хозяина села и заберу кисет. После полуночи жди меня, будь настороже.

Собака слышит — в деревне люди пируют, шумят. В полночь стало тихо: погасли лампы, все легли спать.

Когда все уснули, кошка тихо открыла дверь и вошла в дом хозяина. Смотрит — на плите, на полке, где лежат посуда и продукты, — везде разбросаны недоеденные куски лепешек, корки каши. Обильно пировали! Много еды было съедено, много вина выпито! Хозяин в обуви, в одежде лежал на наре вверх лицом и храпел так, как будто гром гремел. Руки и ноги его были раскиданы. Недалеко от него на боку лежала жена, тоже одетая, с открытым ртом, вместо подушки под головой у нее стоял табачный ящик.

На боковых нарах спали девицы, которые украли кисет. Они лежали на шелковых матрацах, накрытые шелковыми одеялами. Под их головами — мягкие пуховые подушки.

На стене висел волшебный кисет, закрученный проволокой. В доме было светло как днем, все блстело.

Кошка посмотрела по сторонам, вспомнила, что после

пира за остатками пищи приходят крысы; она притаилась у плиты и стала ждать воришек. Не долго кошке пришлось ждать. Из-под столба, который стоял около входа, осторожно вылезла огромная крыса. Она повела носом, понюхала воздух, разглядывая все своими зоркими глазами. Долго она сидела в норе и ждала, пока кончится пир и люди уснут, чтобы полакомиться остатками пищи. Теперь ее время пировать! Крыса кубарем покатила на печку, где находилась каша, но не успела она притронуться к еде, как оказалась в лапах кошки, которая прыгнула на нее, придавила так, что та задохнулась и не могла пискнуть.

Крыса сильно испугалась. От испуга у нее чуть сердце не разорвалось. Она знала, что в лапы кошке попадешься — живой не уйти. Ведь кошка — крысиный черт!

Но на этот раз кошка крысу не убила, только задала трудную задачу.

— Ты, крыса, молчи, не кричи, не шуми. Если люди проснутся, то ты обязательно умрешь, никуда ты от меня не уйдешь. Я бы тебя сейчас удавила, но мне нужен кисет, который висит на стене, проволокой закрученный. У тебя острые зубы, ты перегрызи проволоку и кисет отдай мне. Если ты этого не сделаешь, я тебя убью. Если добудешь кисет, я тебя не трону, а твою нору заполню кашей, горохом, лепешками, сахаром. Будешь жить сыто и богато.

Крыса еле перевела дыхание, поморгала глазами и кое-как заговорила:

— Кошка-сестрица, ты пожалей меня, не убивай, не ешь. Я сделаю все, что ты прикажешь. И сталь грызть буду, и железную проволоку поломаю, а кисет добуду.

Кошка отпустила крысу. Сама же села на плиту и стала наблюдать, что делает крыса. Крыса кубарем покатила по цинковке и начала грызть железо. Дринь-дринь, дринь-дринь — отгрызла одну проволоку. В это время зашевелилась девица, которая лежала на наре и во сне бормотала:

— Эти крысы мешают людям спать, шумят.

Так побормотав, уснула, захрапела.

Крыса снова начала грызть. Дринь-дринь, дринь-дринь — еще одну проволоку порвала. Теперь со стоном зашевелилась девица, которая лежала на другой наре, и во сне начала бормотать:

— Проклятые крысы, мешают людям спать, будят. Это потому, что в доме нет кошки, привольно живут.

Так побормотав, повернулась в угол и захрапела. А крыса

снова начала грызть: дринь-дринь, дринь-дринь. Затем кошке шепотом говорит:

— Сестрица-кошка, осталась только одна проволока.

— Хорошо, старайся. Я в твою нору много еды положу,— говорит кошка.

Крыса грызла-грызла и порвала последнюю проволоку, схватила кисет зубами и побежала к кошке. В это время хозяин, который спал на нарах, проснулся.

Кошка схватила кисет зубами, перепрыгнула через плиту, оттуда через бумажное окно на улицу и умчалась на берег. На берегу собака ждала кошку. Кошка вскочила на спину собаке, крепко держа в зубах кисет. Собака прыгнула в воду и быстро поплыла на другой берег реки.

Хозяин совсем проснулся и поднял шум, всех разбудил.

— В нашем доме воры! — кричал он.

Жена его зажгла лампу. Все искали вора по дому, но не нашли. Зажгли факел, вышли на улицу и начали искать следы вора. Никаких следов не было. А крыса юркнула к себе в нору и ела кашу, горох, лепешки, сахар.

Собака и кошка, переплывая моря и реки, наконец-то к утру добрались до дома. Кисет снова повесили на стену и легли спать.

Старик утром проснулся, видит — в доме снова светло, волшебный кисет висит на стене, а на нарах спят молодец и девица. Старик разбудил старуху и говорит:

— Старуха, а старуха, вставай, смотри, какие у нас хорошие помощники.

Старик и старуха сильно обрадовались тому, что кисет снова вернулся в дом, и тому, что они приобрели детей. Они снова богато зажили. Старик сетками и острогой рыбу промышлял, старуха по хозяйству заботилась и помогала своей невестке, а молодец в тайгу ходил, зверя и дичь добывал. И он был такой охотник, что всякий зверь, увидев дорогу молодца, прежде чем перейти ее, плакал, всякая птица, перед тем как над ним пролететь, рыдала.

АЙОГА

В роду Самаров жил один нанаец — Ла. Была у него дочка Айога. Красивая девочка. Все ее очень любили. И сказал кто-то, что красивее Айоги ни в этом, ни в каком другом стойбище никого нет.

Айога загордилась. Стала рассматривать свое лицо. И понравилась сама себе. Смотрит — не может оторваться. Глядит не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на свое отражение в воде любитесь.

Совсем стала Айога ленивая. Все любитесь собой.

Вот однажды говорит ей мать:

— Пойди принеси воды, Айога!

Дочка отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись,— говорит ей мать.

— Куст оборвется! — отвечает Айога.

— А ты за крепкий куст возьмишься.

— Руки поцарапаю...

Мать говорит ей тогда:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся,— говорит Айога. А сама все в медный таз смотрится, какая она красивая.

— Так зашей рукавицы иглой.

— Иголочка сломается!

— Возьми толстую иглочку,— говорит отец.

— Палец уколю! — отвечает дочка.

— Наперсток из крепкой кожи — ровдуги — надень.

— Наперсток прорвется!

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Я схожу за водой, мать.

Пошла и принесла воды.

Замесила мать тесто. Сделала лепешки. На раскаленном очаге испекла.

Увидела Айога лепешки, кричит:

— Дай мне лепешку, мать!

— Горячая она. Руки обожжешь,— отвечает мать.

— Я рукавицы надену,— говорит Айога.

— Рукавицы мокрые.

— Я их на солнце высушу.

— Покоробятся они,— отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят,— отвечает мать.— Зачем тебе трудиться, красоту свою портить? Лучше я лепешку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепешку и отдала соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла на реку. Смотрит на свое отражение в воде. А соседская девочка жует лепешку. Стала Айога на девочку оглядываться. Шея у нее вытянулась — длинная стала.

Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепешку. Мне не жалко!

Совсем разозлилась Айога. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости — так замаяла, что руки у нее в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит.

Не удержалась на берегу, бултыхнулась Айога в воду и превратилась в гуся. Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая!..

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась.

Все слова забыла.

Только имя свое не забыла, чтобы с кем-нибудь ее, красавицу, не спутали, и кричит, чуть людей завидит:

— Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!

ЛЯГУШКА И КРАСАВИЦА

Жили-были одна девица-красавица и лягушка. Жили они очень бедно. Вот однажды у девушки сын родился, а у лягушки родилась дочь. Есть им нечего было. Лягушка говорит красавице:

— Поедем, сестра, черемуху собирать!

— Где же черемуху найдем?

— На той стороне, на острове, очень много черемухи.

И вот красавица и лягушка положили своих ребят в лодку и отправились.

Лягушка на веслах, а девица-красавица у руля сидит.

Ехали они, ехали, наконец к острову на Амуре подъехали.

К берегу пристали, детей своих в лодке оставили и пошли в лес черемуху собирать. Собирали-собирали, вдруг девица-красавица лягушке говорит:

— Пойди детей посмотри!

Лягушка к берегу спустилась, к лодке подошла, а потом своего ребенка на землю бросила, а сына красавицы взяла, лодку оттолкнула и уехала.

Возвратилась лягушка домой и стала ребенка красавицы воспитывать.

Вот ждет-ждет девица-красавица лягушку, зовет, зовет ее, а той все нет.

Тогда она к берегу пошла. Дошла до того места, где останавливалась, смотрит — лодки нет, ребенка ее нет. Только лягушкин ребенок на земле лежит и плачет.

Девица-красавица сделала из травы дом и стала жить на острове и воспитывать лягушкину дочь. Есть им совсем нечего было, голодали они.

Когда лето наступало, черемухой питались, другие ягоды собирали, сушили и потом ели, из черемухи лепешки делали. Так и жили.

А сын девицы-красавицы, которого лягушка забрала, совсем большой стал. На охоту стал ходить, разных зверей добывать, ни в чем они не нуждались. Мясом добытых зверей питались.

Однажды мальчик по своей охотничьей тропе шел и убил очень жирного лося. Много жиру снял с него. Когда кончил свежевать зверя, услышал, что птица вроде вороны кричит:

Кайе-кайе, хок!
Лягушку в мамы нашел!
А твоя мама
С лягушкиным ребенком
На той стороне, на острове!
Мама твоя голодает, хок!

Как услышал это мальчик, сердце его сжалось. Спрятал он своего лося в одном месте и пошел.

Шел-шел, дошел до своего дома. Входит в дом. Лягушка там сидит. Сел мальчик на кан и говорит:

— Мама, согрей воды, мне нехорошо!

Лягушка в котле воду подогрела и говорит:

— Немного подогрела.

А мальчик просит:

— Нет, ты воду вскипяти!

Вскипятила воду лягушка. Мальчик говорит:

— Ты воду в котле мне подай!

Взяла лягушка котел, притащила мальчику. Мальчик взял лягушкины руки и сунул в котел, чтобы полосы стали хорошо видны. Лягушка говорит:

— Ой, горячо, горячо!

А отвернувшись в сторону, проговорила:

— Чужой ребенок, отец его вор!

Мальчик спрашивает:

— Что ты, мама, говоришь?

— Что я стану говорить, сынок, унты тебе шить надо, вот и беспокоюсь!

Мальчик снова спрашивает:

— Мама, почему у тебя ноги такие кривые стали?

Лягушка отвечает:

— Будут кривыми! Когда твой отец торговать ездил, я на нарте постоянно сидела, вот и скривила!

— А-а-а! — протянул мальчик. — А живот у тебя почему с узором?

Лягушка говорит:

— Отцу твоему снаряжение у огня шила, сожглась!

— А-а-а! — опять протянул мальчик. — Мама, а почему у тебя лицо желтое стало?

Лягушка говорит:

— Большие металлические серьги носила в мороз, из-за них лицо обморозила.

— Мама, а почему у тебя глаза навек стали?

— Будут навек: когда твой отец торговать ездил, я все на передовую собаку смотрела!

Закончил мальчик разговор. Лягушка пошла к костру, села и говорит:

— Чужой ребенок, чужой он!

Мальчик снова спрашивает:

— Мама, что это ты говоришь?

— Завтра утром по дрова да по воду идти надо, вот и думаю.

На другой день мальчик встал рано и отправился на ту сторону Амура остров искать. На остров из лодки вышел, по берегу пошел. Шел-шел и видит — маленький домик стоит. Видит — девица-красавица с маленькой лягушкой в этом домике только вдвоем живут.

Мальчик кусок жиру лягушке бросил. Лягушка взяла кусок жиру, поднесла матери и говорит:

— Мама, посмотри — мясо, мясо!

— На той стороне мать твоя. Там мясо и масло ест! А ты себя на смех поднимаешь, мясом жир называешь! Вкуса мяса и жира не знаешь!

Девица-красавица посмотрела на мальчика и спрашивает:

— А ты, мальчик, чей сын?

— Чей я сын? На той стороне лягушка живет, так я ее сын!

Красавица-девица спрашивает:

— А как зовут тебя?

— Мое имя — Кайе.

— Ах, если Кайе, то ты мой сынок, — заплакав от радости, сказала красавица.

Обняла его, радуется, что нашла своего сына. А мальчик говорит:

— Поеду лягушку выгоню!

Выгнал лягушку, за матерью своей приехал и говорит:

— Мама, выгони и лягушкину дочь!

А мать отвечает:

— Грудью своей я кормила ее, с таким трудом воспитывала, разве можно выгнать?

Сели все в лодку и поехали. Переехали Амур, в своем доме стали жить. Лягушкина дочь воду, дрова приносит. Мальчик разных зверей добывает. Так жили.

Однажды лягушкина дочь в лунный вечер по воду пошла. В ведро свои воду зачерпнула, на коромысло ведра поддела, с берега идет. Поднимаясь с берега к дому, на полдороге отдохнуть остановилась. Вдруг видит — луна засияла, а на луне тень от ведер, коромысла и ее собственная тень. Лягушкина дочь думает: «Как бы я хотела на луне быть!»

И запела лягушкина дочь:

Луна, луна упала,
Луна растянулась, луна растянулась.

Вдруг луна длинной-длинной лентой растянулась и лягушкину дочь подняла. И вот лягушкина дочь на луне оказалась с ведрами и коромыслом.

Мать с сыном в доме были, разговаривали. Потом мать говорит:

— Почему ее так долго нет, пойди посмотри, что с ней?

Мальчик встал и пошел посмотреть. На берегу — нет, нигде нет. Только видит мальчик, что луна потемнела. Взглянул на луну, а лягушкина дочь с ведрами и с коромыслом на луне, оказывается, находится. Закричал мальчик матери:

— Мама, лягушонок на луне!

Вышла мать посмотреть, видит — правда, лягушкина дочь на луне.

Так и стали жить вдвоем. Стали хорошо жить, долго жили.

ДВА БРАТА

Жили двое детей с отцом. Отец думал — грамоте ли своих сыновей учить или охотиться. Потом решил: охоте буду их обучать. Стал отец учить своих сыновей, как след

разных зверей распознать, как по голосам птиц узнавать, как солнце и звезды путь в тайге указать могут.

Однажды отец купил два мячика, два кинжала и сказал:

— Когда я умру, мячики эти надо мной повесьте, а потом каждый себе по одному возьмите; когда на охоту уходите будете далеко, в тайге мячик всегда у себя за пазухой держите.

Когда умер отец, сыновья мячики над отцом повесили, а после похорон каждый себе по мячику взял.

Как-то рано утром братья вместе охотиться пошли. Идут, идут по тайге, вдруг видят — медведь им навстречу идет. Затаились они, стали медведя подкарауливать. Только хотели выстрелить, как медведь говорит:

— Не стреляйте в меня! Я вам двух детей своих дам! Двух детей своих дал.

Пошли дальше. Вдруг тигра увидели. К нему подкрадываться начали, только хотели выстрелить, а тигр говорит:

— Не стреляйте в меня! Я вам двух детей своих дам! Двух детей своих дал.

Идут дальше. Увидели волка. Только хотели в него выстрелить, а волк говорит:

— Не стреляйте в меня! Я вам двух детей своих дам!

Как сказал, так и сделал.

Дальше идут. Лису встретили. Только хотели в лису выстрелить, а лиса говорит:

— Не стреляйте в меня, я вам двух детей своих дам!

Двух детей своих дала.

Пошли дальше. Зайца встретили. Только хотели в зайца выстрелить, а заяц говорит:

— Не стреляйте в меня! Я вам двух детей своих дам!

Заяц двух детей своих дал.

Так шли, шли вместе два брата, потом из-за зверей спорить начали. Потом всех своих зверей поделили.

Дальше младший брат в одну сторону пошел, а старший — в другую.

Шел, шел младший брат по тайге, потом на гору стал подниматься. На вершине горы остановился, вниз посмотрел и видит — внизу город стоит. В городе на каждом доме черный флаг. Молодец думает: «Надо этот город посмотреть».

Пошел по направлению к городу. Пришел туда. В один маленький дом вошел. В домике этом старик да старуха жили. Молодец старуху спрашивает:

— Что за флаги на крышах висят?

А старуха отвечает:

— Двенадцатиголовый змей на дочери царя жениться хочет. Змей тот сказал, чтобы за пятнадцать дней невесту к нему привезли. Если не привезут, тот змей всех жителей города убьет. Только семь дней осталось.

Молодец говорит:

— Я того змея убью!

Старуха удивилась, спрашивает:

— Правда убьешь?

— Правда убью!

Старуха к царю побежала, рассказала ему о том, что сказал удалец. Царь к старухе домой пошел, молодцу-удальцу говорит:

— Верно, что ты двенадцатиголового змея сможешь убить?

Молодец-удалец отвечает:

— Верно, убью!

Царь тогда говорит:

— Если ты змея убьешь, дочку свою я тебе в жены отдам!

Молодец пошел к царской дочке. А потом он с ней вместе к змею отправился. А царь думает — наверное, дочь мою в другое, чужое место увезут. Слуге своему говорит:

— Возьми-ка ружье да иди за ними тихонько. Если парень в сторону от змея пойдет, стреляй в него!

А молодец-удалец немного прошел и сел. Потом слышит — гремит что-то, смотрит — змей ползет. Змей только прыгнуть хотел, молодец-удалец кинжалом размахнулся, рубанул — шесть голов у змея сразу срезал. Взвился змей, еще на молодца прыгнул, а тот снова размахнулся, рубанул — еще три головы срезал. Собрав последние силы, змей еще раз на удальца-молодца прыгнул, а тот еще раз рубанул кинжалом и совсем змея прикончил.

Устал молодец-удалец после такой битвы и лег спать. А когда спать ложился, медведю сказал:

— Ты меня охраняй, смотри, чтобы человек какой не пришел.

Медведь охранял-охранял, да и дремать начал. Тогда тигру сказал:

— Ты поохраний молодца-удальца, а я посплю!
Тот стал охранять удальца-молодца. Охранял-охранял да и задремал. Тигр сказал волку:
— Ты поохраний, а я посплю!
Волк начал охранять молодца-удальца. Постерег немало и тоже задремал. Тогда волк лисе говорит:
— Ты поохраний, а я посплю!
Лиса охранять начала. Охраняла-охраняла и тоже задремала. Потом лиса зайцу говорит:
— Ты, заяц, поохраний, а я посплю!
Вот заяц молодца-удальца охранять начал. Поохранил-поохранил, да и тоже задремал. Подремал-подремал, а потом и совсем уснул.
После того как заяц уснул, царский слуга, следивший за ними, подкрался, кинжал молодца взял и отрубил ему голову. Дочка царя проснулась и пошла на берег. Видела она, как молодец-удалец отдыхать ложился. А царский слуга говорит ей:
— Ты будешь говорить, что я змея убил. Если так не скажешь, я убью тебя!
Пошли вместе к царю. Там пировать начали. Вдруг медведь проснулся, на молодца-удальца посмотрел, увидел: голова молодца отрублена. Медведь всех своих товарищей разбудил. Тигра спрашивает:
— Почему молодец наш убит?
Тигр говорит:
— Когда я ложился спать, то сказал, чтобы волк молодца поохранил.
А волк говорит:
— Когда я ложился спать, то сказал, чтобы лиса его поохранила.
Лиса говорит:
— Когда я ложилась спать, то сказала, чтобы заяц молодца-удальца поохранил.
Все звери зайца судить начали.
А заяц говорит:
— Отпустите меня на минутку. Я убежать вовсе не собираюсь. Я пойду поищу, чем бы человеку помочь.
Медведь говорит:
— Если ты убежишь, мы тебя все равно найдем!
Отпустили зайца, и он пустился вскачь.
Прошло немного времени, и заяц возвратился. Принес две бутылочки лекарства. Стали они удальца лекарствами лечить. Медведь голову молодца взял, к шее приклеил.

Молодец встал, но оказалось, что голову они не так поставили. Сняли голову и поставили правильно. Молодец-удалец прежним стал. Тогда он решил прямо к царю идти.

Вот входит удалец в дом царя, а царская дочка к нему навстречу бежит, обнимает молодца и говорит отцу:

— Вот кто змея убил! Вот этот молодец-удалец змея убил! А слуга твой меня застрашал.

Царь сказал, что слугу казнить надо. Свою дочь царь молодцу-удальцу в жены отдал. Молодец-удалец на дочери царя женился.

Однажды удалец пошел на охоту. Идет и видит, что на вершине дерева старуха сидит. Удалец говорит:

— Ты что это там делаешь? Зачем на дереве сидишь? Скорей слезай!

Старуха говорит:

— Как спуститься? Твоих собак боюсь!

— Ничего, спускайся, собаки ничего не сделают. Зря их боишься!

Старуха ветку сломала, удальцу подала и говорит:

— Этой веткой побей немножко своих собак!

Молодец старухины слова выслушал. Собак своих немало побил. Потом на собак взглянул и видит, что собаки его все начали окаменевать. Сам он тоже начал окаменевать...

Молодец-удалец быстро мячик свой из-за пазухи вытащил и вверх повесить едва успел. Потом камнем стал.

Спустя немного времени старший брат удальца пришел. Посмотрел на старуху и сказал:

— Что ты там, наверху, делаешь? Скорей, скорей слезай!

А старуха говорит:

— Собак твоих боюсь!

Брат молодца-удальца снова говорит ей:

— Скорей спускайся! Не спустишься, я убью тебя!

Старуха отвечает:

— Напрасно ты говоришь, все равно не спущусь!

Тогда брат молодца-удальца ружье свинцом зарядил и в старуху выстрелил. Свинцовая пуля назад отскочила. Потом он стальной пулей ружье зарядил, еще раз в старуху выстрелил. Тогда старуху наповал убил. После этого младший брат его снова человеком сделался.

Помирились тут братья и больше не спорили. Молодец-

удалец к жене своей пошел. Вместе с братом в этом городе жить стали. На охоту всегда вместе ходили. Хорошо стали жить. Оба хорошими охотниками стали. Много разных зверей добывали. Медведей, тигров, волков, лисиц, барсуков, енотов, выдр, соболей, лосей, изюбрей, кабанов и зайцев много убивали.

Так было.

Близко ли, далеко ли было.

УЛЬЧСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

ТИГР И МАЛЬЧИК

Это было очень давно. Охотился отец с мальчиком. Сын еще был ребенок и не умел хорошо охотиться. Он просто помогал отцу: чай сварит, дров нарубит.

Однажды во время охоты видит отец сон, будто тигр ему говорит: «Ты мне своего ребенка оставь. Если не бросишь сына, не позволю тебе домой возвратиться, всех здесь убью».

Когда сын еще спал, встал старик. Подумал: «Как быть? Если родного сына не бросить, погубит нас всех тигр. Ну, а как жизнь спасу, да ребенка брошу? Сделаю так: побуду дома, да и приду сына посмотреть. Коли съест его тигр, приду, косточки соберу».

Так решил он и бросил в тайге спящего сына.

Спал, спал ребенок, встал. Встал, и что же? Отца его нет. «Э... охотиться ушел», — подумал. Одевшись, из шалаша вышел. Посмотрел по сторонам и видит — тигр к нему приближается. Испугавшись, мальчик влез на дерево с большими сучьями. Полез тигр и застрял меж ветвей. Никуда не может двинуться. А мальчик прыгнул на другое дерево и спустился на землю. Попил чаю, приготовил поесть отцу. Ждет отца. Вечер. Нет отца. Так и лег спать. Видит ночью сон, будто тигр плачет и просит спасти его, дары разные за это обещает.

Взял наутро топор и пошел к тигру. Весь день дерево рубил. Прорычал тигр три раза и тихонько ушел.

Ночью опять во сне говорит тигр мальчику: «Вставай наутро. Устанавливай ловушки. Очерти круг рукавицами».

Так все и сделал, а назавтра пошел смотреть самострелы. Все ловушки были с соболями. Так он добывал подряд несколько дней.

Живет отец дома, наконец идет сына проведать. Подходит к шалашу, а из него дымок курится. Подумал: «Видно, жив». Дверь открыл. Поглядел. Сидит сын, а шалаш полон соболей.

Увидел это отец, сына обнял и поцеловал. Поели, спать легли. Встали наутро, все погрузили да домой возвратились.

ТРИ БРАТА

Жили в старину на Амуре три брата. Самый старший и средний братья каждый день ходили на охоту, а младший оставался дома, готовил пищу, обрабатывал шкурки, разделывал мясо. Как у братьев, так и у него не было свободного времени. Когда братья уходили далеко в тайгу за соболем, младший брат ночевал один в шалаше.

Однажды два брата ушли рано утром на охоту. Целый день охотились, но ничего добыть не смогли. Так ходили они несколько дней. Однажды братья вернулись рано, еще до захода солнца. Быстро сняв лыжи, они один за другим вошли в дом какие-то испуганные и тревожные. Старший брат говорит младшему:

— Нэку¹, побыстрее приготовь все, что требуется для моления хозяину тайги и зверей! Почему-то вот уже несколько дней мы охотимся, а добыть ничего не можем. Видно, он на нас разгневался, чем-то мы перед ним провинились. Раньше ни секач, ни матерый олень не могли от нас увернуться, а теперь даже их детенышей добыть не можем.

Младший брат быстро приготовил все, что требовалось в таком случае, и стали они просить удачи в охоте у хозяина тайги, у хозяина сопки, у хозяина огня и у других, кто мог бы встретиться им на пути.

Затем два брата опять пошли на промысел. Младший остался дома готовить пищу.

Идут братья по следам зверей, где самострелы поставят, где сеточку-рукавчик растянут, где силос подвешат. Устали, только к позднему вечеру вернулись домой.

¹ Нэку — ласковое обращение к младшему брату.

На следующее утро пошли осматривать свои ловушки. Ни в одну из них даже мышонок не попался, все самострелы спущены, сеточки-рукавчики — смяты, силки — перепутаны. Думают братья про себя: «Наверно, это младший брат виноват. На охоту сам не ходит, молиться о счастье не хочет, нам только мешает».

Вернулись они домой и стали бить младшего брата. Бьют его да приговаривают:

— Это твой нехороший дух мешает нам, не дает счастья, пугает зверей. Делает нас бедняками и несчастливymi. Вот тебе, вот тебе, лентяй!

Заплакал младший брат и говорит им:

— Эх, братья вы мои, братья! Разве я не работал вместе с вами, разве я вас не кормил, шкуры не обрабатывал. А вы деретесь! Сами не умеете охотиться, а на мне злость и неудачу свою срываете. Давайте завтра лучше я пойду на промысел, а вы дома сидите!

Но братья и слушать не хотят.

Наконец устали они его бить. Улеглись спать и тут же захрапели.

Наутро опять два старших брата, чуть рассвело, пошли проверять свои самострелы, а младший отправился в лес за дровами. Идет и от досады слезы глотает.

Свалил он дерево, стал его топором очищать от сучьев, на дрова рубить. Устал, сел на пень отдышаться. Сидит и слышит: не то ему кажется, не то в самом деле медные подвески позвякивают. Оглянулся и видит: у него за спиной красавица в халате с подвесками певучими сидит, на него смотрит. Испугался юноша, начал пятиться и с пня свалился.

Девушка рассмеялась, говорит ему:

— Ха-ха-ха! Уж не меня ли, ты, молодец, испугался? Разве я так безобразна или на колдунью похожа?

А молодец и слова вымолвить не может, только головой мотает и что-то говорит:

— Мэ-эе, не-е!

А больше ничего от страха сказать не может. Девушка смеется и говорит ему:

— Ты, юноша, мой долгожданный, меня не бойся! Я ничего тебе плохого не сделаю, я счастья тебе принести могу. Подойди-ка ко мне, что стоишь как дерево!

Взяла она его за руки и за собой повела. Подошли они к большому кедру. Она нагнулась. Полные руки снега набрала и стала им мыть лицо юноши. Как прикоснется к лицу,

так на душе у юноши легче становится. А потом она и говорит ему:

— Ну вот почти все слезы твои отмыла, все горе твое сняла. Скажи своим братьям: «Не смейте больше меня бить. Я лучше сам пойду на промысел, тогда посмотрим, кто охотник, а кто повар?» — Так и скажи, не бойся, а я тебе помогу, нравишься ты мне, молодец!

И с этими словами исчезла красавица, даже следов своих не оставила. А голос ее так и остался звучать в ушах молодца.

Идет он с дровами домой, а слова по-прежнему звучат в его ушах: «Нравишься ты мне, молодец!»

Пришел младший брат домой, приготовил еду и стал поджидать братьев.

Под самый вечер пришли братья, сердитые, голодные, усталые. Старший брат замахнулся на младшего, да от усталости не смог ударить. А средний брат и руки поднять не может.

Отдохнули, поели, а потом вновь стали бить своего младшего брата. Бьют да и приговаривают:

— Это ты виноват, ты всех зверей распугиваешь, это ты виноват, что счастье от нас стороной проходит!

Устали бить и опять легли спать.

Рано утром, пока еще солнце не появилось, младший брат встал, приготовил завтрак, разбудил братьев и говорит им:

— Ну, братья мои! Долго вы били меня, а теперь больше не будете. Я сам охотиться стану, в другом месте, где вы не промышляете. Вы идите в свою сторону, а я в свою, вечером посмотрим, кто из нас охотник, а кто лентяй!

Пошел на лыжах он в тайгу, где вчера дрова рубил, даже на братьев не взглянул.

А братья не успели и слова вымолвить. Но делать нечего, вскоре и они ушли в тайгу.

Младший брат идет, следы зверьков ищет. Дошел он так до места, где вчера рубил дрова, и опять увидел ту девушку. Только сегодня она была уже одета в костюм охотника. Девушка взяла у молодца его самострелы, лук со стрелами, силки и петли, сеточки-рукавчики, а его ввела в шалаш и сказала:

— Возьми эту новую одежду настоящего охотника, я ее для тебя сшила. Завтра на всех тропках поставь самострелы, укрепи ловушки, растяни петли. А сегодня спи, набирайся сил!

Только она так сказала, как юноша упал на постель и заснул крепким сном.

Утром молодец проснулся, все сделал так, как сказала ему девушка. Пришел он после этого в шалаш, а там его уже обед поджидает. Еще через день отправился проверить ловушки. Что ни ловушка, то полна зверей, да не простых, а самых ценных. Целый день носил он в шалаш свою добычу. А обрабатывал ее еще три дня. Повесил шкурки сушиться, а сам опять пошел самострелы ставить. Так прожил он девять дней и каждый раз приносил обильную добычу. В конце девятого дня девушка спрашивает молодца:

— Ну как, молодец, пойдешь ли к своим братьям или у меня останешься, самым удачливым охотником станешь? Молодец ей отвечает:

— Милая девушка, никак мне остаться у тебя нельзя. Братья старшие беспокоиться будут. Завтра пойду к ним, добычу понесу, пускай порадуются.

Девушка спросила наутро:

— На следующий год осенью придешь ли, или больше мне тебя не ждать?

— Приду обязательно, — сказал молодец.

Потом потащил он нарты свои охотничьи, полные добытой пушнины. Шел он так целый день. К вечеру, когда стемнело, увидел впереди свет. Пошел на него и видит домик, у дверей которого стоит незнакомая женщина. Как только он подошел к ней, она ему сказала:

— Друг-молодец, тебя ожидая, я замерзла. Долго ты шел. Для тебя приготовила я ночлег, еду разную, питье вкусное. Но прежде умойся ледяной водой!

Умылся молодец ледяной водой и превратился в мэргэна¹: красивого, сильного, статного, богатыря мудрого. Вошел в дом, поел, попил, лег на постель и заснул крепким сном.

Утром мэргэн поблагодарил женщину и снова потащил нарты с пушниной. Женщина шла рядом с ним, помогала тянуть тяжелый груз, а потом говорит:

— Ну, мэргэн, дальше мне идти нельзя. Один тащи и будь удачлив во всех делах!

Мэргэн пошел дальше один. Идет, нарты, как упряжка хороших собак, тянет. Решил молодец больше нигде не ночевать. Шел-шел, но вот опять настал вечер. Опять впереди показался огонек. Молодец мимо дома решил пройти, только

девушку, стоящую у дверей, снегом запорошил. А она за ним побежала. Бежит и кричит ему:

— Мэргэн, остановись, переночуй в моем доме! Остановись!

Прислушался к этим словам молодец, остановился. Дождался женщину, вместе с ней вернулся в дом. Рассказала она, что старший брат его, узнав об удаче на охоте, решил убить его и забрать всю пушнину. Он поставил в глухом ущелье самострел.

— Я тебя жалею, потому и остановила. Я сестра той, которая тебя любит, для которой ты муж.

Поел молодец кушаний разных, попил напитков таежных, лег на постель и уснул сном крепким.

На следующее утро пошел молодец дальше. Зашел в ущелье и видит: из-за дерева смотрит ему в грудь медвежий самострел. Обошел насторожку молодец и бросил в него комок снега, вмиг стрела ударила этот комок и пронзила его насквозь. Ничего не сказал молодец, только языком зацокал от изумления да головой покачал от возмущения. Пошел дальше. Женщина, которая его провожала, прошептала на ухо:

— Дальше этого перелеска я идти не могу. Смотри, дальше ты встретишь своего зятя и старшую сестру. Поклонись им от меня и дай своих лучших трех соболей. Они отпустят тебя и помогут в пути. Еще дальше пойдешь, встретишь амбар-дяю. Это не простой амбар, а тайник твоих предков. В нем хранятся ценности всего рода. К ним прибавь своих зверей, пушнину. Придешь в родное селение, в первый день никуда не ходи! На следующий день иди к купцу и продай ту свою пушнину, которая к тому времени в доме появится!..

Так молодец и сделал. На своем пути он встретил большое селение. В нем жила его старшая сестра и зять. Встретились они впервые в жизни. Сестра устроила большой пир. Брат в благодарность подарил им трех самых лучших черных соболей. А они ему дали ключ от родового амбара.

Через три дня пути он нашел этот родовой амбар, дяю такту. Никто его не открывал после смерти родового вождя — халада, деда молодца. Мэргэн как только вставил ключ в замок, так дверь сама открылась. Повесил он всю свою пушнину и пошел в родное селение.

Пришел в селение, постучался в окно из рыбьей кожи. Двери открылись, и встретили его мать с отцом. А два его брата сидели в доме и рассказывали о своих подвигах

¹ Мэргэн - добрый молодец, сказочный герой.

на охоте. До этого они сказали, что их младший брат погиб, растерзали его звери таежные, ни одной косточки не оставили.

Как только увидели они своего брата живого и невредимого, так от стыда за циновки на кане забились. Никак выйти не могут. Увидел это младший брат, рассмеялся и простил их козни и обиды.

Подошел он к промысловому столу, а там лежит вся пушнина, им добытая.

После этого они стали все жить дружно и счастливо. На следующий год младший брат опять поехал в тайгу, забрал с собой жену и сына. Так все вместе и жили. Удача им всегда сопутствовала во всем.

ДВЕ СЕСТРЫ-ПУДИН¹

На берегу широкого и полноводного Мангу² стояло заброшенное стойбище. Его полуразвалившиеся дома далеко виднелись по реке. Люди боялись этих мест.

Как попали в эти места две сестрицы-пудин, никто не знает, никто не ведает. Не знали об этом и они сами. Только жили они в верхней части стойбища у самой тайги.

Рано утром, когда запоет первая птица, они поднимались с теплого кана и шли ловить рыбу — сазана, калугу, амура, ленка или что попадется. Надоест им рыбачить, идут охотиться в тайгу, и тогда берегись, не попадайся им на глаза зверь таежный, птица поднебесная. Их луки не знали промаха, их копья разили насмерть.

И всегда в их доме был порядок и достаток.

Так они и жили.

Но вот однажды, поздно вечером, пришли к ним в дом два молодца, да так и остались ночевать. Шел день за днем, ночь за ночью, а они жили теперь вчетвером. И с этих пор уже никто не мог сказать, что это заброшенное стойбище, и потекли бы сюда в гости к ним и сверху реки, и снизу реки. Да приключилась беда — пришла неизвестно откуда. Исчезли молодцы, ушло счастье, улетели птицы лесные, убежали звери таежные. Казалось, что кто-то ждет только того, чтобы и сестрицы-пудин из стойбища уехали. Но сестрицы

продолжали жить в стойбище и ожидать своих мужей. Родились у них двое детишек, у старшей — сын, у младшей — дочь. И стали сестрицы наблюдать с этого времени чудо странное.

Выйдут они из дома — на улице порядок, лыжи у стены поставлены, нарты под амбар спрятаны, берестяные ведра с водой стоят, в корзине живая рыба еще хвостом бьет, на доске кусок мяса лежит, кровь источает. Заглянут в амбар, а там всего полно, даже дверь закрыть трудно.

Удивлялись они, удивлялись этому чуду, а потом и удивляться перестали. Живут себе и живут. Старшая сестра любит, ласкает своего сына, а младшая как-то равнодушна к своей дочери, то ли не очень ее любит, то ли стесняется показать свою любовь.

Растут брат и сестра. И вот однажды сидят сестрицы со своими детишками дома, вдруг дверь распахнулась. Младшая сестра чего-то испугалась, схватила свою дочь и спрятала ее на грудь под халатом. Легла вниз лицом на кан и с головой одеялом накрылась. А старшая сестра с удивлением смотрит на дверь и думает: «Кто же это в дом ломится без спроса?»

Осторожно, бочком в двери протиснулся большой бурый медведь и прямо к ней подошел. От испугу старшая сестра протянула ему своего сына. А медведь как будто бы только этого и ждал. Подхватил он мальчика, посадил его на свое колено, лапой гладит, обнюхивает, как будто бы целует. А потом стал с ним играть. Мальчик не боится медведя, верхом на нем ездит, ручки в пасть запикивает, за шерсть косматую теребит. Старшая сестра это увидела, сначала удивилась, а потом успокоилась, свернула сигарку табаку и подала медведю. Смотрит на него и думает: «Странно, таежный зверь, а табак курит, медведь — а сына ласкает. Странно!»

Медведь покурил, поласкал мальчика, поиграл с ним, взглянул на младшую сестру на кане и ушел из дома. Смотрит старшая сестра из окна, а медведь постоял около амбара да и пошел на другую сторону Мангу-реки.

Старшая сестра и говорит:

— Сестрица, ты сегодня какая-то странная, на охоте зверя бьешь, птицу ловишь, а в доме таежного зверя застеснялась. Если испугалась его, то и пряталась бы одна, а зачем дочку с собой берешь? Он бы с ней поиграл.

Младшая сестра лежит и ничего не отвечает. Только поздно вечером сошла она с канов.

¹ Пудин (ульчск., нан.) — красавица, сказочная героиня.

² Мангу (ульчск.) — река Амур.

Прошло несколько дней. И опять, как в прошлый раз, сидели сестрицы вечером, вышивали халаты. Вдруг дверь распахнулась и вошел медведь. Только это был не тот медведь, который уже приходил, а другой. Он вошел и сразу же к младшей сестре направился. Та испугалась, бежать собралась. Медведь подошел, наклонился к девочке, хотел ее обнять. А пудин вырвала у него свою дочку и к себе притянула. Снова, как и в первый раз, она прижала ее к своей груди и под халат спрятала. А сама легла лицом вниз на каны и одеялом накрылась.

Медведь застыл на месте, посмотрел жалобным взглядом, как будто сказать что-то хотел. Старшая сестра даже слезы в уголках его глаз увидела. Сколько ни сидел на канах рядом медведь, младшая сестра так и не посмотрела в его сторону, не предложила ему выкурить табаку, не показала ему девочку. Вздохнул тут медведь, встал и пошел обратно в тайгу.

Как только дверь за ним захлопнулась, старшая сестра стала ее упрекать:

— Что же ты, сестрица, так ведешь себя с гостем. Он хоть и таежный зверь, но гость. А обычай наших предков велит принять гостя, накормить его, дать трубку выкурить, расспросить о жизни. А ты все капризничаешь. Это к добру не приведет. Зверю таежному ничего не стоит обидеть тебя, поцарапать, а то и убить.

Младшая сестра быстро с кана встала, рассердилась:

— Ты за что меня упрекаешь, сестрица моя родная, сестрица моя старшая? Если этот медведь зверь — то пускай по тайге и бродит, если этот зверь — человек, то в обличье человека пускай и приходит. Зачем же к нам врываются зверем таежным. Удивительно мне: утром на охоте бьем зверя таежного, вечером его как гостя принимать будем?

Ничего не смогла ей ответить старшая сестра, промолчала только.

Прошло несколько дней. Однажды сидят они, как всегда, на нарах, занимаются делами домашними. Вдруг во дворе раздался шум непонятный: не то топот медведя, не то быстрые шаги человека. Насторожились сестрицы, присмирили дети. Дверь раскрылась, вошел красивый юноша. Коса его была туго заплетена, глаза горели, сам он был стройный, как камышинка. Посмотрела на него старшая сестра, и показалось ей, что это ее прежний муж, что это первый медведь, который приходил в их дом. Смотрит на не-

го и думает: «Наверно, это кажется мне,— столько лет прошло, как муж пропал?»

Тогда старшая сестра достала из сундука самый нарядный шелковый халат, серьги, браслеты, носовую серьгу, надела их и сама стала красавицей-пудин. Провела она молодца к почетному месту — малу, стала его угощать, свернула огромную сигарку табаку, величиной с птицу кори, вставила ее в трубку размером с длинный шест, и подала мэргэну.

Сидит он на кане, несколько раз потянул трубку, а потом вынул из-за пазухи медный кувшинчик хо, налил туда вина, подал старшей сестре:

— Ну, жена моя верная, пей вино, разве ты меня не признала? Превратил меня злой дух в медведя, заставил по тайге шататься. Но показала ты мне сына, и пали чары колдовские. И вот я опять человек. Стань снова моей женой!

Обрадовалась старшая сестра, но говорит ему:

— Как же я могу себя выдать замуж, или ты забыл обычаи наших предков? Проси меня у младшей сестры, дай ей выкуп подходящий!

Подавал тут молодец вино и стал просить у младшей сестры выдать за него замуж ее старшую сестру. Выкуп обещал дать бесценный, вернуть и ей мужа.

Младшая сестра дала свое согласие.

На следующий день приплыл на лодке другой красивый и сильный молодец. Зашел он в дом с разными вкусными яствами, подошел к младшей сестре, а та как сидела на нарах, так и осталась там. Повернулась к стене, сидит и вышивает, на пришедшего молодца внимания не обращает.

Старшая сестра стала угощать зятя и никак не может понять, почему так ведет себя младшая сестра. Думает она: «Почему же сестрица так ведет, не нравится ей то медведь, то молодец? А может быть, это ее прежний муж, она его не узнала, да еще и прогонит».

Кончили они пировать. Этот молодец встал, вышел на улицу и разжег огромный костер. Когда он разгорелся, то прямо прыгнул в него. Еще выше взметнулось пламя, а молодец исчез. Старшая сестра опять думает: «Зачем же это он сделал? От обиды, что жена его не признала?»

Пришла она в дом и рассказала все своей сестре.

Младшая сестра на следующий день в другом месте тоже

разожгла большой костер, но немного поменьше костра молодца. Надела на себя самый нарядный халат, в котором на свадьбе была, нанизала на пальцы колечек до самых ногтей, надела серебряных и золотых браслетов от запястья до локтя. Затем схватила свою дочь и прыгнула вместе с ней в костер. Прыгнула она и сразу же потеряла сознание. Когда очнулась, то очутилась в буні — подземном мире мертвых. Идет она по буні и набрела на небольшой домик. Зашла в него, а там сидит старушка.

— Ой, дочка, давно я тебя жду! Знаешь ли ты, что твой муж скоро умрет. Он сильно рассердился на тебя. Ты его не признаешь. Не бойся его, он тебе вреда не хочет, добро принесет. Теперь иди вперед! Там встретишь две горные речки: с черной и с белой водой. Вымой в этих водах дочку, покупайся в них сама! А теперь иди! — сказала ей старушка.

Пошла пудин, шла она, шла и дошла до двух горных речек. Одна речка с белой водой, другая — с черной. Одна течет из подземного мира в мир живых, другая в обратном направлении — из мира живых в мир мертвых. Подошла пудин к речке с белой водой, вымыла девочку, подошла к реке с черной водой — выкупалась сама. И пошла дальше. Шла-шла и встретила еще одну старушку.

— Э-э, девушка, как тебе удалось дойти до этого места? Никто еще из людей Среднего мира сюда не доходил. Иди сюда, я тебе помогу! — говорит старушка.

Подошла к ней пудин, старушка обмыла ее тело и лицо, ополоснула ребенка в прозрачной воде, дала им новую одежду. А потом и говорит:

— Детка, скоро придет сюда твой муж. Когда он придет, то возьмет дочку и поцелует. Не отнимай девочку. Это спасет его от смерти. До этого я его спасала, но сегодня мои силы иссякнут. Это же твой муж, стань опять его женой!

Вечером зашел молодец, подошел к ребенку, стал с ним играть, обнимать, смеяться. А на прощание поцеловал он дочку, а та его. Только тогда девушка-пудин увидела, что это был ее муж. Она бросилась к нему на шею и стала просить прощения. Злой дух заколдовал и ее так, что она не могла видеть своего мужа. Вновь они стали мужем и женой. Старушка им на прощание сказала:

— Дети мои, мне с вами больше оставаться нельзя, меня ждут другие дела. Вы же живите мирно и счастливо. Больше злого духа не будет. Ваша любовь изгнала его из мира

живущих людей. А теперь поезжайте к себе на родину, там вас ждет сестра с мужем и сыном.

Старушка превратилась в утку и улетела.

Молодец взял жену и дочку, посадил их на нарты, и поехали они на великую реку Мангу. Там они и сейчас живут. А злого духа больше не стало, не появлялся он среди людей земли. Не стало больше и брошенных стойбищ.

УДЭГЕЙСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

Давным-давно один богатый человек жил. Бая-Мафа звали его. Рядом с его жилищем бедный человек шалаш себе поставил. Дженку-Мафа назывался.

Плохо жил Дженку-Мафа. Кушать нечего было, одеваться — халата не было. Мучился. Так жил. К богатому стеснялся идти. Богатый к нему тоже не ходил, старался не видеть.

В один вечер бедняк сказал своей жене:

— Рано утром пойду в лес. Приготовь мне ююлы, ковш берестяной, хайкты-травы, спичек.

Жена все так сделала, как просил. Рано утром Дженку-Мафа торопился в лес идти. Быстро одевался. Ююлу, хайкту, ковшик из бересты, коробку спичек за пояс заткнул. Пошел по реке. Шел, шел. Смотрит — лед треснул, вода темнеет. От воды пар идет. Как раз напротив трещины остановился, где берег выше. В ноздри ягоду боярку затолкал и лег.

В то время туда старый заяц Тукса пришел. Долго ходил кругом, бегал, разглядывал, потом стал кричать:

— Тальниковые зайцы, бегите сюда! Посмотрим, отчего старик умер. Ельниковые зайцы, скорее сюда бегите! Березниковые зайцы, все бегите сюда! Дедушка-бедняк умер.

Все зайцы прибежали. Стали смотреть, отчего умер старик.

Тукса говорит так:

— Если сказать, что от голоду, то у него ююла с собой есть; если сказать, что от холоду, — есть у него спички с собой; если подумать, что пить хотел, — есть у него ковш. Надо пойти старухе сказать.

Тукса побежал старухе рассказывать.

Старуха не поверила. Так говорит:

— Утром совсем здоровый был. Как без причины умереть? Наверно, вы сами его убили. Если вы сами не убили его, принесите старика сюда.

Тукса побежал. Стал звать всех зайцев — тальниковых, ельниковых, березниковых. Прибежали зайцы; много зайцев стало. Все хотят старика тащить. Кто за ногу уцепился, кто за руку, которые в бороду вцепились, которые за ухо, все ташат, несут старика домой. Притащили Дженку-Мафа прямо к шалашу.

Тут старуха навстречу выбегает. Кричит так:

— Несите его сюда, заходите все в шалаш, сейчас ветер холодный подует, надо кругом закрываться.

Все зайцы в дом прибежали. Тут Дженку-Мафа поднялся на ноги и стал зайцев бить. Всех зайцев убил, одного не успел убить. Тот заяц был белый круглый Бомболе. Старуха сама хотела убить его кочергой, да промахнулась. Ударила его по уху. Ухо стало черное. Бомболе вырвался и убежал в лес. Дженку-Мафа рассердился, говорит старухе:

— Зачем выпустила, теперь все зайцы узнают...

Весь вечер Дженку-Мафа со старухой зайцев потрошили, шкурки обдирали, варили мясо. Много наварили. Тогда старик говорит:

— Иди, старуха, позови богатого в гости.

Пришел Бая-Мафа, поглядел, сколько зайцев убил бедняк, — очень удивился:

— Дженку-Мафа, где ты столько зайцев убил?

Дженку-Мафа говорит:

— Ходил в лес, шел по реке, там увидел — лед треснул, вода темнеет. От воды пар идет. Как раз напротив трещины остановился. Там берег повыше. Затолкал в ноздри ягоду боярку и лег.

Дженку-Мафа рассказал все как было. Бая-Мафа жадный был. Пришел домой, говорит своей жене:

— Много зайцев убил бедняк. Мы должны убить еще больше. Готовь мне ююлы, хайкты, ковш из бересты, коробку спичек. Рано утром пойду в лес.

Как сказал, все жена сделала. Рано утром Бая-Мафа торопился в лес идти. Быстро оделся. Ююлу, хайкту, ковш из бересты, спички — все за пояс заткнул. Пошел по реке. Шел, шел. То место, где лед треснул, нашел. Лег на берегу, ягоду боярку в ноздри затолкал, лежит тихо.

Прибежал к нему один заяц, бегал кругом, смотрел долго, потом кричать стал:

— Тальниковые зайцы, бегите сюда! Посмотрим, отчего старик умер. Ельниковые зайцы, скорее бегите сюда! Березниковые зайцы, все бегите сюда! Богатый старик умер.

Все зайцы прибежали. Стали смотреть, отчего Бая-Мафа умер.

Один заяц так говорит:

— Если сказать, что от голоду, то у него юкола есть с собой; если сказать, что от холоду,— есть у него спички с собой; если подумать, что пить хотел, от жажды умер,— есть у него ковш. Надо пойти старухе сказать.

Тот заяц пошел, старухе рассказывать стал.

Она рассердилась. Говорит так:

— Вы, наверное, сами убили его. Если сами не убивали, то принесите сюда старика.

Тот заяц побежал в лес. Стал звать всех зайцев — тальниковых, ельниковых, березниковых. Все зайцы прибежали. Все хотят старика тащить. Облепили старика со всех сторон. Только хотели поднять, вдруг бежит Бомболе с черным ухом.

Бомболе говорит им:

— Зайцы! Не тащите его. Он хочет убить вас всех. Я знаю!

Зайцы побежали. Бая-Мафа разозлился, встал, начал их бить. Успел поймать только двух зайцев, другие убежали.

Бая-Мафа пришел домой, чуть не плачет от злости, говорит:

— Бедняк все это подстроил. Он научил зайцев. Меня чуть не убили. Еле жив остался. Хотели в реку сбросить.

Прошло сколько-то дней. Дженку-Мафа со своей старухой съели все мясо. Кушать опять нечего. К богатому идти страшно. Рассердился на него Бая-Мафа. Старые долги припомнил, все подсчитал, последних собак забрать хочет.

Дженку-Мафа долго думал, как быть, как жить. В один вечер он говорит жене:

— Приготовь мне, старуха, кедровой смолы побольше. Надо клей сделать. Завтра пойду в лес.

Так сделали, много клею наварили. Рано утром Дженку-Мафа оделся и ушел в лес. Там увидел большое дерево. Много птиц на ветки садилось. Те птицы, испугавшись, улетели, когда Дженку-Мафа близко подошел. Залез он на дерево: Спускаясь вниз, мазал клеем сучки, мазал ствол до самого низу, пока на землю не стал.

Потом закричал, засвистел, чтобы все птицы слетались.

Прилетело много птиц. Садясь на дерево, не могли оторваться — прилипли. Много птиц приклеилось, как комары облепились кругом. Дженку-Мафа отклеивал птиц, в котомку складывал. Сложил и домой принес.

Обрадовалась старуха, стала перья ощипывать, суп варить. Тогда Дженку-Мафа сказал:

— Иди, старуха, позови богатого в гости.

Позвали богатого. Пришел Бая-Мафа, сел кушать и говорит:

— Дженку-Мафа! Где ты столько птиц поймал?

Тот рассказал все как было.

Тогда Бая-Мафа пошел домой и говорит жене:

— Бедняк много птиц поймал, мы должны еще больше поймать. Приготовь мне клей. Завтра утром в лес пойду.

Так сделали, как говорилось. Бая-Мафа ушел в лес.

Там увидел большое дерево. Много птиц на ветках сидело. Испугавшись, птицы улетели, когда богатый подошел близко. Тогда Бая-Мафа стал дерево клеем мазать. Сам мажет, сам вверх лезет, выше лезет, все время поднимается и мажет клеем дерево. Так вымазал и хочет вниз спуститься, но ничего не выходит. Сам прилип, не может спуститься. Стал кричать, зовет свою старуху:

— Мамаса! Иди отклеивай меня, я прилип к дереву!

Прибежала старуха, залезла на дерево, тоже прилипла. Тогда собаку стали звать, чтобы помогла:

— Гуваса! Гуваса! Иди отклеивай нас, мы прилипли!

Прибежала собака Гуваса. Прибежав, с разбегу прыгнула на дерево, оторваться не может. Бая-Мафа всех выше сидит, немножко пониже прилепилась его мамаса, а внизу собака. Все трое прилипли. Стал Бая-Мафа звать на помощь бедняка:

— Эй, Дженку-Мафа! Иди сюда! Выручай нас. Мы прилипли.

Дженку-Мафа услышал, смеяться стал, так говорит:

— Оставайся, Бая-Мафа, на дереве; ты богатый был, ты мне жить не давал, долги подсчитывал. Оставайся на дереве. Ты все большего хотел, теперь ничего не надо.

Так Бая-Мафа остался на дереве, так его мамаса осталась на дереве, так собака Гуваса осталась на дереве. Все там засохли, в круглые шишки, в наросты превратились.

С тех пор на больших деревьях растут наросты.

СЭЛЭМЭГЭ

Жил один человек по имени Гээнтэй. Имел он жену. Жена его была беременна.

Однажды он сказал жене:

— Пойду-ка я посмотреть на Сэлэмэгэ, питающегося, как говорят, железом.

А жена и говорит:

— Ну, если мы так будем жить, нам до того места, где Сэлэмэгэ живет, не дойти, по дороге погибнем.

— Пойду! Иначе что я за человек такой, если дойти не сумею!

Жена говорит:

— Ну, если ты все же хочешь идти к Сэлэмэгэ, приготовь дров. За день семь полениц поставь.

Только шесть полениц поставил Гээнтэй, жена и говорит:

— Как же ты пойдешь, если у тебя так вот получается? Брось, не ходи. Как же ты пойдешь, если ты такой слабый?

— Пока не схожу — не успокоюсь. Пойду! — говорит муж. — Сделай мне унты.

Сделала. Из одной половины шкуры лося на одну ногу, из другой половины — на другую. Муж говорит:

— Слишком велики! Что это за унты сделала? Обрежь, чтобы поменьше были!

Обрезала. Отправился.

Пришел к одной старухе. Та старуха одной рукой скалу подпирает, другой — просо пересыпает. Сказала старуха Гээнтэю:

— Гээнтэй, куда идешь?

— Я иду к Сэлэмэгэ.

— Ну, если ты идешь к Сэлэмэгэ, одной рукой мою скалу подпирай, другой — просо пересыпай!

Попробовал Гээнтэй одной рукой скалу подпирать, другой просо пересыпать, да не смог, из сил выбился.

Тогда старуха сказала:

— Если у тебя так получается, как же ты пойдешь к Сэлэмэгэ? — Гээнтэй все равно пошел. Шел-шел и встретил старика Канда-Мафа.

— Гээнтэй, ты куда идешь?

— К Сэлэмэгэ.

— Ну, если ты идешь к Сэлэмэгэ, глотай мою картошку — клубни этого растения.

Не смог. Не проглотил. А все-таки отправился дальше.

Шел-шел Гээнтэй и набрел на след. Широко кто-то шагал. И унты у того большие. Попробовал было Гээнтэй так же шагать — не может, ступать след в след не может. Пошел дальше.

Шел, шел. Далеко ли, близко ли шел, увидел какое-то жилье. Дошел до него. Вошел. Сидит там одна старуха — мать Сэлэмэгэ. Вошел Гээнтэй, а старуха калила железо на огне. Железо ее докрасна раскалилось. Раскалив, хочет дать его Гээнтэю:

— На, согрейся грелкой моего сына!

Гээнтэй не стал.

— Не буду,— говорит.

Взяла мать Сэлэмэгэ это железо, разгрызла зубами и прыснула Гээнтэю в лицо. Все лицо у него обгорело и сморщилось.

Вечером пришел домой Сэлэмэгэ. Принес убитых медведей. Одного принес, привязав к поясу, другого — взяв в охапку. Того, которого нес в охапке, бросил Гээнтэю, а Гээнтэй — шлеп! — уронил его наземь. Бросил медведя Гээнтэй Сэлэмэгэ обратно. Высоко вверху поймал Сэлэмэгэ и снова бросил Гээнтэю. Шлеп! — уронил наземь Гээнтэй.

Сэлэмэгэ говорит:

— Ну, Гээнтэй, давай состязаться в быстроте!

Начали они свежевать медведей. Сэлэмэгэ уже сдирает шкуру, а Гээнтэй еще только вспарывать начинает. Сэлэмэгэ уже окорока отнял, Гээнтэй только шкуру начал снимать. Сэлэмэгэ свой котел на огонь поставил — мясо варить. Когда тот ставил свой котел на огонь, Гээнтэй еще только начинал отнимать окорока. Мясо на куски разрезал Сэлэмэгэ, а Гээнтэй тушу на куски едва кончил разминать. Сэлэмэгэ свой котел снял, начал есть. Когда Сэлэмэгэ уже есть начинал, Гээнтэй только ставил свой котел на огонь. Сэлэмэгэ уже есть кончает, а Гээнтэй все еще варит. Сэлэмэгэ уже есть кончил, а Гээнтэй только снял свой котел и принялся за еду. Много спустя после того, как кончил Сэлэмэгэ есть, принялся за еду Гээнтэй. Почти всю ночь ел, тогда как товарищ его давным-давно кончил.

Наконец кончил и Гээнтэй. Легли спать.

Утром встали. Сэлэмэгэ и говорит Гээнтэю:

— Ну, Гээнтэй, что бы нам такое найти подходящее? На игрище тебя вести — напрасное дело, лучше ты у меня на вешалах, где вялят рыбу, будешь ворон пугать.

Натыкали в язык Гээнтэю иглоком, привязали ему к рукам молоток и отнесли на вешала:

— Прилетят вороны клевать, так ты молотком — тук-тук, тук-тук — постукивай, отпугивай их.

После этого много времени прошло. Жена Гээнтэя в отсутствие мужа родила ребенка. Мальчика родила. Вот начал сын Гээнтэя ползать, потом ходить. Прошло много времени, и стал он большой. Однажды спрашивает сын Гээнтэя у своей матери:

— Мама, был у меня отец или нет?

— Был, был,— сказала мать.

— Мама, а как звали моего отца?

А мать ему так говорила:

— Нельзя, грешно его имя произносить, ведь отец твой, наверное, умер.

Ребенок заплакал. И тогда мать сказала:

— Твоего отца звали Гээнтэй.

Узнал он, как звали отца. Обрадовался. «Гээнтэй, Гээнтэй, Гээнтэй», — твердил, бегая взад и вперед. «Гээнтэй, Гээнтэй...» — бух! — и упал мальчуган. Упал и забыл, как звали отца. Пошел опять к матери, заплакал:

— Мама, как звали отца? Я забыл.

— Грешно, дитя мое, грешно. Ведь он, наверное, умер и поэтому не возвращается.

— Я хочу знать, как звали отца, — плакал ребенок.

— Его звали Гээнтэй, Гээнтэй, — сказала мать.

Так вот и вырос мальчик. Начал ходить в тайгу на охоту.

— Мама, сделай мне унты!

Ну что же, сделала ему мать унты. На одну ногу — полшкуры, полшкуры — на другую. Вышла одна пара. Надел он унты.

— Ай-ай, ну и маленькие же, — говорит. — Ты надставь-ка, чтобы побольше были.

Надставила. Снова надел их сын. Отправляется. Мать пошла посмотреть, как ее сын пойдет. Провожая, сказала:

— Тот, кто твоим отцом был, сильнее тебя.

А сын говорит:

— Ладно, хоть я и слабый, пойду отца искать.

Пошел.

Пришел к старухе. А старуха одной рукой скалу подпирает, другой — просо пересыпает.

— Тугума, ты куда идешь?

— По следам отца иду, — говорит.

Тогда старуха сказала:

— Ну, если ты идешь по следам отца, одной рукой мою скалу подпирай, другой — просо пересыпай.

Одной рукой он скалу подпирал, другой — просо пере-
сыпал. Так подпирал, что скривилась старухина скала.

Тогда старуха сказала:

— Тугума, твой отец был сильнее тебя, ты слабее его.

Отправился Тугума. Шел-шел и пришел к старику
Канда-Мафа.

— Тугума, ты куда идешь?

— Иду по следам отца.

— Ну, Тугума,— сказал Канда-Мафа,— если ты идешь
по следам отца, глотай дедушкину картошку!

Проглотил. Канда-Мафа сказал:

— Твой отец был посильнее тебя, ты послабее его.

Отправился дальше. Шел-шел и набрел на след. Шаги
широкие, унты большие были. И кто-то в маленьких унтах
пробовал было так же шагать, да не мог ступить след в след.
Это он следы своего отца увидел. А те широкие шаги и боль-
шие унты — следы Сэлэмэгэ. Попробовал Тугума шагать
по следам Сэлэмэгэ. Так шел. Дошел до какого-то жилья.
Сидит там одна старуха. Когда он вошел в дом, старуха спро-
сила:

— Тугума, куда идешь?

— Я к твоему сыну пришел,— говорит.— А вы про моего
отца ничего не знаете?

— Не знаем,— говорит.

Мать Сэлэмэгэ раскалила железо. Докрасна раскалилось.

— На, Тугума, согрейся грелкой моего сына.

Подала. Разгрыз Тугума, хруп-хруп-хруп, разгрыз и прыс-
нул в лицо матери Сэлэмэгэ. Все лицо у нее обгорело и смор-
щилось.

Вечером и Сэлэмэгэ пришел домой. Двух медведей убил.
Одного принес, привязав к поясу, другого — под мышкой.
Бросил он Тугуме своего медведя. А Тугума высоко вверху
поймал его. И вот, сидя, бросил обратно Сэлэмэгэ. А Сэлэмэгэ — шлеп! — уронил наземь, своего медведя уронил.
Снова бросил Тугуме. А тот даже сидя поймал, высоко
вверху поймал.

Сэлэмэгэ говорит:

— Ну, освежаем по одному. Посостязаемся в быстроте.

Тугума быстро освеживал, шкуру содрал. А Сэлэмэгэ
едва-едва начинает шкуру сдирать. Тугума уже разрезал
на куски, котел свой на огонь поставил. Сэлэмэгэ только
еще начал отнимать окорока. Тугума поел и кончил. А Сэлэмэгэ только долго спустя управился.

Наступила ночь. Легли спать. Лег Сэлэмэгэ и думает:

«Этого-то, пожалуй, можно и на игрище свести».

Утром встали, поели и начали одеваться. Сэлэмэгэ
говорит:

— Мы с тобой на игрище пойдем.

Пошли. Шли, шли. Сэлэмэгэ и говорит опять:

— Если ты сильный — не умрешь, а если слабый — по-
гибнешь.

Дошли до секир, воткнувших на игрище в землю лезвиями
вверх. Тугума подошвы своих унтов слюной смочил-по-
мазал. Стали перескакивать. С одного лезвия секиры на
другое стали перескакивать. Побежали, до копий-рогатин
добежали, остриями вверх воткнувших. Стали перескаки-
вать. У Сэлэмэгэ из ног кровь потекла, а ноги Тугумы —
ничего, крови нет. Так, перескакивая, добрались до острых
кривых ножей для строгания. Упал Сэлэмэгэ, наткнулся на
острие и тут же умер. А Тугума — ничего, ведь сильный
человек он был.

Пошел Тугума к матери Сэлэмэгэ. Стал искать своего
отца. Где-то тук-тук, тук-тук — постукивает. Вышел на ули-
цу. Смотрит на вешала: сидит человек. А к его рукам молоток
привязан.

Тугума его в дом Сэлэмэгэ принес. Отвязал привязанный
к рукам молоток и спрашивает:

— Как тебя зовут? Кто ты? — говорит.

— Хал-хал,— отвечает.

Раскрыл Тугума ему рот, а там множество иголок пона-
тыкано. Вытащил иголки, спрашивает:

— Кто ты такой?

— Я Гээнтэй.

— Ведь ты же мой отец! Я твой сын,— говорит Тугума.

Съели они запасы Сэлэмэгэ. Положил Тугума отца в свою
охотничью сумочку, что носят на поясе, и отправились они
домой.

Шел-шел Тугума и дошел до старика Канда-Мафа.

Канда-Мафа говорит:

— Нашел ли своего отца?

— Нашел,— говорит.

— Отдай, Тугума, ты мою картошку.

Тот выплюнул. Отправились дальше. Пришли к старухе.

— Хорошо ли ходил, Тугума?

— Хорошо.

— Нашел ли своего отца?

— Нашел.

— Поправь мою скалу.

Поправил Тугума скалу.

Пришли к матери.

— Сынок, хорошо ли ты ходил?

— Хорошо.

— Отца своего разыскал ли?

— Разыскал,— говорит.

И вытащил его из своей сумки. Получила она своего старика обратно.

Все.

ОБМАН И ПРАВДА

Жил-был мальчик. Никого и ничего-то у него не было, кроме самой обыкновенной фасолины. Есть ему было нечего, поговорить не с кем. И вот однажды взял он фасолину и пошел куда глаза глядят. Шел-шел и видит — стоит у реки дом. Зашел мальчик в него, а там сидит на нарах старушка и шьет халат. Мальчик достал фасолину, протянул ее старушке и говорит:

— Бабушка, спрячь эту фасолину, да подальше положи, чтобы мышь не могла ее достать: фасолина не простая.

А у старушки под замком в железном сундуке сидела мышь. Взяла старушка у мальчика фасолину и положила на главный столб жилища, а сама легла спать.

В полночь мальчик встал, взял со столба фасолину и, тихо приподняв крышку, бросил ее в ящик. Мышка проглотила ее, даже мальчик не заметил этого.

Утром он, сладко потягиваясь, спрыгнул с теплых нар и стал собираться в путь.

— Бабушка,— попросил мальчик,— дай мне фасолину, я пойду дальше.

Старушка подошла к столбу, а фасолинок-то и нет.

Искала она искала ее и никак не могла найти. «Плохо,— подумала она,— куда же могла подеваться фасолина?»

— А может быть, ее мышь съела? — спросил мальчик, хитро сощуриив глаза.

— Но как она может съесть? — удивилась старушка.— Ведь она сидит под замком в железном ящике. Пойду-ка я посмотрю мой сундучок.

Открыла она крышку и поняла, что фасолину-то съела мышь. От фасолины осталась только шелуха.

— Что же я теперь буду делать? — горько заплакал мальчик.

— Не плачь,— стала успокаивать его старушка,— у меня ничего нет, кроме этой мышки. Возьми, только никому ее не показывай.

Взял он мышку и отправился дальше. Долго шел по берегу горной реки и набрел на один домик. В нем жила девушка-красавица. У нее тоже ничего не было, кроме кота. Сидит она у окна, вышивает и поет грустные песни.

Вошел мальчик в фанзу и говорит:

— Сестрица, спрячь куда-нибудь мышку, да смотри, чтобы ее не съел кот. Она моя помощница.

Взяла девушка мышку и посадила в берестяную коробку.

Ночью мальчик открыл коробку и отдал мышку коту.

Кот сразу же вцепился в нее, стал рвать зубами и съел. После этого лег и замурлыкал.

Утром мальчик попросил возвратить ему мышку. Долго упрашивала его девушка погостить у нее, но тот не соглашался. Делать нечего, пошла девушка, открыла берестяную коробку, а там пусто.

«Куда же она могла исчезнуть?» — подумала она и стала искать.

— Наверно, кот мою мышку съел,— сказал мальчик.

— Как же он мог съесть, ведь мышка же была в коробке,— сказала девушка.

Подошла она к коту и видит — лежит он на боку, морда масляная, облизывается, урчит от удовольствия.

— Что же теперь будем делать? Ведь кот действительно съел твою мышку! — загоревала девушка.

Мальчик снова заплакал.

— Что же ты плачешь? Возьми лучше моего кота!

Как только сказала она это, мальчик перестал плакать, обрадовался, взял кота и пошел дальше.

Шел-шел и на горе увидел большой дом. Около него бегала собака.

Зашел мальчик в дом и увидел юношу.

— Братец, разреши переночевать в твоём доме, а кота посади куда-нибудь, чтобы собака не разорвала. Я очень устал в пути.

— Ну что же, оставайся, а кота мы будем держать в доме.

Поели, попили и легли спать.

Ночью проснулся мальчик, вынес кота на улицу. А собака тут как тут и сразу же разорвала кота на части.

Наступило утро. Мальчик оделся и говорит юноше:

— Я отправляюсь дальше, дай мне, пожалуйста, кота.

Как я его ни звал, он не прибежал ко мне. Куда он девался? Наверно, собака съела. Вот она играет хвостом кота — все, что от него осталось.

— Что же я буду делать? — сказал юноша.

А мальчик уже плакал в доме, да так сильно, что окно, сделанное из пузыря сохатого, стало колебаться, как будто грудь человека после долгого бега.

— Возьми мою собаку,— стал успокаивать юноша,— может быть, она пригодится тебе.

Мальчик обрадовался, взял собаку, поблагодарил юношу и отправился дальше.

Шел, шел, и встретился ему на пути дом, где жил старик. У старика была лошадь.

— Дедушка, привяжите мою собаку, да смотрите, чтобы ваша лошадь не задавила ее,— проговорил мальчик,— а я отдохну от знойной дороги.

Ночью мальчик отвязал собаку и повел в конюшню, оставил там, а сам отправился спать.

Утром он проснулся как ни в чем не бывало и сказал:

— Дедушка, я иду дальше, отдай мне собаку.

Старик вышел на улицу и, не найдя собаки, сказал:

— Куда могла подеваться эта собака? Я же хорошо помню, что привязал ее здесь.

— Наверно, лошадь задавила,— ответил мальчик.

Заглянул в конюшню старик и видит: валяется на земле собака с разбитой головой.

— Что же нам теперь делать? — И опять мальчик горько заплакал.— Как же я буду жить без собаки!

— Ничего, мальчик, не плачь, я тебе отдам свою единственную радость — лошадь,— сказал старик.

Мальчик обрадовался, взял лошадь под уздечку и пошел обратно домой.

Шел-шел и задумался. «Вот теперь у меня есть лошадь, но нет подруги. Все равно я один — что же мне делать?»

А дорога проходила мимо кладбища. Свернул он к могиле, вытащил из нее старуху, посадил на коня, дал в руки уздечку, а сам повел коня за удила. Как живая сидела старуха в седле. В зубах у нее дымилась трубка.

Шел-шел и дошел до поселка. Отвел лошадь на берег, чтобы она попила, а сам отправился в селение. Зашел в дом, там люди веселятся.

— Иди, иди сюда,— сказали они.— Ты один или с тобой есть друзья?

— Мать со мной,— ответил мальчик.

— А где она?

— На берегу.

— Позовите ее скорее сюда, — попросили они подростков. Те поспешили на берег и увидели там старуху, сидящую на лошади. Зовут ее, а она не отвечает.

Побежали они к ней с радостным криком. Лошадь испугалась, рванулась в сторону, трубка вылетела у старухи изо рта, а сама она как упала вниз головой, так и не встала.

Опечалились люди: «Что же мы скажем мальчику?» Делать нечего, нужно сказать ему. Пошли они в село, а сами мрачнее тучи. Навстречу им идет мальчик. Как увидел он их, сразу догадался, какая весть его ожидает.

— Где моя мать? Почему она не пришла? — спрашивает он. Рассказали они ему все. Рассердился мальчик.

— Что же вы наделали, вы убили мою мать. О-о, — заплакал он. — Что я теперь буду делать?

Долго он плакал. Никто его не мог утешить. Тогда один пожилой мужчина подошел и сказал ему:

— Не плачь, я тебе отдам свою дочь в жены.

Мальчик сразу же успокоился.

Вскоре устроили пир. Три дня и три ночи пировали. И только тогда мальчик смирился с горем.

На четвертый день отправился он с женой к себе на родину. Построили они там новый дом и зажили счастливо. Через год родился сын. Не могут наглядеться на него родители. Отец целыми днями нянчил сына, а мать работала по хозяйству на дворе.

И вот однажды раскапризничался сын у отца. Никак не может успокоить его отец. Тогда запел он свою песенку: «Я когда-то променял фасолинку на мышку, а мышку на кота, кота обменял на собаку, а собаку на коня... баю-баю-бай, спи мой мальчик. А на этого коня посадил неживую старуху и променял ее на живую девушку-красавицу. И стали мы жить-поживать, вскоре родился у нас сын. Этим сыном был ты. Баю-баю-бай...»

Успокоился сын и громко засмеялся. Услышала это жена, рассердилась и кричит со двора:

— Ты меня обманул, обманул и моих родителей!

— Не верь ты тому, что я пел, — успокаивал он жену.

Но жена не поверила этим его словам. Она взяла сына и ушла к своим родителям. И опять он остался один-одинешенек.

Что обманом получено, все равно пропадет безвозвратно. Правду как ни скрывай, она найдет дорогу к людям!

НЕГИДАЛЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ЛЕТЯГА

Жила летяга. У нее было пятеро детей. Однажды к летяге пришла лисица и говорит:

- Летяга, отдай своего ребенка!
- Нет, не дам! — говорит.
- Если не дашь, забодаю!

Тогда летяга своего детеныша лисице отдала. Лисица ушла.

- Назавтра снова пришла:
- Летяга, отдай своего ребенка!
 - Не дам, не дам! — говорит.
 - Если не дашь, забодаю!

Снова летяга своего детеныша лисице отдала. Лисица ушла.

- На следующий день снова пришла и говорит:
- Летяга, отдай своего ребенка!
 - Не дам, не дам! — кричит летяга.
 - Если не дашь, забодаю!

Опять летяга детеныша своего отдала. С тем лисица ушла.

- Вот назавтра снова приходит:
- Летяга, отдай своего ребенка!
 - Не дам, не дам! — говорит.
 - Если не дашь, забодаю!

Опять отдала детеныша лисице. После того как ушла лисица, дедушка-сова приходит к летяге. Дедушка-сова спрашивает летягу:

- Летяга, почему плачешь?
- Летяга говорит:

— Лисица детенышей моих поедает.
— Ладно, не плачь. Если лисица придет, скажи: «Травяных твоих рогов я не боюсь». Затем, если спросит: «Кто сказал?» — скажи: «Дедушка-сова сказал».

Вот лисица снова приходит и говорит:

- Летяга, отдай своего ребенка!
- Не дам, — отвечает летяга.
- Забодаю!
- Травяных твоих рогов я не боюсь!

Лисица спрашивает:

- Кто сказал про травяные рога?
- Дедушка-сова сказал, — отвечает летяга.

Затем лисица говорит:

- Где дедушка-сова?
- Та-ам вон, на горе.

Лисица пошла. Дедушку-сову увидела, подкрадывается.

— Лисица, к кому подкрадываешься? — спрашивает дедушка-сова.

— Дедушка-сова, спугнешь, спугнешь: за тобою птичка сидит!

Лисица прыгнула к дедушке-сове. Дедушка-сова лисицу за шею когтями схватил. Затем полетел с нею ввысь. Лисица плачет в когтях у совы.

Вот дедушка-сова до моря долетел и говорит:

- Скажи: «Сало дедушки-совы есть идем».

Лисица говорит:

- Сало дедушки-совы есть идем.

Тут дедушка-сова роняет лисицу. В море упала лисичка. Плывет она по морю и плачет. Затем говорит:

Зубища, морским белым камнем станьте!
Язычище, морским листом стань!
Мозги, морской глиной станьте!

Вынырнула нерпа из воды и говорит:

- Лисица, почему плачешь?

— Нерпушка, двоюродная моя сестрица, я не плачу, а пою. Я те песни повторяю, которые пели, когда сватали мою мать и моего отца. Нерпа, а твой народ велик ли? Взгляни-ка на звезды — это мой народ. Твоего народа много ли?

Нерпа говорит:

- Очень много.

Затем нерпа нырнула и вышла опять, а за нею множество нерп показалось. Все море нерпами покрылось. Лисичка принялась считать:

Од-дин-два — пропустим,
Од-дин-два — пропустим,
Три-четыре — пропустим,
Пять-шесть — пропустим.

Так принялась прыгать лиса по нерпам. Нерпа спрашивает:

— А почему ты не всех считаешь?

Лисица говорит:

— Когда назад пойду, сосчитаю.

Лисица по нерпичьим головам на землю снова выбралась и спрашивает:

— Разве мы родней по матери были?

— Лгунишка, в конце своего пути умрешь! — говорит нерпа.

— Я не умру! — отвечает лисица.

Лисица побежала. Когда бежала, налима встретила.

— Налим, куда плывешь? — спрашивает.

— Куда? Домой. А ты, лисица, куда бежишь?

— Я в ту же сторону, куда ты. Ну, налим, пойдем!

Так шли, шли, лисица кричит:

— Налим!

— Эгей! — откликается тот.

Так идя, в конце излучины реки опять окликает лисица:

— Налим!

— Эгей! — откликается налим через две излучины.

Так идет лисица. Наконец подходит к месту, где одна старушка сушит черемуху. Подошла и начала черемуху есть. Наелась, полное брюхо набила. Тогда уснула. Пришла старуха и увидела спящую лисицу. Вернулась старуха домой, взяла нож и снова пришла к месту, где она сушила черемуху. Подошла, а лисица все еще лежит. Убила старуха лисицу, освежевала и распялила шкуру. Когда шкура высохла, старуха из нее сшила себе шапку. Шапку надела и пошла щенков своих кормить. Подходит к ней волк и говорит:

— Старуха, мне поручи стеречь, шапку свою одолжи — уши у меня мерзнут.

Старуха шапку свою волку дала, домой ушла, посидела и пошла посмотреть своих щенков. Подошла к собачьей конуре, а волка нет. Старуха заплакала и сказала:

— Врун же волк, мою шапку утащил.

В то время ворона прилетела:

— Кар-кар, старуха, о чем плачешь?

— О чем плачу, — волк шапку мою утащил, по ней плачу.

— Старуха, кар-кар, я схожу за твоей шапкой!

Старуха говорит:

— А как спросишь?

— «За старухиной шапкой пришла», — скажу!

— Оставь, пусть будет так, как случилось, не ходи за ней!

Улетела ворона. Старуха плачет. Когда она так плакала, прилетела птичка:

— Старуха, почему, плачешь, чвик-чвик?

— Шапку свою жалко — плачу.

— Дай-ка я за ней схожу, чвик-чвик!

— А как скажешь? — говорит.

— Старуха, как-нибудь уж скажу, чвик-чвик!

Полетела птичка. Старуха больше не плачет, ждет птичку.

Ждет. Птичка долетает до одного зимника и в круглое окошечко влетает. А в том зимнике и зайцы, и лисицы, и волки, и вороны, и хорьки, и старик со старухой сидят. Мать крестовки-лисицы камлает. Старик говорит:

— Эй-эй, крестовка-мамаша, хвост свой сожжешь!

Тогда птичка стала камлать:

— Чви-ик, чви-ик, — чирикнула, через окошечко порх — и выпорхнула и обратно впорхнула.

Старик говорит:

— Нашу шапку дай ей надеть — наверно, это большой шаман!

— Шапку свою птичке дали.

— Чик-чик! — чирикнула, по полу топ-топ, по нарам скок-скок, в углу прыг-прыг, через окошечко порх-порх — выпорхнула.

С той шапкой прилетела к старухе и шапку ей отдала.

Старуха обрадовалась, птичке ножничек маленький для рукоделия дала, иглу дала.

На этом кончается.

ВОРОН И КОРШУН

Жили-были в зимнике ворон и коршун. Ворон — старший брат, коршун — младший. Огонь у них горит. Долго ли, коротко ли так живут, вот однажды ворон в круглое окошеч-

ко вылетел, совсем улетел, а коршун остался один-одинешенек.

Вот однажды вылетел коршун через круглое окошечко и полетел вниз по своему Амуру. Подлетел к месту, где пять женщин-сестер черемуху собирают: неподалеку от этих женщин сел на дерево. Сидит себе. Был очень жаркий день.

Вот самая старшая сестра говорит:

— Пойдемте купаться!

Младшая сестра отвечает:

— Я не буду купаться!

— Ничего, давайте все купаться, — говорит старшая.

Все пять женщин стали купаться.

Коршун подлетел, младшей сестре в штаны напачкал. Снова улетел и на то же дерево сел.

Купаться кончили, поднялись на берег. У младшей сестры в штанах помет коршуна оказался. Младшая сестра помет травой вытерла, штаны надела. А вскоре она забеременела.

Стали они переезжать на другую сторону Амура. Во время переезда младшая сестра ребенка родила, мальчика.

Когда переезжали, младшая сестра в верхнюю одежду завернула своего ребенка. На самой середине Амура их старшая сестра говорит:

— Дай мне своего ребенка подержать!

— Сестра, зачем тебе держать моего ребенка?

Та опять просит:

— Дай подержать!

Младшая сестра отдает своего ребенка старшей. И вот старшая сестра на середине Амура бросает ребенка в воду.

Переезжают, а младшая сестра плачет по своему ребенку. Старшая сестра говорит:

— Ну, что расплакалась по какому-то ребенку?

Старшая сестра за весла села. Гребет. К берегу причалили.

Старшая сестра в воду по пояс прыгнула и на берег побежала.

— Ой, отец, — говорит, — твоя любимица дочка, которую ты лучшей едой кормил, ребенка с коршуном прижила.

Старик с копьем длиной с осеннюю кету к дочке подскочил, а сестра, что постарше, задержала его.

Старик говорит:

— Убью ее!

А сестра, чуть постарше, просит:

— Отец, оставь ее!

Отец копье бросил, рукой стал бить, даже серьги сорвал.

А коршун рядом с ребенком летит, — ребенка вниз по Амуру вода несет. Ребенка несет, а коршун провожает его. Вот в заездок для лова рыбы ребенок попал.

Попал он в заездок, что около большого селения на- ходился, а коршун поблизости от деревни сел.

Затем одна девушка за водой пошла. Только хотела зачерпнуть воды, взглянула в сторону — мальчик прибился к заездку. Она бросила чуман, взяла ребенка, домой с ним пошла.

Старик говорит:

— Черт, наверное, поди брось его! Зачем взяла, черт, наверное!

А дочка говорит:

— Не брошу!

Тогда старик говорит:

— Слуги, сходите за стариком с козырьком, что внизу живет, сходите за красным, как лисица, стариком, что вверху живет, сходите за девятью горбатыми, сходите за восемью краснобаями, сходите за семью солдатами — пусть они подумают!

Старик с козырьком, что внизу живет, пришел, красный, как лисица, старик, что вверху живет, пришел, девять горбрых пришли, восемь краснобаев пришли, семеро солдат пришли.

Старик говорит:

— Внизу живущий старик с козырьком, вверху живущий, как лисица красный, старик, ну, подумайте — обсудите. Моя дочь сегодня за водой пошла, нашла мальчика. Внизу живущий старик с козырьком, вверху живущий, как лисица красный, старик, подумайте — решите!

— Ну что же, — внизу живущий старик с козырьком говорит, — я думаю, черт подстроил, наверное.

Вверху живущий, как лисица красный, старик го- ворит:

— От водяного пристал, наверное. Это проделка водя- ного. Разной еды приготовьте и бросьте обратно в воду!

— Девять горбрых, семеро солдат, восемь красноба- ев — ну, подумайте, обсудите!

Девять горбрых говорят:

— Мы думаем, это проделка водяного черта.

Старик говорит:

— Семеро солдат, подумайте, обсудите!

Семеро солдат говорят:

— Мы думаем, ты своей дочке сделай дом отдельный, с этим ребенком вдвоем пусть живут: если это черт — не вырастет, а если человек — вырастет.

Восемь краснобаев говорят:

— Мы думаем: вдвоем пусть они живут, а вы не ходите к ним.

Старик говорит:

— Ну, слуги, пойдите и сделайте своей хозяйке дом!

Те пошли в тайгу делать дом. Сделали. Дочка старика с ребёнком в дом переселилась. Вдвоем живут.

Долго ли, коротко ли живут, а ребенок растёт, большой уже стал.

Девушка однажды мусор пошла выбросить на улицу. На том месте, где мусор выбрасывала, нашла коршуна. Коршун прилетел сюда, чтобы ребенок его мог поиграть с ним.

Девушка его вносит в дом и привязывает. Так живут с ним. Что бы ни дала ему, не ест он. Если икры даст, не ест, только что-нибудь самое хорошее ест.

Однажды вечером девушка рассердилась:

— Что это за коршун, плохого не ест, уничтожает лишь запасы ребенка, только хорошее хочет есть!

Так, рассерженная, уснула.

Утром встает — коршуна нет, исчез, потерялся. Ищет, под нарами ищет, в углах ищет — не находит, совсем исчез. Ну вот и говорит:

— Ребенок мой встанет и будет своего коршуна искать, и зачем это я ругала его!

Затем ребенок встает, но не ищет коршуна. Настал пол- день. Тогда девушка слышит, что со стороны тайги как будто бы человек на лыжах спускается. Слышится, как шуршит что-то. На улице около их дома человек лыжи свои снял, на дом их положил, затем входит.

Девушка смотрит — куртка у него соболя, красивый че- ловек, — из воды ли вышел, с неба ли упал, красивый че- ловек.

Рядом с женщиной садится:

— Что будет, если рядом с женой коршуна сесть? Ключом меня убьет, что ли? Что будет, если рядом с женой кор-

шуна лечь? Клювом меня убьет, что ли? Что будет, если жене коршуна голову на колени положить? Клювом меня убьет, что ли?

Девушка говорит:

— Когда же я с коршуном жила?

Невхан говорит:

— А с кем же ты играла? Я ведь и есть коршун. Вчера вечером кого ругала? Меня ругала. Думаешь, ты чьего ребенка нашла? Мой это ребенок.

Эта женщина себе мужа нашла. Так вот было.

Долго ли, коротко ли живут, а сын их большой стал.

Невхан говорит:

— Ну, девица, родителям скажи: «Ваш зять велел сказать, что к себе домой возвращаться собирается».

Девушка к родителям спустилась из тайги, вошла:

— Отец, мать,— говорит,— зять ваш велел сказать, что к себе домой возвращаться собирается.

— Дитя,— сказал старик,— ко мне в дом ночевать приходите!

Девушка домой пошла и сказала:

— Старик сказал: «Ко мне в дом ночевать приходите».

Невхан с женщиной спустились, у старика в доме переночевали.

Пока ночевали, Невхан много зверя убил, чтобы старику и старухе до самой смерти еды хватило. Затем стали собираться к поезду.

Невхан говорит жене:

— Ты завтра отправляйся, а мы с сыном вперед пойдем в селение, что вверху отсюда, там догонишь нас.

Невхан с сыном отправились. Так идут.

Так шли-шли, дошли до селения. Поднялись по берегу, по старикову спуску. В дом вошли.

Невхан, войдя, кругом осмотрелся: четыре женщины сидят. У одной женщины волосы растрепаны, что воронье гнездо. Рядом с ней садится.

— Наверное, это моя прежняя жена. Бедняжка, видимо, ее люди обижали.

Старик говорит:

— Грязно, грязно, зачем туда сели?

А Невхан говорит:

— Как же я не с женой своей сяду? И сын мой как же не с матерью сядет?

Тут женщина садится, сына своего целует. Старик говорит:

— Как узнаешь, что люди говорят? Я и вправду считал тебя коршуном.

Старуха говорит:

— Я же говорила тебе — как человек родится, так и все родятся. Вот теперь и дальше корми хорошенько своих дочерей!

Невхан говорит:

— Я и плохую женщину завтра днем уведу.

Там ночевали.

Назавтра жена его догоняет: множество слуг дает старик своей дочери. Затем отправляются. Так идут обратно.

Шли-шли, к дому стали подходить. Дом в селении вверху на реке находится. Какой-то человек из дома все время выходит. Смотрит вниз по Амуру — подходят, к берегу пристают.

Спустился тот человек. Говорит:

— Братец, чего же это ты ждать заставляешь? Долго же ты ходил!

Бросил по направлению вниз Амура маленький топорик — дома появились. Люди, которые жили в маленьких домах, в маленькие вошли, а те, которые жили в больших, — в большие вошли.

Невхан в дом свой снова вошел — а брат его двух жен привез, и у него две жены.

Все.

ОХОТНИК НЕЯВКАН И ЛЯГУШКА ЭЕКИ

Жил-был один мужчина по имени Неявкан¹ со своей женой. Живут и живут они в своей юрте. Все хорошо, да детей у них нет. Скучно им. В доме тишина стоит.

Сколько прошло так лет — никто не знает. Но вот родился у них сын. Веселым ходит Неявкан, радостной стала жена. Пойдет ли на охоту Неявкан — полную нарту привезет добычи, станет ли рыбу ловить — не могут съесть, начнет ли узоры на деревянной коробочке вырезать — глаз не отвести.

Но вот однажды отправился он на охоту, доехал до

¹ Неявкан (негид.) — добрый молодец.

большой и высокой сопки. Привязал к камню оморочку и только стал подниматься на сопку, как увидел лося. Приложил на тетиву лука стрелу и пустил ее. Замертво упал лось. Освежевал его Неявкан, взвалил на спину тушу и стал спускаться к оморочке. Камни под ногами шестят, будто что-то сказать хотят, да Неявкан слушать не желает. Спустился он к берегу, положил ношу около оморочки. Хотел в нее сесть. Только ногу занес, как увидел на дне большую зеленую лягушку.

«Что за лягушка? Откуда она взялась в моей оморочке?» — подумал он. Посмотрел, а глаза у лягушки как у человека. Неявкан и спрашивает ее:

— Эеки¹, ты зачем в мою оморочку залезла? Я сейчас тебя убью!

Схватил он малое весло от оморочки и хотел лягушку ударить. Она рот открыла и заговорила человеческим голосом:

— Не убивай меня, Неявкан! Я — дочь воды. Проси у меня что хочешь, все для тебя сделаю. Не бросай меня одну, возьми домой!

Подумал-подумал Неявкан и решил взять ее с собой, но так, чтобы жена не увидела. Завернул он лягушку в шелковую материю и спрятал в колчан.

Приплыл Неявкан домой, добычу принес. Жена его радостно встретила. Помогла ему занести добычу и стала хлопотать по хозяйству. Неявкан взял колчан с лягушкой, принес его в дом, в угол поставил. Лягушку вынул и говорит ей:

— Эеки! Сиди в домике своем, никуда не выходи. А то жена увидит — убьет!

Так живут они и живут. Каждый день жена варит мясо лося и им кормит мужа. А Неявкан кусочек мяса возьмет со стола, принесет в угол и накормит Эеки. Но вот кончилось у них мясо, и Неявкан стал снова собираться на охоту. Взял колчан со стрелами, понягу за плечи приладил, у пояса прикрепил копьё, распрощался с женой и сыном и пошел в тайгу.

Ушел охотник, а сын плачет. Как ни успокаивала его жена, он все плачет. Тогда она и говорит:

— Не плачь, сыночек, отец придет, костного мозга принесет. Я тебе его дам!

Только произнесла эти слова, как послышалось ей, что в углу кто-то сказал:

— Сперва добудь зверя, а потом его и дели. Вот еще, костного мозга захотели!

«Кто это говорит», — думает жена. Заглянула в угол — никого нет, только пустой колчан без стрел стоит. Почудилось женщине, что он шевелится. Еще больше удивилась она и, хотя ей нельзя прикасаться к мужским вещам, открыла колчан, а там — большая зеленая лягушка, завернутая в шелк, как богатая невеста, сидит. Женщина схватила лягушку и бросила ее на пол. А сама пошла на берег реки, нарвала колючего шиповника, вернулась домой. Отхлестала им лягушку. Бьет и ногами валяет ее в золе. А лягушка сперва терпела-терпела, а потом заплакала. Текут слезы из ее глаз. Всхлипывает она и просит:

— Женщина, женщина, не валяй меня в золе, а то я могу ослепнуть. Придет с охоты муж, накажет тебя! Пожалей! Ведь я ничего тебе плохого не сделала!

А женщина еще больше рассердилась:

— Ах ты, мерзкая лягушка, смеешь еще со мной говорить одним языком. Ты зачем пришла в наш дом? Тебя кто пригласил сюда? Твое место в болоте!

И вновь стала ее бить. Била-била, а лягушка ни слова больше не произнесла, лишь изредка стонала. Услышала лай собак женщина, схватила лягушку, завернула в тряпку, бросила в колчан. Вошел Неявкан. Принес он добычу. На этот раз ему сильно повезло на охоте, только успевал зверя разделывать. Он и говорит жене:

— Жена, быстрее приготовь мясо, отвари и накорми всех, проголодались мы.

Жена наварила мяса, накормила мужа с сыном. Только кончила есть, как из угла раздался голос лягушки:

— Ой-ой! Как мне больно! Хотя бы шиповником не била, в золе не валяла. Теперь я стала некрасивая, грязная. Никто на меня смотреть не захочет!

Услышал это Неявкан, к колчану подошел, открыл его, а из него женщина появилась. Одежда на ней разорвана, лицо и руки в золе, в синяках. А жена ему и говорит:

— Вот видишь, завелась тут у нас лягушка лесная, колдунья, мерзко на нее глядеть-то, надо ее сейчас же убить!

Схватила она копьё, но муж выхватил его из рук да и говорит:

¹ Эеки (негид.) — лягушка.

— Как можно просто так причинять зло лягушке? Она ведь живая. Она человеком стала. По-человечьи говорит. Не могу с тобой больше жить. Уходи в тайгу, стань зверем таежным!

После этих слов он прогнал жену. Она заплакала и пошла в тайгу, превратилась в зеленую лягушку.

Неявкан взял в жены Эеки, забрал сына и уехал далеко вниз по реке. Там стал жить. Так там и живут.

ОРОЧСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

*ПОЧЕМУ У ЛИСЫ
ХВОСТ ДЛИННЫЙ,
А У ЗАЙЦА И МЕДВЕДЯ —
КОРОТКИЕ*

Давным-давно хозяин тайги раздавал всем зверям хвосты. Узнали об этом звери, поскакали к нему. Лиса, медведь и заяц бежали вместе. По дороге лиса решила обмануть медведя и зайца. Она и говорит им:

— Вы, друзья, поешьте-ка малины, вон за той сопкой много растет ее. Я же пойду раздобуду какую-нибудь птичку на обед. Дорога наша длинная, поесть надо.

Поверили заяц и медведь хитрой лисе. Пошел заяц вслед за медведем в малинник. Пока медведь ел малину, а заяц поджидал его, лиса побежала к хозяину тайги и успела получить у него самый большой хвост. Когда же пришли медведь с зайцем, то у хозяина тайги остался всего-навсего один хвост. Пришлось его разорвать на две части. Одну часть дал он медведю, другую — зайцу.

Вот почему у лисы хвост длинный, а у медведя и зайца совсем короткие.

*ПРО ВОРОНУ
И ВЫДРУ*

Однажды пришла ворона в гости к выдре. Та угощать ее стала. Налила воды в большой котел, поставила его на огонь. Только нагрелась вода, нырнула выдра в котел. Стоит ворона, глядит в воду и понять не может, куда выдра девалась. Вдруг выдра вынырнула, да не одна, а с большим-

большим тайменем. Оставила рыбу выдра в котле, сама выскочила и села возле гостыи. Когда таймень сварился, выдра стала угощать ворону. Назавтра позвала ворона выдру в гости к себе. Когда та пришла, ворона налила котел с водой и повесила его над костром. Как только вода закипела, ворона стала подражать выдре. Она тоже нырнула в котел, а из котла уже не вынырнула. Сварилась в кипятке. Так и закончилась дружба у вороны с выдрой.

*СКАЗКА ПРО СЕСТРУ
И СЕМЬ МАЛЕНЬКИХ
БРАТЬЕВ*

Жили семь маленьких братьев и одна сестра. Однажды они играли около юрты — сбивали палочками расставленные поодаль друг от друга колышки. Во время игры к ним прибежала поиграть белка. Нечаянно один из братьев перебил ей ногу, она рассердилась, ушла от них и пригрозила, что завтра явится к ним со множеством других белок и отомстит. Братья испугались и стали думать, как им избавиться от нашествия белок. Наконец старший предложил взлезть на небо. Все с ним согласилось. Тогда младший брат сказал: — Что мы сделаем с сестрой, ведь она не может взлезть на небо, а спрятать ее в тайге нельзя, потому что белки найдут ее и убьют.

Думали-думали и сделали так: вырыли яму под очагом и положили туда сестру, оставив над ее головой маленькую дырочку, чтобы она могла дышать. На грудь сестры положили кожаный мешок с кровью оленя и прикрыли его землею. После этого старший брат пустил стрелу вверх, стрела вонзилась в небо и повисла. Следующий брат пустил стрелу свою и вонзил ее в конец стрелы старшего брата, что повисла на небе. Третий брат попал в конец стрелы второго. Все братья пустили свои стрелы. По этим стрелам, образовавшим жердь от земли до неба, они один за другим влезли на небо, причем младший, когда лез, собирал позади себя стрелы.

На другой день пришли белки и стали искать братьев, но нигде не могли их найти. Белки начали спрашивать у домашних вещей, но ни ложки, ни чашки не сказали им о выдумке братьев. Только старые унты выдали, куда ушли братья и как они зарыли сестру под очагом. Тогда белки начали колоть копьями землю под очагом и попали в мешок

с кровью. Увидели они кровь на копьях и решили, что закололи сестру маленьких братьев. Перебили они всю посуду и ушли домой в тайгу.

Сестра вылезла из своего убежища, изорвала свои унты и стала думать, что ей теперь одной делать. Боясь, как бы белки опять не пришли, она решила идти искать своих братьев. Ходила-ходила и попала в юрту, где жила лягушка. Лягушка увидела, что у нее хорошая одежда, сначала приласкала ее, а потом отняла у девушки всю одежду, надела на себя, а девушку оставила голой. Вдруг залаяла собака; лягушка и говорит:

— Сейчас придут два молодых ороча; один из них увидит, что я такая нарядная, возьмет меня себе в жены, а тебя выгонит.

Сказавши так, она вышла из юрты встречать орочей, а бедная девушка начала от досады бить себя палкою по голове. Палка раздвинулась, и девушка спряталась в нее. Вошли два молодых ороча. Старший сел с лягушкой, а младший — около той палки, в которую скрылась девушка. Старший беседует с лягушкой, а младший от нечего делать взял палку и начал ее строгать ножом. Вдруг из палки потекла кровь, он испугался, бросил палку и нож и скорей выбежал из юрты. Старший брат, увидев, что младший ушел, взял с собой лягушку и тоже пошел домой.

Дорогой младший брат вспомнил, что он ножик свой бросил в юрте, и вернулся за ним. Подошел к юрте и решил сначала потихоньку заглянуть в нее, нет ли там кого. Смотрит и видит, что там сидит голая девица. Откуда и храбрость взялась у него — отворил дверь и схватил ее. Она хотела спрятаться опять в палку, но не успела. Тут она рассказала ему про своих братьев и про то, как лягушка отняла у нее одежду. Он взял, прикрыл ее, чем мог, и повел с собою к отцу.

Дома отец сначала встретил старшего сына с лягушкой, потом младшего с девушкой. Слово за слово, отец начал спрашивать про их родных, кто они и где живут. Лягушка по глупости своей похвасталась своими братьями и сказала:

— Я вам сейчас покажу своих братьев, дайте ведро.

Взяла ведро и пошла на речку, зачерпнула воды вместе с лягушками и принесла. Отец как увидел их, так сейчас же и прогнал лягушку, а девицу стал просить, чтобы она как-нибудь разыскала своих братьев. Она пошла в тайгу, стала под большой березой и позвала братьев.

Эндури¹ услышал ее: пришли семь братьев и принесли каждый по целому костюму. Она оделась в костюм, который дал ей младший брат, и повела их к старику.

Старик, как только увидел их, разостлал у входа в юрту шелковую материю, ласково принял и угостил, чем мог. Они рассказали ему, что живут на небе у Эндури, просили не обижать сестру, пробыли три дня и ушли, а сестра счастливо зажила с младшим сыном старика.

ОРОКСКИЙ ФОЛЬКЛОР

¹ Эндури (орочск.) — в мифологии орочей название божества, живущего на небе.

О ЛЮДЯХ ИЗ РОДА НАМИС

Очень давно это было. Люди рода Намис уехали на охоту на двух лодках. Уехали и не возвратились домой, потерялись. Долго блуждали по морю, но к берегу пристать не могли. Посылали на берег своих товарищей за пресной водой, но их съедал злой дух амба. Так он съел почти всех, на лодках осталось только два человека, которые продолжали плавать по морю.

Однажды они увидели на берегу человека и его вешала с рыбой. Боясь духа амба, они не причалили к берегу. Человек с берега крикнул:

— Причаливайте к нам, не бойтесь, мы люди!

Когда те двое пристали к берегу, их впустили в дом. В доме жили старик со старухой. Старики накормили их, напоили пресной водой. Стали эти люди у стариков жить.

Старик однажды спросил их:

— Что, домой ехать хотите?

— Хотим.

Старик стал часто куда-то уходить из дома. Через несколько дней он сказал:

— Я сделал две лодки и весла. На тех лодках поедете домой. Ляжете в них и не смотрите, кто вас повезет. Лодки причалют там, где живут ваши жены.

Подвел старик тех двух мужчин к берегу, уложил их в лодки по одному и укрыл. Затем столкнул их в море. Мужчины слышали, как с шумом гребли невидимые люди и громко разговаривали. Через некоторое время лодки пристали к берегу. Сняли мужчины с себя покрывки и увидели, что никого

в их лодках нет. Вышли на берег, узнали родные места. На берегу играли дети. Позвали они детей и спросили:

— Чьи вы будете?

— Наши отцы давно потерялись.

Тогда мужчины сняли чехлы с больших пальцев своих рук, отдали их детям и сказали:

— Идите к своим матерям и расскажите им, что отцы ваши приехали.

Дети прибежали домой и рассказали матерям, что видели мужчин, которые назвались их отцами. Матери не поверили. Тогда дети показали чехлы своих отцов.

Много было радости в этих семьях.

Тот старик и старуха, которые помогли мужчинам вернуться домой, были добрыми духами моря, хозяевами рыб.

УДАЛА¹-ПУДИН

Жила-была красавица пудин. Было у нее семеро братьев, один другого лучше. Все они ловкие охотники, меткие стрелки, мастера на все руки. Амбары их полны. Никогда у них не переводились запасы мяса, нерпичьего жира. И любили они больше всего свою единственную сестру. Берегли ее, каждый с охоты приносил подарочек, радовал ее, чем мог.

А время шло своим чередом и шло. Растет их сестра да растет, все стройнее и красивее становится. Звери и птицы часто навещали ее, любовались ее красотой.

Вот однажды старший брат ей и говорит:

— Сестрица наша милая! О красоте твоей знают все кругом. Скоро придут сваты, будут просить твоей руки. Подготовься к их приходу, надень халаты свадебные, повесь украшения серебряные, будь приветливой.

А та и слышать ничего не желает. Ее глаза вспыхнули, как звездочки в темной ночи, длинная коса метнулась из стороны в сторону, медные подвески на нагруднике с негодованием зазвякали.

Братьям было пора идти на охоту. Видят они, что сестра не хочет расставаться с ними, и стали они думать, как уберечь ее от женихов. Думали-думали, и тогда старший

¹ Удала (орок.) — лягушка.

брат превратил ее в иголку. Сами братья обратились в белокрылых птиц и улетели в тайгу на охоту.

Иголка долго ждала женихов, надоело это ей, обернулась она снова в пудин. Только захотела выйти из дома, как услышала скрип скользящих по снегу лыж и нарт, чьи-то голоса. Испугалась пудин, на нары забралась и опять в иголку превратилась, да не успела спрятаться, так на циновке и осталась.

Остановились нарти возле дома. Олени храпят, ждут, когда их распрягут, соли дадут, колокольчики на их шеях изредка позвякивают. А сваты на них не обращают внимания, в дом спешат, на пудин полюбоваться хотят поскорее. Они так спешили, что в дверях застряли, еле-еле вошли. Вошли и замерли от изумления. Один из них говорит:

— Что это такое? В доме ни братьев, ни красавицы, их сестры, нет. Почему нас так обманули?

Стали они по углам искать, кричать:

— Кто в доме есть, покажись!

Но сколько ни звали, сколько ни кричали, никто не появился, никто не отозвался. И вдруг они услышали чей-то тоненький голосок. Он не переставая пищал:

— Я знаю! Я знаю! Я знаю!

Подбежали сваты к нарам и стали рассматривать того, кто мог бы эти слова говорить.

Вдруг они заметили, как у одного гвоздика в наре шляпка приподнялась, обиженно повернулась вокруг, и писк опять раздался:

— Я знаю, где красавица! Братья и она меня не угостили, я все вам расскажу! Братья превратили ее в иголку, а сами ушли на промысел в тайгу.

Сваты бросились по всему дому, стали искать иголку. Туда-сюда смотрят — нет нигде. И вдруг один из них пошарил рукой по циновке на наре и наткнулся на торчащую иголку.

— Ой, ой! — закричал он от боли, но иголку не выпустил из рук. Сваты обрадовались, схватили иголку и уехали в свое стойбище.

Приехали к себе домой, положили иголку на нары, а она не превращается в девушку. Десять дней носили ее туда и сюда, клали то на мягкое, то на жесткое, а она по-прежнему оставалась иголкой. Надоело им с ней возиться.

— Что будем делать? — говорит жених. — Может быть, гвоздик нас обманул. Может быть, она вообще никогда не превратится в девушку?

Собрались жених со сватами, стали между собой толковать, да так, чтобы иголка их не слышала:

Один из сватов и говорит:

— Давайте иголку где-нибудь оставим одну, а сами спрячемся, посмотрим. Если это пудин, то она превратится в девушку, если нет, то так и останется.

А другие стали на него шуметь, руками замахали:

— Чего с ней церемониться, выбросим, да и только. А сами поедем и новую невесту посватаем!

И все с этим согласились. Взяли да и бросили иголку, а сами ушли. Иголка-пудин только этого и ждала. Она превратилась в девушку-красавицу. Решила искать путь-дорогу к ее милым братцам, к родному дому. Идет себе по тайге да песню напевает. А голос у нее такой красивый, такой звонкий и чистый да переливчатый, что даже птички лесные замолкли, а соловей подсвистывать ей стал. Она идет и поет о том, как ловко провела сватов и жениха вместе с ними. И вдруг она услышала совсем близко голоса людей. Испугалась пудин, спряталась за соседний дом, а чтобы ее не заметили, обернулась деревянной лопатой. Стоит она себе около дома и думает: «Что же делать?» Пока она так думала, из дома вышел человек. Увидел лопату, обрадовался:

— Вот хорошо, у меня, оказывается, появилась новая лопата!

Взял он ее и понес в амбар.

Девушка еще больше испугалась: «Что же теперь делать! Была на свободе, а теперь в темнице оказалась. Как бы сбежать отсюда?»

Думала она, думала и решила: «Завтра хозяин возьмет лопату, снег разгрести на улице станет, зазевается, а я в пенек превращусь. Он же никому не нужен, всем лишь мешает. Бросит хозяин меня, так и освобожусь!»

На следующее утро зашел в амбар хозяин и стал искать новую лопату. Искал, искал — не нашел.

— Что за чудеса! — говорит он вслух. — Вчера я вечером сюда поставил новую лопату, а сегодня ее уже нет! Не черт ли утащил лопату!

Вышел он из амбара, в расстройстве двери даже не закрыл, побрел домой. Испугался чудес. А пенек в амбаре сразу же превратился в девушку. Пудин со всех ног бросилась в тайгу. Бежала-бежала, устала, а отдохнуть боится. «Вдруг хозяин того дома заметит следы и пойдет по ним за ней. Тогда ей больше не избежать замужества и не увидит она никогда своих братьев».

Солнце давно уже село. Стемнело. Ветерок задул. Страшно стало. И вдруг она увидела вдалеке огонек. Стала подходить к нему ближе, видит — одинокий домик стоит. Пройти мимо она не могла. «Наконец-то я смогу отдохнуть», — подумала она. Подошла к двери и постучала.

Тихо. Никто не отвечает. Она посильнее постучала: «Тра-та-та-та!» Двери распахнулись настежь, и на пороге показалась безобразная удала. Она широко разинула рот:

— Ква-ква! Кто там? — спросила, всматриваясь в темноту своими выпуклыми глазами.

Как не неприятно было пудин, но делать нечего. Вышла она из темноты и стала просить лягушку:

— Пустите, Удала, меня переночевать в свой домик! Весь день я шла, устала, больше сил нет. Спать хочу!

— Заходи! Ква-ква-ква! Заходи! — заквакала лягушка. — Места хватит.

Зашла девушка в дом, а там, кроме мокрой постели лягушки, ничего нет. Думает девушка: «Где же я ночевать буду? Да и что за странная удала-лягушка, голосом человеческим разговаривает?» Но ничего не сказала она, только в уголок присела и задремала.

Лягушка чайник вскипятила, разбудила девушку, стала ее угощать, ласково с ней разговаривать. А сама все пристально на девушку смотрит. А потом ей и говорит:

— Дай, пудин, я померю твою одежду! Какой красивый у тебя халат. А какой теплый платок, удобные рукавички!

Еще больше удивилась девушка. Сняла с себя свою одежду, только в одном нижнем халате осталась. Лягушка надела девушкин халат, платок, рукавички и сразу же превратилась в прекрасную пудин. А девушка-пудин как стояла раздетая, так и осталась в одном только халатике.

Удала-пудин уложила девушку на свою кровать, накрыла ее своим одеялом из зеленой тины, а сама ушла. Девушка сразу же заснула. И снится ей дивный сон. Стала пудин лягушкой, а удала — девушкой. Удала стала разговаривать по-человечески, а пудин только квакает да квакает. Открыла она глаза. Посмотрела на себя в зеркало. И действительно, она стала лягушкой. Спрыгнула с постели и видит: удала, ставшая девушкой, примеряет ее серьги, заплетает ее черную косу, надевает ее нарядные одежды. А потом пудин-лягушка и говорит:

— Эй, лягушка-красавица, сходи-ка за водой! Пора чай пить.

Взяла пудин коромысло, берестяное ведро и пошла за водой. Обидно ей, идет и думает: «Как же так получилось, что она стала лягушкой? Если бы я не дала ей свою одежду, она никогда не приняла бы мой облик, а я не стала бы лягушкой!»

Скатилась она вниз по берегу и вдруг видит: вдоль реки на праздничных нартах едут нарядные жених со сватами. Подъехали они к проруби, где лягушка брала воду, да и спрашивают:

— Есть здесь красавица девушка?

Лягушка им отвечает:

— Не ходите в этот дом: там грязно, сыро, все тинной поросло. Живет в нем лягушка — Удала, приняла она мой облик.

Засмеялись в ответ с нарт и поспешили к дому. Там сватов уже ждала обманщица Удала. Она ласково позвала их:

— Заходите, дорогие гости, в дом. На столе давно уже еда дымится, сладкие напитки стоят, строганина инеем дышит.

В доме вдруг все преобразилось. Стало чисто, красиво. Нары покрыты камышовыми циновками. Понравилась Удала жениху и сватам. Но больше всего им понравилась ее одежда, сшитая искусной рукой мастерицы, девушки-пудин.

Сосватали Удала за одного из молодых и устроили пир. Три дня веселились, пели, играли и потом стали в путь собираться. Тем временем девушка-пудин принесла воды и превратилась в одну из поперечных жердей, на которую подвешивали крюк для котла над очагом. Никто во время пира и не вспомнил о лягушке с коромыслом. Но один молодец закрутил перед отъездом. Он поверил словам лягушки и стал ее искать. Коромысло и два берестяных ведра стояли у двери дома. Лягушки нигде не было.

Собрались гости с Удала-пудин уезжать. Вышли они на улицу, на нарты рассаживаются. Молодец в дом обратно зашел, подошел к деревянной жерди над очагом, посмотрел на нее, и почудилось ему, что она вздохнула так горестно и так жалобно. Вытащил он из ножен свой нож охотничий и чуть-чуть провел по палке. Капельки крови на ней выступили. Понял он, что это не перекладина, а заколдованная девушка. С улицы ему закричали:

— Эй, друг, что же ты там медлишь? Ужели невесту себе нашел, никак ее оставить не можешь?

Молодец незаметно на нары бросил свой нож и побежал на улицу к нартам. Стали нарты разъезжаться. Только отъехала последняя из них, как молодец говорит:

— Ой, я свой нож в доме оставил. А без ножа, ну что я за человек, что за охотник? Вы поезжайте дальше, а я вас на лыжах догоню!

Соскочил он на ходу с нарт и пошел в дом. Входит и глазам своим не верит. Сидит на нарах прекрасная пудин в одном нижнем халате, руку у рта держит и дует на нее, а сама горько плачет. Подбежал к ней молодец, за руку взял и не отпускает от себя. А она не может из-за этого ни во что превратиться. Колдовство не действует, любовь охотника перебороть не может. И рассказала она охотнику все, что с ней случилось. И так они друг друга полюбили, что исчезли чары Удалы, и она вновь стала девушкой, а Удала — лягушкой. Привезли жених со сватами домой в свое стойбище не девицу-красавицу, а безобразную лягушку с коромыслом, да поздно уже было. Прогнали Удала на болото, она там и сейчас живет. Послушаешь, голос ее услышишь, поглядишь — в мутной воде ее саму увидишь. Так она и сидит в болоте и до сих пор всем жалуется:

— Ква да ква! Ква да ква!

Только из этого кваканья ничего разобрать теперь невозможно.

А через несколько дней приехал в стойбище отставший молодец. Приехал он не один, а с молодой женой-красавицей. С тех пор они вместе живут. Вот ведь какое чудо дивное на свете бывает!

НИВХСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

О СОТВОРЕНИИ МИРА

Сперва была только вода. И утка-чирок¹ плавала на воде. Утке нужно снести яйца, но куда? — яйцо ведь тонет! И тогда утка выщипала с груди перья и пух, свила гнездо. В гнездо снесла яйца. Из яиц вылупились утята. Утята выросли и тоже, как мать, повыдергали с грудок перья и пух, свили гнезда. В гнезда снесли яйца. Из яиц вылупились утята, много утят. Они выросли, свили каждая себе гнездо. Гнезд много — они соединились в остров. На острове выросли трава, кусты, разные деревья.

Деревья и кусты роняли на остров листву, хвою.

Остров стал большой землей.

У лиственницы сквозь кору пробилась смола (сок). Скопившись, она стала стекать по стволу. Едва смола коснулась земли — появился нивх. Нивх произошел от лиственницы, потому он краснокожий, как лиственница. Орнгар² произошел от пихты, потому он белотелый. К'уги³ произошел от ели.

КУЛЬГИН

Давно, в старину, было много рыбы, было много зверя, было много дичи. Нивхи юколу готовили, хорошо жили. Каждый человек юколу для себя готовил, складывал ее в амбар.

¹ По другим версиям, в этом мифе фигурирует лувр — широконосая кряква.

² Орнгар — так нивхи называют ороков, небольшое (около 300 человек) тунгусо-маньчжурское племя, пришедшее на Сахалин в недавнем прошлом.

³ К'уги — нивхское название айнов, проживавших ранее на Сахалине.

Однажды множество ворон появилось. Нивхи ходить не могли в амбары. Вороны вырывали у людей юколу и съедали ее. Люди стали бедствовать. Только вместе, оберегая друг друга, с палками в руках, они ходили к амбару.

Потом один человек, по имени Кульгин, что-то блестящее, острое увидел на бугорочке. Кульгин поднял вещь, но не понял, что это такое. Пощупал и увидел, что это что-то крепкое. Подумал и рубанул им по траве — трава срезалась. Подумал и ударил по толстому дереву. Дерево перерубилось. Оказывается, это сабля была. Кульгин понес саблю домой.

Ворон стало еще больше. Настала осень. Снег чуть-чуть покрыл землю. Тогда Кульгин взял саблю, вышел, отошел недалеко от жилища и закричал по-вороньи. Вороны стали слетаться к нему. Тогда он саблей начал рубить их. Снег даже кругом почернел.

Ворон стало мало, они испугались и попрятались. С тех пор вороны стали бояться людей. Люди снова хорошо жили.

Прошло несколько лет. Однажды люди ушли в лес на охоту и пропали. Когда их нашли, они лежали мертвыми, а языки у них были вырваны.

Тогда Кульгин пошел в лес. Там он срубил саблей много деревьев. Вечером зажег большой костер. Отрубил два чурбака. Один под голову подложил, а другой — у ног между собой и костром, чтобы ноги от огня сохранить. Лег. Когда он лежал, где-то человеческий крик раздался. Крик все приближался и приближался. Когда крик стал слышен совсем близко, Кульгин встал, поправил костер и снова лег. Саблю он держал наготове.

Вот неизвестный подошел к костру да так закричал, что от его крика кора от деревьев отлетела и вверх поднялась. Потом пришедший перескочил через костер, подошел к чурбаку, что лежал у ног Кульгина, и встал на него. Кульгин посмотрел — это был маленький, похожий на белку черт-халопинт. Грудь его была бела, а губы свои он облизывал. Кульгин толкнул чурбак. Черт упал в его сторону. Кульгин перерубил его саблей пополам.

С тех пор люди уходили в лес и не пропадали. Снова хорошо стали жить.

Прошло еще несколько лет. Однажды люди переходили вброд маленькую реку и утонули.

Кульгин вместе со своим товарищем пошел к реке. Он разделся и стал переходить ее вброд, осторожно ощупывая дно ногами. Вдруг из воды высунулась огромная рука и схва-

тила его за ногу. Тогда Кульгин перерубил эту руку саблей. Когда взглянул — увидел, как всплыла маленькая нерпа, разрубленная пополам. Эта нерпа была чертом.

С тех пор люди не тонули. Снова хорошо стали жить.

Кульгин убивал своей саблей медведей и мясо отдавал односельчанам. Однажды он отрубил медведю левое ухо, и медведь убежал от него. Через некоторое время возле деревни море выбросило на берег мертвого кита. Люди пошли к нему, разрезали его. Пришел на берег и товарищ Кульгина. Тогда из разрезанного брюха кита вышел человек. Левого уха у него не было. Он подошел к товарищу Кульгина и сказал:

— Кульгин своей саблей медведей убивает. После этого ни один из убитых им медведей не возвращается обратно в свою деревню. Когда другим оружием убивают медведей, они приходят обратно. Теперь я пришел подстеречь Кульгина. Пришли его сюда.

Товарищ пошел к Кульгину и сказал ему:

— Один человек из брюха кита вышел, левого уха у него нет. Этот человек сказал, что ты медведей саблей убиваешь, поэтому они обратно в свою деревню не приходят. Он сказал, чтобы ты к нему пришел.

Кульгин понял, что пришел медведь, которому он отрубил ухо. Тогда он своему товарищу сказал:

— Пойдем со мной, неподалеку сядь, смотри.

Вот вместе пошли. Товарищ сел невдалеке, стал смотреть. Кульгин к киту пошел. Как только он подошел ближе, из брюха кита выскочил большущий медведь с отрубленным левым ухом. С сильным ревом он набросился на Кульгина. Кульгин стал сражаться с медведем, рубить его саблей. Медведь был очень ловок и не поддавался. Все же Кульгин его убил и с товарищем обратно вернулся в деревню.

Люди опять хорошо стали жить.

Прошло несколько лет. Однажды вечером дети вышли на двор играть и пропали. Черт ли похитил их — никто не знал.

Тогда Кульгин своему товарищу сказал:

— Друг, ты не женат, а я жену имею и двух сыновей. Если я случайно погибну, ты мою жену возьми и моих детей воспитай.

Товарищ Кульгина согласился. Вечером Кульгин сказал товарищу:

— Давай понесем моих детишек на берег. Пусть они

там играют. Мы оба чуть повыше в траве сядем. Оттуда будем за ними смотреть.

Вот они понесли детей на берег. Сами сели невдалеке и стали смотреть.

Через некоторое время что-то красное и большое в море показалось и исчезло. Через некоторое время около берега что-то показалось и снова погрузилось в воду.

Тогда Кульгин товарищу сказал:

— Спустись, возьми детей, унеси их в жилище.

Товарищ спустился, взял детей и унес их.

Кульгин побежал к самому краю воды. Тогда вода поднялась, выплеснулась на берег и покрыла Кульгина.

Люди увидели, что через некоторое время Кульгин выскочил весь, показался над водой и опять погрузился. Потом он снова выскочил из воды до самых ступней и опять погрузился. Затем он опять выскочил из воды, но теперь только до середины голени. Потом он снова погрузился и исчез.

Когда настал отлив, люди нашли на берегу большого сивуча из красного камня, которого Кульгин перерубил пополам. Этот сивуч был чертом. Сабля Кульгина была сломана. Одна половина сивуча в воде ногу Кульгина придавила, поэтому он утонул.

Люди взяли труп товарища и с почестями сожгли его.

С тех пор вечером дети выходили играть и не пропадали, потому что чертей стало меньше.

ЖИЛИ СТАРИК И СТАРУХА

Старик со старухой жили. Бедной, голодной жизнью жили. Даже запаха хорошей пищи не знали. Когда мертвую рыбу на берег выбрасывало, ту брали и ели.

У старика со старухой дочь росла. Незаметно как-то красивой девушкой стала. Так втроем жили. Что земля даст — ели, что вода даст — ели.

Весной однажды сильно голодали. Никакой пищи в доме не было. Старик к морю спустился, долго по берегу ходил:

— Хотя бы мертвого морского зверя на песке увидеть!

Долго ходил, искал, ничего не нашел. Камень большой на берегу лежал. На камень этот сел, голову руками обхватил:

— Как пойду домой? Чем накормлю старуху свою и дочь?

Так, горюя, долго сидел. Потом с последней надеждой на

море посмотрел. Море страшное какое-то стало. Вода в нем, как в огромном котле, закипела.

Вдруг на берег большого кита выбросило. За ним шесть морских хозяев — великанов-сивучей из моря выпрыгнули. Этого кита саблями изрубили, опять в море скрылись.

Наш старик за камнем притаился; не дышал почти. Потом ползком к киту подкрался, видит — он мертвый, а рядом сабля одна лежит.

— Ох,— обрадовался старик,— морское счастье ко мне пришло!

Эту саблю взял, кусок мяса из кита вырезал, все домой принес, старухе отдал. Старуха саблю в большой ящик спрятала, потом огонь развела, китовое мясо сварила, своего старика, свою дочку накормила.

Сытно поев, старик уснул, старуха тоже уснула. Дочь куда-то из дома вышла.

К рассвету уже старик со старухой проснулись, видят — дочери на постели нет. Друг на друга посмотрели, заплакали:

— Куда ушло дитя наше?

Только солнце взошло, вышли из дома, до самой ночи пропавшую дочь искали.

Когда обратно пришли, дочь их у порога сидит, печальными глазами на них смотрит.

— О дитя, дитя, где же ты была? — спросила старуха.

Дочь как немая стала, руки заломила, ничего не говорит.

Потом втроем в дом вошли. Сна ни у кого нет, слов ни у кого нет, горе какое-то всех мучит.

Вдруг дочь встала, к двери пошла, через порог переступила и сразу пропала. Больше в родное жилище не приходила она.

Снова весна настала. Однажды, промышляя на морском берегу рыбу, старик дошел до знакомого камня.

Отдыхая, смотрел он на море и думал о пропавшей дочери: «Хотя бы со дна моря ты пришла ко мне».

А море снова страшное стало. Вода в нем, как в огромном котле, закипела.

Вдруг с волнами шесть морских хозяев поднялись. На одном из них дочь старика верхом сидит.

Старик задрожал, заплакал:

— О дитя, дитя, ты со дна моря пришла ко мне! Неужели опять молчать будешь?

Тогда дочь сказала:

— Нет, сейчас я буду говорить, слушай меня хорошенько. Отец, ты разгневал морских хозяев. Ты их саблю взял. За

это я страдаю. Иди домой, матери все Расскажи. Через год опять к этому камню приходи.

Пошел домой наш старик. Дома своей старухе сказал:

— Дочь нашу морские хозяева заложницей взяли. Придет ли к нам когда — не знаю. Через год только велела приходить.

Вот опять весна настала. Старик опять к морю спустился, до знакомого камня дошел, долго-долго на море смотрел.

— О дитя, со дна моря, как ты обещала, приходи ко мне!

Огромная волна о берег ударила. Вслед за ней его дочь, сидя верхом на морском хозяине, подплыла близко к берегу.

Старик смотрит, сам себе не верит. Волосы у дочери еще длиннее стали, лицо еще красивее стало, а на руках маленький ребенок лежит, улыбается. Дочь ребенка к груди прижала и сказала:

— Отец, больше сюда не приходи. Если и придешь, меня не увидишь. Я женой морского хозяина стала, от него сына имею. Матери моей скажи, что я хорошо живу, вели ей не скучать. Вы ни в чем теперь нуждаться не будете. Если мяса захотите, на берег спуститесь, всегда мертвых нерп посылате вам буду. Не бойтесь теперь ничего, берите их, ешьте!

Так сказала, на морского хозяина села и тихо от берега отплыла, потом погрузилась в море, исчезла.

Старик, плача, пошел домой. Дома сказал старухе:

— Дочь нашу морской хозяин себе в жены взял. У нее уже сын родился. К нам она никогда не вернется. Велела тебе не скучать. Еще сказала, что мы с тобой ни в чем теперь нуждаться не будем.

Что дочь сказала, все исполнилось. Еще долго старик со старухой жили. Море их постоянно кормило. Когда бы старик к морю ни спустился, всегда на берегу нерп находил. Нерпичье мясо с жиром ели. Запах вкусной пищи наконец узнали. Дочь свою больше никогда не видели.

*ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ЗЕВАТЬ
И ПОТЯГИВАТЬСЯ,
КОГДА ОТПРАВЛЯЕШЬСЯ
НА ОХОТУ*

Три человека на нерпу поехали охотиться.

Стояла ясная погода, море было спокойным, гладким. В море не было ни одной нерпы. Потом один из охотников,

поднявшись, потянулся и зевнул. Тут на море стал опускаться густой туман. Охотники заторопились, захотели вернуться, но не знали, в какую сторону плыть. Плывут-плывут день и ночь. Сколько плыли — три дня ли, больше ли — не знали. Потом к незнакомой земле подъехали. Поплыли вдоль берега, но ни одного человека не было видно. Плыли-плыли и увидели человеческое жилье. Направились к этому жилью. В нем находились три женщины. Решили охотники заночевать у них. Когда утром проснулись, один их товарищ (который в лодке громко зевал) мертвым оказался. Похоронили они его и решили ехать дальше. Плыли-плыли и увидели еще одно жилье. В нем старик один жил. Охотники остались ночевать и рассказали старику обо всем, что с ними произошло. Тогда старик сказал: «Этот человек был грешен, поэтому вы блуждали, не смогли добраться до дому».

На другое утро старик сказал им: «Поторопитесь, идите к лодке, ложитесь там на дно, я укрою вас сверху и лодку оттолкну. Вы только не вставайте, не выглядывайте до тех пор, пока не услышите, как дно лодки не коснется песка. Когда выйдете на берег, поймайте белого оленя и убейте. Затем положите его на дно лодки, накройте и быстро оттолкните лодку от берега».

Так эти люди легли на дно лодки, старик укрыл их и столкнул в море.

Долго ли они плыли, коротко ли, только хочется им выглянуть, но не выглядывают, слушают, как шелестит вода о борт лодки. Вдруг услышали они, как лодка ударилась о песок.

Вылезли они и увидели, что находятся на своем родном берегу, а рядом пасутся олени. Поймали они белого оленя и сделали все, что велел старик. Поплыла лодка быстро и прямо. Подошли они к своему стойбищу, встретили их родные. Только не было среди них еще одного друга. Рассердился дух моря на него и погубил.

Поэтому когда на охоту в море отправляетесь, то зевать и потягиваться не положено — это большой грех.

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

КУТХ¹

Когда-то жил Кутх с женой. Однажды пошел Кутх за рыбой к морю. Взял удочки. Пришел к озеру, сразу начал удить. Много наудил. Маленьких рыбок выбрасывал, а больших себе выбирал. Запряг крупных рыб и поехал домой.

Дома жена много толкуши приготовила, чтобы рыб кормить. Кутх, как поехал домой, обещал рыбам, что на каждой остановке будет скармливать им по пластине юколы.

Положил Кутх в нарту толкушу и поехал. Очень быстро ехал. Приехал в березняк. Собаки-рыбы остановились и сразу запросили:

— Ну-ка, корми нас!

Кутх сказал:

— Еще немного повезите!

Собаки-рыбы опять понеслись очень быстро. Кутх даже засмеялся. Притащили его в низину, опять остановились и сказали:

— Ну, Кутх, корми нас!

Кутх опять сказал:

— Еще немножко повезите!

Рассердились тут собаки-рыбы, рванулись прямо к озеру. Испугался Кутх, начал кричать:

— Горбуши, горбуши, горбуши, остановитесь! Дам вам толкуши!

А рыбы, как безухие, все тащили. Хотел Кутх соскочить, да зацепился ногой за нарту.

Принеслись рыбы к озеру и прыгнули в воду. Кутх и утонул.

КАК КУТХ ЛИСУ НАПУГАЛ

Жила-была лиса. Очень ей хотелось замуж выйти. Вот однажды бежит она по берегу и вдруг видит — евала¹ лежит, вся уже червивая. Взяла лиса евалу, как ребенка, уселась на берегу, убаюкивает ее, сама червей с нее ест:

— Ой, как ребенок обовшивел!

Вдруг видит: по реке гагары плывут. Сказала одна гагара:

— Какакре, какакре, смотри, какая бабенка сидит!

Лиса говорит:

— Это я, твоя жена! Возьми меня с собой, вместе поплывем!

Маленькая гагарка отвечает:

— Я не отец твоему ребенку, его отец сзади плывет!

Уплыли. Снова лиса сидит на берегу, евалу укачивает, червей поедает.

— Сильно ребенок обовшивел!

Видит: чайки плывут на плотике. Сказала чайка:

— Кейя, кейя, кейя, что там за бабенка сидит?

— Это я, твоя жена,— говорит лиса.— Возьми меня!

— Ну, иди садись, раз жена!

Обрадовалась лиса, уселась на плотике. Евале говорит:

— Вот твой отец!

А чайки между собой говорят:

— Кейя, кейя, кейя, давайте вон на том глубоком месте утопим плотик, а сами улетим.

— Что вы сказали? — спрашивает лиса.

— Мы говорим: осторожно плывите, красивую бабенку не утопите, да еще и племянничек тут.

Обрадовалась лисица:

— Наверное, ты и вправду мой муж?

Вот уже на глубокое место вышли. Лиса все вшей ищет на своем ребенке, ничего не замечает. Вдруг чайки взлетели,

¹ Кутх (ительм.) — ворон.

¹ Евала (ительм.) — отнерестившаяся рыба.

и плотик стало водой заливать. Чуть не утонула лиса. Евалу бросила, насилиу на берег выбралась, уселась на отмели.

— Ну-ка, кухляночку посушу и глазки тоже.

Сняла она шкурку, глазки вынула. Глазки в кустах положила, а шкурку на дерево повесила. Сама тут же улеглась.

— Отдохнуть, что ли.

И заснула. Вдруг Кутх идет по берегу. Наткнулся он на лису, смешно ему стало:

— Ишь, голая лежит! Сейчас я тебя напугаю.

Пошел он к реке, набрал воды в рот, и снова смешно ему стало — вся вода изо рта вылилась.

— Все равно напугаю!

Снова пошел к реке, воды набрал и рот рукой закрыл:

— Сейчас я тебя напугаю!

Подошел Кутх к лисе, и снова смешно ему сделалось. Зажал он рот рукой — вода вся через ноздри вышла. Опять пошел к реке:

— Ведь все равно напугаю, вот только смех свой к Мити отправлю.

Сидит Мити, шьет и вдруг такой на нее смех нашел, даже живот схватило:

— Что это со мной? Наверное, Кутх что-нибудь выделывает.

А Кутх снова набрал воды в рот:

— Ну, теперь-то я тебя напугаю!

Лиса лежит голая, спит. Брызнул Кутх водой на спящую. Сильно испугалась лиса, вскочила, побежала, на все натыкается сослепу. Кутх со смеху помирает. Вдруг лису окликнул кто-то:

— Ты чего это ходишь голая?

— Кутх меня напугал, — говорит лиса. — А кто тут?

— Это мы, голубички, сами себя собираем.

— Дайте мне две голубичинки.

Дали ей, вставила их вместо глаз. Все кругом синее стало. Идет дальше — видит, бруснички сами себя собирают:

— Лиса, ты чего это так ходишь?

— Кутх напугал. Дайте две брусничинки.

Выбросила лиса голубичинки, брусничинки вставила. Все теперь красное стало. Дальше пошла. Шикши сами себя собирают. Спросили шикши лису, что это с ней. Сказала лиса:

— Кутх меня напугал, глазки я потеряла, кухляночку потеряла. Дайте мне две шикши, чтобы глазки сделать.

Дали ей, она брусничинки выбросила, шикши вставила.

Нашла то место, где оставила глазки и кухляночку. Смотрит — у нее вся шкурка засохла, покоробилась. Лиса замочила ее в лужице. А тело ее все болит, исцарапалось по кустам.

Пришел Кутх домой, все смеется:

— Мити, послушай!

А Мити сердится. Кутх говорит:

— Чего ты, Мити, сердиться? Послушай, что я тебе смешное расскажу. Напугал я лису, вся голая побежала, даже глаза не вставила.

Мити говорит:

— Эх ты, Кутх, Кутх. Никогда-то от тебя ничего путного не услышишь! Только бы тебе озорничать, а хорошего ничего не делаешь. Стыдно мне вместе с тобой жить.

— Ай, Мити, зато лиса голая бегала, вот было смеху-то! Ну уж не сердись. Как снег выпадет, залезет она в свою нору, вот тогда я ее тебе принесу на воротник.

КАК КУТХ СДЕЛАЛ РАБОТЯЩЕЙ СВОЮ ЖЕНУ МИТИ

Жили Кутх с Мити. Мити очень ленивая была, а Кутх — очень работающий. Кутх постоянно на охоту ходил и обязательно кого-нибудь убьет: то уток, то оленя, то медведя. Очень много рыбы ловил, нерп тоже добывал. Домой придет, попросит поесть. А Мити все одной юколой кормит, никогда ничего не сварит. Только спит.

Вот однажды пришел Кутх с охоты, а Мити опять его юколой кормит. Кутх говорит:

— Я сегодня не буду есть. Заболел. Живот очень сильно болит. Сейчас умру.

Мити заплакала:

— Как же я без тебя буду жить?

А Кутх отвечает:

— Скажу, как жить: когда умру, могилу для меня не глубокую вырой. В могилу побольше травы положи, а землей не засыпай, только кедрачом прикрой. И каждый день мне толкушу, кирилку, сарану приноси; котлеты делай с сараной и кимчигой; чагой запасись, чай заваривай. Все это на могилу приноси. Все поставишь и сама уходи. Назад не оглядывайся, иначе тоже умрешь!

И вот Мити рано встанет, в лес пойдет, много сараны и кимчиги накопает, всякой ягоды соберет. Домой вернется — котлеты приготовит, толкушу и кирилку сделает, чайник вскипятит, чай заварит и отнесет все это Кутху. Кутх все это съедал и очень поправился. А Мити с раннего утра до позднего вечера варит да в лес ходит. Наконец Кутх видит: Мити очень работающей стала. Сразу и встал. Переправился через реку, где их дом, вышел и закричал:

— Мити! Перевези!

А Мити вышла к реке и видит: очень толстый человек стоит. Не узнала сперва. Голос Кутха, только Кутх-то очень худой был. А Кутх и говорит:

— Не узнаешь меня? Я — Кутх!

Очень обрадовалась Мити. Эмэмкута позвала, чтобы Кутха перевезти через реку. Спросила Кутха:

— Как это ты ожил?

— Да бог сказал: «Твоя жена очень работающая стала, я и решил тебя оживить. Пойди и живи с ней!»

Отсюда все и началось: Мити все время варила, в лес ходила и очень работающей стала.

КАК КУТХ И МИТИ ЗА ОРЕХАМИ ХОДИЛИ

Жили Кутх и Мити. Однажды Кутх сказал:

— Пойдем за орехами!

Собрались и пошли. Начали собирать орехи. Кутх и предложил:

— Давай, Мити, громко переключаться, а то медведи ходят. Ты меня окликай, а я — тебя.

Собирают орехи и кричат. Мити кричит: «Кукэвэ!», а Кутх: «Мити! Митивэ!»

Собирают орехи и все время переключаются. Надоело Мити кричать, она замолчала. А Кутх подумал: «Наверное, Мити медведь съел». Испугался, стало ему жалко Мити.

А Мити подумал: «Сейчас Кутха напугаю». Подползла к Кутху и крикнула:

— Я-ха-ха-ха, Кутха!

Очень сильно испугался Кутх, сразу вороном обернулся и полетел. А Мити осталась одна.

Летел Кутх, летел, видит — балаган и травяной дом. В этом доме жили две девушки, сестры, очень красивые, мастерицы шить и работать.

Вышла старшая сестра, чтобы высыпать сор. Увидел ее ворон. Высыпала девушка сор, Кутх подлетел к ней. Сестра и подумала: «Наверное, это Кутх дразнится». Кинула в него мусором и пошла домой. Младшей сестре сказала:

— Сходи в балаган, принеси попопдничать!

Пошла девушка, поднялась на балаган, и ворон сразу туда полетел и сел. Увидела девушка ворона, сказала:

— Откуда этот воронишка взялся? Сколько здесь с сестрой живу, никогда никого не видела. Только лес.

Обрадовалась девушка, накормила ворона досыта разной ягодой. А Кутх подумал: «Хорошая девушка. Вот бы мой Эмэмкут женился на ней».

Накормила ворона девушка и сказала:

— Прилетай к нам.

Пошла домой. А дома старшая сестра сердится, говорит младшей со злобой:

— Опять, наверное, Кутх проказничал?

А ворон полетел в поселок, перевернулся трижды и тут же опять Кутхом стал. Тем временем сидит Мити дома и плачет, жалеет Кутха.

Вошел Кутх. Мити обрадовалась и спросила:

— Где ты, Кукэ, был?

— Далеко я летал, дом в лесу видел, в доме две сестры: одна злая, а другая — хорошая.

А Эмэмкут, их сын, лежит и слышит, что Кутх говорит. Послушал-послушал и говорит:

— Я бы побывал там, да не знаю, как туда идти.

Кутх предложил:

— Возьми мою кухлянку ворона, лети в ту сторону, увидишь дом в лесу. Там и живут девушки.

Надел Эмэмкут воронью кухлянку и полетел. Далеко залетел. Увидел дом, сразу же сел на него. Вышла старшая сестра, сказала ворону со злобой:

— Опять этот Кутх забавляется!

Забросала ворона мусором, пошла домой, ничего сестре не сказала.

Младшая сестра вышла на улицу, увидела ворона и сказала:

— Снова к нам ворон прилетел.

Поднялась на балаган, ворон тут же к балагану полетел и у входа сел. Девушка говорит ворону:

— Мы в лесу с сестрой живем, никогда никого не видим. Хорошо, что ты пришел!

Стала его кормить, а ворон не ест. Девушка сказала:

— Давешний ворон очень много ел, а ты не хочешь.

Затем говорит:

— Остайся и живи с нами!

Сразу ворон Эмэмкутом стал, обнял девушку — и тут же ребенок заплакал. Испугалась девушка и тоже заплакала:

— Как я теперь перед сестрой покажусь?

Эмэмкут успокоил:

— Не бойся! Пойдем вместе!

Спустились с балагана, вошли в дом. Сестра зло так говорит:

— Верно я говорила, что это Кутх забавляется, а теперь вот ты и с ребенком!

Эмэмкут велел ей успокоиться. Старшая сестра перестала сердиться. Начала младшую сестру собирать. Спросила:

— А на чем вы поедете?

Пошел Эмэмкут в лес, свистнул три раза. Тут же олени появились. Собрались они и поехали. Стали подъезжать к поселку, пурга поднялась. Вышел Кутх из дома, сказал:

— Мити, пурга надвигается!

Вышла Мити и ответила:

— Это не пурга, это наш Эмэмкут с женой возвращается.

Кутх попросил:

— Дом тесен у нас, Мити! Попинай немного!

Попинала Мити дом, он и расширился. Мигом различные яства поставили, всех зверей и птиц пригласили. Все долго веселились, а Эмэмкут и по сей день живет.

КУТХ И КРАБ

Жил-был Кутх с женой Мити. Стал Кутх собираться на мыс. Сказал:

— Дай-ка, Мити, мою шапку, рукавицы и пояс!

Мити сказала:

— Ты, Кутх, коли хочешь, прямо сейчас отправляйся!

Пошел Кутх на мыс. Дошел до мыса. Морских зверей, которых встречал, всех ногами пинал, говорил:

— Вот как с вами поступать надо!

Еще дальше пошел, видит — морской краб спит. Стал он будить краба. А краб крепко спит.

— Эй, краб, проснись!

Открыл краб глаза и сказал:

— Я спать хочу, Кутх, не мешай мне!

Кутх сказал:

— Ладно, краб, вставай, довольно спать!

Встал краб. Кутх просит:

— Эй, краб, покатай меня!

Сел Кутх ему на спину, пошел краб в море. А Кутх песню запел:

— По воде меня катают. Тебе, Мити, лучше дома посидеть!

Стал краб его катать, Кутх закричал:

— Эй, краб, отпусти меня, утопишь!

Краб сказал:

— Зачем ты, Кутх, меня разбудил? Теперь уж не бойся!

Отвез он Кутха на середину моря. А посреди моря был большой круглый камень. Оставил он Кутха на этом камне. Уселся Кутх, сидит, а волны на камень накатываются и Кутха заливают. Спрятал Кутх лицо в кухлянку, слышит: под камнем люди разговаривают. Вдруг большая волна пришла, сбросила Кутха под камень.

Пошел он по лестнице, там его морские люди встретили. Хорошо приняли. Вялым мясом накормили. Стали спать укладываться. Морские парнишки всю воду спрятали, реку высушили. Кутх ночью проснулся, пить захотел — не может воды в доме найти. Пошел к реке. И река вся высохла. Стал он вспоминать своих домашних: жену, маленьких ребятишек. Всех по именам назвал. Сказал Кутх:

— Мити, ты с малышами воду пьешь, а я тут от жажды помираю!

Услышали это морские парнишки, но не встали. Стал Кутх вспоминать своих старших детей, девушек:

— Синаневт, Анаракльнавт, вы-то пьете воду, а ваш отец от жажды помирает!

Встали тут морские парнишки, как будто только что услышали, как Кутх причитает, и говорят:

— Женщины нашего гостя совсем замучили! Не дают ему пить.

Сразу вода появилась. Начал Кутх пить. Те парнишки целую байдару воды налили. Кутх все это выпил. К реке пошел. Там снова стал пить. Напился, утолил жажду. Дочерей пропил. Отвезли женихи Кутха домой на байдаре. Кутх все рассказал жене, что с ним случилось.

— Мити,— говорит,— вели дочерям собираться, пусть замуж выходят, пропил я их!

Так все его дочери замуж вышли. Стали жить и веселиться.

КОРЯКСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

СКАЗКА ПРО СТАРИКА, ОТДАВШЕГО ДЕТЕЙ

Жили старик со старухой. Было у них двое детей — мальчик и девочка.

Старик все время чируч¹ ставил. Раз утром пошел к чиручу, посмотрел, домой возвращается. Дорога мимо ключа шла. Захотелось старику пить, припал он ртом к воде. Вдруг чем-то ему голову придавило. Прямо на песок упал лицом, не может встать. Задыхаться начал и все-таки успел крикнуть:

— Эй, кто ты ни есть, отпусти! Отойди, детей тебе отдам!

И сразу же отпустило его. Вскочил старик, посмотрел — ничего не видно. Сразу домой пошел. Пришел домой, старухе ничего не сказал.

А дальше вот что было. Старик детям сказал:

— Хоть когда-нибудь сходили бы к чиручу!

Отправились брат с сестрой к чиручу. Пришли, кое-чем нагрузились и пошли. Далеко пошли. И вот остановило их что-то в какой-то земле. А они и не помнят, куда идут. Остановило и посадило их, а потом говорит:

— Вот дом!

Ну что ж, сидят брат и сестра прямо под открытым небом. А это, оказывается, кэле² их сюда привел. Лег кэле на землю спать и сразу уснул.

Проголодались дети. Стали ягоды собирать. Вдруг кэле проснулся, побежал детей искать. Догнал, стал за уши трепать:

¹ Чируч (коряк.) — рыболовная снасть.

² Кэле (коряк., чук.) — черт, злой дух.

— Вон дом, вон дом!

Взвалил их на спину и притащил обратно. Опять говорит:

— Тихо, тихо.

Усадил их хорошенько, приговаривает:

— Вот дом! Вот дом! Тихо сидите.

Уселись они, а он, окаянный, сразу уснул.

Опять дети пошли ягоды искать. Вдруг видят — дикий оленец идет, рядом с ними остановился. Говорят они ему:

— Посади-ка нас к себе на спину! Мы домой хотим!

Дикий олень спрашивает детей:

— Что вы здесь делаете?

Говорят они ему:

— Нас, наверное, кэле сюда утащил!

Говорит тогда олень:

— Ну ладно, садитесь верхом. Отвезу я вас домой!

Сели они оленю на спину. Быстро дикий оленец по-бежал.

Но вот немного погодя видят — кэле их догоняет. Кричит:

— Подожди, подожди, дикий олень! Куда ты бежишь?

Услыхал дикий олень, говорит детям:

— Прыгайте скорее, прыгайте!

Спрыгнули. Убежал олень прочь. Догнал его кэле.

— Зачем чужих детей утащил?

А дикий олень отвечает:

— Да я не утащил. Просто решил позабавить их. Что же это они, бедняжки, сидят, как привязанные!

— Ну ладно. Только больше не уноси их!

Убежал дикий олень. А кэле схватил детей за уши и начал ругать:

— Ишь что выдумали! Такие маленькие, а хотели убежать! Этот дикий олень не может без моего позволения быстро бежать.

Потащил их домой. Притащил, опять усадил.

— Вот он, дом! Вот!

А сам сразу же уснул.

Опять дети вдвоем сидят, ничего не делают. Опять есть захотели, за ягодами пошли.

Вдруг видят — идет мимо них медведишко.

— Здравствуйте, ребятишки! — говорит. — Что вы делаете одни в пустой тундре?

А дети говорят:

— Да ведь нас притащили сюда!

Медведь спрашивает:

— Кто же вас притащил?
Отвечают дети:
— Да какое-то страшилище. Кэле, наверное.
И медведь говорит:
— Да, кэле. А домой хотите?
Говорят дети:
— Очень хотим. Только как же домой добраться?
— А-а-а, садитесь на меня верхом!
— Только ведь все равно нас окаянный кэле догонит.
Ну ладно, хоть покатаемся, все не так скучно будет.
— Ну, садитесь!
Сели дети. Быстро побежал медведище. Далеко убежал, дальше, чем дикий олень. Вдруг сказал:
— Быстро слезайте, прыгайте! Догоняет он нас.
А кэле уже кричит:
— Подожди! Все равно, медведь, я тебя догоню!
Дети сразу слезли. Медведишко стоит, ждет. Подходит к нему кэле.
— Ты что это чужих детей таскаешь?!
— Да не утащил я их. Они сами сказали: «Покатай нас, а то нам скучно», — медведь говорит.
— Ну ладно. А я думал, медведь хочет утащить их. Медведь сразу ушел. Поволок кэле детишек домой.
Бросил еще дальше и говорит:
— Вот дом! Вот дом!
А сам опять уснул, такой-сякой!
Вот сидят детишки просто так. Видят — бычок-теленочек к ним идет. Травку щиплет. Вдруг заговорил:
— Здравствуйте, братцы! Что вы здесь делаете?
Говорят они ему:
— Да ведь это мы дома сидим!
— Где же дом? Не видно.
Тогда они ему говорят:
— Не кричи! Вон хозяин спит.
А он еще ближе подошел.
— Откуда вы пришли?
Они ему тихонько отвечают:
— Утащил нас вот этот.
— Может, домой хотите?
Говорят они ему:
— Очень хотим!
— Ну, садитесь на меня верхом!
А сам-то он маленький, пузатенький. Засмеялись дети, говорят ему:

— Да неужто ты можешь нас домой отнести? Ведь сильнее тебя были и попроворнее, и то не смогли.

А он им говорит:

— Ну ладно, хоть просто так покатаетесь!

Еще поближе подошел к ним. Что ж, дети, посмеиваясь, сели верхом. Теленок говорит:

— Ох, тяжело!

И пошел в сторону кэле, а кэле еще сильнее стал храпеть. Дети говорят тихонько:

— К кэле-то не подходи!

А бычок отвечает:

— Да вот мы уже и отправились!

Шагнул прямо через лапы кэле. И запнулся. Растянулся плашмя прямо на лапах у кэле. Вскочил кэле, испугался, да как со сна пнет их! Так что дети с теленком к небу взлетели.

Смотрит кэле — нет детей. И следов никаких не видно. Только от теленка маленькие следы.

А дети с теленком на том берегу моря очутились. Кэле целый день их искал, не нашел.

А бычок-то вскоре пропал — как не бывало его. Глянула девочка — а она уже в доме. Обошла кругом, осмотрела: очень красивый дом. Все в нем есть. Утварь домашняя. Еда есть. И комнат много.

Вдруг увидела в одной из комнат двух ушастых собак. Обрадовались они девочке, стали за ней следом ходить, как за хозяйкой.

А брат девочки в тундре был. Поздно домой пришел. Увидел домище огромный, сказал:

— Ой-ой-ой, какой дом большой!

Подходит — вдруг сестра из дома вышла. А за ней две собаки следом идут. Стала сестра брату рассказывать:

— Смотри-ка, наш домище!

— Откуда он? — спрашивает брат.

Сестра отвечает:

— Теленочек наш исчез. Глянула я — а уже в доме нахожусь. Стала по дому ходить. Вдруг в одной комнате вот этих собак увидела. Наверное, нам они в товарищи назначены. Сразу мне обрадовались, как за хозяйкой ходят.

Обрадовался брат, сказал:

— Вот ведь хорошо! Какого хорошего теленочка мы нашли. В дом превратился. Ну ладно, тут и останемся навсегда жить. Место хорошее. Много зверя, в речках рыбы много. Ну, пойдем в дом!

Пошли. В доме тепло-о-о и светло. Собаки от парня не отстают, как привязанные. Стал он их всюду с собой брать, куда бы ни пошел.

Да-а-а... А потом вот что было. Расчесывала девушка на берегу моря волосы гребнем. Вдруг слышит — на том берегу кто-то кричит. Стала в ту сторону смотреть. Видит — человечище расхаживает. Кричит ей:

— Эге-гей, перевези меня!

Девушка сразу гребень бросила в воду. И что же! Из гребня большой мост получился: один конец здесь, другой — на том берегу в морскую гальку воткнулся. Пошел человечище по мосту. А девушка-то держит мост из гребня. Подошел ближе. Оказывается, это давнишний кэле. Говорит ей:

— Ага, вот вы, оказывается, где. Все-таки нашел я вас, таких-сяких!

Девушка только сказала:

— Да, вот ты и пришел.

— Ага, вот это ваш дом! Ладно, давай-ка в него пойдем!

Вошли в дом. Кэле говорит:

— Ну, как же это вы от меня убежали? Я вас с тех пор все время ищу. Наконец-то нашел! Ты глянть-ка! Уже девушкой стала. Теперь будем вместе жить. А если не согласишься, худо тебе придется.

Что ж, согласилась девушка. Потому что ведь не может убежать — сразу ее кэле схватит. Говорит кэле:

— Только надо сначала брата твоего убить.

Девушка говорит ему:

— А как же мы его убьем?

— Отравленную пищу приготовь. Похлебку.

Девушка говорит:

— Нет у меня такой пищи.

Дал ей кэле отраву и сказал:

— Вот смешай с пищей. А я в какой-нибудь комнате спрячусь. Придет брат, угости его, приветливо разговаривай. А то догадается.

Стали брата ждать. Кэле спрятался, а брат только поздно вечером пришел. Собаки, как стали к дому подходить, сильно рассвирепели. Даже шерсть дыбом встала. Впереди идут. Брат у них спрашивает:

— Что такое, собачки? Что это с вами? — И вошел в дом.

Собаки в доме еще сильнее забеспокоились. Бросаются на девушку. Стала она брата угощать. Собачищи всю пищу расплескали.

Что ж, догадался парень. Спрашивает сестру:

— Что же это собаки так себя ведут?

Сестра говорит:

— Да, наверное, проголодались.

Брат сказал:

— Однако вчера хоть и проголодались они, а такого с ними не было. Может, к тебе кто скверный пришел?

— Да нет, кому же прийти!

Говорит брат:

— Ладно, утром я опять в тундру отправлюсь.

А кэле испугался. Лежит, боится пошевелиться. Уснул брат, собаки рядом улеглись. Сторожат хозяина.

Наутро брат далеко в тундру отправился. Идет. Скоро волчью стаю нагнал. И вот ведь — окликнули его волки. Старый волк сказал:

— Эй, куда ты с друзьями отправился?

Парень говорит:

— Далек я пошел.

— Из-за чего тебе дома плохо стало? — сказал волк.

А парень говорит:

— Не могу в доме спокойно спать. Как будто какая опасность рядом. Мои друзья всю ночь меня охраняли. Вот я и ушел.

Старый волк сказал:

— Смотри-ка ты... Ну ладно! Я тебе тоже своих двух сыновей в товарищи дам. Не отказывайся!

Очень обрадовался парень:

— Что ж, хорошо! Давай мне своих сыновей в товарищи!

Сразу подошли к нему два большущих волка. А он им только сказал:

— Вот хорошо, товарищей у меня прибавилось.

И пошел дальше. Рядом с ним уже четверо друзей идут.

Потом медвежью семью встретил. Медведи говорят ему:

— Ну и много у тебя товарищей!

Парень говорит:

— Да!

Медведица сказала ему:

— Ладно, возьми и моих сыновей к себе!

Парень еще больше обрадовался. Подошли к нему два годовалых медвежонка. Шесть товарищей стало. Где устроится на ночлег — вокруг него рядышком шесть сторожей лежат. А днем, где бы ни шли, еду приносят.

А потом еще лисишку догнал. Сказал лис:

— Ох, двоюродный братец, много у тебя товарищей! И меня тоже возьми!

Парень сказал:

— Ладно, братец, идем! Будешь меня развлекать!

— Ну что ж, как-нибудь и повеселимся,— говорит лис. Отправились. Звери все следом идут. Вот парень и подумал: «Теперь можно и домой вернуться. Товарищей много!»

Пошли обратно. Вот уж и дом близко. Вдруг лисишка говорит:

— Братец, подожди-ка меня здесь. А я пойду подкрадусь к твоему дому. Может, кто плохой в доме есть. Может, что-то замышляет против тебя.

Парень ответил:

— Хорошо, братец, иди! Мы тебя здесь подождем.

Побежал лис к дому. В окно заглянул. Видит: и в самом деле кэле с девушкой разговаривают. Кэле говорит:

— Сейчас брат придет. Скажи ему: «Истопил бы ты баню да накалил как следует. Пошел бы мыться». А как баня-то накалится, дверь сразу сама замкнется. Он там внутри и умрет, не сможет выйти. Дом весь железным делается.

А лис все это слышит. Кончили они сговариваться, лис к товарищам вернулся. Пришел, сказал:

— Плохо, братец! И в самом деле худое против тебя замышляют. Кэле твоей сестре сказал: «Скоро брат придет, вели ему баню топить. Пусть очень сильно топит ее». Как ты в эту баню войдешь, дверь замкнется, ты и умрешь там.

— Как же мне быть? — спрашивает парень.

Лис отвечает:

— Не бойся. Ничего с тобой не случится. Но только, когда будешь печь топить, не слишком накаливай, а чуть-чуть нагрей. Как выйдешь из бани, скажи сестре: «Натопил я баню, а сам опять ухожу». И сразу же уходи. Тогда кэле в баню пойдет. Тут мы с друзьями на него набросимся и разорвем его. А теперь иди, собак с собой возьми, а другие товарищи пусть со мной останутся.

Отправился парень. И собаки следом за ним пошли. Только вошел в дом, кэле опять спрятался. Сестра говорит ему:

— Наверное, очень устал, братишка? Истопил бы сначала баню, помылся.

— Ну что ж, и то правда, истоплю! Может, хоть ты в бане помоешься или кто другой. Хорошенько постараюсь натопить. Натоплю и сейчас же уйду. Хорошо бы кто-нибудь сразу и пошел мыться.

— Ладно, хоть и для кого другого натопи!

— Натоплю.

Вышел, стал топить баню. Сильно печку раскалил. Слышит голос лиса:

— Ну, теперь хорошо!

Только вышел из бани, дверь захлопнулась. А собаки не успели выскочить, в бане остались. Лис говорит:

— Ничего, выйдут! У них ведь зубы железные. Вон уже их видно.

Правда, выскочили. Только кровь из пасти идет.

Побежал парень в дом, сестре сказал:

— Ну, я пошел. Баня натоплена.

И вернулся с собаками к друзьям. Подходят, лисишка говорит:

— Пойду-ка я посмотрю. Может, кэле уже в бане.

Пришел, заглянул в окно. Слышит, говорит кэле девушке:

— Ну ладно, схожу-ка я в баню!

И пошел, окаянный, в баню.

А лисишка к друзьям побежал.

— Ну, теперь, братец, пойдем! Попался он нам! В бане уже, неладный.

Отправились. Пришли. Кэле еще моется. Спрятались около бани. Лис говорит:

— Выйдет сейчас кэле, вот уж я позабавлюсь, как его будут на части рвать.

Смотрят — выходит кэле. Собаки первые на него бросились, стали за ноги хватать. Упал кэле, а тут медведи на него навалились. А волки за руки стали тянуть. Так и разорвали на части.

А лисишка живот надорвал от смеха, чуть не умер — так смеялся. Кэле сразу вместе с его баней сожгли и домой пошли. Брат на сестру не сердится. Поели вместе с друзьями и спать легли.

Ночью сестра пошла на пожарище, где баня сгорела, и стала искать. Нашла клык кэле, принесла домой и в постель к брату сунула. Застонал вдруг брат и сразу умер. Оказывается, клык кэле прямо в сердце ему вошел. Опечалились друзья. А лис сказал:

— Ну-ка, попробуем вынуть клык! Не остыло еще тело товарища.

Говорит волкам:

— А ну-ка, попробуем! Я буду с одной стороны тянуть, с той, где дыра, а вы с медведем — с другой. Только тут ловкость нужна, а иначе клык в нас отскочит и всех убьет.

Начали тянуть. Лис со стороны раны тянет, волки и мед-

ведь — с другой стороны. Вдруг лис отскочил, словно мяч. Клычище прямо в тундру просвистел.

Паренек сразу глаза приоткрыл. Тут лис посадил его, сказал:

— Ну, братец, проснись!

Спрашивает паренек:

— Ох, что же это со мной было?

Лис говорит:

— Да вот ведь, убить хотела тебя твоя сестра!

Тут уж старший брат рассердился. Сказал:

— Она кэле стала. Теперь я ее убью!

Догнал ее, крючком зацепил, в скверный домишко кинул и поджег. Кончилась вместе со скверным домом.

Стали друзья хорошо жить. Много их, и лис вместе с ними. Все. Кончил я сказку.

ХИТРЫЙ ВИКСА

Жил один богач. Был у него брат. У богача были жена и дочь. И к этой дочери приходили свататься богатые юноши. И пригоняли тому богачу большие стада оленей, для того чтобы эту дочь купить за оленей. Но старик говорил всем:

— На что мне олени? Не купить вам моей дочери. Мне нужен только очень сильный человек.

Уходили юноши домой ни с чем. Потом опять один пришел. Очень сильный человек.

— Здесь у нас два великана ходят. Убей великанов, отдам тебе дочь, — сказал ему богач.

Убежал юноша домой. Потому что увидел: не убить ему великанов — очень уж большие.

И вот прослышал об этом один парень. Звали его Викса. Совсем был небогатый. Одет кое-как. Но очень смекалистый и ловкий, хотя и не очень сильный. И вот отправился Викса к богачу. Пришел. Говорит ему богач:

— Ты куда отправился?

— Да вот к тебе пришел, послужить. Очень я сильный, сильнее всех в народе. И самый быстрый, самый проворный. — Викса похвастать любил.

Богач сказал:

— Что ж, хорошо. Здесь у нас два великана ходят. Очень уж они плохие. Убьешь их — дам тебе оленей.

А Викса говорит:

— Не нужны мне олени! Ты мне свою дочь отдай!

— Хорошо, пусть так и будет! — богач сказал.

Пошел Викса в тундру. Он этих великанов никогда раньше не видел. Идет, идет. Смотрит — два человека спят. Испугался Викса. Только и сказал: «Ой-ой-ой, что это, какие длинные! Прямо как два кита, выброшенных морем. Я их и стукнуть-то хорошенько не смогу». Решил тогда Викса топором одного ударить. И ударил по голове. Спит великан, не просыпается. Викса еще раз изо всех сил ударил. А тот только на другой бок повернулся. Понял Викса, не побить их ему. Тогда он вот что придумал. Нашел десять огромных камней — едва удержишь — и к дереву натаскал. Потом наверх поднял и сам залез. Начал бросать камни в головы великанам. Одному с первого раза попал. Рассердился великан. Но тут же опять уснул. А Викса другому в голову попал. Тот открыл глаза, глянул на товарища и тоже уснул. Викса снова первому в голову попал. Тот встал, увидел, что приятель перевернулся. И опять уснул. Тут Викса второму в голову попал. Тот проснулся:

— Что это он кулаками дерется?

И тут же опять уснул. Тогда выбрал Викса самый большой камень и швырнул вниз. Прямо в нос великану попал. Очень больно тому стало. Рассердился он, посмотрел на товарища — а тот как ни в чем не бывало спит. Развернулся великан да как даст приятелю кулаком в нос. Тот проснулся и говорит:

— Ты что дерешься?

Приятель отвечает:

— Это ты меня все время, пока я спал, кулаками бил.

— А ты первый начал, — другой сказал.

Набросились великаны друг на друга. Сильно стали драться, всю одежду порвали. Один палку схватил, да как ударил приятеля! Чуть не убил. Два дня дрались. Наконец видит Викса — оба мертвы. Викса сразу домой пошел. А по дороге всю одежду на себе порвал и лицо расцарапал так, что кровь полилась.

Видит богач — Викса идет, спешит. Перепугался: ведь у Виксы все лицо кровью залито и одежда порвана. И спрашивает:

— Ну как, Викса, пришел?

— Пришел.

— Кто же это так подрал тебя, не медведь ли?

А Викса говорит:

— Нет, это я двух великанов убил. Действительно, очень большие были — едва с ними справился.

— Неужели правда? — удивился богач.

— Погляди-ка, ведь и мне досталось.

— А где ты тех двоих убил?

— Да вот, на нашей реке, чуть повыше.

Собрал богач своих парней.

— Ну-ка, собирайтесь, пойдем! Может, и правда — убил.

— И я с вами пойду, — Викса говорит.

А богач говорит:

— Ты давай лечись! Мы одни ходим.

Отправились, и правда, видят — лежат великаны, до смерти избитые. А на руке у каждого часы надеты, да такие большие, что и не снимешь.

Пришли домой. Богач говорит:

— Да, силен Викса. Ведь правду сказал: «Я самый сильный среди людей».

А Викса говорит:

— Я впервые таких убил. Очень сильны были оба. Как схватили меня за руки, чуть руки не сломали. А потом один спереди на меня бросился, я его по голове кулаком ударил. Другой сзади кинулся. Так я его ногой в печень лягнул. Он тут же свалился. Потом мы опять бросились друг на друга. Один меня по лицу ударил — сразу кровь потекла. Тут они схватили меня, всю одежду разодрали. Собрал я последние силы, начал их кулаками бить. И убил обоих. Тут я сам боль почувствовал и прямо сюда пошел. Ну теперь-то, может, отдадите мне дочь?

И брат хозяина сказал:

— Пока еще не отдадим. Совсем наши охотники не могут в тундру ходить, потому что в тундре страшный бык появился. Много наших убил.

Викса сказал:

— А какой этот бык из себя?

Брат богача ответил:

— Очень большой. Впереди у него рог торчит — прямо как нож. Вот убьешь его, тогда отдадим тебе нашу женщину.

Пошел Викса этого быка искать. Брат богача сказал:

— Если Викса обманул нас, то бык его убьет. И значит, этот Викса слабый. А если он быка одолеет, то, выходит, сильный.

Увидел Викса быка и сказал:

— Наверняка меня этот бык убьет.

А бык-единорог, как увидел Виксу, сразу на него кинулся. Побежал Викса домой. А бык за ним.

Устал Викса. Видит — перед ним толстенное дерево. Бросился к нему Викса и только сказал:

— Пусть лучше он меня сразу убьет!

Нацелился бык на Виксу, а Викса мигом за дерево спрятался. Бык прямо в дерево рог-то и воткнул. Видит Викса — бык подыхает. Подошел к нему, стал палкой по голове бить, ремень на шею привязал, рог топором отрубил. Быка к дереву привязал. Потом дерево топором срубил и рог из него вынул. Взял быка за ремень и повел домой.

— Ну вот, я вам вашего врага привел. Поступайте с ним, как хотите.

Богач сказал:

— Ну, рассказывай, Викса, как ты этого быка одолел.

Начал Викса рассказывать:

— Еле-еле я этого быка нашел. Очень долго искал. Никак не мог найти. И вдруг увидел невдалеке. Побежал ко мне бык. А я сел на кочку и ремешок приготовил. А как бык на меня бросился, вскочил я на ноги. Схватил его за рог, накинул ремешок на шею и стал завязывать. Бык так и норовил меня рогом пырнуть. Тут я рассердился, поднял его, бросил на землю и завязал ремешок. Потом отпустил быка. Встал бык, повел я его было домой, а он возьми и ткни меня сзади рогом. Ух и рассердился я. Взял его за рог, топорик достал и отрубил рог. Потом сюда привел.

Сказали все:

— Ладно, отдадим мы ему эту дочь. Сильный, проворный человек Викса.

И отдали Виксе дочь богача. Этот рассказ я кончил.

ШАМАНКА КЫТНА

Была у Кытны дочь, звали ее Ралинавут. Потерялась Ралинавут. А по соседству большая волчья стая жила, двадцать восемь волков в ней было. Это они забрали Ралинавут и ушли из этих мест. Во всех поселках искали девушку, нигде не нашли. Никто ее не видел. Решили тогда: «Умерла, наверное, Ралинавут».

Шесть лет прошло, не вернулась Ралинавут. Сказала тогда Кытна:

— А я узнаю, отчего погибла моя дочь.

И начала шаманить.

Был у Кытны помощник. Сказал он ей:

— Твоя дочь Ралиनावут не умерла. Живет она на севере у волков, в месте, которое называется Талкап. Как-то давно жила здесь большая волчья стая, двадцать восемь волков в ней было. Они и увели твою дочь.

Утром, как рассвело, сказала Кытна мужу:

— Теперь я знаю, где наша дочь живет.

Муж спросил Кытну:

— Где же она?

Кытна ответила:

— Далеко-далеко наша дочь! На севере, на Талкапе.

Муж сказал:

— Ты, пожалуй, не сможешь туда добраться. Сама еще, чего доброго, потеряешься.

Кытна сказала:

— Не могу я потеряться. Даже если не вызволю дочь, живущую в стае волков, все равно домой вернусь.

Муж сказал Кытне:

— Что ж, начинай дорожный припас готовить.

Начали готовить продукты: сделали мясной саломат, нарезали сушеного мяса. Хорошо собралась в дорогу Кытна. Наутро проснулись, поели. Едва начало светать, отправилась Кытна в путь. Быстро пошла, а как сто саженей прошла, волком стала. Волки ведь быстро бегают, и Кытна так же быстро побежала. До первого стойбища оленеводов добежала, там опять человеком стала. Пришла. Оленевод увидел ее, сказал:

— Здравствуй, куда пешком направилась?

— На север иду я, на Талкап, — ответила Кытна.

Оленевод спросил:

— Зачем идешь?

Кытна сказала:

— Моя дочь там у волков живет.

— Однако ты старуха уже, хватит тебе пешком идти!

Поезжай на наших оленях.

— Страшно на оленях ехать, лучше на своих ногах. Так, пожалуй, скорее найду дочь.

— Что ж, как хочешь. Тогда завтра с рассветом и отправляйся.

Как начало утром светать, Кытна сразу в путь отправилась.

Едва сто саженей прошла, глянул оленевод — а уже волк бежит.

— Так вот почему мы не могли уговорить ее на наших оленях ехать! — удивился оленевод.

Кытна, оказывается, свое тело изменила.

Встретила Кытна по дороге волка. Подружился с ней волк. Начала Кытна волка выпрашивать, говорит ему:

— Не видел ли ты в какой-нибудь стае необычного волка?

Волк ответил:

— Далеко на севере, еще дальше за Талкапом, живет с большой стаей волков как будто не настоящий волк. В этой стае двадцать восемь волков, вот с ними он и живет.

— Тогда это, должно быть, моя дочь и есть. Зовут ее Ралиनावут.

Волк сказал:

— Действительно, есть там девушка с таким именем.

— Спасибо, теперь я все узнала.

И отправилась Кытна, как ее волк научил, прямо на север побежала. Добежала до богатого стойбища оленеводов-чукчей. Пришла к хозяину как гостья. Стал хозяин спрашивать Кытну, говорить:

— Откуда ты пришла, пешая старушка?

— Дальняя я, из теплой стороны, из Кичиги.

Чукча-хозяин сказал:

— Ого, действительно дальняя, а пешком пришла. Знаю я твое селение Кичигу. Зачем в такой дальний путь, трудную дорогу пустилась?

Кытна ответила:

— А что, нет ли у вас поблизости большой стаи волков? Не мешают ли они тебе?

Чукча на это сказал:

— Ох, есть поблизости большая стая! Ох, очень они мне мешают! Каждую ночь нападают на наше стадо.

Кытна сказала:

— Увели эти волки шесть лет тому назад мою дочь. И вот только в этом году я на поиски отправилась. Может, еще не смогу ее у волков отнять.

Приготовились спать. Кытна сказала хозяевам:

— Встанем еще до света и поедем.

Проснулись на завтра рано. Поели, чаю попили, тогда только забрезжило. Отправилась Кытна в то место, где стая волков поела зарезанных ею оленей. Увидела стаю и пошла вокруг против солнца, чтобы не заметили волки. Идет, песню поет. Когда один раз обошла, дочь по имени окликнула, сказала:

— Ралиनावу-ут!

Ралинавут тотчас перестала есть и спрашивает:

— Кто это кричит?

Опять Кытна пошла по тому же пути вокруг. Второй раз крикнула:

— Ралинаву-ут!

Говорит Ралинавут:

— Опять кто-то кричит. Как будто моя мать приехала.

В третий раз пошла Кытна вокруг. Идет, песню поет, потом опять крикнула:

— Ралинаву-ут!

Пошла Ралинавут туда, откуда ее мать звала. В ту сторону пошла Ралинавут. Подходит к матери, говорит:

— И ты, мать, сюда пришла!

Сказала Кытна дочери:

— Пойдем в стойбище. Там будем дневать, там я отдохну. Ведь я очень долго сюда шла.

Пошли в стойбище. Уже рассвело немного. Привела Кытна дочь.

Чукча, хозяин стойбища, сказал:

— Ого, и сама вернулась, и дочь у волков отняла.

Побыли в стойбище день, отдохнули. Чукча говорит:

— Может, на оленьих упряжках вас домой отвезти?

— Ничего, на своих ногах пойдем. Нам надо торопиться, завтра уж и отправимся.

Наутро, чуть рассвело, собрались Кытна с дочерью в обратный путь. Посмотрел им чукча вслед. Сначала Кытна с дочерью как люди шли. А как саженой сто прошли, видит — уже волки бегут.

Чукчи сказали:

— Ого, старушка другой вид приняла, в дальнюю сторону побежала.

А Кытна с дочерью пришли домой. Муж Кытны был на улице. Глянул — два волка приближаются. Рядом бегут — и прямо в поселок. Сказал тогда тот старик товарищам:

— Это, пожалуй, моя старуха вместе с дочкой возвращается.

Другие жители тотчас вышли из своих жилищ, посмотрели — два волка к ним бегут. Сказали жители:

— Это не люди, это волки!

Муж Кытны сказал:

— Да нет, это моя жена и дочка. Зачем бы звери бежали прямо в селение?

Тут волки приблизились. За сто саженой от юрты Кытна с дочерью опять людьми сделались.

АЛЕУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ОДНОГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПРЕВРАЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЛИСИЦУ

Жил одноглазый человек с женой. Ночи он проводил с женой, но как только начинало светать, он оставлял жену и уходил из дому. Так он целый день где-то ходил. Жена его не знала, почему муж днем домой не приходит, где он и что делает. Она решила это узнать.

Однажды, когда он ушел утром, она пошла за ним и дошла до того места, куда он днем уходил. Но когда она подошла к нему близко, то увидела, что у него нет одного глаза. Как только она это увидела, решила покинуть его. Днем она отправилась в путь. Когда она шла, увидела: навстречу ей идет великан. Великан дошел до нее, взял к себе на плечи и понес. Он дошел с нею до горы и поднялся на вершину. Там была подземная юрта. Великан бросил женщину в проход юрты. Она очнулась в землянке и начала плакать. Не имея одежды, она сильно мерзла и жалела о том, что оставила мужа из-за того только, что сочла его некрасивым. Так плача, она вдруг услышала, что кто-то говорит:

— Перестань плакать. Вот над тобою находятся шкурки земных птиц. Возьми их и надень.

Женщина посмотрела вверх и после увидела корзину,

плетенную из травы. Поискав в ней, она нашла кухлянку из вороньих шкур. Взяла кухлянку, но, как ни старалась ее надеть, не могла. Кухлянка была ей мала.

Опять она начала плакать. И снова услышала чей-то голос:

— Перестань плакать. Вот над тобою висит травяная корзина. В ней ты найдешь шкуры земных животных, возьми их и надень. Перестань плакать.

Когда ей это сказали, она посмотрела вверх и увидела корзину. Там нашла выделанные шкуры лисиц. Взяла их и попробовала надеть. Когда стала их надевать, почувствовала тепло. Надев шкуры, она начала искать выход из землянки. Нашла его и вышла. Отправилась в путь.

По дороге женщине захотелось пить. Она дошла до реки, и когда нагнулась, чтобы напиться, то увидела, что у нее, оказывается, появились лисьи уши. Женщина отправилась дальше. Когда шла, почувяла, что за нею кто-то идет. Повернула назад голову и увидела, что за нею, оказывается, волочился лисий хвост. Когда она это увидела, попыталась от него освободиться, но не смогла. Так с лисьим хвостом пошла дальше.

Женщина дошла до места, где ее отец обыкновенно промышлял тюленей. Она спустилась к берегу моря и стала смотреть, как отец тюленей убивает. Вот отец перестал охотиться на тюленей и поехал к берегу. Увидел он на берегу лисицу и пристал к тому месту, где она сидела. Заметив, что лисица его не боится, он хотел ее взять, но она все от него отскакивала. Тогда он бросил ей тюленины. Накормив ее, он отправился в свое селение. И когда отец ушел в свое селение, она тоже туда побежала.

Когда день уже кончился, женщина-лисица пришла к дому своего отца. Много раз она пыталась войти в дом. Но как только женщина-лисица наклонит свою голову, чтобы спуститься в дом, так ее голова сама отскакивает в сторону. Так она не спустилась в дом своего отца, ушла в поле и, сказывают, там осталась.

Все.

АТХИЛЯХ¹

Ого-го-го, как давно это было. Еще люди в юртах да землянках жили, еще на промысел зверя в океан на утлых байдарах ходили, еще постоянными спутниками каждой семьи были холод да голод.

Ого-го-го, как давно это было. С той поры и юрт, и землянок уж и в помине не осталось, дома в поселке красивые стоят, в каждом солнце свое под потолком светит. На промысел алеуты теперь на судах больших с мотором ходят, всегда с хорошей добычей возвращаются. Давно уж в каждом доме счастье поселилось. О нужде и горе люди и думать забыли. А сказку эту до сих пор помнят: от старого к малому, от деда к внуку, из уст в уста она передается.

Жил себе бедный алеут-охотник. Жена его рано умерла, оставив кучу маленьких детей. Голод да нужда прочно поселились в семье бедняка. Дети росли хилыми, часто болели.

Пошел однажды охотник к океану в поисках какой-либо добычи, но сколько ни ходил по берегу, ничего не мог раздобыть.

Возвращается домой с пустыми руками, думы горькие не дают покоя: опять детей накормить нечем. И вдруг видит: две рыбины на берегу лежат, однако, морем выброшены. Подошел ближе, так и есть — атхилых на песке, живые еще, хвостами шевелят. Обрадовался охотник, схватил рыбин и бегом домой. Одну рыбину, что побольше, на вешала подвесил, а другую детям понес. Вошел в дом, а дети все мертвые на нарах лежат — не дождались отца, с голоду померли. Один только, самый маленький сын, живой остался. Не снес такого горя старый охотник, упал на нары и вскоре тоже помер. Плачет малыш-сирота о помершем отце и братьях, но горю не можешь. Похоронил он отца и братьев, стал один жить.

Быстро бегут дни, много раз оттаивала и снова замерзала тундра. Подрос мальчик, сильным, стройным, как

молодой олень, стал. И вспомнил он о другой, оставленной отцом рыбине атхилых, посмотрел, а там одна шкура осталась — не то высохла, не то песец съел.

«Что же мне делать с этой шкурой?» — подумал юноша и решил шлюпку сшить. Пошел он в село и спрашивает у женщин:

— Покажите, как вы байдары из шкур шьете.

— Зачем тебе, глупый, все равно ведь шкуры у тебя нет.

— А я из шкуры атхилых сошью, — говорит юноша.

Засмеялись женщины, но показали, как шьется байдара. А одна из них, самая молодая девушка, вызвалась помочь парню.

Взяли они тресковую шкуру и сшили небольшую шлюпку, из костей шпангоуты сделали, а из куллаха, самой большой волшебной кости, планку для мачты смастерили, из хвостовой кости руль приладили. Поблагодарил юноша девушку, на прощание улыбнулся ей, взял старое отцовское копье и поплыл в океан счастья искать, зверя морского добывать.

Долго плыл по волнам океана юноша, три раза опускалась ночь над ним, но ни зверя, ни рыбешки никакой ему так и не попало. Упал он в отчаянии на дно лодки и вымолвил в горе:

— Атхилых, атхилых, неужели ты не можешь мне хотя бы нерпушку небольшую добыть?

Только он это вымолвил, чувствует, как под ним куллах, волшебная кость, зашевелилась и как бы направление в море указывает, мачту с парусом поворачивает. Послушался юноша и поплыл дальше в море. Весь день плыл, а к вечеру увидал вдалеке, в море, фонтаны из воды поднимаются, стая китов резвится. Обрадовался молодой охотник, стал осторожно к китам приближаться, увидал большого кита и метнул в него отцовское копье, а конец веревки крепко к шлюпке привязал.

Выбросил раненый кит огромный фонтан воды над головой, взмахнул мощным хвостом, так что волны в разные стороны пошли, и потащил в океан шлюпку с охотником. День плавают кит, другой, а оторваться от лодки не может. На третий день кит выбился из сил и испустил дух. Тут

¹ Атхилых (алеут.) — треска.

молодой охотник поставил парус и направил свою лодку к родным островам.

Через три дня приплыл он к своему селу, где его считали давно погибшим, и только девушка одна, та, что шлюпку ему шить помогала, каждый день на берег ходила и по долгу в море смотрела. Верила, что вернется юноша.

Обрадовались все жители села, принялись поздравлять юношу с удачной охотой и большой добычей, а старики признали его лучшим охотником среди всех алеутов и имя ему почетное дали — Атхилях.

Вскоре и свадьбу молодые отпраздновали, а Атхиляха предводителем рода выбрали, и с тех пор уже больше не знали нужды в пище и одежде его сородичи, им всегда сопутствовала удача в охоте и промысле.

ЮКАГИРСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

СТАРИК

Кочевал по тайге юкагир. Один раз увидел он в тайге небольшую юрту. Юрта снаружи была чистенькая. Шкуры аккуратно обтягивали палки, вокруг был порядок. «Наверное, тут живет молодая, красивая женщина», — подумал старик. Спрятался он в кустах, поджидая, когда выйдет женщина. Никто не выходил, и старик решил, что в этой юрте действительно живет молодая девушка, которая боится одна выходить.

Пришел вечер, старик надумал влезть на юрту и сверху, в дымовое отверстие, посмотреть, кто там живет. Залез старик наверх, смотрит в отверстие и видит: хорошо одетая женщина сидит около костра и что-то шьет.

Старику очень хотелось увидеть лицо женщины, и он начал расправлять шкуры наверху, чтобы увеличить отверстие. Лицо у старика было грязное, он как родился — ни разу не умывался. Волосы на голове были длинные, грязные, с ресниц падала грязь. Старик старался раскрыть как можно шире глаза, чтобы рассмотреть женщину, и грязь с волос и ресниц посыпалась на нее.

Испугалась женщина, решила, что это злое чудовище сидит на юрте. Взяла жильные нитки, которыми шила, привязала к палочке, стала держать над огнем, чтобы нитки загорелись и плохим запахом выкурили чудовище. От жары нитки жильные закрутились колечками, сжались и почернели. Едкий запах пошел кверху. От этого запаха старикчихнул. Женщина подняла свое лицо кверху, чтобы по-

смотреть, кто там. Старик увидел старое, безобразное лицо старухи, испугался, быстро слез с юрты и с криком: «Жги, жги, бабушка, нитки, выкуривай чудовище с юрты!» — бросился бежать куда глаза глядят. Он боялся, как бы старуха не погналась за ним.

Старуха так испугалась, что не могла двинуться с места. Нитки все сгорели, работа ее упала в костер и тоже сгорела, а потом огонь погас, наступила темнота.

Старушка очнулась, развела огонь, посмотрела вверх: никакого чудовища там не было. Все было по-прежнему. Старушка вышла из юрты, посмотрела кругом, а от юрты шел след. Она пошла по следу. След шел далеко в тайгу. Старушка поняла, что чудовище испугалось дыма и убежало. Она вернулась в юрту, раздула огонь посильнее, вскипятила чаю, напилась и легла спать.

ОТРАЖЕНИЕ

Кочевали по тайге старые юкагиры — старик со своей старухой. Детей у них не было. Старик ходил на охоту, ловил рыбу, догонял диких оленей. Иногда было трудно и тяжело старику, но старуха всегда была недовольна мужем. Она сидела дома, готовила пищу, чинила торбаза, выдělывала шкуры. Хозяйство у них было хорошее, юкагир был кузнецом, умел из железа делать ножи волшебные. Если прикоснется человек таким ножом к медведю или к другому зверю — падали они мертвыми.

Так прокочевали, прожили они всю жизнь в тайге вдвоем, пришла старость. Старуха не могла даже сама за водой ходить. Приходилось все делать старику, а старик был уже слаб и плохо видел.

Надоела старуха старику. Хотелось ему иметь молодую жену, чтобы она песни пела, все сама делала и забавляла его.

Послала однажды старуха старика за водой, а старик долго не приходил. Забеспокоилась старуха. Пошла сама к проруби. Только вышла из юрты, а старик идет с ведром, но в ведре нет воды. Как ни спрашивала старуха старика, почему он не принес воды, старик молчал. Набрала старуха снегу, вскипятила чаю, напоила старика, напилась сама и легла спать. Лег спать и старик. Но не спит он, глаза широко открыты, смотрит в одну точку, улыбается.

Вспоминает старик лицо молодой женщины, вспоминает, как подошел он к проруби и в воде увидел лицо молодой женщины. Испугался, отошел он от проруби, задумался. Потом осмелел, заговорил с женщиной. Что говорила женщина, старик понять не мог, но видел, как губы у нее зашевелились. Тогда старик громко крикнул:

— Хочешь быть моей женой?

— Быть женой? — повторило эхо.

— Да, да! — кричал старик.

Эхо громко повторило:

— Да, да!

Старик пошел домой. Надо было обдумать, как уйти от старухи к молодой жене, и вот теперь, ночью, он решил, как поступить завтра.

Встав на другой день, старик не пошел за водой, а стал собирать в мешок все свои вещи. Положил топор, разные напильники, клещи, молотки — все, что ему требовалось в кузнечном деле. Положил всю свою одежду. Видела старуха, что старик все собирает, и удивилась, как они, старые, смогут кочевать в зимнее время: ведь у них и сил не хватит тащить нарты. Не только оленей, но и собак у них нет, чтобы везли нарты. Решилась старуха спросить старика, куда он собирается. Старик ничего не сказал, а лицо у него стало каким-то страшным. Старуха испугалась и замолчала. Выждав время, когда старуха пошла за дровами в тайгу, старик схватил мешок и побежал к реке. Подбежал к проруби, заглянул туда, улыбнулся. Оттуда смотрело улыбающееся лицо.

— На тебе мои деньги, — сказал старик и посыпал из горсти серебряные монеты.

От середины проруби, куда упали деньги, пошли круги. Старик улыбался, смотрел, но женщины не было видно.

— Собираешь деньги, обрадовалась, — сказал старик. — Я все тебе отдам, ты только посмотри на меня.

И он опять наклонился над прорубью. Опять улыбалась женщина. Старик быстро стал спускать мешок на дно. Набухшие от воды вещи и железо потянули мешок на дно. «Ишь как тащит мешок, — подумал старик, — хочет, чтобы я поскорее к ней пришел». И не успел еще мешок погрузиться в воду, как старик сам бросился туда. Брызги залили края проруби, а на поверхности воды пошли круги.

Старуха долго ждала старика и думала, что он пошел

снимать капканы. Ждала его до самого вечера, но и вечером старик не вернулся.

Утром старуха встала пораньше и сама пошла за водой. Подошла она к проруби, видит — кругом снег примят. Нагнулась старуха и стала всматриваться в воду. Там увидела утонувшего старика и мешок с вещами. Заплакала старуха, пошла с пустым ведром домой. Осталась она одна, есть было нечего, обессилела и дожидалась смерти. Знала старуха, что если встретят бедняков богатые юкагиры, то сейчас же уйдут из этого места. Даже если были бы дети, то и тем не дали бы ни кусочка мяса. Проходили мимо юрты богачи, но у старухи не было сил выйти на улицу и попросить помощи.

Кочевали мимо бедняки с детьми. Дети первые нашли лежащую старуху, позвали старших. Поделались взрослые скудной пищей, какая у них была. Старуха рассказала им о своем несчастье. Все старались, чтобы старуха поправилась.

ТЯРТЕКАН

*Как Тяртекан
песца проучил*

Тяртекан жил. Людей он не знал. Где родился — не ведал. Был он женат. Жил охотой. Жена его кости дробила, жир вываривала. Много жиру наварила.

Тяртекан сказал жене:

— Перекочем.

Перекочевали. Костный жир на прежней стоянке оставили. Остановились. Чум поставили.

На следующий день Тяртекан за оставленным жиром пошел. Нарту с собой взял. Придя к месту, жир на нарту положил.

Песец пришел и сказал:

— Эй, старик, что делаешь?

— Я за поклажей пришел.

— Я тебе помогу.

— Ладно.

Вместе по дороге пошли. Тяртекан впереди идет, нарту тащит, а песец позади идет. Когда старик вперед смотрит, песец жир ест, как только назад поглядит, песец начинает толкать нарту.

Песец спросил:

— Дедушка, ты это место знаешь?

Тяртекан сказал:

— Не знаю.

— Называется оно «Половина места».

Потом пошли. Песец жир ел. Весь жир съел. Старик остановился.

— Ты это место знаешь?

— Нет, не знаю.

Песец сказал:

— Это место называют «Пустая чаша». Э, моя голова разболелась. Пойду домой.

Старик сказал:

— Иди. Хорошо мне помог.

Уходя, песец залаял: «Кау-кау-кау!»

Тяртекан домой пришел, старухе сказал:

— Жир внеси.

Старуха его шила. Обрадовалась и выбежала. Пустая посудина только в нарте лежала. Войдя, она сказала:

— Ты зачем человека обманываешь? Жира нет.

Тяртекан выбежал, к нарте подбежал — ничего нет. Зуб песца только на нарте лежит.

Тяртекан сказал:

— Песца я хитростью убью, когда приглашу его к себе.

Тяртекан позвал лося, дикого оленя, барана, бурого медведя, белого медведя, лису, песца, зайца, белку, горностая, мышь и других животных.

Все приглашенные пришли.

Тяртекан стал шаманить, запел: «Кхуди-кхудиэ, кхуди-кхудиэ!»

В то время как он шаманил, штаны его вниз упали. Все засмеялись. Увидели — у песца во рту не хватало зуба. Тяртекан подбежал к песцу, схватил и стал бить. Гости испугались, убежали, переломав все в доме.

Тяртекан бил песца, бил-бил, а потом выгнал.

Как Тяртекан людоеда победил

Проучив песца, Тяртекан вышел из чума. В тундру пошел. Людоеда встретил.

— Эй! — сказал людоед. — Молоко-молоко, молоко-молоко. Хорошо! Теплую печенку есть буду.

— Подожди пока, — сказал Тяртекан, — я пойду кое-что посмотреть.

Тяртекан между шкур дохи кору дерева всунул. К людоеду вернулся, сказал:

— Ну, убей меня!

Людоед взял его — все скрипит.

— Эх, тощий, — сказал людоед, — кости скрипят.

Тяртекана в мешок положил. Домой пришел. Своим детям сказал:

— Называемого Тяртеканом поймал. Я опять охотиться пойду. Сварите.

Людоед ушел. Тяртекан сказал:

— Ребятишки, меня из мешка вытащите.

Ребята вытащили его.

— Я, — сказал Тяртекан, — вам игрушки сделаю, маленький лук сделаю. Хороший, острый нож мне дайте.

Дали. Тяртекан хороший лук сделал. Выстрелил. Попал в цель.

— Эй, ребятишки, — сказал Тяртекан, — подальше рядом сядьте.

Ребята сели. Тогда он головы детей людоеда ножом отрезал. Головы их одеялом накрыл, остальное в котел положил, сварил. Потом он из жилища стал рыть наружу ход. Когда он кончил рыть, жилище задрожало. Людоед пришел.

Людоед вошел, сказал:

— Эй, ребята!

Спят, оказывается, наелись.

В котел посмотрел:

— Хорошо! Жир пить буду. Жирное мясо есть буду.

Стал есть и сказал:

— Эх, мое сердце почему болит? Детишки, вставайте!.. Не слышат. Крепко спят, наевшись.

Поев, насытился. Потом одеяло открыл, а там головы одни лежат. Испугался людоед.

Тогда Тяртекан снаружи крикнул: «Эй!» Людоед выбежал на улицу. Тяртекан в жилище вбежал, изнутри крикнул: «Эй!» Людоед в жилище вбежал. Тяртекан выбежал, снаружи крикнул. Людоед выбежал, а Тяртекан снова изнутри

крикнул. Тяртекан бегал взад и вперед, пока у людоеда силы не иссякли.

Тогда Тяртекан сказал:

— Старик, войди сюда.

Людоед вошел в прорытый ход. Тяртекан ударил его копьем, убил.

Тяртекан женился. Детей имел. Долгую жизнь прожил. На берегу Ледовитого океана жил.

ЧУКОТСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

СКАЗАНИЕ О ДВУХ БРАТЬЯХ С СЕСТРОЙ

Под открытым небом жили они, два брата, третья — сестра.

Самый старший брат сказал:

— А ну, наготовим камни к ногам, землю утапывать — кыльвын¹ делать будем.

— Ладно, — сказал младший.

Как наготовили камни, так и начали кыльвын делать, место для шатра утапывать. За один день кыльвын сделали. А наавтра еще больше сделали его.

Потом за лесинами пошли в место лесное. Из лесин остов шатровый сложили. И на другой же день на охоту отправились, а сестру одну оставили.

Пришли с охоты братья. Вот уж зайцев набили, да и диких оленей тоже! Потом шкурками заячьими шатер покрыли, а из оленьих шкур полог сделали. И каждый день теперь зверя помногу били!

В другой раз опять ушли на охоту братья. Сестра одна в шатре осталась. А когда вернулись — нет сестры...

Наавтра, как снова идти, говорит старший младшему:

— Иди-ка ты один на охоту, а я подожду здесь. Может, появится кто.

¹ Кыльвын — многозначное слово, которое обозначает здесь утопанную площадку для установки шатра. Площадка утапывается специально приспособленными для этой цели плоскими камнями, которые прикрепляются к ногам как своеобразные каменные башмаки.

И верно, долго ждал он, как вдруг зашумело что-то, и в полог к нему женщина заглянула...

Сказал человек тот, в пологе который был:

— А-а-а, вот они! Что надо вам?!

И тут скребок каменный схватил человек, замахнулся было, как вдруг заговорила женщина:

— погоди! Ведь к тебе я!

— Вот как! Тогда входи, говори, зачем пришла!

Стала говорить женщина:

— А сестру вашу насильник похитил, на той стороне живущий, на другой земле. К себе забрал.

Женщину эту в жены взял старший брат.

Как стемнело, младший с охоты пришел. Опять зайцев много набил.

Спать легли. А наавтра, как встали, сказал старший брат младшему:

— А ну, к морю спустись. Бревно на берегу увидишь — не бери сразу. Другое увидишь, побольше, то и принеси.

И верно, спустился к морю младший, увидел бревно на берегу — не стал брать. Дальше прошел и другое увидел бревно. Ох и бревнище! Взвалил его на себя и понес. К шатру пришел, говорит старшему:

— Вот принес!

Вышел старший, спросил:

— То принес?

— То самое.

— Вот теперь лодку сделаю.

Стал лодку кожаную¹ делать старший. Как кончил делать, сказал:

— Ну, а теперь на воду спустим, в море выйти попробуем.

На воду спустили лодку, сели и в море вышли.

Долго плыли они уже, когда чайку увидели. Обогнала их чайка. Тогда назад повернули. Как вернулись, подправил немного лодку старший брат.

А наавтра, утром рано, снова в море вышли. Тем же путем направились и на том же месте опять чайку увидели. Позади оставили чайку. Дальше плывут. Еще проплыли, когда уточку увидели морскую. Обогнала их уточка. Опять

¹ Герои сказания охотятся в основном на диких оленей, и имеется в виду, что при изготовлении лодки деревянный остов обтягивается оленьими кожами, продымленными и пропитанными жиром.

повернули обратно. Вернулись, и снова подправил лодку старший брат¹.

Назавтра, как встали, все трое сразу в море отправились. Опять уточку морскую увидели. Позади оставили уточку. И так плывут все дальше и дальше.

На другой день впереди скала показалась большая... Вот уж огромная скала! Раздвигалась эта скала и смыкалась сразу, потом опять раздвигалась и быстро снова смыкалась. Множество птицы всякой крошила, смыкаясь...

Подплыли путники к скале огромной. И только стала раздвигаться скала, сразу туда лодку направили, да и проскочили быстро! Только весло рулевое зажало и обломило сзади...

А там, за скалой, опять море. Переплыли его. К берегу пристали. А берег высокий, обрывистый. На берегу жилище себе вырыли в глине. Назавтра, когда утром проснулись, видят — человек вдали показался идущий... Посмотрел старший брат на море, а оно замерзло уже, оказывается, и два бугра огромных на льду вздулись...

А тот человек подходит уже. Как подошел поближе, заговорил сразу:

— Что за диво! Когда же бугры эти вздулись? Уж верно, кто-то тут есть!

Дошел до бугра одного и пешней долбить стал. Потом к другому подошел бугру и тоже долбил яростно... Оба продолбил бугра и сеть в лунки поставил. Потом обратно пошел.

Как темнеть стало, сеть ту вышли посмотреть братья. Вытащили сеть, а там ни один глазок пустым, без зверя, не остался. Всякого здесь зверья морского в сеть набилось: китов, тюленей, лахтаков, моржей, сивучей, нерп пестрых — разных тут зверей набралось.

Самого крайнего вытащили они лахтачонка. И младший на себе понес его, а старший все так сделал, чтоб следов не осталось. Как пришли к себе, лахтачонка варить стали и тут же за еду принялись.

Назавтра опять человек тот показался... Подошел к лункам, сеть вытащил, осмотрел ее и говорит:

— Вот так диво, уже одного лахтачонка нет!

¹ Дважды герои выходят в море для испытания лодки, чтобы проверить по летящим птицам ее быстроходность, и только в третий раз они окончательно пускаются в опасное морское путешествие на поиски похищенной сестры.

Снова поставил сеть и уходить собрался. Прямо туша на тушу добычу сложил, да так все и потащил волоком...

Снова, как и вчера, много набилось зверя в сеть. Теперь уже китенка вытащили братья.

Назавтра опять человек тот показался. Подошел к лункам, вытащил сеть, осмотрел ее. И говорит:

— Ну и диво! Со вчерашнего дня туши пропадать стали! Наверно, и в самом деле кто-то тут есть...

Уходить он собрался, туши складывать стал. Уже потащил добычу, старший брат за ним бросился. Подскочил сзади, раздвинул туши и влез в груды зверья, под тушами укрылся. Потом глянул на того, кто добычу волок, а сам под тушами вдруг за кочку на ходу ухватился. Оглянулся тот, волочивший, на добычу свою — однако нет никого...

Так вот, с добычей, и притащил он к себе пришельца того. И как приволок добычу, сразу кричать стал:

— Эй, раб! Туши в яму сложи!

А сам в жилище ушел.

Вылез человек из груды зверья и за камнями укрылся. Тут раб из жилища вышел, без кухлянки вышел. Зажмуриваясь, он туши пополам рассекал. Все туши разрубленные в ямы сложил. Потом в жилище ушел.

Тут сестра из жилища выходит. К мясной яме идет. Вдруг говорит ей кто-то из-за камней:

— Ну вот, хоть увидел тебя...

Спросила сестра:

— Кто ты, говорящий?

Помедлив немного, вышел из-за камней старший брат. Тут говорит ему сестра:

— Зачем пришел ты? Ведь за смертью своей пришел! Один пришел?

— Да нет, все мы здесь. Жену я себе взял. Если спросят тебя, скажи: «С кем же еще говорить мне — со старшим братом разговаривали».

Вошла сестра в жилище. И верно, спрашивает ее хозяин:

— С кем разговаривала там?

— С кем же еще говорить мне — со старшим братом разговаривала.

— Где же он? Пусть войдет! Один он?

— Нет, трое их.

— Эй, раб, приведи их, да побыстрее! Так, без кухлянки беги, поторапливайся! Да смотри, поскорей приходите!

Пошел раб как был, без кухлянки. И недолго ходил, ско-

ро вернулся. Все в жилище вошли. Тогда только надел кухлянку раб, пояс, оделся наконец.

Тут приказал хозяин рабу:

— Китового мяса кусок принеси, пусть поедят!

Когда поели, говорит братьям сестра:

— Незаметно потом мизинцы свои послюните, как на роскын¹ садиться будете. Покрепче держитесь, когда ювэт² своих на вас выпустит.

И тут вдруг хозяин говорит:

— Эй, раб! Ювэт там, сверху, достань!

Принес раб ювэт, вытряхнул их из мешочка, а хозяин эти зубы и косточки звериные на роскыне разложил. И вот сели пришельцы на роскын. И сразу же ювэт эти задвигались, запрыгали, начали скакать!.. А как подтолкнул их хозяин — они тут же в зверей обратились и завыли все разом: «Лё-о-о-о!!!» А роскын вдруг как повернется кругом! Но не попадали пришельцы те, усидели. А упади они — сожрали бы их ювэт-звери...

Собрал хозяин ювэт, в мешочек положил и сказал:

— Эй, раб, унеси ювэт, живо!

Спать легли.

Когда назавтра утром проснулись, разбудил хозяин раба:

— Эй, раб! Обряд совершить надо! Старушку позови!

Пошел раб к старушке, говорит ей:

— Обряд собирается совершать сын, велел позвать тебя!

— Что ж, ладно, приду!

Вернулся раб, кричит хозяину снаружи:

— Придет, сказала!

— Ладно, входи, да поживей!

— Иду, вот кухлянку уже снимаю!

Вошел в жилище раб. А тут скоро и старушка пришла, мать хозяина, в жилище вошла. И сказал тогда хозяин рабу:

— Ну, теперь китовую лопатку³ тащи сюда.

¹ Роскын — деревянный настил, служивший спальным ложем в древних чукотских и эскимосских жилищах, прямоугольной формы, типа нар-лежанок. Здесь, вероятно, имеется в виду круговой настил (вокруг очага), который в данном повествовании «поворачивается» фантастическим образом, чтобы сбросить на пол пришельцев.

² Ювэт — зубы и косточки животных, обозначавшие тех или иных конкретных животных и имевшие в далеком прошлом магическое значение (от пинка «превращались» в опасных зверей по воле хозяина).

³ Большая и широкая лопаточная кость кита с острым краем.

Притащил лопатку китовую раб. А хозяин пришельца младшего как схватил за шею и за штаны сзади, да и бросил на ту лопатку китовую... Как бросил, так и ударился тот об острый край, и головы нет уже — срезана...

Думает старший брат: «Ого, что же это? Прикончить нас собирается...»

А хозяин-насильник уже и другого схватил пришельца, старшего брата того, кому голову отсек. Так же бросил было его на лопатку китовую. Но у самой лопатки руку выбросил тот — и удержался так! Как встал на ноги, говорит насильнику:

— А ну, теперь я тебя!

— Ну что ж, попробуй!

Схватил пришелец хозяина за шею и за штаны сзади, да и бросил на лопатку острую. Хотел было тоже, как пришелец, удержаться тот, да рука согнулась. Как ударился об острый край, так и без головы уже...

Сел тогда пришелец старший. Долго молчал, потом говорит рабу:

— Поднимай теперь головы да насаживай их. Как насаживать будешь на шею, ладонь послюни и ударяй по голове.

Поднял раб голову хозяина и насадил на место. Все сделал так, как сказано было, вот уже и по голове ударяет... А хозяин, как только ударил его по голове раб, заговорил вдруг:

— И-и-и-и! Что за диво, пробудился я наконец! Долго же я спал!..

Встал на ноги хозяин.

А раб уже и младшего пришельца голову поднял. Опять все так сделал, как сказано было, опять все так, как с хозяином вышло.

За еду принялись все. А как кончили есть, сказал хозяин:

— Ну, а кто со мной вон к тому жилищу пойдет?

— С кем же еще ты пойдешь! Со мной пойдем, — сказал старший брат.

Дошли они до жилища того, внутрь вошли, и спросил тут пришелец хозяина:

— Это, наверно, для веселья жилище?¹

¹ Здесь подразумевается жилище специального назначения, которое в древности служило местом для праздничных обрядов охотников-мужчин у приморских чукчей и эскимосов.

А хозяин выскочил вдруг из жилища да и задвинул вход, закрыл прищельца старшего снаружи... Каменная задвижка — не отодвинуть изнутри — да еще краем в землю упирается, как врытая...

А хозяин спрашивает снаружи:

— Ну что, весело тебе?

— Еще как весело! — отвечает прищелец.

— Эй, раб! Поленьев, жиру! Живо тащи! А то прибью!

Натаскал раб поленьев, пузыри с жиром принес. Хозяин накидал сверху поленьев в жилище это большое, через дымовое отверстие накидал. Потом жиром полил и огня бросил туда, поджег это все...

Снял с себя одежду человек в жилище, навзничь лег и стал в паху потирать, когда в жилище все запылало уже, а выход закрытый рукой нащупывал... А хозяин снаружи у самого камня внизу притаился.

...Вот уже и угасать стал огонь, что внутри пылал. Человек оделся и на ноги встал. Открыл тогда вход хозяин, внутрь вошел. Тут выскочил из жилища прищелец старший и задвинул опять камнем вход. Так же вот наверх взобрался, на жилище это, в дымовое отверстие поглядел на хозяина сверху и спрашивает:

— Ну что, весело тебе?

Посмотрел снизу на прищельца хозяин и усмехнулся только.

Спустился вниз прищелец старший и говорит рабу:

— Не надо тебе поленья носить! Пусть брат мой носит!

Сказал брату:

— А ну, поленьев, жиру неси!

Накидали они поленьев в жилище, жиром полили сверху и подожгли насильника. Вот уж горел он в огне — только треск шел!

И нет уже хозяина-насильника — сгорел в огне...

Вернулись они все в жилище. За еду принялись. Потом сказал старший брат:

— Пора отправляться нам!

А раб и говорит вдруг:

— Да не добираться вам так! Вот только если чайками станете... Дам я вам шкурки чаячи, на всех четверых дам.

— Ладно, если поможет это, давай, — сказал старший брат.

Дал им раб шкурки чаячи, и надели они на себя шкурки эти. А потом говорит им раб:

— Три бухты будет на пути. В каждой бухте — туши,

морем выброшенные. В ближней — туша моржа лежит. Только не ешьте этого — нельзя, слушайте, что говорю! Если даже крылом заденете — чайками останетесь!

— Ладно!

— А дальше, в другой бухте, — туша кита... Так говорю вам, слышите? И в третьей бухте навага-рыба на воде лежит. Только смотрите, послушайте меня — есть не вздумайте!

— Ладно! Пора отправляться нам!

Сказал тут раб:

— Вот уж спасибо вам! Не приди вы сюда — еще долго пришлось бы страдать мне. А теперь я к дядьям вернусь.

— Ну, пора уже!

И вот полетели они все четверо. А раб к дядьям своим отправился.

...И правда, до бухты долетели, а там туша моржа лежит, морем выброшенная. Налетели они было на моржа сверху, но крикнул им тут старший брат:

— Ну-ну! Нельзя! Ведь сказал нам раб!.. Дальше летим!

Немного побыли тут — дальше полетели.

...Другую бухту увидели и там кита огромного, на берег выброшенного. И так же как на моржа, кинулись было вниз трое... И снова крикнул им старший брат:

— Ну-ну! Дальше летим!

Полетели дальше они.

...Опять увидели бухту — и правда ведь, навага-рыба там. Ну и налетели они, на навагу кинулись! И тут братишка младший схватил наважку одну, а другие не стали хватать, на берег высокий сели. И вот там, внизу, наважку поедал братишка младший.

Стал тут звать старший брат младшего:

— К нам лети сюда!

Но только закричал тот по-чаячи:

— Ко! Ко!

Подлетел старший брат к младшему и ремешок на шею ему надел, чтоб приметным был. И полетели дальше они, к берегу своему, только втроем полетели.

А когда прилетели к шатру своему, тогда и принялись за еду.

Потом зима наступила. А весной они снова увидели чайку эту... И каждый раз, когда пролетали чайки, кормили они братишку младшего.

А однажды наступила весна, и не увидели больше они братишку, чайкой ставшего. Может, где из лука убили его или камнем брошенным...

МОРСКАЯ РАДУГА

Говорят, жили два брата. Один брат богатый, две жены у него, а другой очень бедный. Бедный брат отдельно в землянке жил.

Всякий раз, как взойдет солнце, соберутся все в доме у богача и начнут на него трудиться: кто деревянные блюда делает, кто еще что-нибудь.

Самым последним приходил в дом богача младший брат.

— Ой, здравствуй, брат! Женщины, приготовьте нам поесть, — говорил каждый раз старший. — Тебя мои жены кормят, а ты приходишь самый последний, как будто уже женился.

Младший брат от стыда ковыряет ногой землю в сенях. И сядет есть только тогда, когда другие напомнят, что ему может ничего не остаться. Съест он всего две пригоршни и довольствуется этим. А вечером самый последний уходит. И к себе домой идет. Назавтра, когда ветер подует, снова у богача собираются, и младший, как всегда, самый последний приходит. Смеются над ним, а он давно к насмешкам привык.

Вот однажды вышел он опять самый последний. В море у самого берега, там, где малая волна начинается, увидел радугу. Посмотрел и домой пошел. Остановился у дома и снова увидел радугу. Любопытно ему стало, пошел туда. Ступил на то место, где радуга начинается, и увидел женщину, которая огонь в воде разжигает. Очень красивая женщина, все пальцы в перстнях.

Взглянула женщина вверх:

— Ну, иди сюда!

— Как же мне идти?

— А ты закрой глаза и прыгай!

Поглядел юноша — страшно прыгать. Решился наконец и прыгнул. Видит: очень красивая женщина совсем рядом. Сразу же стал обнимать ее.

— Сначала я приготовлю тебе еды, поешь, тогда и спать ляжем, — говорит женщина юноше.

— Нет, не голоден я, давай сразу ляжем!

— Если бы я не знала, что ты всегда голоден, если бы не видела, как твой брат над тобой издевается, не показала бы тебе.

Сварила женщина всякой еды. Поели и спать легли.

— Завтра скажет опять старший брат, что тебя его жены кормят. А ты после еды высунь руку на улицу, я тебе блюдо подам, ты и скажи: «Всегда вы меня кормили, а сегодня я вас покормлю».

Назавтра он опять самый последний пришел. И опять говорит ему старший брат:

— Меня твоя жена не будет кормить, а тебя мои жены кормят. Почему ты всегда опаздываешь, самый последний приходишь?

Поели. Как только съели все, высунул юноша руку наружу и внес красивое блюдо, а на нем всевозможные кушанья.

— Всегда вы меня кормили, теперь я вас покормлю. Отведайте-ка вот это!

Молчит старший брат. Когда все съели, выбросил юноша блюдо. Разбилось оно вдребезги, даже осколков не могли найти.

— Давай станем с тобой товарищами по женам¹, — говорит старший брат младшему.

Снова юноша самый последний ушел, прямо к радуге направился.

Утром разбудила его женщина:

— Вставай, а то ходить по нас будут.

Пришел к старшему брату, а тот опять говорит:

— Что же ты все время опаздываешь? Ведь тебя мои жены кормят! Меня твоя жена не будет кормить.

Стали есть. Поел юноша немного и говорит старшему:

— Всегда твои жены меня кормили, а сегодня моя жена покормит тебя.

Только он это сказал, входит очень красивая женщина с блюдом. Схватил ее богач одной рукой, а другой ест. Хотел было после еды обнять ее, а рядом уже никого нет.

Вышел старший брат следом за младшим, не отстает от него, все просит, чтобы товарищами по женам стали.

— Ну и упрям же ты! — говорит младший брат. — Видишь вон ту радугу?

— Вижу, — отвечает богатый брат.

— Если видишь, иди туда, раз уж так настаиваешь!

Пошел мужчина к радуге, увидел женщину, поправляющую огонь в жирнике. Позвала его женщина к себе.

¹ У азиатских эскимосов и чукчей существовал обычай временного обмена женами между двумя товарищами по браку. Этот обычай нашел отражение также и в сказках с животными персонажами.

Очень хочется мужчине прыгнуть, но страшно. Решился наконец и прыгнул.

Рано утром разбудила женщина его и говорит:

— Хватит спать, вставай, а то будут нас топтать!

Нет, не хочет богач вставать. Еще крепче обнял женщину. Но вот вышел из яранги какой-то мужчина. Раздвоился в тот же миг край малой волны, сильный треск послышался. Стал богач задыхаться. Тут же и умер.

БЕЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Говорят, жила одна старушка с внуком-сиротой. Его дядя в море охотился, много нерп убивал и сироту кормил. Каждый раз как убьет нерпу, отдаст сироте.

Наконец подрос сирота. Стал вместе с дядей охотиться, помогать ему. Скоро дядя сделал ему гарпун. Начал он нерп промышлять, сам себя кормить. Отдельно стал охотиться. Старушка разделявала убитых нерп.

Вот однажды не мог он добыть ни одного зверя. Пошел по льду в открытое море. Оглянулся назад, видит: очень далеко ушел. Пошел обратно. Вдруг сильная пурга поднялась. Оторвало льдину, на которой сирота был, и унесло в море, да так далеко, что и земля из виду скрылась. Ходит сирота по льдине, во все стороны смотрит. Вот сидит раз на льдине у воды. Вдруг белая медведица вынырнула. Залезла на льдину. Подошла к сироте. спрашивает:

— Откуда ты?

— Ой, не знаю откуда! Понять не могу, в какой стороне мой дом.

Медведица говорит ему:

— Дай мне твой дождевик надеть.

Сирота отвечает:

— А я что надену?

Медведица говорит:

— Я ведь хочу помочь тебе.

Сирота говорит:

— Ну конечно бери!

Надела медведица, говорит ему:

— Ты потому не можешь добыть нерп, что старушка твоя плохо с нерпами обращается. Вот поэтому не можешь добыть нерпу.

Спросил тогда сирота:

— Что же мне делать?

— Давай поплывем на берег!

Сирота говорит:

— А как?

Спустилась медведица в воду. Сел ей сирота на спину. Медведица и говорит:

— Закрой глаза и ухватись за мои уши!

И пошли к берегу. Идут и идут. Прямо напротив его землянки на берег вышли. Медведица говорит:

— Вот считай, что ты меня в жены взял.

Отправились домой. Подошли к припаю. Сняла медведица шкуру, в трещину льда положила — и девушкой стала.

Говорит сироте:

— Вот здесь и охоться!

Провела когтем по льду. Треснул лед. Нерп сразу высыпало! Медведица говорит:

— Так всегда и делай! Будешь много нерп добывать!

Взобрались на высокий берег. Пришли домой. Сирота говорит бабушке:

— Сделай ей татуировку, теперь она член нашей семьи!

Вышла старушка. Сделала медведице татуировку. Вошли. Старушка и спрашивает:

— Откуда это вы пришли?

Сирота отвечает:

— Даже и не знаю откуда.

Стал сирота в море на охоту ходить. Много нерп стал добывать.

Забеременела жена. Родила медвежонка. А сирота все нерп добывает. Свежует медведица нерп, а медвежонок почти только один жир ест.

Опять медведица забеременела. На этот раз мальчика родила.

А соседские мальчишки повадились к медвежонку ходить. Играют с ним, забавляются. Вот раз заворчала старушка. Говорит:

— Да хватит вам, мальчишки! Очень уж расшумелись. Даже светильники плохо горят. Да уж невесть кто к нам пришел! Белый медведь.

Присмирел медвежонок. Мать возвратилась. спрашивает:

— Что это ты такой смиренный?

— Да вот бабушка ругается.

А старуха и говорит:

— Да уж невесть кто к нам пришел. Белые медведи!

Одела мать медвежонка. Мальчик спрашивает:

— Куда это вы?

Мать отвечает:

— Насовсем отсюда уходим.

Мальчик говорит:

— И я с вами пойду.

Отправились втроем на берег моря. Пришли к припаю, сунула мать руку в трещину. Шкуру белого медведя достала. Надела, белым медведем обернулась. И пошли втроем в открытое море.

Вернулся муж домой с морской охоты. Добыл нерпу. Пришел в полог и сказал:

— На вот, полей нерпе воды на морду!

Не слышит старуха. Снова говорит сирота:

— Где вода?

Бабушка сказала:

— Да я ведь одна здесь!

Сирота спрашивает:

— А где жена с детьми?

Старуха говорит:

— Ой, не знаю, где они!

Сирота говорит старухе:

— Опять ты им что-нибудь сказала?

Старуха отвечает:

— Правда, я немного поругала их, они и ушли.

Сирота говорит:

— А что ты им сказала?

— Я им только и сказала: «Да уж невесть кто к нам пришел. Белые медведи».

Собрался сирота в дорогу. Вытащил дорожный мешок, морского петушка¹, лук, метальное копье и наконечник гарпуна — все это сунул в мешок и в путь отправился. В сторону Уэлена по следу пошел. Шел, шел, вдруг видит: идут они втроем — медведица, медвежонок и мальчонка. Оглянулась медведица. Увидела мужа. Подождали. Подошел к ним сирота. Жена и говорит:

— Куда ты идешь? Ведь убьют тебя!

Сирота говорит:

— Если бы не ты, я бы уж давно умер.

Медведица говорит:

— У меня ведь сородичей много, да и муж-медведь есть. Убьют они тебя.

Сирота говорит:

— Ну и пусть! Все равно я без тебя давно бы умер.

Медведица говорит:

— Ну что ж, пойдём!

И пошли они прямо к середине моря. Подошли к разводью. Перешли. Дальше двинулись. Идут себе и идут. Опять подошли к разводью. Переправились. Дальше пошли. Идут, идут, пришли наконец. Медведица говорит сироте:

— Вот наш дом.

Ну и большой дом у медведицы! Вошли. Множество медведей из полога выглянуло.

Увидели, кто пришел, очень обрадовались.

Отец медведицы пригласил их:

— Входите!

Вошли. Окружили мальчика медвежата. А старик говорит им:

— Подальше держитесь! Видите: кочкоголовый¹ народ к нам пришел.

Затем сказал сироте:

— Убьют ведь тебя медведи!

Сирота отвечает:

— Ну и пусть!

Медведь говорит:

— Вот увидишь, позовут тебя соревноваться, кто больше добудет пищи, и убьют.

— Ну и пусть!

Медведь говорит:

— А ведь я, пожалуй, в твои годы ростом с тебя был. И действительно, пришли медведи за сиротой.

Говорят ему:

— Сказал первый муж медведицы: «Где там мой товарищ по жене? Пусть идет».

Медведь говорит сироте:

— Надень-ка ты мою шкуру-кухлянку!

Сирота отвечает:

— Да нет, я уж так пойду.

Вышел сирота, внес дорожный мешок, вытащил на-

¹ Амулет в виде морского петушка был широко распространен у азиатских эскимосов и чукчей. По их верованиям, такой амулет охранял охотника от беды и приносил удачу.

¹ Кочкоголовый или кочечная голова — так в чукотских сказках животные персонажи называют человека.

конечники. Медвежата вокруг бегают, рассматривают.

Старик им говорит:

— Держитесь, дети, от людей подальше. Они околдовать могут!

Вышел сирота. К берегу моря отправился. А там уже большой белый медведище ждет.

Медведище говорит:

— Ну, пришел?

Сирота отвечает:

— Да, пришел!

— Ну, так давай состязаться, кто больше пищи добудет!

Сирота отвечает:

— Ну что ж, давай!

Медведь говорит ему:

— Кто первый пять нерп убьет, тот и победит.

Пришли на место. Лег медведище на живот, стал нерп караулить. Сирота скоро первую нерпу убил. А медведь все караулит. Сирота уже вторую нерпу убил. Наконец и медведь убил одну. Сирота третью убил. А медведь только вторую. Сирота убил уже пятую нерпу. А у медведя всего три нерпы. Так победил сирота белого медведя.

Затем домой отправились. Пришел сирота домой. Ну и обрадовались его шурины!

Старик говорит им:

— Они, люди, всегда такие! Дети, слушайте меня, держитесь от людей подальше. А тебя уж завтра непременно убьют.

Сирота говорит:

— Ну и пусть! Ведь я должен бы давно умереть!

Назавтра опять за ним пришли. Медведь говорит сироте:

— Надень-ка мою шкуру-кухлянку.

— Да нет, так пойду.

Вытащил сирота шкуру морского петушка из мешка. Вся она уже иссохлась. За пояс сунул. И еще лук прихватил и четыре стрелы. Затем на берег отправился. А на скале уже медведище ждет. И зрители собрались. Шурины сироты очень грустные сидят. Бросился медведище со скалы в воду, камень из моря вытащил, показал сироте. И говорит ему:

— Теперь ты этот камень вытащи!

И бросил камень в море. Отошел сирота назад. Да как прыгнет в воду! На лету шкуру морского петушка надел. Нырнул под воду. Видит — там два камня, один полегче — тот, который медведь вытащил, другой потяжелее.

Долго сирота в воде был. Затем стал через трещину наружу выныривать.

Вдруг и говорит медведище:

— Убил я, наверное, моего товарища по жене!

Снова сирота нырнул. Вытащил камень тот, что потяжелее. Положил на льдину. Все это видели. Потом снова в море бросил. Победил он медведя. Шурины сироты домой бегом побежали.

Старик их спрашивает:

— Где он?

— А вот опять сирота победил!

Старик сказал:

— Такие уж все люди!

Пришел сирота домой. Ну и радовались его шурины!

— Завтра уж непременно он тебя убьет! Завтра вы бороться будете.

Сирота говорит ему:

— Ну и пусть!

Старик говорит сироте:

— Надень ты уж мою шкуру-кухлянку!

Сирота говорит:

— Да нет, я уж так!

И вот назавтра опять за сиротой пришли. Спрятал сирота под кухлянкой на спину лук с тремя стрелами и пошел. А медведище уже ждет его. Ну и народу собралось посмотреть на борьбу! Подошел сирота к медведю. А тот как бросится на него. Отскочил сирота в сторону. Кидается на него медведь, а схватить не может. Устал медведище, запыхтел. А как еще раз набросился, сирота выстрелил в него из лука. Опять медведь бросился, и опять мимо. А сирота снова выстрелил. Сильно задышал медведище. Третью стрелу сирота пустил. Сел медведище на землю и прорычал:

— Ой-ой, почему это на улице все посинело?

Выпрямился медведище, упал и затих. Ну и обрадовался народ! Говорят друг другу:

— Спасибо человеку, что нашего угнетателя — медведя убил!

Прибежали шурины домой. Старик их спрашивает:

— Ну как?

— Да ведь убил он медведя!

Старик сказал:

— Таковы уж люди! — Затем добавил: — Я всего однажды на землю ходил. Ну и гнались же за мной люди!

Ох и убежал я от них! Бегу я, а передо мной все время мяч катится. Да еще спотыкаюсь! Совсем уж было меня догнали, да тут я в воду прыгнул. Оглянулся, а они уже на самом берегу. Такой плохой народ, эти люди!

Вдруг слышат на улице крики: «Белый медведь идет! Белый медведь!».

Сирота говорит:

— Давай и я за белым медведем погоняюсь!

Старик говорит ему:

— Ой, только больше не вступай в борьбу с белыми медведями!

Сирота все же вышел. Ну и народу опять собралось! Однако скоро все по домам разбежались.

Думает сирота: «Где же белый медведь, никакого белого медведя не видно».

Пошел сирота на берег. А там, оказывается, крысу не могут убить.

Догнал сирота ее, наступил на нее, убил.

Сказали тогда белые медведи:

— Ну и народ эти кочкоголовые! Ведь только наступил на медведя ногой — и убил!

Прибежали шурины домой. Говорят старику:

— Ну и человек к нам пришел! Наступил на белого медведя — и убил.

Все.

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Жили волк с волчицей. Были еще молодые.

Весной у волчицы родились волчата. К зиме выросли. Но все время с родителями были. Затем еще волчата родились. Выросли и тоже с родителями остались. Так образовалась волчья стая. Отец-волк учил волчат, как добывать пищу, показывал, как похищать оленей из стада.

Вот однажды увидели они совсем маленькое оленьё стадо. Принадлежало оно очень бедному старичку.

Увидел это стадо волк и сказал сыновьям:

— Ну вот, смотрите, тут достаточно оленей. Наверное, на богатого оленевода мы напали. Пожидите добудьте несколько штук.

Сам же старый волк не пошел на добычу, с женой остался.

Зарезали волки всех упряжных оленей. Только одна годовалая важенка уцелела. А жива она осталась потому, что рядом со сложенными нартами паслась.

Сильно плакали хозяева, очень своих оленей жалели. А хозяева-то были старик со старухой, четыре сына и две дочери.

Отправилась волчья стая в другое стойбище, к богатому оленеводу. Пришли туда, волк сказал сыновьям:

— Давайте теперь на большое стадо нападём. Хозяин этого стада — богатый оленевод, притесняет он своего соседа — бедного старика с большой семьей. Да и к оленям нерадиво относится. Позволяю вам все стадо уничтожить. Ну, отправляйтесь!

Напали волки на стадо, много оленей перебили, очень худо сделали. Чуть не всех оленей уничтожили и съели.

Затем пришли к отцу-волку и сказали ему:

— Ну вот, истребили мы стадо!

— Поделом этому хозяину-богачу! Будет знать, как плохо с оленями обращаться! — ответил сыновьям старый волк.

Затем волчья стая совсем в другое место отправилась.

А тот старик, у которого волки раньше все стадо порезали, скоро разбогател. Уцелевшая важенка несколько раз телилась. И все важенки у нее рождались. Вот и разбогател старик со своей семьей. А прежний богач, который притеснял старика, совсем обеднел, очень плохо стал жить.

Собрал новый оленевод соседей-бедняков, стали все вместе работать. Очень хорошо оленей пасли. Хотя и разбогател старик, а товарищи все равно его бедняком-оленеводом звали. Это потому, что раньше уж очень бедно жил.

Вот опять волчья стая в эти места вернулась. Но старик-оленевод хорошо к соседям-беднякам относился.

Сказал старый волк сыновьям:

— Давайте здесь опять охотиться. Ведь нет у нас никакой еды. Но только будьте осторожны: стадо это сплоченное. Особенно одного оленя опасайтесь. Белый он и самый большой, из всех оленей сильно выделяется. Его издали видно: такие у него большие рога. Олень этот заколдованный, если его убьете, мы все погибнем. Ну, поняли меня, сыновья?

— Да, поняли,— ответили молодые волки.

— Тогда отправляйтесь! — приказал старый волк.

Напали волки на стадо. Совсем мало оленей зарезали, да и то самых плохих, хотя все стадо было упитанное. Во время нападения один волк потерялся. Вернулись молодые волки к отцу.

Спросил старый волк сыновей:

— Ну, сколько оленей добыли?

— Да всего шесть,— ответил один волк.

— Что ж, достаточно. Но где же еще один брат?

— Потерялся где-то, когда мы на стадо напали. И не заметили, куда он делся,— ответили сыновья.

— Ой-ой, наверно, погнался за кем-нибудь! — забеспокоился старый волк.

Стали искать пропавшего волка. Повсюду искали, так и не нашли. Собрались у своего логова. Отец и спрашивает:

— Ну, где же он?

— Не знаем, куда он мог деться! — удивляются сыновья.

— Где же он? — беспокоится старый волк.— Давайте еще немного подождем!

Стали ждать. Спустя немного времени прибежал пропавший молодой волк. От пота мокрый, отдышаться не может и хвалится:

— Вот какой я стал ловкий и сильный. Убил ведь того белого оленя, о котором говорили!

— Куда же ты ходил? Мы так долго искали тебя, так измучились! — сказал ему старый волк.— Я ведь говорил тебе, что нельзя того белого оленя убивать. Теперь худо нам всем будет!

— Ой, а я совсем забыл об этом! — сказал молодой волк.

— Ну что ж, придется уходить отсюда. Да только не уйти нам, все равно погибнем. Нельзя было того оленя убивать! Давайте поделимся на три группы и скроемся подальше в тундре,— предложил старый волк.

Разделилась стая на три стаи поменьше, и разбежались волки в разные стороны.

Волк, убивший оленя, с матерью пошел. И так случилось, что подошли они к тому самому стойбищу, в котором оленей порезали. И тут же оба погибли.

Видно, старик это наколдовал за то, что волк оленя жизни убил. Ведь этот старик очень оленей жалел. И к со-

седам хорошо относился. Всегда щедро оделял бедных. Дружно жил этот оленевод со своими товарищами по стойбищу. Всегда у них весело было.

А у волков с той поры возненавидели сыновья отцов, перестали с отцами жить. Вот поэтому старые волки и бродят теперь в одиночку. Конец.

ХВАСТУН

Один человек поехал в гости. Приехал. Ему говорят:

— Здравствуй!

— Здравствуйте!

Спрашивают:

— Что нового?

— Ничего нет, вот только думаю я: пожалуй, из всех людей я самый хитрый!

Один человек сказал ему:

— Хорошо, давай попробуем, кто кого перехитрит. Завтра снова к нам приезжай. Только поезжай по левой дороге.

Вернулся хвастун домой. Назавтра опять в гости на оленях поехал. Едет по левой дороге. Видит: валяется на дороге вышитый торбазок. А человек, с которым он в хитрости состязался, между тем неподалеку прятался. Посмотрел хвастун на торбазок и дальше поехал.

Вышел человек из укрытия, схватил торбазок, побежал напрямик, обогнал хвастуна, опять торбазок на дорогу положил, а сам снова спрятался. Увидел хвастун второй торбазок и закричал:

— Вот диво-то! Ведь это как раз пара давешнему торбазу! А ну-ка, вернись я за тем торбазком, и будет у меня пара!

Привязал оленей, сам обратно пешком пошел.

Вышел из укрытия человек, отвязал оленей и угнал. Искал, искал хвастун торбазок. Не нашел. Вернулся к оленям — а оленей нет. Закричал хвастун:

— Ну и хитрющий человек! Зачем я ему только говорил: «Нет хитрее меня!» Теперь вот и остался без оленей!

Пошел по следу оленей. Пришел к тому человеку, кто у него оленей увел. Увидший оленей спрашивает:

— Ну как, кто хитрее? Ты вчера говорил: «Из всех людей я самый хитрый!»

А хвастун ему говорит:

— Да, ты хитрее. С помощью торбазов оставил меня без оленей.

Тот, кто оленей увел, отвечает:

— Иди домой пешком, оленей я тебе не дам. Ты же сам хотел состязаться в хитрости!

И отправился хвастун пешком домой.

ҚЕРЕҚСКИЙ
ФОЛЬКЛОР

МАЛЬЧИК С ЛУКОМ

Говорят, давно это было, очень давно. В то время керекского народа было еще много. Керекки оленными были. И вот стали появляться на керекской земле враги. Промчатся вдруг на быстрых оленях, мужчин поубивают, женщин и детей с собой увезут, оленей угонят. Керекские женщины у них всякую домашнюю работу выполняли, а мальчики при табунах пастухами были.

Вот так и случилось однажды. Ехали на оленьей упряжке керек с женой и маленьким сыном. Мальчику два года было. Отец луком вооружен. И мальчик тоже с луком. Раньше мальчик только начнет ходить, отец ему сейчас же лучок сделает, чтобы упражнялся в стрельбе.

Вот так и ехали втроем: мужчина с женой и сынишкой.

Вдруг жена воскликнула:

— Ой, что это там?

Муж оглянулся. Видит: следом за ними как бы вихрь снега мчится. Потом появилась оленья упряжка. Быстро наступать стала.

Догадался муж: враг это. Сильно погнался оленей. Запрыгала по застругам нарта. И не заметили отец с матерью, как уронили сына. А догадливый мальчик быстро спрятался за заструг и лучок достал.

Враг едет вдогонку, не видит мальчика. И вот остановился напротив заструга упряжь поправить. Приготовился мальчик. Выстрелил из лучка. Прямо в глаз попал. Закричал враг. Рукой глаз закрыл. А мальчик еще раз выстрелил. В другой глаз попал.

Ослеп враг, стал кружиться. Руки расставил. Хочет поймать мальчика. А тот прячется за заструги. Много раз падал враг. Устал совсем. Наконец сел на заструг, спросил:

— Кто ты, победивший меня? Не вижу я, ослеп.

— Это я тебя победил, — сказал мальчик.

Удивился враг, узнав, что мальчиком побежден. Склонил голову, задумался. Затем так сказал:

— Если меня, силача и насильника, победил ты, мальчик, так убей меня. Куда я пойду слепой! Все смеяться будут, что мальчик меня победил.

Мальчик так сказал:

— Мал я еще, боюсь, да и сил у меня нет тебя убить.

Враг попросил:

— Поддай мне копьё!

Подавал мальчик копьё. Враг наставил острие копья себе в грудь, затем попросил мальчика другой конец копья в заструг упереть. Мальчик так и сделал. Враг сказал ему:

— Возьми моих оленей! Ты победил меня. Это твоя добыча. Поезжай к родителям!

И убил сам себя.

А мальчик сел на нарту и вскоре догнал по следу родителей. Все.

ВЛАДЕЮЩИЙ ЖЕЛЕЗНЫМ КРЮЧКОМ

Заснула бабушка, а перед тем как заснуть, привязала к пологу людоеда. По-нашему, по-керекски, людоеда кала зовут. Он всегда привязан. С бабушкой вместе две сестры живут. Говорит вдруг кала младшей сестре:

— Сестра, а сестра, бабушка спит, отвяжи-ка меня.

Отвечает младшая сестра:

— Нет, не отвяжу. Бабушка сказала, хватит тебе бродить где попало. Ты ведь плохой, глупый, поэтому сиди на привязи.

Тогда кала к другой сестре обратился:

— Сестренка, отвяжи!

Младшая сестра умнее старшей, говорит ей:

— Не надо отвязывать.

А кала опять просит старшую сестру:

— Отвяжи меня! Отпусти!

Послушалась старшая сестра, отвязала кала. Не успела

отвязать, схватил кала железный крючок и пошел к землянкам-валькарам, где кереки жили. Пришел туда, открыл дымовое отверстие, а там, в валькаре, одни женщины — мужчины все на промысел ушли.

Кричит кала в дымовое отверстие:

— Эй, вы спите?!

Две старухи отвечают оттуда:

— Нет, не спим.

— Что же это, однако, шумит, словно маленькие дети кричат?

— Не дети это, — отвечает одна старуха, — наверно, груди мои перед плохой погодой болят.

— Так вот, буду сейчас крючком ловить! — кричит кала.

— Что же ты поймать хочешь?

— Молодых уток.

— Нет сейчас молодых уток, они летом на скалах сидят. Какие здесь утки, здесь мы, люди, живем.

— Но не напрасно же я пришел?!

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — отвечают из валькара. — Только зачем насильничать? Лови крючком!

— Ну, смотрите, начинаю!

— Что ж, начинай! Кого же поймать-то хочешь?

Опустил кала крючок в землянку, водит им и напевает:

— На сегодня, на сегодня еда будет! На сегодня, на сегодня еда будет! И на завтра, и на завтра еда будет! И на завтра, и на завтра еда будет! Кого, кого поймаю? Кого зацеплю? Ну, где же вы, молодые утки?

— Нет сейчас молодых уток, говорят тебе.

— Тогда я войду к вам.

— Нет, не входи. Лови оттуда, а мы поищем тебе молодых уток.

Между тем одна женщина в стене дыру прокапывает, чтобы уйти через нее.

— Ну, смотрите, опять начинаю ловить крючком! — кричит кала.

— Начинай!

— Кого, кого поймаю? На сегодня и на завтра еда будет! — поет кала.

Вдруг подцепил что-то, а это, оказывается, керкер¹. Вытащил наружу и тут же не глядя разорвал. А на улице ветер был, вся трава и полетела ему в глаза. Керкер-то женщины сухой травой набили и подсунули ему под крючок.

¹ Керкер (чук.) — меховой женский комбинезон.

— О-о! — завопил кала. — Всего меня мусором осыпало! Что же такое? Чем наполнено? Утка? Нет, не утка! Это не то что-то!

Бросил кала чучело через отверстие в землянку:

— Берите ваше, не нужно мне. Не утка это.

Пока кала возился с чучелом, женщины выползли через дыру в стене и убежали.

— Ну, погодите, я к вам иду!

Зашел кала в землянку, а там никого, только собачонка на привязи сидит. Сказал ей:

— Где же люди?

Ничего не ответила собака, узнала, что не человек это, а кала, и царапнула его по глазам.

— О-о, о-о! — закричал кала. — Глаза запылила. Что это ты рвешь?

Не понял он, что глаза-то ему собака поцарапала.

Разозлился кала, стал по землянке бегать. Подушки вытаскивает, рвет их. Долго по землянке рыскал.

А женщины тем временем прибежали к Тинной бабушке, Морской старушке¹, и говорят ей:

— Ох, кала гонится за нами, поймать хочет! Помогла бы ты нам убежать от него!

— О-о, как он вас испугал, как испугал! Ну-ка, посмотрим.

Протянула Морская старуха ноги на ту сторону моря. Говорит:

— Вот так прямо по этим ногам детей перенесите и сами бегите.

Перебрались женщины на ту сторону моря.

Успокоился кала, пришел в себя. Он, Владеющий железным крючком, стал думать. «О-о, вот они отсюда вышли, — догадался, увидев дыру в стене. — Это они, женщины, тогда и кричали».

Бросился кала по следу. Прибежал к Морской старухе. А старуха свои керкеры из тины, на мусор похожие, в море стирает.

Спрашивает кала:

— Что это ты, старуха, стираешь? Зачем?

— Да вот, одежду свою стираю.

— О-о, разве это одежда? Обманываешь ты меня. Наши бабушки только в железной одежде ходили, —

¹ Тинная бабушка, Морская старушка — мифическая хозяйка моря у керков.

взял с берега тинную одежду и бросил в море.— Это не одежда, нет.

— Как же не одежда? Моя жизнь такая, в море живу — такую одежду и ношу.

— Не видала ты женщин? Следы сюда ведут. Куда они делись?

Ответила Морская старуха Владеющему железным крючком:

— Выпили они море и на ту сторону перешли.

— А я как же? Не смогу я море выпить!

— Сможешь. Они ведь выпили.

— А ну-ка, и я попробую!

Стал кала пить море, а море нисколько не убывает. Пил-пил, тяжело стало, лопнул. Не стало кала, как пузырь лопнул.

Морская старуха мертвого кала в море бросила и сказала:

— Пусть его железное тело в разные полезные вещи превратится — он ведь кала, Владеющий железным крючком. Пусть голова чайником станет, ноги и руки — ружьями, мозг пусть в бусы превратится. Пусть от его тела польза людям будет.

Так и случилось.

Еще в сказке два друга были: один Итчым¹ и другой Итчым. Другой Итчым тезка, значит, первому.

Пошел Итчым к другому Итчиму и говорит:

— Ну-ка, пойдём, Итчым-друг, на берег моря.

— Сначала пойду у бабушки спрошусь,— отвечает Итчым-друг.

Пришел и спрашивает бабушку:

— Итчым просит, чтобы я с ним на берег моря пошел.

— Кто?

— Да Итчым.

— Ох, не мужское это дело ходить по берегу моря. Этим только женщины занимаются.

— Так не разрешаешь мне идти?

— Не разрешаю. Не ходи! Скажи Итчиму, пусть один к берегу моря идет. Скажи, бабушка не пустила.

Пришел Итчым-друг к Итчиму и говорит:

— Иди один! Меня бабушка не пускает.

— Ну что ж, один пойду. Много полезных вещей на берегу моря найду.

¹ Итчым — мифический племянник ворона Кукки.

— Что же делать, не пускают меня. Если пойду, ругать будут. Иди-ка ты один.

— Ну что ж, пойду, пожалуй.

Пошел Итчым на берег моря. Идет по берегу, вдруг складной нож нашел, чайник нашел, а еще дальше ружья и бусы увидел. Чего-чего только не получилось из Владеющего железным крючком! Много всякого добра набрал Итчым, целое богатство нашел. Что хотел, то и нашел. Пошел домой Итчым, большую ношу на себя взвалил. Пришел Итчым к сестрам: одну Илынау¹ зовут, вторую Кайклюдану². Крикнул Итчым сестрам:

— Сестрицы, Илынау, Кайклюдану! Выходите, ношу у меня возьмите!

Вышли сестры, спросили младшего брата:

— Что такое? Почему твоя ноша, как железо, гремит?

Ответил сестрам Итчым:

— Говорил ведь я, что на берег моря собираюсь, вдруг там богатство найду. Итчима-друга звал, не пошел. Вот я один и разбогател. Там еще много всякого добра осталось. Пойдемте опять туда. Только вот двоюродному брату Ауппали, сыну Кукки, надо складной нож дать. Идемте, еще много всего принесем!

— Ну что ж, идем,— согласились сестры.

Пошли на берег. Опять вернулись домой с большой ношей. Двоюродная сестра говорит им:

— Дайте двоюродной сестре один чайник. Откуда такое богатство?

— Да вот на берегу моря нашли,— ответил Итчым.

Между тем Итчым-друг пошел к соседу Итчиму, который его с собой на берег звал. Сказал Итчым-друг:

— О, и верно, тезка мой разбогател. Не зря ты говорил, что полезные вещи найдешь.

— Тебя же бабушка не пустила,— сказал Итчым и обратился к сестрам:— Дайте моему тезке, Итчиму-другу, складной нож.

Дали сестры ему складной нож. Обрадовался Итчым-друг, пошел домой, показал бабушке и сказал:

— Действительно, Итчым разбогател. Не зря он тогда сказал, что богатство найдет. А ты меня не пустила.

¹ Илынау — племянница ворона Кукки, сделанная из китового легкого.

² Кайклюдану — сестра Илынау, вторая племянница Кукки, сделанная им из ягоды.

— Сколько раз тебе говорить,— рассердилась бабушка,— что не выбрасывает море такие вещи. Оно только еду выбрасывает.

— Ладно, молчи теперь.

Пришел снова Итчим-друг к соседу.

— А-а, снова пришел,— приветствовал его Итчим.

— Да!

— Ну, не сердись. Я ведь звал тогда тебя. Ты сам не пошел. Давай помиримся,— сказал Итчим.

Тут некая Ыннулнакут и говорит:

— Хорошие ты вещи сестрам нашел. Больше всего женщины бусы любят.

Хватит, сказка вся. Кончил.

ЛИСА И ВОРОН

Ленилась лиса пищу добывать, плохо жила, голодала. Однажды сказала дочери:

— Обману ворона: скажу, что замуж вышла, богато жить стала.

Дочь сказала:

— Не надо обманывать, лучше по-хорошему попроси еды.

Не послушалась лиса. Взяла старую мокрую сеть для рыбы, в мешок затолкала, завязала. Пошла к ворону. Тот услышал — кто-то идет, сказал своим:

— Посмотрите, кто идет.

Вышли. Лиса уже в сених. Там темно. Говорит лиса

— Мы с мужем пришли.

Неправду сказала лиса. А ворон поверил, удивился:

— Ишь ты! Замуж двоюродная сестрица вышла. Ну что ж, покажи мужа.

Лиса сказала:

— Муж не может при свете быть. Его предки в темноте жили, и он темноту любит. Он слепой как будто, ничего не видит. Не сможет на свет выйти.

Ворон сказал:

— Ну что ж, потушите светильники, пусть заходит.

Вошли. Ворон спросил:

— Что будете есть?

Лиса ответила:

— У нас пищи много. Ешьте сами!

Пошла жена ворона в кладовую за пищей, а лиса тихо-тихо за ней проскочила и стала пищу в мешок накладывать. Полный мешок наложила, завязала, в сени вынесла, в угол поставила.

А ворон все удивлялся:

— Вот ведь, замуж вышла двоюродная сестрица! Наконец-то замуж вышла!

А лиса все хвастает:

— Да, у моего мужа издавна много оленей. Два больших табуна у него.

Затем спросила, нет ли яиц. Сказала, что муж очень любит яйца. В обмен шкуры оленьи обещала. Сказала:

— Вот они, шкуры, в мешке. Пошупай!

Пошупал ворон мешок. Действительно, там что-то мягкое, как оленьи шкуры. Обрадовался: «Вот богатство, всем на одежду хватит». Велел мешок на полог положить.

Сказала лисе жена ворона:

— У нас сын есть, у вас дочь: посватать бы их.

Лиса подумала, сказала:

— Если ваш сын жениться хочет, пожалуй, посватаем.

Так разговаривая, чай пили. Кончили чай пить, лиса сказала, как бы к мужу обращаясь:

— Идем домой. А то олени испугаются и убегут. Или еще хуже, угонят их.

(Все это она выдумывает. Нет у нее мужа, одна пришла.)

Потом попрощалась с хозяевами, вышла. В сених мешок с пищей захватила. Взвалила на спину, едва домой донесла. Дочери, смеясь, сказала:

— Смотри-ка, ведь обманула я ворона: думает, правда я замуж вышла. И старую сеть за оленьи шкуры принял.

Дочь опять ей сказала:

— Зачем обманывать? Нужно по-хорошему просить.

Лиса сердито ответила:

— Не учи меня, а то без еды оставлю!

Замолчала дочь, а мать закусила яйцами и стала мясо варить.

А ворон тем временем радуется, что так легко оленьи шкуры добыл. Вдруг что-то закапало с потолка на постель.

Жена воскликнула:

— Что это?

Ворон ответил:

— Наверное, лиса дорогой шкуры подмочила.

В это время сын пришел. Сказали ему про шкуры. Сын попросил:

— А ну-ка, покажите мне свое богатство!

Достала мать мешок, развязала. Вытащила сеть. Удивилась:

— Смотри-ка, нет ничего! Только старая мокрая сеть. Рассердился ворон, приказал:

— Повесьте сеть с мешком на дверь в кладовую. Сегодня лиса, наверное, опять придет. Пусть сама идет в кладовую за пищей. Сунет лапу в мешок — завяжите его. Как в капкане будет.

И правда, через некоторое время опять лиса пришла. Дочь ворона сказала матери:

— Смотри, опять пришла обманщица.

А лиса уже свои лживые речи разводит:

— Вот мы с мужем опять пришли, шкуры принесли. Хорошие шкуры, выделанные.

Жена ворона притворилась больной, говорит:

— Ах, у меня сегодня вдруг голова заболела, не могу ходить. Это вы опять пришли?

Лиса говорит:

— Да, это мы, ненадолго. Торопимся. До свидания!

А сама к кладовой пробралась, сунула лапу в мешок. Завязла лапа в мешке. Дернула лиса лапу. Хотела убежать, сама в сети запуталась, закричала:

— Ой, что вы со мной делаете?

А ворон говорит:

— Ничего мы с тобой не делаем. Ты сама себе плохо сделала. Зачем обманула нас? Зачем вместо шкур старую сеть дала? Зачем в чужие кладовые лазишь?

Заплакала лиса, просит, чтобы отвязали. Не стали отвязывать. Смеются над ней, обманщицей и воровкой называют. Наконец порвала лиса старую сеть, выскочила на улицу. А на лапе мешок завязан. Так с мешком домой и прибежала.

Старшей дочери сказала:

— Развяжи скорее мешок.

Та ответила:

— Не буду развязывать. Зачем ты обманываешь дочку Кукки?

Младшая дочь все же отвязала.

Так ворон проучил лису за то, что обманывала и воровала.

Все.

ЭСКИМОССКИЙ ФОЛЬКЛОР

ЛОСЬ И БЫЧОК

Шел однажды лось по берегу большого озера, посмотрел в воду и увидел там себя. Подумал лось: «Какой же я красавец, рога мои украшают меня». Затем пошел дальше. Вдруг в воде бычка увидел, остановился. А бычок высунул голову из воды и начал лося поддразнивать:

— Эй, ты, большепузый, с кустом на глупой голове, ноги как иглы, бесхвостый!

Лось подумал: «Ведь красив же я, рога мои ветвисты, ноги быстры. Таким все звери считают меня. Проучу я этого головастика!»

Затем сказал бычку:

— Эй, рыбка, подойди поближе, я плохо слышу, здесь поговорим!

Бычок к самому берегу подплыл. Лось изловчился, рогами бычка подхватил — да и выбросил на берег.

— Вот тебе, противная рыбешка! Попробуй на суше пожить!

Бычок задыхается, просит:

— Брось меня в воду, брось меня в воду! Рот мой сохнет, хвост мой сохнет! Не буду больше смеяться над тобой!

Лось был добрым и сговорчивым. Поверил бычку, подхватил его рогами и бросил обратно в воду, а бычок высунулся из воды и снова заговорил:

— Эй, приятель, хотя и длинноногий ты, а бегать быстро не можешь.

Лось ответил:

— Нет, это ты, большеротый, даже с берега слезть не можешь, а быстрее меня в тундре нет зверя.

Бычок сказал:

— Рога твои подобны ветвистому дереву. Тотчас в беге устанешь.

Лось снова ответил:

— Что ж, посостязаемся в беге!

А бычку только этого и надо было.

— Эге, давай вокруг озера до этого места пробежим, я в воде, а ты по берегу.

Лось согласился.

Бычок всем озерным рыбам по воде передал:

— Если лось на бегу будет спрашивать: «Где ты?» — отвечайте ему: «Я здесь, я здесь». Так мы лося проучим, а я на месте останусь и ждать его буду.

Быстро по озеру наказ бычка разошелся. Бежит лось по берегу и спрашивает:

— Где ты, где ты?

Рыбки отвечают:

— Я здесь, я здесь!

Лось ускорил свой бег, на ходу спрашивает:

— Где ты, где ты?

Рыбки отвечают:

— Я здесь, я здесь, впереди тебя бегу!

Лось еще быстрее побежал. Тяжелые рога голову вниз клонят, шее больно стало.

На бегу спрашивает:

— Где ты, где ты?

Рыбки отвечают впереди:

— Я здесь, я здесь, совсем ты отстал!

Лось последние силы напряг, от усталости и досады едва ноги до места дотащил, тяжело дышит. На колени встал, голову на землю положил, рога его вдруг потяжелели.

Высунул бычок голову из воды и говорит:

— Ну, рогатый, кто быстрее бегаешь?

Лось говорит:

— Хотя и большеголовый ты, но быстро бегаешь. Не понимаю: что это случилось с моими ногами?

КИТ, ЖЕНЩИНОЙ РОЖДЕННЫЙ

Давно это было. У одного науканского охотника из рода Нуагмит было две жены. Первая жена детей имела, вторая — бездетной была и жила в отдельном пологе. Вот

однажды эта женщина притворилась больной. Муж из жалости к ней перестал охотиться в море, не отходил даже от дома. Боялся охотник, как бы жена не умерла.

В том же селении в роду Нунагмит была девочка-подросток. Жила девочка с отцом, без матери, и, когда отец на охоту уходил, бродила она по селению, все подслушивала да подглядывала, все знать хотела. Однажды муж больной женщины у порога землянки сидел и увидел проходившую мимо девочку. Девочка посмотрела в глаза охотнику и рассмеялась. Рассердился охотник и закричал:

— Уходи отсюда, насмешница, не то палкой прибью. Разве не знаешь, что жена моя больная лежит?

Девочка сказала:

— Ты можешь ударить меня, но я смеюсь потому, что знаю про твою больную жену кое-что.

Сказав это, девочка убежала. Охотник вошел в полог первой жены и сказал ей:

— Эта озорная девчонка что-то сказать мне хочет. Надо позвать ее и хорошенько угостить.

На следующий день девочку позвали и стали угощать. Охотник спросил:

— Что хотела сказать? Почему смеешься, видя меня?

Девочка сказала:

— Твоя вторая жена, что живет в отдельном пологе, постоянно обманывает тебя. Совсем она не больна, а только притворяется.

Человек тот спросил:

— Что же делает она?

— А ты сам сегодня ночью около землянки укройся да покарауль, может быть, увидишь что-нибудь.

И вот, когда ночь наступила и полная луна взошла, охотник вышел и около землянки за большой камень спрятался. И когда луна до середины ночи дошла, больная жена его на улицу вышла, одевшись в сильягак (дождевой плащ) и в камгыки (обувь для морской охоты). В одной руке у женщины деревянное блюдо с мясом, в другой — ведро с водой.

Поднялась женщина на крышу землянки, встала посередине и запела. Услышал охотник, как женщина песней звала мужа своего — кита. Кончив петь, стала прислушиваться. Вдруг далеко в море послышался шум: это было дыхание кита. Услышав шум, женщина снова запела. Вот уже ближе послышались выдохи кита. В третий раз запела женщина. Луна осветила берег, и охотник увидел, как к

берегу подплыл кит. Женщина быстро вниз побежала. Кит прислонился к большому прибрежному камню. Встала женщина на камень и начала кормить и поить кита. Когда она кормила и напоила, из ноздрей кита человек вышел и на берег поднялся. Человек тот, вышедший из кита, был молодой и красивый. Он вместе с женщиной в ее полог ушел и надолго там остался.

Охотник к своей первой жене пошел и рассказал ей, что вторая жена действительно мужа имеет. После этого охотник лег спать. Утром проснулся, взял большой капун (копье) и стал его камнем точить. Целый день капун точил, пробуя острие на своей щеке. Хорошо капун наточил. На следующий день старшей жене сказал, что на охоту идет. Захватил с собой охотничье снаряжение, вышел, у скалистого берега спрятался, стал жену-обманщицу караулить. И вот, когда луна до середины ночи дошла, снова женщина вышла, одетая в сильягак и камгыки.

Как и прежде, запела женщина, призывая из моря своего мужа-кита. Вдалеке послышался шум от выдоха. Это кит шел к берегу. Четырежды женщина спела призывную песню, и снова кит подошел к прибрежному камню. Накормила и напоила кита, и после этого из ноздрей его человек вышел, на берег поднялся, вместе с женщиной в ее полог вошел, там остался. В это время охотник к берегу спустился, держа в руках капун. Приблизившись к киту, капун прямо в сердце его вонзил, убил. И в этот же миг китовый человек около женщины сильно вздрогнул, поднялся, вниз побежал. Прибежал к киту, в ноздри его вошел, и не стало его. Охотник вернулся к жене. Другие охотники кита освеживали, никакого человека там не нашли. К вечеру охотник к неверной жене пошел, там ночевал. Оказывается, вторая жена забеременела.

Охотник много зверей добывать стал, каждый день в море находился. И вот вторая жена его разрешилась. Муж спросил:

— Кого же ты родила, мальчика или девочку?

Женщина ответила:

— Китеныша родила я!

Испугался муж, но ничего не сказал.

Положила мать китеныша в большой таз с водой и стала его растить, кормя своим молоком. А муж ее еще больше стараться на охоте стал. Быстро рос китеныш. Вот уж таз для него мал. Сделали китенышу большую яму на берегу ручья. Воду из ручья в яму пустили. Но и эта яма

оказалась малой, когда китеныш с белугу величиной вырос. Решили нуагмитцы всем родом спустить китеныша в море. Дорогу к морю выровняли, на большой моржовой шкуре китеныша к воде спустили. Чтобы не потерялся в море китеныш, привязали к ноздрям его красную метку. Так с меткой и ушел в море.

Но привык кит к людям и часто стал приходиться к Нунаку с другими китами. Подходил кит к прибрежному камню, и женщина-мать кормила его грудью. Напивавшись, уходил снова в море. Во время охоты нуагмитцы узнавали своего китеныша по красной метке и не трогали его. Это он приводил с собою других китов, поэтому нуагмитцы постоянно удачно охотились и не испытывали голода.

В то же время люди из рода Мамрохпагмит перестали добывать китов, не имели вкусной пищи мантак — китовой кожи с жиром. Всех китов от их селения уводил к нуагмитцам кит, рожденный женщиной. Но однажды мамрохпагмитцы увидели нунакского кита с красной меткой. Мамрохпагмитский умильк (старшина) сказал:

— Вот то, что будет нашей едой!

После этого гарпунщик рожденного женщиной кита загарпунил. Убили мамрохпагмитцы нуагмитского кита.

Долго ждали нуагмитцы своего воспитанника-китеныша, но не дождались. А сестра одного нуагмитского охотника за мамрохпагмитцем замужем была. Жалея своих родственников, отправилась в Нунак и рассказала, что мамрохпагмитцы убили кита с красной меткой.

Был в Нунаке левша, хорошо владеющий луком. Ни одна стрела, пущенная левшой, не уходила мимо цели. Причалил охотники к берегу, а левша, сидя на высоком берегу около своей землянки, кричит:

— А ну, поднимите весло, стрелу пушу!

И действительно, от верхних землянок до берега в Нунаке ничья стрела не долетала, а левша в весло попадал. Хороший стрелок был левша.

Снарядились нуагмитцы однажды, взяли луки и стрелы и поплыли на байдарках в сторону мыса Оюк.

Там, около Оюка, увидели они плывущего на каяке мамрохпагмитского умилька. Оказывается, он один выехал на охоту. Стали нуагмитцы приближаться к нему. Быстро начал убегать на каяке умильк. Вот к берегу причалил, из каяка выскочил, вверх по траве карабкаться стал. В это время нуагмитский умильк левше сказал:

— А ну, вон того бегуна срази!

Левша на носу байдары примостился, лук свой натянул, затем спросил:

— В какое место попасть?

Умильк, сидящий за рулем, сказал:

— Попади в то место, которое убегать ему помогает.

Левша прицелился, пустил стрелу и попал умильку мамрохпагмитцев прямо в пятку. Стрелой даже кость раздробило. Высадились на берег и убили врага. Затем к мамрохпагмитцам поехали, к берегу причалили, вверх поднялись. Мамрохпагмитцы гостей радушно приняли, мясом китового позвонка накормили. Не знали они, что их умильк убит. После этого нуагмитцы спустились к берегу, сели в байдары и уехали. Достигнув мыса Умкуглюк, к острию гарпуна поплавок привязали и вверх подняли. Подняв высоко поплавок, стали кричать. Увидели мамрохпагмитцы поднятый вверх поплавок, услышали крики, тотчас к байдарам побежали. Начали догонять нуагмитцев, но не смогли догнать. Так нуагмитцы за своего кита, рожденного женщиной, отомстили.

Мамрохпагмитцы же с весны до осени не смогли отомстить нуагмитцам за своего умилька. Наконец решили они заманить их моржовым ревом. В ту же ночь с луками и стрелами мамрохпагмитцы через гору Мамругагнак к морю спустились, у прибрежного утеса Тыпагрука спрятались и принялись громко кричать по-моржовому. А нуагмитцы еще до рассвета на моржовую охоту выехали в сторону Тыпагрука. Как только к Тыпагруку приблизились, услышали сильный моржовый рев. Все байдары в сторону моржового рева поплыли. В это время мамрохпагмитцы и начали стрелять из луков по байдарам. Одну байдару продырявили, утопили, многих людей поранили. Через некоторое время нуагмитцы в Мамрохпаг поехали, у мамрохпагмитцев жерди от нар землянок поотнимали. Так друг другу отомстили, затем хорошо и дружно стали жить в одном селении — в Наукане.

Все.

ЖЕНИТЬБА СИРОТЫ

Так, говорят, было. Жили в одном месте пять братьев. Богатые были. Оленей много имели. По соседству мальчик-сирота со своей бабушкой жил. Землянка их очень малень-

кая, тесная, грязная. Одежда у них очень плохая. Еды своей мальчик с бабушкой не имели, у соседей побирались. Мальчик даже на улице редко появлялся из-за множества корост на теле.

Однажды сирота подумал и бабушке своей сказал:

— А ну, пойди в первую ярангу пяти братьев!

Бабушка спросила:

— Что тебе надо там?

Ответил сирота:

— Дочь их в жены возьму!

Старушка согласилась. Вышла. Пошла в первую ярангу. Когда вошла, хозяин спросил ее:

— Зачем пожаловала? Голодные, наверное, вы с внуком?

Старушка ответила:

— Да нет же! Внучек послал меня, чтобы вы дочку свою за него выдали.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож. Мизинец отрежу ей за такие слова!

Подала жена хозяину нож, и он отрезал у старушки мизинец. Заплакала старушка от боли и обиды и пошла в свою земляночку. Когда вошла, внук спросил:

— Ну, как дела?

Старушка ответила:

— Не отдали они своей дочки, а мне даже мизинец отрезали.

Внук сказал:

— А теперь иди в ярангу второго брата и дочь его сосватай!

Старушка сказала:

— Не пойду! Снова боль мне причинят!

Внук настаивал на своем. Старушка согласилась, пошла. Во вторую ярангу пришла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поприветствовал ее и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал сосватать вашу дочь.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Безымянный палец отрежу ей за такие слова!

Подала жена хозяину нож, и он отрезал у старушки безымянный палец. Заплакала старушка от боли и обиды и пошла в свою земляночку. Когда вошла, внук спросил:

— Ну, как дела?

Старушка ответила:

— Вот и безымянный палец отрезали!

Внук сказал:

— Теперь иди в ярангу третьего брата и дочь его посватай!

Старушка сказала:

— Ой, не пойду! Ведь только три пальца осталось у меня на руке.

Внук настаивал на своем. Старушка согласилась и пошла. В третью ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поприветствовал ее и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал сосватать вашу дочь.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Средний палец отрежу ей за такие слова!

Подала жена хозяину нож, и он отрезал у старушки средний палец. Заплакала старушка от боли и обиды и отправилась в свою земляночку. Когда вошла, внук снова спросил:

— Ну, как дела?

Старушка ответила:

— Теперь уж средний палец отрезали мне!

Внук сказал:

— А теперь иди в ярангу четвертого брата и дочь его сосватай!

Старушка сказала:

— Нет, не пойду! Только два пальца осталось на моей руке, а теперь и четвертый отрежут!

Внук настаивал на своем. Старушка согласилась и пошла. В четвертую ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поприветствовал ее и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал сосватать вашу дочь.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Указательный палец отрежу ей за такие слова!

Подала жена хозяину нож, и он отрезал у старушки указательный палец. Заплакала старушка от боли и обиды и отправилась в свою земляночку. Когда вошла, внук спросил ее:

— Ну, как дела?

Старушка ответила:

— Теперь и указательный палец отрезали!

Внук сказал:

— А теперь иди в ярангу пятого брата и дочь его сосватай мне!

Старушка сказала:

— Теперь уж совсем без пальцев на одной руке останусь. Ведь и большой палец отрежут мне!

Внук и теперь настоял на своем. Старушка согласилась и пошла. В пятую ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поприветствовал ее и спросил:

— О, старушка, что скажешь?

Старушка ответила:

— Внук мой послал сосватать вашу дочь.

— Ну что ж, пусть женится!

Затем отец дочери сказал:

— А ну, доченька, иди следом за своей свекровью!

Девушка не возражала отцу. Оделась и со свекровью пошла. Когда пришли, девушка увидела маленькую, тесную, старую и грязную землянку. В землянке пахло сыростью. Девушка от брезгливости даже капюшон кухлянки не сняла. Наступила ночь. Поели и легли спать. Только старушка не спала. Когда молодые люди крепко заснули, она поднялась и стала ногами раздвигать стены землянки. Стены раздвинулись, а землянка стала большой и высокой. Затем старушка большой таз водой наполнила и разбудила внука. Внук встал. Она посадила его в этот таз и принялась обмывать все тело. Затем внука из таза вынула. Ого! Какой красавец-мужчина перед нею стоял! На руках его сильные мускулы. Затем старушка оделась и вышла. Нарезала дерна, собрала его и перенесла в проход (коридор) землянки. Тут она стала дуть на дерн, и он превратился в куски мяса от разных зверей. Старушка снова вышла. Пошла на морской берег и набрала там охапку мелкой морской травы. Затем эту морскую траву в землянку внесла, в проходе повесила и стала дуть на нее. Морская трава превратилась в меха различных пушных зверей. В третий раз старушка вышла. Выйдя, собрала в сумку много белых камней. Камни внесла в кладовую и стала дуть на них. И превратились белые камни в куски сала разных зверей. После этого старушка в полог вошла и стала будить девушку:

— Сноха, вставай, корми нас!

Проснулась сноха, сняла свой капюшон и осмотрелась вокруг. Увидела она новый полог в просторной землянке,

а рядом с нею лежит уже не грязный мальчик с коростами на теле, а статный мужчина. Улыбнулась девушка мужчине и глаз не может отвести от него. Встала она и начала готовить еду. Полное блюдо-каютак мяса и сала нарезала. Сели есть. Девушка куски мяса подбрасывает, а юноша ловит их ртом и ест. Когда есть кончили, бабушка сказала им:

— Теперь одевайтесь! Одежду для вас приготовила я.

Старушка вышла в сени. Из сеней внесла нерпичий мешок и вынула из него одежду. Здесь была одежда мужская и женская, новая. Девушка надела меховой комбинезон. По вороту и рукавам комбинезона — отделка из росомашьего меха. Юноша надел красивую кухлянку с черным воротником и красные меховые брюки с росомашьей отделкой внизу. Встали они рядом, как будто ветром очищенные. Потом вышли из землянки и стали прогуливаться поблизости. Затем вошли. Вот и обеденное время. Снова поели. Внук бабушке сказал:

— А теперь теще моей гостинец отнеси — еды разной и мехов! Идите вместе с женой!

И вот юноша стал все готовить. Вышел в сени. Нарубил разного мяса и сала. Все это в таз положил. Затем жене сказал:

— Последи за этим тазом, а я выйду на улицу!

Взял юноша нож, вышел на улицу и смастерил снежную нарту. Сиденье со спинкой тоже из снега сделал. Копылья острые из дерева по бокам воткнул. Кончил. Изо всех сил стал дуть. Снежная нарта в настоящую нарту превратилась. Концы от копыльев в острые ножи превратились. Таз, наполненный едой, вынес и поставил на нарту. Накрыв куском моржовой шкуры и привязал. Затем позвал жену. Она взяла деревянный молоток и вышла. На нарту села, облокотившись на спинку. Юноша к нарте ремень привязал и потянул ее от своей землянки. Поехали. Девушка, сидя на нарте, завела песню. И вот девушки из четырех яранг подбежали к нарте, за спинку нарты схватились. Жена этого юноши молоточком стала ударять по рукам девушек. Возвращала им боль бабушки своего мужа. Была девушек по пальцам и смеялась. Вот нарта ее к яранге отца подъехала. Девушка с нарты поднялась, в ярангу вошла. После этого отец ее вышел. Отвязал покрывшу на нарте и увидел полный таз мяса и сала от разных зверей. Вдвоем с зятем высыпали еду из таза. Сразу все в несколько раз увеличилось. После этого зять внес мясо и сало в сени. Затем нарту подняли и вошли в ярангу.

Хозяин жене сказал:

— Вот сколько еды вкусной зять наш привез! Сейчас угощаться будем.

Женщины еду приготовили. Стали все есть. Потом юноша с молодой женой вернулся к своей бабушке. Стали они жить в полном достатке.

Все.

КАНАК И ОРЛЫ

В береговом селении Наукан жил отважный человек, смелый и сильный охотник Канак. Был у Канака единственный сын, подросток. Канак назвал сына по имени умершего деда Таграком. Хотел было Канак женить своего сына на красавице Туткан, дочери соседа, но юноша и слышать не хотел о женитьбе. Он желал стать самым сильным, ловким и смелым охотником, победить иноплеменников — таньгов и орлов, которые жили на вершинах небесных гор и причиняли много бед людям, земным и морским зверям.

Каждый день Таграк упражнялся в силе и ловкости, взбирался на высокие скалы, прыгал через пропасти и ущелья, догонял в тундре убегающую лису. Вскоре Таграк смог уже заменить постаревшего Канака на охоте и стал приносить домой много морских зверей.

Канак стал теперь собирать плавник для летних и зимних костров. Наступила весна, снег почти весь стаял, и теперь легко было находить деревья, которые выбросило на берег осенними штормами. Все жители Наукана начинали всегда собирать топливо вместе с Канакком. Канак был старшиной, а по древним обычаям, нельзя начинать никакого дела, пока не начал его старшина.

Однажды, когда Таграк собрался за добытым Канакком плавником, Канак сказал сыну:

— На ком думаешь жениться? Разве девушка Туткан не умеет хорошо шить и варить мясо? На ее лице — лучшие узоры, красивее их нет ни у одной девушки нашего села. Ты, наверное, задумал жениться на той, кто не ходит по земле, а летает по воздуху?

Таграк молчал. Он думал об орлах, которых хотел победить. Орлы похищали детей. Орлы опустошали море, которое давало жизнь людям. Поднебесные орлы уносили, как маленьких рыбок, даже огромных черных китов.

Таграк поехал за плавником, который собрал Канак. Пришел вечер, а он все не возвращался. Жена спросила Канака:

— Почему так долго не возвращается наш сын? Уж не случилось ли с ним беды?

Канак спокойно ответил:

— Что-то его задержало. Наверное, сейчас придет.

Но вот наступила и ночь, наступил рассвет, а Таграк все не возвращался. Утром Канак сказал жене:

— Оповести всех односельчан, пусть плывут на байдарках в южную и северную стороны и ищут моего сына.

Мужчины захватили охотничье снаряжение — гарпуны, копья и луки, взяли мешки с дорожной пищей и разъехались в разные стороны. К вечеру стали возвращаться байдары с охотниками. Никто не обнаружил следов Таграка. Горе пришло в жилище Канака! Отец и мать потеряли единственного сына.

Вот и осень пришла. Начались морозы, по берегам образовался припай, а Таграка все не было. Тогда Канак сказал своим товарищам:

— Завтра я сам пойду на гору Кыхлявик, где живут орлы, может быть, узнаю там что-нибудь о сыне.

Рано утром, когда все спали, Канак взял на плечи нерпичий мешок с пищей и отправился к горе Кыхлявик. Подошел к подошве горы и увидел, как она высока. Хватит ли сил подняться на вершину Кыхлявика? Но Канак хотел найти сына и стал взбираться на гору. Много раз отдыхал старый Канак, пока наконец очутился на вершине.

Стал искать орлов, но их нигде не было. Кругом только белели, как снег, кости китов, птиц и рыб.

Канак шел по вершине горы и вдруг увидел двух маленьких орлят. Они не умели еще летать, прижимались друг к другу и тряслись от холода.

Канак подумал: «Замерзнут орлята. Надо дать им пищи, пусть живут. Наверное, давно уже ничего не ели».

Тут он увидел, что мясо уже все съедено и нерпичья сумка пуста. Тогда Канак отрезал от своей кухлянки два больших куска и накрыл ими орлят, чтобы те не замерзли. Затем взял свой лук и подстрелил двух куропаток — накормить орлят. Орлята съели куропаток, отогрелись под шкурами, и к ним вернулась сила. Канак стоял и смотрел на орлят, но думал он о своем сыне. В это время один из орлят встал, ударил сильно крылом по земле и превратился в мальчика. Канак долго не верил глазам, но мальчик заговорил:

— Спасибо тебе, человек. Ты спас нас от холода и голода. Но скоро прилетит наша мать, у которой нет жалости ни к зверям, ни к людям,— она может съесть тебя. Нашей матери нет уже четыре дня, она ищет добычу далеко отсюда. Ты должен спрятаться, иначе погибнешь. Прячься под наши крылья.

После этого мальчик ударил рукой по земле и снова превратился в орленка. Канак спрятался под крыльями орленка и тотчас услышал свист и шум в воздухе. Затем что-то огромное упало рядом с орлятами. Канак посмотрел в щелочку между перьями и увидел огромную орлицу. Орлица-мать заговорила:

— Откуда это пахнет человеком? Не здесь ли человек? Какой хороший завтрак будет!

Один сын сказал:

— Послушай меня. Безумная от неудачи, ты можешь съесть этого человека. Но если бы не этот человек, мы погибли бы от холода и голода. Только он спас нас от гибели! Что же, ешь скорей этого человека. Вот он, под моими крыльями.

Орлица сказала:

— Нет, я не съем этого человека! Пусть смело выходит сюда.

Канак вышел из-под крыльев орленка. Перед ним была самая большая птица, какую он когда-либо видел. У ног орлицы лежал добытый ею кит, и кит этот казался маленькой рыбкой. Затем орлица ударила клювом в землю, сняла с себя пернатую одежду и стала женщиной-великаном. Женщина спросила Канака:

— Зачем ты пришел сюда, человек?

Канак ответил:

— Я ищу своего сына. Чтобы узнать, где он, я пришел спросить у тебя. Ведь ты летаешь всюду и видишь все, что делается кругом на земле.

Женщина сказала:

— Мой муж тоже не вернулся с охоты. Возможно, его убили незнакомые орлы или сам он свалился в узкое ущелье или в море.

Канак спросил:

— Но ты знаешь, наверное, где находится мой сын Таграк?

Женщина ответила:

— Да, я знаю, где твой сын. Там, высоко, на небесных горах, живет самый сильный и самый большой орел. Он

похитил твоего сына, привязал его к столбу и каждый день клюет его кожу, потому что сын твой не хочет жениться на его дочери. Сын твой очень страдает и стал совсем худой.— Затем женщина сказала Канаку:— Сейчас ступай домой, а через четыре дня приходи сюда ко мне да захвати с собою еды на дорогу. Я тоже приготовлю дорожной еды. Мы полетим с тобой воевать с большим орлом.

Канак вернулся в свое селение и вошел в землянку, где его ожидала жена. Жена спросила:

— Ну, рассказывай скорее, что ты узнал о сыне?

Канак ответил:

— Да вот узнал кое-что. Говорят, он женился на дочери большого орла, который живет в небесных горах. Через четыре дня я снова пойду на гору Кыхлявик и узнаю еще что-нибудь о сыне.

Канак сказал так старой женщине, чтобы она не знала правды, не испугалась.

Через четыре дня Канак поднялся с запасом пищи на гору Кыхлявик и пришел к орлице. Она к тому времени припасла много диких оленей и одного кита для еды в пути. Канак положил на орлицу туши диких оленей и привязал их ремнями к ее перьям. Очень много оленей положил Канак на орлицу.

Сел Канак на спину орлицы, орлица зацепила своими огромными когтями кита, и они полетели ввысь, на небесные горы. Вскоре земля скрылась из виду. Орлица по пути отрывала от кита куски мяса и поедала их. Долго летели, и вот уже кончилось китовое мясо, тогда Канак стал кормить орлицу оленьими тушами. Вот уже и небесные горы показались, но у Канака кончились все олени туши, и орлица без пищи стала слабеть. Канак отдал орлице все запасы из нерпичьей сумки, орлица пролетела немного и опять остановилась. Вот уже совсем близко вершина горы, а сил у орлицы нет, не может она дальше лететь. Тогда Канак отрезал свою правую ягодицу и сунул ее орлице. На этот раз она долетела до вершины небесной горы и села около большого камня. Канак увидел впереди огромную землянку, а вокруг нее множество костей, словно белый снег покрыл землю.

Орлица сказала Канаку:

— Приведи сюда сына. Вон там, за землянкой, он привязан к столбу ремнями.

Подожел Канак к столбу и увидел привязанного за руки и за ноги сына. Канак быстро перерезал ножом толстые

моржовые ремни, сын упал, он не мог даже сидеть от слабости. Канак бережно поднял его и спросил:

— Сын мой, разве нет у тебя сил, чтобы ходить?

Сын ответил:

— Совсем обессилел, не могу.

Канак взял сына на плечо и принес его к орлице. Орлица сказала:

— Орел-богатырь спит и не знает, что ты взял у него сына. Давай скорее спускайся на землю.

Отец и сын сели на орлицу и стали спускаться на землю. Вот и земля уже близко. Вдруг они услышали позади крик:

— Кто вы такие? Почему похитили мою добычу? Не жить вам больше!

Догнал орел орлицу, ударил грудью по спине и сшиб сына Канака, вторым ударом сшиб самого Канака и мешок из-под мяса, третьим ударом подбил ослабевшую без пищи орлицу. Все они упали в море, а орел улетел в небеса.

Упала орлица в море и превратилась в остров Аяк. Упал Канак в море и стал островом Имаклик. Упал сын Канака в море и стал островом Укивак.

А на горе Кылявик ждали свою мать два молодых орла, два брата. Но мать-орлица не вернулась. И пришлось им самим добывать себе пищу. Сначала они добывали мелких тундровых зверей, затем стали ловить диких оленей и даже моржей.

Прошло много времени, выросли братья-орлы, начали добывать больших китов. Однажды младший брат сказал старшему:

— Где наша мать? Не полететь ли нам на небесные горы? Возможно, узнаем о ней что-нибудь. Ведь оттуда все видно.

Старший брат сказал:

— Что же, мы достаточно сильны, чтобы подняться на те высокие горы.

Запаслись братья едой. Пока летели, все запасы поели, наконец прилетели на небесную гору. Впереди себя увидели огромную землянку. А вокруг той землянки много костей, словно белым снегом покрыта земля. Ударили братья-орлы клювами о землю, сняли с себя пернатые одежды, и старший брат сказал:

— Что же, войдем в эту землянку!

Оставили одежды на месте, а сами вошли в землянку. Около деревянного блюда с китовым мясом сидели орел и его жена. Орел сказал:

— Вот пришли орлы-братья отомстить мне за то, что

я убил их мать. Да, я убил вашу мать, убил и старшину Канака из Наукана и его сына. Все они стали островами между двумя большими землями.

Старший из братьев сказал богатырю:

— Что же, одевайся, полетим с нами ближе к земле и поборемся. Может быть, и нам удастся превратить тебя в остров.

Орел-богатырь принял вызов молодых братьев.

Вместе с ними решила лететь и его жена-орлица. Надели орлы свои пернатые одежды и стали спускаться ближе к земле. Когда земля была близко, старший брат сказал:

— Не пора ли начать бой?

— Что же, начнем!

— Ты сразись с орлицей подальше к северу, а я с этим орлом буду сражаться на юге.

Разлетелись в разные стороны: младший на север с орлицей, а старший на юг с орлом.

И вот начался бой между старым орлом и молодым. Долго бились орлы. Наконец молодой орел ударил грудью по голове старого орла. Не вынес тот такого удара, упал в море и превратился в большой остров Сивукак.

А младший брат далеко на севере победил орлицу. Ударом в грудь он подбил орлицу, упала она в море и превратилась в остров Кулюсик.

ХИТРЫЙ ПЕСЕЦ

Идет по тундре песец, а навстречу ему бурый медведь. Медведь спрашивает:

— Откуда идешь, братец?

— На охоту ходил.

Медведь говорит:

— Давай побратаемся, вместе путь держать будем!

Песец говорит:

— Что же, давай!

Идут вдвоем, разговаривают. Вдруг видят — навстречу им лось идет. Песец медведю на ухо говорит:

— Давай убьем рогатого!

Согласился медведь, сказал:

— Что ж, давай!

Спрятались за камень, ждут. Подошел лось. Кинулся на

него медведь, прижал к земле лапами и задавил. А песец вокруг бегаёт, приговаривает:

— Сколько жира, сколько мяса!

Медведь говорит:

— Давай ужинать будем!

Песец хитрит:

— Подождем, — говорит, — братец, до утра, пусть остынет.

Медведь согласился. Легли они спать. Медведь как лег, так и заснул. А песец того и ждал. Подошел к лосю и начал из-под шкуры сало снимать и прятать за воротник своей кухлянки. Спрятал и тоже спать лег.

Утром медведь первым проснулся, песца будит:

— Эй, братец, остыло мясо, вставай!

Подошли вместе к лосю, начали есть. Посмотрел медведь, а на лосе ни жиринки нет.

— Э-э, — говорит, — кто же это жир обглодал?

— Опять это тундровый ворюшка, старый ворон напакостил! — отвечает песец.

Медведь говорит:

— Да, ведь жир у нас этот ворон украл.

Поели, дальше пошли. Песец то и дело отстает, украдкой от медведя из-под воротника кухлянки жир выгаскивает. Так много дней шли. Медведь голодать стал, а песец все еще своими запасами живет.

Медведь однажды подглядел, как песец жир ест, и говорит ему:

— Эге! Ты, братец, мал, а перехитрил меня. Оказывается, это ты жир с лося обобрал!

— Что ты, брат? — говорит песец. — Это я свои внутренности ем. Если ты голоден, можешь то же самое сделать.

Медведь глуповат был, поверил песцу, разорвал кожу на животе и начал внутренности вытягивать.

Тут песец и говорит:

— Вот глупец, сам ты себя убил!

Кинулся медведь за песцом да за кусты внутренностями зацепился и упал замертво. Песец думает: «Вот глупый медведь, все свое мясо и жир мне оставил».

Стал жить песец около медведя. Вот уже полтуши медведя съел. Однажды видит, с горы еще один медведь спускается. Песец перевернул мертвого медведя целым боком вверх, сидит и плачет.

Медведь подошел, спрашивает:

— Зачем мертвого стережешь?

Песец говорит:

— Видишь ли, это мой лучший приятель был, жаль одного оставить.

Медведь говорит:

— Слезами друга не оживишь, пусть лежит! Пойдем со мной, моим другом будешь!

Пошел песец с новым приятелем. Медведь спрашивает:

— Кого ты больше всего боишься?

Песец говорит:

— Больше всего людей боюсь. Их острых стрел да капканов.

Медведь смеется:

— Ха-ха-ха, двуногих боится! Да я их всегда сам пугаю!

Песец спрашивает:

— А ты кого больше всех боишься?

Медведь отвечает:

— Я больше всех куропаток боюсь. Когда по тундре иду, они из-под самого носа с таким шумом вылетают! Я и пугаюсь.

Песец говорит:

— Эх, братец, а я ведь этими птичками питаюсь. Ты такой большой, а малой птицы боишься.

Медведю даже стыдно стало, он и говорит:

— Давай состязаться, кто первый еду добудет!

Песец согласился. Разошлись в разные стороны. Вскоре песец вернулся, двух куропаток принес, одну убил, а другую живой оставил. Смотрит — и медведь идет, прихрамывает. У медведя в боку две стрелы торчат. Песец смеется над ним:

— Эге, братец, это тебе те сделали, кого ты не боишься! На вот тебе еще гостинец!

И выпустил под нос медведю живую куропатку. Тот даже с перепугу на колени встал. Песец говорит:

— Теперь буду тебя лечить. Найди мне для этого два острых камня.

Пошел медведь камни искать, а песец тем временем костер развел. Принес медведь камни, песец бросил их в костер. Раскалились камни докрасна. Песец и говорит:

— Теперь, братец, потерпи, стрелы я из ран твоих выну, горячие камешки туда положу. Тотчас поправишься.

Вынул из ран медведя стрелы, вместо них раскаленные камни вложил. Медведь кричит:

— Ох, ох, внутри у меня жжет, так и горит внутри!

Песец говорит:

— Эге, братец, поджарил я тебя. Убил ведь!
Так медведь и сдох. Снова песец несколько дней медвежатику ел. Уже полмедведя съел. Вот как-то спускается с горы волк. Песец мертвого медведя целым боком вверх перевернул, сидит и плачет.

Волк подошел, спрашивает:

— Зачем мертвого стережешь?

Песец говорит:

— Видишь ли, это мой лучший приятель был, жаль одного оставить.

Волк говорит:

— Слезами друга не оживишь, пусть лежит, пойдём со мной, моим другом будешь.

Вдвоем в путь отправились. Идут по горе, а навстречу им бежит горный баран. Волк тотчас барана поймал и прикончил его. А песец бегаёт, приговаривает:

— Сколько жиру, сколько мяса!

Волк говорит:

— Сейчас его съедим!

Песец снова хитрит.

— Пусть мясо остынет,— говорит,— утром съедим!

Легли спать. Волк крепким сном заснул, а песцу того и надо. Принес он большой камень и привязал его крепко-накрепко к волчьему хвосту. Потом как закричит в ухо:

— Бежим, братец, люди подходят!

Вскочил волк, да как бросится удирать! Хвост у него и оторвался. Бежит волк и думает: «Оказывается, люди меня за хвост держали!» А песец на месте остался, освежевал барана и принялся за еду.

Так вот и жил песец, хитростью пищу себе добывал.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник является результатом многолетних усилий собрать воедино лучшие образцы малых эпических жанров устного творчества всех двадцати шести народностей Севера и Дальнего Востока. Составитель стремился отобрать и представить в книге произведения различных форм и жанров: бытовые и волшебные сказки, сказки о животных, легенды, предания, мифы, благопожелания, рассказывающие о суровых условиях жизни народов данного региона, об их представлениях и традициях, об особенностях мировоззрения.

Перед составителем и издательством стояла задача выпустить книгу, которая была бы интересной не только для специалистов, занимающихся сборианием и изучением фольклора народностей Севера и Дальнего Востока, но и для массового читателя. Именно потому в сборник включены тексты, не только предельно точно передающие специфику того или иного произведения, но и те, к литературной обработке которых в разное время были привлечены известные писатели.

Целый ряд произведений, вошедших в книгу, публикуется впервые. Тексты их были специально подготовлены для данного издания.

Еще более двухсот лет назад известный землепроходец и исследователь Камчатки С. П. Крашенинников, ознакомившись с фольклором коряков и ительменов, сказал: «Камчадалы на сказки такие же мастера, как древние греки». Мы можем только добавить, что «такими же мастерами» являются саами, селькупы, нивхи, чукчи, ханты, нанайцы, удэге, эскимосы и другие малые народы.

Композиция сборника обусловлена родством тех или иных народностей по языковому, этнографическому признакам; территориальной близостью.

Ниже мы приводим краткие этнографические сведения о народностях, чье устное творчество составило эту книгу, сведения о тех, кто записал и перевел на русский язык произведения малых эпических жанров народностей Севера и Дальнего Востока.

СААМЫ (устарелое название — *лопари*, *лопь*, *лапландцы*) — народность, населяющая северные районы Норвегии, Швеции, Финляндии. В СССР саамы живут на Кольском полуострове; численность народности на территории СССР — около 1,9 тыс. человек (1979). Саамский язык

относится к финно-угорской группе языков. Вплоть до последнего времени бесписьменный. Издан букварь.

Основные виды хозяйственной деятельности — морской рыбный промысел, охота, оленеводство.

Собиранием и изучением устного творчества саамов в 20—30-е годы занимался В. Чарнолуцкий. В 50-е годы — Г. Керт, доктор филологических наук, исследователь саамского языка, научный сотрудник Карельского филиала АН СССР.

«Как старик-саами врагов перехитрил». Рассказал в 1956 году житель поселка Воронье Мурманской области П. Дмитриев. Записал и перевел Г. Керт.

«Братья», «Сказка про женщину и дикого оленя». Рассказала в 1955 году А. Антонова из поселка Териберка Мурманской области. Записал и перевел Г. Керт.

«Как старик был лекарем». Рассказал в 1937 году житель Воронежского погоста на Мурмане Е. Яковлев. Записал и перевел В. Кондратьев.

«Богатырь Ляйне». Записал фольклорист саами П. Юрьев. Литературная обработка писателя С. Панкратова.

НЕНЦЫ (устарелое название — *самоеды*, *юраки*. «*Ненэцъ*» — означает человек, мужчина. «*Ненэй ненэцъ*» — настоящий человек) — народность, расселенная на обширной территории от Кольского полуострова до правобережья Енисея, в Ненецком (Архангельская обл.), Ямало-Ненецком и Таймырском (Долгано-Ненецком) автономных округах. Численность по данным 1979 года — около 30 тыс. человек. Ненецкий язык относится к самодийской группе уральских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Исконное занятие — оленеводство, охота, рыболовство.

Первыми собирателями ненецкого фольклора были профессоры Г. Прокофьев и Г. Вербов — научные сотрудники Института народов Севера, Н. Терещенко и ненец А. Пырерка — научные сотрудники Института языкознания АН СССР (Ленинград). Позднее — крупный советский ученый, этнограф Б. Долгих и фольклорист З. Куприянова. В настоящее время сбором ненецкого фольклора занимается ненка кандидат исторических наук Е. Пушкарева.

«Почему совы не видят солнечного света». Рассказал в 1934 году Н. Вылка, студент Института народов Севера. Записала и перевела Н. Терещенко.

«Сын Хозяина Ябта Салая». Эпическая повесть. Рассказал в 1958 году на острове Вайгач В. Тайбарей. Записал и перевел Б. Долгих.

«Ябтане, Ябтако и Яндок». Рассказала в 1961 году жительница поселка Черная Ненецкого автономного округа Архангельской области А. Ноготыся. Запись и литературная обработка писателя В. Ледкова.

Публикуется впервые.

«О приключениях младшего ханты». Текст записан в 1979 году в Верхней Хадыте Надымского района Тюменской области от рыбака Пуйковского рыбозавода О. Ядне. Произведение сказитель слышал от Езыниг Едэй Хасава, жителя поселка Сюнай-Сале Ямальского района той же области. Записала и перевела кандидат исторических наук, преподаватель ненецкого языка факультета народностей Севера ЛГПИ имени А. И. Герцена Е. Пушкарева.

Публикуется впервые.

ЭНЦЫ (*енисейские самоеды*) — название малочисленной народности представляет собой искусственно введенный научный термин и означает

просто человек. Тундровые энцы прежде называли себя сомату. Лесные — пэ-бай, то есть «лесные бан», или по названиям своих крупных родов. В настоящее время живут в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе. Слышались с ненцами и иганасанами. Энецкий язык относится к самодийской группе уральских языков. Бесписьменный.

Основные занятия энцев — охота и рыбная ловля.

«Дели и Лаурэ». Предание. Рассказал в 1948 году житель поселка Воронцово Р. Силкин. Записал и перевел Б. Долгих.

ХАНТЫ (устарелое название — *остяки*). Живут на территории Ханты-Мансийского (по нижнему течению Оби) и Ямало-Ненецкого автономных округов. Численность народности, по данным 1979 года около 21 тыс. человек. Хантыйский язык относится к обско-угорской ветви финно-угорской группы языков. Письменность — на основе русского алфавита.

Основные виды хозяйствования — охотничий промысел, рыболовство, оленеводство.

«Бабушка Сясами и внук Имихилы». Рассказал в 1963 году житель деревни Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области Миляхов. Записала научный сотрудник Научно-исследовательского института национальных школ Министерства просвещения РСФСР Е. Нёмысова. Литературная обработка В. Санги.

Публикуется впервые.

«Человек ростом с мизинец». Рассказал в 1972 году житель поселка Шурышары Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области В. Шалнов. Запись и литературная обработка писателя Р. Ругина.

Публикуется впервые.

«Как мужик на заработки ходил». Рассказала в 1972 году жительница деревни Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области А. Ремезанова. Записала Е. Нёмысова. Литературная обработка В. Санги.

Публикуется впервые.

МАНСИ (самоназвание — *маньси*, *моаньси*, *меньдьси*; устарелое название *вогулы*; в летописях — *вогуличи*, *гогуличи*). Живут в Ханты-Мансийском автономном округе. Численность народности около 7,6 тыс. человек (1979). Мансийский язык относится к обско-угорской ветви финно-угорской группы языков. Письменность — на основе русского алфавита.

Традиционные виды хозяйственной деятельности — рыболовство, пушная охота, частично оленеводство (заимствовано у ненцев).

Собирание мансийского фольклора началось еще в дореволюционные годы. В советское время (20—30-е годы) изучением и сбором фольклора манси занимался этнограф В. Чернецов.

Мифы «Откуда земля началась» записаны большей частью в 1934 году от жителя поселка Яныпауль Остяко-Вогульского округа (Ханты-Мансийского) К. Сампильталова.

Эпизод «Как человека сделали» рассказал в 1931 году сказитель Анемгуров из поселка Вор-я-пауль Остяко-Вогульского округа (Ханты-Мансийского).

«Как Эква-Пыриш на свет появился». Рассказал в 1931 году К. Сампильталов.

«Как Эква-Пыриш лесовать ходил». Рассказал в 1934 году Мисенка из поселка Таныс-сунт-пауль Усть-Талсуй.

Записал и перевел мансийские мифы В. Чернецов.

ИГАНАСАНЫ (устарелое название — *тавгийцы*). Самоназвание иганасан — «ня» — означает — человек. Небольшая народность, около 0,9 тыс. человек (1979), проживающая в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе. Иганасанский язык (*тавгийский*, *тавгийско-самоед-*

ский) относится к самодийской группе уральских языков. Бесписьменный.

Основные виды хозяйственной деятельности — рыболовство, охота, оленеводство, а также частично разведение рогатого скота и лошадей.

Мифы «О сотворении мира». Запись сюжетов Б. Долгих и А. Лекаренко (4), свод сюжетов, литературная обработка В. Санги.

«О том, как похитили жену». Записал Б. Долгих. Литературная обработка В. Санги.

СЕЛЬКУПЫ (устарелое название — *остяко-самоеды*) — небольшая народность, около 3,6 тыс. человек (1979), населяющая Туруханский район Красноярского края, Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, районы Томской области. Селькупский язык относится к самодийской группе уральских языков. Вплоть до последнего времени бесписьменный. Подготовлен букварь на основе русского алфавита.

Основные виды хозяйственной деятельности — охота, оленеводство, рыбный промысел.

«Хозяйка огня». Рассказали в 1927 году Савва и Николай Агичевы из поселка Янов стан Тазовского района Туруханского края. Записала и перевела научный сотрудник Ленинградского института этнографии АН СССР Е. Прокофьева.

«Кенгерселя». Рассказал в 1926 году П. Тетеркин из стана Фарково на реке Турухан. Записала и перевела Е. Прокофьева.

«Сыновья старика морского мыса». Рассказал в 1926 году Л. Андреев, житель поселка Янов стан Тазовского района Туруханского края. Записала и перевела Е. Прокофьева.

ТОФАЛАРЫ (самоназвание — *тофа*; устарелое название — *карагасы*) — малочисленная народность, около 800 человек (1979), проживающая в Восточных Саянах, в Нижнеудинском районе Иркутской области. Тофаларский язык относится к тюркской группе языков. Бесписьменный.

Основные виды хозяйственной деятельности — пушная охота и животноводство.

«Сохатый и кабарга», «Как был наказан медведь», «Изюбрь и сохатый». Рассказал в 1972 году житель поселка Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области И. Унгуштаев. Записал Р. Шерхунаев.

«Три мальчика». Рассказал в 1890 году Даниил Пыттыг-паем. Записал и перевел востоковед, этнограф, собиратель фольклора профессор Н. Катанов. Текст опубликован в работе Н. Катанова «Поездка к карагасам» в 1890 году. (Записки императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Спб., 1891, т. XVII, вып. II.) Литературная обработка писателя А. Коптелова.

«Тер-окыш — долина цветов». Рассказала в 1970 году З. Адамова из села Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области. Записала фольклорист Л. Матющенко.

КЕТЫ (устарелое название — *енисейские остяки, енисейцы*) — малочисленная народность (по данным 1979 г. 1,1 тыс. человек), живущая в Красноярском крае, по среднему и нижнему течению Енисея. Кетский язык относится к енисейской группе палеоазиатских языков. Бесписьменный.

Основные виды хозяйственной деятельности кетов — рыбный промысел, охота, оленеводство.

«Глухарь, утка и гусь». Рассказал в 1939 году студент Института народов Севера С. Тетерин. Записал и перевел научный сотрудник Института народов Севера Г. Корсаков.

«Не ночуйте в медвежьей берлоге». Рассказала в 1956

году жительница поселка Келлог Туруханского района Б. Бердякова. Записала и перевела Е. Алексеенко.

«Сказка о месяце». Рассказал в 1925 году И. Дибиков на берегу Енисея близ г. Ново-Туруханска. Записала и перевела Е. Прокофьева.

Собирание кетского фольклора в довоенные годы занимались научные сотрудники Института народов Севера Н. Каргер и Г. Корсаков. Их материалы почти не сохранились. В настоящее время имеется несколько кетских сказок, записанных Е. Прокофьевой.

ДОЛГАНЫ (самоназвание — *долган, тиа-кихи, саха*) — народность, проживающая в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе. Численность, по данным 1979 года, около 5,1 тыс. человек. Долганский язык является диалектом якутского языка. В начале 80-х годов издан букварь. Исконные виды хозяйствования — рыбный и охотничий промыслы, оленеводство.

«Война куропаток и шук», «Царь Эксёкю». Рассказал в 1964 году житель поселка Волочанка Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа С. Еремин. Записал научный сотрудник Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, фольклорист П. Ефремов. Перевел В. Ермаков.

«Лиса-плутовка». Рассказал в 1964 году житель поселка Усть-Авам Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа М. Попов. Записал П. Ефремов, перевел В. Ермаков.

ЭВЕНКИ (устарелое название — *тунгусы, орочены, мурчены*) — народность, расселенная на территории Эвенкийского автономного округа (Красноярский край), в Якутии, на Дальнем Востоке и Сахалине. Небольшие группы эвенков живут в КНР и МНР. Численность на территории СССР около 27 тыс. человек (1979). Эвенкийский язык относится к тунгусской группе тунгусо-маньчжурских языков. Письменность — на основе русского алфавита.

Исконные виды хозяйственной деятельности — оленеводство, пушной промысел, рыболовство.

Собирание эвенкийского фольклора проводилось как в дореволюционное, так и в советское время.

«Тывгунай-молодец и Чолбон-Чокулдай». Рассказал в 1963 году житель поселка Угоян Алданского района Якутской АССР И. Марфусалов. Записала и перевела кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР фольклорист А. Мыреева.

Публикуется впервые.

«Умусликэн». Записала и перевела научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР Г. Варламова.

Публикуется впервые.

«Старик и лиса». Рассказал в 1976 году житель поселка Бомнак Зейского района Амурской области А. Колесов. Записала преподаватель эвенкийского языка ЛГПИ имени А. И. Герцена фольклорист Н. Булатова. Литературная обработка В. Санги.

Публикуется впервые.

«Как один эвенк на небе побывал». Рассказал в 1955 году житель поселка Чильчагир Эвенкийского автономного округа Л. Пискунов. Записал и перевел И. Суворов.

ЭВЕНЫ (устарелое название — *ламуты, орочелы, мэнь*) — народность, близкая по происхождению, языку и культуре эвенкам. Живут в Якутской АССР, в Чукотском и Корякском автономных округах и других районах Сибири и Дальнего Востока. Численность около 12 тыс. человек (1979)

Эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской группе языков. Письменность на основе русского алфавита.

Исконными занятиями эвенов являются оленеводство и охота.

«Благоепожелания эвенов». Рассказал в 1955 году В. Атласов из Догдо-Чембогалахского наслега Момского района Якутской АССР. Записал и перевел писатель В. Лебедев.

Публикуется впервые.

«Эвенские приметы и запреты-обереги». Рассказала в 1974 году жительница поселка Анавгай Быстринского района Камчатской области Д. Солодикова. Записала и перевела научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР фольклорист Ж. Лебедева.

Публикуется впервые.

«Как у эвенов появился всеобщий медвежий праздник». Рассказал в 1937 году житель села Арка Охотского района Хабаровского края Н. Дегтярев. Записал Н. Ткачик. Литературная обработка В. Санги.

Публикуется впервые.

НАНАЙЦЫ (самоназвание — *нани*; устарелое название — *гольды*) — одна из наиболее многочисленных народностей Приамурья. На территории СССР расселены в основном по берегам Амура и его притоков (Хабаровский край), по правым притокам Усури (Приморский край). Живут также в КНР, между реками Сунгари и Усури. Численность на территории СССР около 10 тыс. человек (1979). Нанайский язык относится к южной ветви тунгусо-маньчжурской группы языков. Письменность на основе русского алфавита.

Исконные виды хозяйственной деятельности — охота и рыболовство. Наряду с традиционными занятиями после Великой Октябрьской революции развилось огородничество, домашнее скотоводство, пчеловодство.

Первые записи нанайского фольклора были сделаны в начале 20-х годов Н. и А. Липскими. Позднее собиранием нанайского фольклора занимались ученые-этнографы языковеды В. Аврорин, О. Суник, А. Путинцева, С. Оненко и другие.

«Волшебный кисет». Записал от своих родственников в 1957 году и перевел научный сотрудник Сибирского отделения АН СССР кандидат филологических наук С. Оненко.

«Айюга». Литературная обработка Д. Нагишкина. Печатается по изданию: Сказки и песни народов СССР. М.: Детская литература, 1974.

«Лягушка и красавица». Рассказал в 1936 году житель села Наан Комсомольского-на-Амуре района Хабаровского края М. Дигор. Записала и перевела А. Путинцева.

«Два брата». Рассказал в 1935 году житель села нижние Халбы Комсомольского-на-Амуре района Хабаровского края И. Самар. Записала и перевела А. Путинцева.

УЛЬЧИ (самоназвание — *нани*; устарелое название — *ольчи*, *мангунь*) — одна из народностей Приамурья; по этническому и языковому признакам близки нанайцам. Живут в Хабаровском крае. Численность, по данным 1979 года, около 2,6 тыс. человек. Ульчский язык относится к южной ветви тунгусо-маньчжурской группы языков. Бесписьменный.

Основные виды хозяйственной деятельности — охота и рыболовство.

Собиранием ульчского фольклора в 30-е годы занималась фольклорист Т. Петрова. В послевоенное время — лингвист научный сотрудник Института языкознания АН СССР (Ленинград) Л. Сем и Ю. Сем, этнограф и историк, зав. кафедрой языков, фольклора и литературы народностей Севера ЛГПИ имени А. И. Герцена.

«Тигр и мальчик». Рассказал в 1937 году Сидин с реки Дигули Хабаровского края. Записала и перевела Т. Петрова.

«Три брата, «Две сестры-пудин». Рассказала в 1957 году жительница села Булава Ульчского района Хабаровского края В. Урангина. Записали и перевели Л. Сем и Ю. Сем.

УДЭГЕЙЦЫ (самоназвание — *удээ*, *удэхэ*) — небольшая народность, населяющая горные районы Приморского и Хабаровского края. Численность — около 1,6 тыс. человек (1979). Удгейский язык относится к южной ветви тунгусо-маньчжурских языков. Бесписьменный.

Основные виды хозяйствования — охота, рыболовство и собирание целебного корня женьшень.

Изучением удгейского фольклора в 30-е годы занимался научный сотрудник Института народов Севера А. Шнейдер. Эти материалы не сохранились. В послевоенные годы тексты удгейских сказок были записаны писательницей Ю. Шестаковой и языковедом Л. Сем.

«Богатый и бедный». Рассказал в 1946 году Д. Кимонко из села Гвасюги на реке Хор района имени Лазо Хабаровского края. Записала и перевела Ю. Шестакова.

«Сэлэмэгэ». Подготовила к печати в 1951 году профессор В. Цинциус.

«Обман и правда». Рассказала в 1954 году жительница села Олон Пожарского района Приморского края Н. Суляндзига. Записала и перевела Л. Сем.

НЕГИДАЛЬЦЫ (самоназвание — *элькан*, *бэйэнин*) — малочисленная дальневосточная народность (около 500 человек), близкая по этническому признаку к эвенкам, ассимилировавшаяся с амурскими народностями — нивхами, нанайцами, ульчами. Живут в Хабаровском крае, по берегам реки Амгунь и в низовьях Амура. Негидальский язык относится к тунгусо-маньчжурской группе языков. Бесписьменный.

Основное занятие — рыболовство и охота.

Собиранием негидальского фольклора занималась профессор В. Цинциус, а также Л. и Ю. Сем.

«Летяга». Рассказал в 1926 году житель села Им на реке Амгунь Николаевского-на-Амуре района Хабаровского края К. Дискитан. Записала и перевела В. Цинциус.

«Ворон и коршун». Рассказал в 1926 году житель села Им на реке Амгунь Николаевского-на-Амуре района Хабаровской области Н. Мани. Записала и перевела В. Цинциус.

«Охотник Неяван и лягушка Эеки». Рассказала в 1957 году Т. Николаева из села Владимировка района имени П. Осипенко Хабаровского края. Записали и перевели Л. и Ю. Сем.

ОРОЧИ (самоназвание — *нани*) — малочисленная народность (по данным 1979 г., около 1 тыс. человек), живущая в Хабаровском крае. Ороцкий язык относится к тунгусо-маньчжурской группе языков. Бесписьменный.

Традиционный вид хозяйственной деятельности — рыболовство.

«Почему у лис хвост длинный, а у зайца и медведя короткий», «Про ворону и выдру». Записал в 1952 году от орочей села Уська-орочская писатель С. Бытовой.

«Сказка про сестру и семь маленьких братьев». Печатается по изданию: Сказки народов Севера, М.—Л., 1959. Заимствована из книги В. Маргаритова «Об орочах Императорской гавани» (СПб., 1888).

ОРОКИ (самоназвание — *ульта*, *нани*) — малочисленная народность

(около 300 человек), живущая на Сахалине. Орокский язык относится к тунгусо-маньчжурской группе языков. Бесписьменный.

Основной вид занятия — оленеводство. Подсобные виды хозяйствования — рыболовство, морской промысел.

Образцы орокского фольклора были записаны в 30-е годы преподавательницей Института народов Севера Т. Петровой от студентов-ороков в Ленинграде. Позднее сборником орокского фольклора занимались Л. и Ю. Сем, ученый-языковед К. Новикова, а также член-корреспондент Академии наук СССР В. Аврорин.

«О людях из рода Намис». Рассказал в 1949 году Т. Степанова из колхоза «Вал» на острове Сахалин. Записала и перевела К. Новикова.

«Удала-пудин». Рассказала в 1963 году жительница села Вал Ногликского района Сахалинской области О. Семенова. Записали и перевели Л. и Ю. Сем.

НИВХИ (устарелое название — *гиляки*) — небольшая народность, живущая в низовьях Амура и на Сахалине. Численность около 4,4 тыс. человек (1979). Нивхский язык является генетически изолированным, условно, относится к палеоазиатской группе языков. Письменность на основе русского алфавита.

Исконные виды хозяйственной деятельности — рыболовство, морской промысел, охота, собаководство.

Сбором нивхского фольклора занимались Л. Штернберг (в революционное время), в советский период Е. Крейнович, научный сотрудник Института языкознания АН СССР В. Панфилов, преподаватели нивхского языка ЛГПИ имени А. И. Герцена В. Савельева, Л. Гашилова. В настоящее время сборником и обработкой образцов устного народного творчества нивхов занимается писатель В. Санги.

«О сотворении мира». Миф. Рассказала в 1952 году А. Полдох из рода К'эвоинг, жительница поселка Чайво Ногликского района Сахалинской области. Записал и перевел В. Санги.

Публикуется впервые.

«Кульгин». Рассказал в 1957 году Шызныун из села Усть-Агнево Сахалинской области. Записал и перевел Ю. Крейнович.

«Жили старик и старуха». Рассказала в 1949 году жительница села Чир-Унвд Тымовского района Сахалинской области. Записала и перевела В. Савельева.

«Почему нельзя зевать и потягиваться, когда отправляешься на охоту». Рассказал в 1980 году Иргун из поселка Даги Ногликского района Сахалинской области. Записала и перевела Л. Гашилова, преподавательница нивхского языка факультета народов Севера ЛГПИ имени А. И. Герцена.

Публикуется впервые.

ИТЕЛЬМЕНЫ — одна из небольших коренных народностей Камчатки. Ительмен — производное от *итэмэн*, что означает — живущий. Живут в Корьякском автономном округе Камчатской области. Численность около 1,4 тыс. человек (1979). Ительменский язык относится к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков. Бесписьменный.

Основное занятие — рыболовство. Занимаются также огородничеством.

Большинство ительменских сказок было записано в начале XX века русским этнографом В. Иохельсоном. В советский период удалось записать лишь незначительное количество текстов.

«Кутх». Рассказал в 1929 году житель села Утхолок Тигильского района Камчатской области М. Заев. Записала и перевела Е. Орлова,

394

организатор просвещения коренного населения Камчатки, инициатор создания первых учебников на языках народностей Камчатки.

«Как Кутх лису напугал». Рассказала в 1929 году жительница села Тигиль Камчатской области В. Пономарева. Записал и перевел А. Володин, научный сотрудник Института языкознания АН СССР.

«Как Кутх сделал работящей свою жену Мити». Рассказал в 1965 году Л. Толман. Записала и перевела историк, научный сотрудник Дальневосточного Научного центра АН СССР Н. Старкова.

«Как Кутх и Мити за орехами ходили». Рассказала в 1965 году жительница села Тигиль Камчатской области Т. Брагина. Записала и перевела Н. Старкова.

«Кутх и краб». Записал в 1910—1911 годах в районе Хайрузово Камчатской области В. Иохельсон. Перевел А. Володин.

КОРЯКИ (самоназвание — *нымыланы, чавчуены, алюторцы*) — коренная народность Камчатки. Живут в основном на территории Корьякского автономного округа, а также в Петропавловском и Большерецком районах Камчатской области. Численность, по данным 1979 года, около 7,9 тыс. человек. Корьякский язык относится к чукотско-камчатской ветви палеоазиатской группы языков. Письменность на основе русского алфавита.

Традиционными видами хозяйственной деятельности являются оленеводство, рыболовство, охота на морского зверя и пушной промысел.

Сбором и изучением корьякского фольклора в начале XX века занимались русские ученые В. Богораз-Тан и В. Иохельсон. В советский период (30-е годы) — известный языковед и этнограф С. Стебницкий; в 40—60-е годы специалисты по палеоазиатским языкам, научные сотрудники Института языкознания АН СССР И. Вдовин, А. Жукова.

«Сказка про старика, отдавшего детей». Рассказал в 1958 году житель села Палана Тигильского района Корьякского автономного округа Т. Кавав. Записала и перевела А. Жукова.

«Хитрый Викса». Рассказал в 1960 году житель села Палана Тигильского района Корьякского автономного округа А. Солодяков. Записала и перевела А. Жукова.

«Шаманка Кытна». Рассказал в 1955 году житель села Колтушное Корьякского автономного округа М. Варганов. Записал и перевел И. Вдовин.

АЛЕУТЫ (самоназвание — *унанганы*) — малочисленная народность, живущая на Командорских островах (острова Беринга и Медный), коренное население Алеутских островов (США). Численность на территории СССР около 500 человек (1979). Алеутский язык относится к эскимосско-алеутской группе палеоазиатских языков. Бесписьменный.

Исконное занятие — котиковый промысел, охота.

Запись алеутского фольклора на национальном языке почти не осуществлялась. Несколько текстов, записанных алеутом В. Хабаровым в 1938 году, не сохранились.

«Одноглазый человек и превращение женщины в лисицу». Рассказал А. Крюков с острова Умнак. Записал и перевел В. Иохельсон. Печатается по изданию: Сказки народов Севера, М. — Л., 1959. Сказка была опубликована в журнале «Живая старина» (1915, вып. 1, 2)

«Атхилях». Запись и литературная обработка Л. Иванова. Печатается по тексту, опубликованному в журнале «Полярная звезда» 1976 г. № 4.

ЮКАГИРЫ (самоназвание — *одулы*) — малочисленная народность, около 800 человек (1979), живущая отдельными группами по притокам

реки Колымы, в бассейне реки Чукочей, в Якутской АССР и Магаданской области. Юкагирский язык относится к юкагирско-чуванской группе палеоазиатских языков. Бесписьменный.

Основными видами хозяйствования являются оленеводство, охота, рыболовство.

В дореволюционный период собиранием юкагирского фольклора занимались В. Богораз-Тан и В. Иохельсон. В советское время Ю. Крейнович и А. Поповицкая.

«Старик», «Отражение». Записала в 1939 году от юкагиров на реке Коркодоне А. Поповицкая.

«Тяртэкан». Рассказал Н. Трофимов. Записал и перевел Ю. Крейнович.

ЧУКЧИ (самоназвание — *луоравтлат*, то есть настоящие люди) — коренная народность Чукотки. Живут на территории Чукотского автономного округа, а также в Нижне-Колымском районе Якутской АССР и на севере Корякского автономного округа. Численность около 14 тыс. человек (1979). Чукотский язык относится к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Традиционные виды занятий — оленеводство, морской зверобойный промысел, охота, рыболовство.

В конце XIX — начале XX века собиранием чукотского фольклора занимались В. Богораз-Тан. В советский период — Л. Беликов и П. Скорик.

«Сказание о двух братьях с сестрой». Записал и перевел Л. Беликов, один из первых советских учителей на Чукотке, затем заведующий кафедрой языков и литературы народностей Севера ЛГПИ имени А. И. Герцена.

«Морская радуга». Записал В. Ятгыргын, перевел П. Инэнликэй, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания АН СССР (Ленинград).

«Белая медведица». Рассказал в 1948 году житель села Аккани Чукотского (Провиденского) района Магаданской области Ынно. Записал и перевел П. Скорик, один из первых советских учителей на Чукотке, доктор филологических наук, научный сотрудник Института языкознания АН СССР (Ленинград).

«Волчья стая». Рассказал в 1948 году житель села Лорино Чукотского (Провиденского) района Магаданской области Рагтын. Записал и перевел П. Скорик.

«Хвастун». Записал в 1938 году студент подготовительного отделения Института народов Севера Ф. Тынэтэгын. Перевел Г. Мельников, доктор филологических наук, научный сотрудник Института языкознания АН СССР (Ленинград).

КЕРЕКИ — малочисленная народность (около 100 человек), живущая на побережье Берингова моря. В настоящее время ассимилировались с чукчами и коряками. Керекский язык (находится на грани исчезновения) относится к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков. Бесписьменный.

«Мальчик с луком». Героическое сказание. Рассказал в 1954 году житель села Хатырки Чукотского автономного округа Магаданской области Тэвлалкой. Записал и перевел П. Скорик.

«Владеющий железным крючком». Рассказал в 1970 году житель села Майныпилгино Беринговского района Чукотского автономного округа Магаданской области М. Етынкеу. Записал и перевел писатель и этнограф В. Леонтьев (совместно с керечкой Е. Хатканой).

«Лиса и ворон». Рассказал в 1956 году житель села Майныпил-

гино Беринговского района, Чукотского автономного округа Магаданской области Нутау. Записал и перевел П. Скорик.

ЭСКИМОСЫ (самоназвание — *иннуит*, *юпик*, означает «настоящий человек») — народность, живущая вдоль арктического побережья Америки — от Аляски до Лабрадора, в Гренландии. В СССР эскимосы живут на Чукотском полуострове, на южном побережье Берингова моря, на острове Врангеля. Численность на территории СССР около 1,5 тыс. человек (1979). Эскимосский язык относится к эскимосско-алеутской группе палеоазиатских языков. Письменность азиатских эскимосов — на основе русского алфавита.

Традиционными видами хозяйственной деятельности азиатских эскимосов являются морской зверобойный промысел и пушная охота.

Первые записи фольклора эскимосов были сделаны В. Богоразом-Таном в 1901 году. В советский период собиранием и обработкой фольклора азиатских эскимосов занимался научный сотрудник Института языкознания АН СССР (Ленинград) Г. Меновщиков.

«Лось и бычок». Рассказал в 1940 году житель села Чаплино Чукотского (Провиденского) района Магаданской области Айвыхак. Записал и перевел Г. Меновщиков.

«Кит, женщиной рожденный». Рассказал в 1948 году житель села Наукан Чукотского автономного округа Магаданской области Ытанн. Записал и перевел Г. Меновщиков.

«Женитьба сироты». Рассказал в 1941 году житель села Чаплино Чукотского (Провиденского) района Магаданской области Айвыхак. Записал и перевел Г. Меновщиков.

«Канак и орлы». Записал в 1941 году Увролюк от отца Уникака из села Наукан Чукотского (Провиденского) района Магаданской области. Перевел Г. Меновщиков.

«Хитрый песец». Рассказал в 1940 году житель села Уэлькаль Анадырского района Магаданской области Какля. Записал и перевел Г. Меновщиков.

Содержание

Вступительная статья А. Пошатаевой	3
СААМСКИЙ ФОЛЬКЛОР	
Как старик-саами врагов перехитрил	8
Братья	10
Как старик был лекарем	12
Сказка про женщину и дикого оленя	13
Богатырь Ляйне	16
НЕНЕЦКИЙ ФОЛЬКЛОР	
Почему совы не видят солнечного света	24
Сын Хозяина Ябта Саля	26
Ябтане, Ябтако и Яндоко	37
О приключениях младшего ханты	51
ЭНЕЦКИЙ ФОЛЬКЛОР	
Дели и Лаурэ	64
ХАНТЫЯСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Бабушка Сясами и внук Имхилы	76
Человек ростом с мизинец	83
Как мужик на заработки ходил	98
МАНСИЯСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Откуда земля началась	102
Как землю выловили	102
Как ворон землю мерял	103
Опоясывание земли	104
Как человека сделалли	105
Как солнце и месяц достали, как птицы и звери на земле появились	107
Эква-Пыриц	110
Как Эква-Пыриц на свет появился	110
Как Эква-Пыриц лесовать ходил	115
НГАНАСАНСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
О сотворении мира	122
О том, как похитили жену	126
СЕЛЬКУПСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Хозяйка огня	134
Кенгерселя	136
Сыновья старика морского мыса	139
ТОФАЛАРСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Сохатый и Кабарга	146
Как был наказан медведь	147
Изюбрь и сохатый	147
Три мальчика	148
Тер-Окыш — долина цветов	151
КЕТСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Глухарь, утка и гусь	156
Не ночуйте в медвежьей берлоге	157
Сказка о месяце	157
ДОЛГАНСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Война куропаток и щук	162

Лиса-плутовка	163
Царь Эксёкю	165
ЭВЕНКИЯСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Тывгунай-молодец и Чолбон-Чокулдай	180
Умусликэн	186
Старик и лиса	191
Как один эвенк на небе побывал	194
ЭВЕНСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Благопожелания эвена	198
1. К природе (местности)	198
Когда появляется зелень	198
Когда увядает зелень	198
2. К реке	199
Эвенские приметы и запреты-обереги	199
Как у эвенов появился всеобщий медвежий праздник	200
НАНАЯСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Волшебный кисет	214
Айога	218
Лягушка и красавица	220
Два брата	223
УЛЬЧСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Тигр и мальчик	230
Три брата	231
Две сестры-пудин	236
УДЭГЕЙСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Богатый и бедный	244
Сэлэмэгэ	249
Обман и правда	255
НЕГИДАЛЬСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Летяга	260
Ворон и коршун	264
Охотник Неяккан и лягушка Эеки	269
ОРОЧСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Почему у лисы хвост длинный, а у зайца и медведя — короткие	274
Про ворону и выдру	274
Сказка про сестру и семь маленьких братьев	275
ОРОКСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
О людях из рода Намис	280
Удала-пудин	281
НИВХСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
О сотворении мира	288
Кульгин	288
Жили старик и старуха	291
Почему нельзя зевать и потягиваться, когда отправляешься на охоту	293
ИТЕЛЬМЕНСКИЯ ФОЛЬКЛОР	
Кутх	296
Как Кутх лису напугал	297
Как Кутх сделал работающей свою жену Мити	299
Как Кутх и Мити за орехами ходили	300

<i>Кутх и краб</i>	302
КОРЯКСКИЙ ФОЛЬКЛОР	
<i>Сказка про старика, отдавшего детей</i>	306
<i>Хитрый Вукса</i>	314
<i>Шаманка Кытна</i>	317
АЛЕУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР	
<i>Одноглазый человек и превращение женщины в лисицу</i>	322
<i>Атхиллх</i>	324
ЮКАГИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР	
<i>Старик</i>	328
<i>Отражение</i>	329
<i>Тяртекан</i>	331
<i>Как Тяртекан песка проучил</i>	331
<i>Как Тяртекан людоеда победил</i>	332
ЧУКОТСКИЙ ФОЛЬКЛОР	
<i>Сказание о двух братьях с сестрой</i>	336
<i>Морская радуга</i>	344
<i>Белая медведица</i>	346
<i>Волчья стая</i>	352
<i>Хвастун</i>	355
КЕРЕКСКИЙ ФОЛЬКЛОР	
<i>Мальчик с луком</i>	358
<i>Владеющий железным крючком</i>	359
<i>Лиса и ворон</i>	364
ЭСКИМОССКИЙ ФОЛЬКЛОР	
<i>Лось и бычок</i>	368
<i>Кит, женщиной рожденный</i>	369
<i>Женитьба сироты</i>	373
<i>Канак и орлы</i>	378
<i>Хитрый песец</i>	383
<i>Примечания</i>	387

Легенды и мифы Севера

СБОРНИК

Составитель *Владимир Михайлович Санги*

Редактор *Т. Мирзоян*
Художник *В. Петров*
Художественный редактор *О. Червецова*
Технический редактор *Н. Децко*
Корректор *В. Лыкова*

ИБ № 3244. Сдано в набор 11.10.84. Подписано к печати 05.06.85. А13133. Формат 84×108/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.-отт. 21. Уч.-изд. л. 21,38. Тираж 200 000 экз. Заказ 1419. Цена 2 руб. (1 з-д 1—100 000 экз.)

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь, Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.